

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск тринадцатый

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2011

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(2Камч)
К78

Редакционная коллегия:

О. В. Ефимова, О. А. Пыжьянова, С. В. Графская, С. В. Гаврилов

Краеведческие записки. Выпуск 13. — Петропавловск-Камчатский:
К78 Изд-во «Новая книга», 2011. — 240 с., 8 с. ил.

ISBN 978-5-87750-167-6

Тринадцатый выпуск «Краеведческих записок» посвящён исполняющемуся в 2011 г. столетию камчатского музея, в разные годы называвшегося «Научно-промышленным», «Петропавловским областным», «Петропавловским краеведческим», «Камчатским областным краеведческим», «Камчатским государственным объединённым», «Камчатским краевым объединённым». Выпуск содержит традиционные рубрики: «История», «Археология», «Природа», «Этнография», «Из фондов музея», «Музеи Камчатки», включающие работы живущих и живших на Камчатке и в Магаданской области авторов. В рубрике «Благодарность музея» перечислены частные лица и организации, передавшие в дар музею в 2004—2010 гг. более двух тысяч предметов. Большая часть публикуемых фондовых музейных и архивных текстовых и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Издание предназначено для музейных работников, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей и студентов-историков, а также всех любителей истории Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(2Камч)

Ответственная за выпуск О. В. Ефимова

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Вёрстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор Е. Н. Киселёва
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 6.07.2011. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная, вкладка — мелованная. Гарнитура «SchoolBook».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,5+1 (вкл.)
Тираж 500 экз. Заказ

ООО Холдинговая компания «Новая книга»
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

© КГУ ККОМ, 2011
© Авторы, 2011
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2011

ISBN 978-5-87750-167-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Ефимова.</i> Камчатский краевой объединённый музей. 1911—2011	4
--	---

ИСТОРИЯ

<i>В. Е. Быкасов.</i> Река Крестовая	18
<i>О. А. Пыжьянова.</i> «Великой России земля»	30
<i>А. В. Гоков.</i> Кража без взлома	38
<i>А. П. Пирагис.</i> Волости и первые районы на Камчатке	42
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Формирование милиции на Камчатке в 1922—1930 гг.	52
<i>В. П. Пустовит.</i> Подозрительный учёный	66
<i>А. Г. Щукин.</i> Это наша с тобой биография... ..	71
<i>С. В. Гаврилов.</i> Политдела политотдела	87
<i>А. В. Петров.</i> Одиссея сыроеда Андерсона	106

ЭТНОГРАФИЯ

<i>В. Г. Коллегов, Б. И. Селиванов.</i> Камчадалские заметки	116
--	-----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>А. В. Пташинский.</i> «Погружаясь в глубины прошлого...»	121
<i>А. А. Орехов.</i> Изделия из китового уса древнеэскимосского селения Кивак (Древнеберингоморская культура)	127
<i>А. Ю. Федорченко.</i> История экспериментально-трасологических исследова- ний в археологии Северо-Восточной Азии: основные этапы и достижения	134

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

<i>С. В. Гаврилов.</i> Начальник уезда	146
<i>С. В. Графская.</i> История семьи Мономаховых	166
<i>Т. И. Устинова.</i> Камчатские пионеры	172
<i>В. И. Борисов.</i> Забытый герой	175
<i>Е. Н. Бережневская.</i> Дар музею	183

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

<i>Т. В. Волкова.</i> Корякский окружной краеведческий музей в культурном пространстве Корякского округа	189
---	-----

ПРИРОДА

<i>В. И. Филь.</i> Из заметок охотоведа	204
---	-----

БЛАГОДАРНОСТЬ МУЗЕЯ

Список дарителей Камчатского краевого объединённого музея за 2004— 2010 гг.	232
Сведения об авторах	236
Список использованных сокращений	239

**КАМЧАТСКИЙ КРАЕВОЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ.
1911—2011**

Камчатский краевой объединённый музей, история которого началась в 1911 г., часто называют главным, ведущим музеем Камчатского края. Его возникновению предшествовали события, связанные с административным переустройством северо-восточных окраин Российского государства в начале XX в.

В 1909 г. из уездов Приморской области — Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Командорского — была образована самостоятельная Камчатская область, входящая в состав Приамурского генерал-губернаторства. Образование самостоятельной Камчатской области имело огромное значение для развития этого отдалённого края. После успешного отражения в 1854 г. нападения на Петропавловский порт англо-французской эскадры имущество и население порта были эвакуированы в Николаевский пост в устье реки Амура (1855 г.). С открытием Татарского пролива, основанием города Владивостока (1860 г.), продажей Аляски (1867 г.) Петропавловск утрачивает своё значение главного тихоокеанского порта России и более полувека пребывает в состоянии запустения и заброшенности.

В 1909 г. Петропавловск становится главным городом вновь образованной Камчатской области. Определение его местом пребывания штата управления областью, состоявшего из губернатора, вице-губернатора, врачебного инспектора, областного инженера, ветеринарного инспектора, старшего чиновника особых поручений, послужило причиной быстрого роста Петропавловска. Началось строительство административных зданий, домов и квартир для размещения вновь назначенных чиновников и их семей.

Прибытие новых людей привело к значительному оживлению общественной жизни, возникновению новых форм досуга населения Петропавловска, отражавших процессы преобразования жизни российского общества во второй половине XIX — начале XX в., что не в последнюю очередь было связано с отменой крепостного права в 1861 г.

В этот период наблюдался повышенный интерес к организации досуга городского населения. Популярными центрами досуга являлись общественные (благородные) собрания, куда представители местного общества из разных сословий могли приходить, общаться и выбирать что-то из набора принятых здесь развлечений: танцы, игру в карты, прослушивание читаемой вслух книги («общественные читки»), обсуждение последних новостей. Впервые в истории страны возникло профессиональное музыкальное образование. Стали возникать многочисленные общественные организации, школы и внешкольные учреждения. Появилось осознание необходимости устройства театров для широких кругов населения. С конца 1870-х гг. местными общественными силами в городах постоянно ставились различные спектакли, деньги от которых шли на благотворительные цели. Одним из любимых развлечений горожан становится цирк. Возникали общества любителей художеств. Выставки художников-передвижников, первая из которых была организована в 1871 г., стали впервые знакомить с русской живописью не только столичную, но и провинциальную публику. Одним из наиболее перспективных центров досуга на рубеже XIX—XX вв. становится кинематограф.

Во второй половине XIX в. при участии общественности в России было также организовано много разнообразных по профилю музеев: исторических, естественно-научных, художественных, промышленных, сельскохозяйственных.

Население российских городов представляло собой благодатную почву для распространения как просветительской, так и коммерческой культуры не только в столичных, но и в провинциальных городах. Горожане активно отзывались на всякого рода предложенные зрелища, представления, концерты и нуждались в расширении круга развлечений. Довольно сильно проявлялась у горожан тяга к грамотности и книгам.

Большинство приехавших в Петропавловск после образования Камчатской области чиновников были людьми образованными, чьи привычки, знания и опыт проживания в других городах требовали развлечений, полезных занятий, активного и инте-

ресного досуга. Постепенно в городе, до этого ведущего довольно монотонное существование заброшенной окраины, оживала культурная жизнь. Активно работало Литературно-музыкально-драматическое общество, доход которого от постановки платных спектаклей расходовался на местные нужды (стипендии учащимся, строительство новых зданий и т. д.). В Петропавловске показывали фильмы, выписанные из Владивостока. В данный период возникает и первый камчатский музей.

Первая попытка создать на Камчатке музей совпадает по времени с первой попыткой организовать в Петропавловске общество по изучению Камчатки и относится к 1892 г. Интеллигенция города, понимавшая важность изучения края, быта местного населения, сбора коллекций растений и минералов, приняла устав этого общества. В одном из параграфов устава говорилось об учреждении в Петропавловске музея местного края и об открытии его «для публики в особо назначенные дни бесплатно». Однако работа общества, не получившего разрешения на свою деятельность свыше, была в 1899 г. приостановлена, музей учредить и открыть, вероятно, не успели.

Исследователи называют разные даты основания камчатского музея: 1910, 1911, 1918, 1920, 1925, 1927 г., что связано с отсутствием документа, дающего чёткое указание на дату данного события. Точно известен тот факт, что первый камчатский музей располагался в здании канцелярии губернатора, которое изначально предназначалось не только для канцелярии, квартир двух писцов и сторожа канцелярии, но и для музея. Исходя из данной информации, Е. Е. Володарская, главный хранитель фондов музея в 1992—2004 гг., в своей статье «Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея. 1911—1934», опираясь на анализ документов, делает вывод о том, что годом основания Камчатского музея следует считать 1911-й, а первым его официальным названием — «Научно-промышленный музей».

Инициаторами создания музея являются губернатор Камчатской области Василий Власьевич Перфильев и представители местной интеллигенции, одним из которых был Сергей Александрович Грюнер — широко образованный человек, магистр ветеринарных наук, работавший на Камчатке областным ветеринарным инспектором в 1909—1917 гг.

Первоначальным местом размещения музея было здание канцелярии губернатора. На обустройство музея областным руководством были отпущены средства в размере 1 000 руб., большая часть которых была израсходована на приобретение музейных экспонатов и инвентаря. Основу фондового собрания музея составили, предположительно, предметы, собранные для выставок: Всемирной выставки, организованной в 1893 г. в Чикаго (США) в ознаменование 400-летия открытия Америки Христофором Колумбом; Приамурской выставки, проводившейся в 1901 г. в Хабаровске. Кроме того, в состав музейного собрания вошли дублетные экземпляры большого гербария В. Л. Комарова — выдающегося русского учёного-ботаника, автора книги «Флора Камчатки», руководителя камчатской экспедиции Русского географического общества 1908—1910, организованной на средства Ф. П. Рябушинского. Собрание музея могло также значительно пополниться в 1912—1913 гг., когда в Камчатской области проводился сбор экспонатов для Второй Приамурской выставки, проводившейся в 1913 г. в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.

Развитие музея, только начинавшего свою историю, было приостановлено с отъездом с Камчатки В. В. Перфильева. Сменивший его на посту губернатора Н. В. Мономахов прекратил в 1913 г. отпуск средств на содержание музея и отдал распоряжение

Губернатор Камчатской области
в 1909—1912 гг.
Василий Власьевич Перфильев

сложить на чердаке здания канцелярии губернатора имеющиеся музейные предметы, среди которых, по документально подтверждаемым сведениям, в 1915 г. было сорок чучел птиц, обитающих на Камчатке, и среди них чучела беркута, лебедя, краснозобой гагары, Стеллеровой гаги, ястребиной совы, топорка, баклана и других.

Здание канцелярии губернатора Камчатской области, 1913—1917 гг.

Сведения, свидетельствующие о попытке возродить музей, относятся к 1917 г. 14 января 1917 г. состоялось созванное вице-губернатором Камчатской области А. Г. Чаплинским первое заседание временного комитета по устройству в Петропавловске музея, в котором приняли участие лица, известные своим «отзывчивым отношением ко всякого рода полезным начинаниям». На заседании были рассмотрены перспективы дальнейшего развития музея, его размещения, комплектования. Было признано целесообразным «устройство только местного музея, то есть Камчатской области», не допуская «никаких предметов из других областей и стран, как бы своеобразны и интересны они не были бы», состоящего из пяти отделов: 1) географического, литературно-исторического и археологического; 2) кустарно-этнографического; 3) зоологического и ихтиологического; 4) ботанического; 5) минералогического.

В том же 1917 г. было возобновлено финансирование музея. Это подтверждают сохранившиеся счета, которые также дают представление о том, какой работой занимался музейный работник Александр Иванович Рублёв, значившийся в бухгалтерских документах как «смотритель Петропавловского областного музея». Он проводил работы по разборке предметов старого музея, приобретал товары, судя по их списку, для ремонта оборудования и приведения в порядок помещения: клей, гвозди, молоток, кисти, плоскогубцы, лак, стекло, холст и прочее. А. И. Рублёв занимался также вопросами сбора музейных коллекций, о чём свидетельствует почтово-телеграфная квитанция за отправленную им в январе 1917 г. телеграмму в Анадырь о высылке чукотской кольчуги для Камчатского музея.

В июне 1917 г. был разрешён сбор средств на оборудование и улучшение музея, который проводился в редакции газеты «Камчатский листок». Жители города с готовностью откликнулись на призыв помочь музею. Однако проводимые в 1917 г. работы по устройству музея не дали больших результатов: музей по-прежнему не имел своего помещения, достаточных ассигнований и влачил жалкое существование. Побывавший на Камчатке в 1918 г. известный исследователь Дальнего Востока, путешественник-натуралист и писатель В. К. Арсеньев отметил, что ценность музея,

несмотря на имеющиеся уникальные предметы, невелика, поскольку в музейной работе полностью отсутствуют систематичность и умение вести дело.

В октябре 1918 г. областные власти, не имея других вариантов сохранения первого камчатского музея, передали все сохранившиеся музейные экспонаты Петропавловскому высшему начальному училищу. На протяжении последующих почти полутора десятков лет история музея была связана с именем преподавателя училища Прокопия Трифионовича Новограбленова.

Губернатор Камчатской области в 1912—1916 гг. Николай Владимирович Мономахов и чиновники администрации с жёнами

П. Т. Новограбленов был человеком разносторонних знаний, сумевшим подняться из социальных низов, получить высшее образование. Он интересовался геологией, ботаникой, агрономией, зоологией, археологией, этнографией. Много путешествовал по Камчатке, организовал несколько экспедиций по малоизученным районам полуострова. Вёл переписку с научными учреждениями страны. Владея несколькими иностранными языками, переписывался с учёными Швеции, Германии, США, подрабатывал переводчиком у зарубежных гостей, посещавших полуостров. П. Т. Новограбленов является автором ряда работ, среди которых: «Каталог вулканов Камчатки», «Саранная рыба», «Белка на полуострове Камчатка» и другие.

П. Т. Новограбленов руководил работой музея с 1918 по 1932 г. На основе переданных училищу музейных предметов он организовал естественно-исторический кабинет.

В начале 1920-х гг. продолжалось пополнение фондов музея. Летом 1923 г. на Камчатке работал В. К. Арсеньев. При посещении музея он рассказал о своих этнографических путешествиях на север Приморской области и полуостров Камчатка. Арсеньев провёл археологическую разведку на северо-западном берегу Култушного озера, расположенного в пределах Петропавловска. В работах принимал участие и П. Т. Новограбленов. Результаты раскопок, как отмечал Новограбленов, подлежали дальнейшей передаче в Камчатский музей.

В октябре 1923 г. Камчатский губревком передал в Петропавловскую школу второй ступени, в которую было преобразовано Петропавловское высшее начальное училище, экспонаты, прибывшие в Петропавловск с севера Камчатской губернии (в 1922 г. Камчатская область была переименована в Камчатскую губернию) и опоздавшие на Всероссийскую хозяйственную выставку. Выставка этих экспонатов была устроена в школе, после чего 50 предметов дополнили географическую, зоологическую, этнографическую коллекции музея. По имеющимся отрывочным сведениям, в 1924 г. школьный музей исчислял свои экспонаты сотнями номеров, помещение в здании школы не отвечало его потребностям.

17 июля 1925 г. на заседании Камчатского губревкома был заслушан вопрос «Об открытии в Петропавловске Краеведческого музея», в результате было вынесено постановление: «Признавая наличие Краеведческого музея крайне необходимым, поручить губоно принять меры к открытию музея с будущего 1925/1926 бюджетного года, разместив его в помещении, ныне занимаемом Губпрофбюро».

П. Т. Новограбленов в своём докладе на заседании коллегии Камчатского окружного отдела народного образования в 1926 г. «О состоянии музея местного края и о дальнейших перспективах» настаивал на том, что необходимо учредить Камчатский музей как самостоятельное учреждение, исходя из потребности «организации Губернского научного хранилища».

1925 г. указан годом основания музея в «Паспорте музея» Камчатского областного краеведческого музея 1971 г. Основываясь на данных сведениях, можно предполагать, что в 1925 г. музей получил название Камчатского областного краеведческого музея. Однако не исключена возможность того, что в ходе дальнейших исследований будут получены более точные сведения.

В 1928 г. музей всё ещё находился в здании городской школы-девятилетки, что не мешало ему служить центром научно-исследовательской жизни камчатской общественности и пополняться большими коллекциями. С 1925 г. при музее была организована библиотека. На 1 января 1928 г. в библиотеке по каталогу числилось уже 302 книги, 25 карт местного края, камчатские газеты почти за все годы их выхода в свет. Ряд книг из той музейной библиотеки в настоящее время хранится в коллекции редкой книги Камчатского краевого объединённого музея. Многие из них имеют надпись

Прокопий Трифонович Новограбленов

«Кружок изучения Камчатки», в 1926 г. реорганизованный в Камчатское краеведческое общество. Музей при школе по существу был единым целым с музеем активно работающего Камчатского краеведческого общества, и экспонаты, собираемые обществом, влились в коллекцию пришкольного музея.

Как свидетельствует «Отчёт о деятельности Камчатского краеведческого общества по 1 января 1928 г.», среди наиболее полных, систематически собранных коллекций музея можно отметить коллекцию оливиновых пород Камчатского мыса, гербарий камчатской флоры — более 900 видов, коллекцию из 931 фотографии природы, хозяйства и быта Камчатского округа. В музей поступали орудия каменного века, предметы быта, меховые изделия коряков, эвенков, изделия из моржового клыка с побережья Берингова пролива, фотографии камчатских ландшафтов и т. д.

Музей установил связи с научными и родственными учреждениями. В дар от Уральского политехнического института в музей было передано 115 образцов минералов Урала и Сибири, а в обмен в институт был отослан ящик камчатских горных пород.

Отсылались материалы в Зоологический и Ботанический музеи Академии наук, сейсмический отдел Академии наук, краевой музей в Хабаровске.

В 1928 г. работу по определению музейных коллекций проводили крупные учёные и специалисты: доктор Г. Х. Иогансен из Томского университета (коллекция птиц), сотрудник Национального музея США В. Айордам (коллекция раковин), геологи И. А. Преображенский и А. В. Власенко (горные породы).

В течение 1927/28 учебного года при музее работал музейный кружок, которым руководил П. Т. Новограбленов. В кружке состояло 22 ученика школы-девятилетки. Занятия проходили регулярно, один раз в неделю.

1 февраля 1929 г. музей, наконец, получил отдельное помещение в здании окружкома ВКП(б), где занял четыре комнаты площадью 135 кв. м. С увеличением площади появилась возможность установки дополнительного оборудования: для размещения предметов были изготовлены четыре шкафа, четыре витрины, шесть подставок. От Зоологического музея Академии наук была получена помощь в виде научного снаряжения. Была продолжена работа по комплектованию музейных коллекций, объём которых исчислялся уже тысячами номеров. В большой степени пополнение музейных фондов происходило за счёт дарений музею.

В том же 1929 г. музей был открыт для посетителей два дня в неделю: в среду — с 15.00 до 18.00 и в воскресенье — с 10.00 до 13.00. С посетителей взималась входная плата — 20 коп., было также организовано экскурсионное обслуживание. С большим успехом прошла выставка работ участников фотосекции Камчатского краеведческого общества, где выставлялись более шестисот снимков, отражающих природу, быт и занятия населения Камчатки, деятельность Акционерного Камчатского общества, а также фотоаппараты и образцы химикатов для фотодела.

Члены Камчатского краеведческого общества, 1929 г. (фото И. Е. Ларина)

Несмотря на прогресс в работе музея, в следующем 1930 г., во время отсутствия П. Т. Новограбленова, находившегося в экспедиции, в музее было размещено переселенческое управление Акционерного Камчатского общества. Последующие обращения и ходатайства Новограбленова в советские организации ни к чему не привели, деятельность музея в 1930 г. была фактически свернута.

В марте 1933 г. П. Т. Новограбленов был арестован по обвинению в том, что он возглавлял диверсионно-повстанческую, шпионско-вредительскую контрреволюционную организацию, получившую название «Автономная Камчатка». На основании постановления судебной тройки полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю от 1 января 1934 г. П. Т. Новограбленов был расстрелян. Музей, лишившись руководителя, пришёл в полный упадок, были утрачены практически все экспонаты музея, расхищена мебель.

В июне 1933 г. музей смог переехать в здание бывшего Петропавловского собора, до этого использовавшееся под общежитие учащихся педагогического техникума. Здание находилось в плачевном состоянии. Проведение ремонта затягивалось по ряду причин. Музейные коллекции, сложенные в отдельной комнате, гибли от сырости

и холода. П. И. Смирнову, назначенному директором после ареста П. Т. Новограбленова, удалось спасти ряд предметов, но потери были велики. В своей статье «Окажем помощь музею», опубликованной в газете «Камчатская правда», Смирнов пишет о том, что «...из 586 зарегистрированных экспонатов северной археологии осталось не более сотни... из 417 экспонатов культуры и быта народов Севера налицо не более одной трети...»

В конце 1934 г. музей был перемещён в здание, расположенное на улице Ленинской, 86 (в документах также встречается указание номера дома 68 и 80. — О. Е.), где Камчатский областной краеведческий музей располагался до 1963 г.

Здание Камчатского областного краеведческого музея, 1937 г.

С 22 мая 1936 г. после капитального ремонта музей был открыт для посетителей. На небольшой площади в одном экспозиционном зале были расположены разделы: природы, истории, национальных культур (корякской, чукотской, эвенской), искусства северных народов, истории революции и гражданской войны на Камчатке. В день открытия музей посетило 600 чел.

Постоянная экспозиция КОКМ,
1930-е гг.

Группа экскурсантов и научный сотрудник КОКМ
Ф. Л. Лукашова (в центре) у здания музея, 1937 г.

В 1936—1940 гг. музей развивался достаточно устойчиво, пополнялись фонды. Однако половина фондовых коллекций находилась в непригодном для хранения помещении. В распоряжении музея долгое время был только один экспозиционный зал площадью 61 кв. м. Ввиду недостаточности экспозиционных площадей даже потолок и пространство под витринами использовались для размещения экспонатов (бивни мамонта, китовый ус, ставной невод), где они часто не замечались посетителями. Кроме материальных трудностей работа музея осложнялась частой сменой руководителей (в 1939 г. сменилось три директора). Тем не менее, несмотря на все сложности, музей вёл большую работу, в том числе просветительскую: в 1938 г. аудитория музея насчитывала 13 084, в 1939 г. — 19 871 чел.

Постоянная экспозиция КОКМ, 1936 г.

В 1940 г. экспозиционные площади расширились за счёт дополнительного зала (бывшей препараторской). Наряду с ранее созданными в экспозиции появился раздел, рассказывающий о возникновении города Петропавловска. В этом же году экспозиция музея пополнилась уникальным экспонатом — двухфунтовой чугунной пушкой с пакетбота «Святой апостол Пётр», привезённой в Петропавловск Николаем Ивановичем Моргалёвым с места зимовки экипажа пакетбота на острове Беринга в 1740—1741 гг. Н. И. Моргалёв работал в Камчатском областном краеведческом музее с ноября 1938 по апрель 1945 г. в качестве сначала научного сотрудника, а затем — директора. Музей оказывал большую поддержку работе школ: учителям предоставлялись для уроков наглядные пособия, для учеников был разработан цикл лекций о природе Камчатки, проводилось бесплатное обслуживание школьников в дни каникул, организовывались беседы, посвящённые истории города.

Познакомившись с работой музея в 1940 г., начальник музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР отмечал: «Возможности дальнейшего роста музея упираются в совершенно неприглядную площадь, на которой невозможно по-настоящему развернуть историю и социалистическое строительство области. Отсутствие необходимых условий хранения ставит под угрозу сохранность уже имеющихся ценных коллекций и целесообразность дальнейшего их пополнения».

Особой страницей в истории Камчатского областного краеведческого музея является его деятельность во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. После начала войны камчатский музей, наряду со всеми музеями СССР, перестраивал свою работу применительно к требованиям и условиям военного времени. Всё внимание было направлено на повышение патриотизма населения Советского Союза, мобилизацию

всех сил на самоотверженную работу с целью укрепления обороноспособности страны. В 1942 г. был организован новый экспозиционный раздел, посвящённый Великой Отечественной войне. Проводилась тематическая экскурсия: «Фашизм — враг культуры», была создана передвижная выставка «На фронтах Отечественной войны». Музей способствовал сбору средств на строительство боевой техники. Оперативная передвижная музейная выставка, посвящённая созданию танковой колонны «Камчатский рыбак», знакомила население с ходом сбора пожертвований.

Николай Иванович Моргалёв,
1941 г.

Исторический отдел постоянной
экспозиции КОКМ, 1940-е гг.

В годы войны Петропавловск стал перевалочной базой для грузов, направляемых в СССР из США по ленд-лизу. Наряду со всеми жителями города сотрудники музея участвовали в работах по разгрузке-погрузке судов, прибывавших в Петропавловский порт. Отдельным направлением работы музейных работников были выступления по радио. Освещаемые темы носили краеведческий характер, но были среди них и такие, необходимость которых была продиктована войной, например: «Боевые отравляющие средства и защита от них».

Всего за годы войны музей посетило около 63 тыс. чел.

Изучая сохранившиеся документы, можно отметить, что 1950—1960-е гг. характеризуются частой сменой директоров. В 1953—1959 гг. директором музея была Клавдия Васильевна Мечтанова, её сменили В. И. Ефимов, Л. К. Андрианова, Н. Н. Гончарова, Т. А. Матвеева, А. В. Семёнов — и это, судя по датам приёмопередаточных актов, далеко не полный список. Сведения о людях, возглавлявших камчатский музей в разное время (с 1932 по 1982 г.), ещё предстоит выявить, в некоторых случаях — уточнить имеющиеся данные. Отдельно хочется остановиться на личности Валентины Павловны Потаповой, сменившей на посту директора А. В. Семёнова, переведённого с 11 октября 1963 г. на работу заведующим Корякским окружным отделом культуры. Валентина Павловна родилась в Ленинграде в 1925 г. В 1941 г., выехав с матерью и сестрой на дачу в Новгородскую область, была вынуждена остаться там до лета 1944 г. Отец, оставшийся в Ленинграде, погиб в блокаду. В. П. Потапова в 1944 г. окончила искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова. С октября 1951 г. вплоть до отъезда на Камчатку она работала в Государственном Эрмитаже в качестве научного сотрудника-экскурсовода. Сохранилось заявление В. П. Потаповой на имя начальника Камчатского

областного управления культуры Л. И. Курганова: «Прошу назначить меня временно исполняющей обязанности директора краеведческого музея с тем, чтобы я имела возможность проверить своё умение на этой работе и Вы могли бы проверить — целесообразно ли такое назначение» (сохранена пунктуация документа. — О. Е.). Валентина Петровна руководила деятельностью музея до 1 апреля (по отдельным документам до 25 марта) 1974 г. Её увольнение было связано с выездом на постоянное место жительства в Ленинград. В 1974—1982 гг. музей возглавляла Клара Николаевна Величко.

Камчатская областная библиотека в здании бывшей канцелярии губернатора, 1965 г. (фото Г. З. Гайдукевича)

Отдел истории постоянной экспозиции КОКМ, 1960-е гг.

В 1982—2004 гг. директором музея являлся кандидат исторических наук, археолог Алексей Кириллович Пономаренко. В этот период музейная археологическая коллекция значительно пополнилась материалами археологических изысканий, проводимых директором музея, а также сотрудниками А. В. Гоковым и А. В. Пташинским.

В период 1950—1990-х гг. была собрана значительная часть музейного собрания, сформирована большая коллекция предметов материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, живущих на Камчатке. Среди них — предметы материальной культуры командорских алеутов,

камчатских эвенов, коряков, ительменов, чукчей. Основная часть этнографической коллекции собрана в результате музейных экспедиций, проходивших в Олюторском, Карагинском, Тигильском, Быстринском районах. Из Тигильского района Ю. В. Баженовым и К. Н. Величко были привезены интереснейшие предметы быта коряков, в том числе из села Седанка — уникальная похоронная корякская кухня. В 1970—1980-х гг. в музее работал этнограф-фольклорист, автор ряда краеведческих публикаций, основанных на материалах собственных исследований, Владимир Николаевич Малюкович, которым было собрано и описано большое количество предметов быта коряков и ительменов. Неоценимый вклад в комплектование этнографической коллекции внесли сотрудники музея Маргарита Ивановна Белова и Ирина Васильевна Витер.

Чучела птиц в отделе природы постоянной экспозиции КОКМ, 1960-е гг.

Чучела зайцев и птиц в отделе природы постоянной экспозиции КОКМ, 1960-е гг.

В 1970—1980-х гг. музей участвовал в работе Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции (СВАКАЭ) Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР под руководством известного российского учёного, археолога, члена-корреспондента Академии наук СССР Николая Николаевича Дикова.

С 1963 по 1982 г. музей размещался в здании на улице Набережной, 20. В 1982 г. музей переехал в дом номер 20 на улице Ленинской, откуда он начинал свою историю. В 1986—1989 гг. была проведена реконструкция здания и реставрация его фасада, в результате чего облик здания вернул многие из утраченных ранее деталей. В 1986 г. решением исполнительного комитета Камчатского областного Совета народ-

ных депутатов здание музея было принято на государственный учёт как памятник истории и культуры местного значения.

В 1968 г. начался выпуск повторяющегося издания «Краеведческие записки». С 1968 по 2002 г. было отпечатано двенадцать выпусков.

В 1999 г. Камчатский областной краеведческий музей опубликовал перевод книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», изданной в Германии в 1774 г. Основой публикации послужил полный текст перевода — оригинал машинописного текста в количестве 554 страниц, переданный музею в 1995 г. историком Борисом Петровичем Полевым. Данный документ находится на постоянном хранении в фондах музея. В этом же году совместно с Комитетом природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому автономному округу издан сборник «Геологическими маршрутами Камчатки» (воспоминания и дневники геологов) в двух томах.

В марте 2004 г. в результате реорганизации путём слияния государственных учреждений культуры «Камчатский областной краеведческий музей», историко-культурный центр «Нижне-Камчатский острог», «Мильковский этно-культурный центр камчадалов Камчатской области» было создано государственное учреждение «Камчатский государственный объединённый музей» (ГУ КГОМ). Руководство музеем было возложено на Ольгу Владиславовну Ефимову.

Вновь образованный музей состоял из головного музея в городе Петропавловске-Камчатском и двух обособленных структурных подразделений — отделов в селе Мильково и посёлке Усть-Камчатске. В 2008 г. отдел в Усть-Камчатске был передан Усть-Камчатскому муниципальному району.

С 1 мая 2008 г. ГУ КГОМ было переименовано в краевое государственное учреждение «Камчатский краевой объединённый музей» (КГУ ККОМ).

Основные направления деятельности музея отражены в формулировке его миссии: «Краевое государственное учреждение “Камчатский краевой объединённый музей” собирает, сохраняет, изучает и публикует материальные памятники истории и культуры, объекты природы Камчатки; способствует сохранению нематериального культурного наследия Камчатки; пробуждает и поддерживает интерес общественности к истории Камчатки».

Музей также оказывает информационно-методическую помощь музеям и музейным учреждениям Камчатского края в организации всех видов музейной деятельности, проводит консультации, индивидуальные и групповые стажировки музейных сотрудников. Особенно большое внимание уделяется работе с фондами, поскольку предметы являются основой всей деятельности любого музея.

В настоящее время фонды КГУ ККОМ насчитывают более 140 тыс. единиц хранения, в том числе без малого 116 тыс. — основного фонда. В них собраны следующие коллекции: художественная, вещественных источников, археологии, этнографии, документов (на бумажной основе, кино-, фоно-, фотодокументов), редкой и ценной книги, оружия, предметов из драгоценных металлов.

Художественная коллекция (4 260 единиц хранения) включает в себя произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. В коллекции представлены иконы XVIII—XIX вв., многочисленные произведения камчатских мастеров, членов Союза художников СССР и Союза художников России.

Археологическая коллекция насчитывает более 20 тыс. предметов: коллекции предметов с древнейшей на Камчатке многослойной стоянки Ушки, коллекций предметов материальной культуры древних ительменов, коряков, кереков. Особый интерес представляют археологические находки с места зимовки экипажа пакетбота «Святой апостол Пётр» на острове Беринга в 1740—1741 гг.

В этнографической коллекции (2 309 единиц хранения) представлены предметы материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока, живущих на Камчатке, — ительменов, коряков, эвенов, алеутов Командорских островов, а также переселенческого населения. В данной коллекции имеются уникальные предметы конца XIX — начала XX вв.

Хронологические рамки коллекции вещественных источников (5 936 единиц хранения) охватывают период с XVII по XXI в. В составе этой коллекции представлены

ткани, одежда, предметы быта, предметы по истории военно-морского флота и рыбной промышленности Камчатки, предметы фалеристики, нумизматики, бонистики, предметы естественнонаучной коллекции (геологические образцы, продукты вулканической деятельности и прочие).

Коллекция документов и редких книг насчитывает около 102 тыс. единиц хранения. Фото, фоно, аудио и видео материалы документируют различные стороны жизни Камчатки, её жителей. Уникален альбом с фотографиями Камчатки 70-х гг. XIX в., принадлежавший польскому учёному, исследователю Сибири и Камчатки Б. И. Дыбовскому. В фондах музея имеется Евангелие 1600 г., изданное в г. Вильно типографией Луки и Кузьмы Мамоничей, церковные книги XVIII—XIX вв., книги по истории и географии Камчатки.

В головном музее действует постоянная экспозиция, созданная в 1990 г. к 250-летию г. Петропавловска-Камчатского. Она включает разделы: «Природа Камчатского края», «Древняя история Камчатки», «История присоединения Камчатки к России», «История Камчатки в конце XVII — начале XX вв.», «Традиционная культура коренных и малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири, проживающих на территории Камчатки».

Музей ведёт интенсивную выставочную работу: в период с 2004 по 2010 г. музеем были созданы 124 временные выставки, в том числе: этнографические; посвящённые истории города Петропавловска-Камчатского; представляющие коллекционный показ музейных предметов; посвящённые различным знаменательным датам; выставки дарений музею, приуроченные к Международному дню музеев, и другие.

В мае 2010 г. КГУ ККОМ вошёл в число музеев, участвующих в проведении международной музейной акции «Ночь в музее», организовав «Этническую ночь в музее». В мае 2011 г. была проведена «Ночь искусств и науки в музее».

В 2008 г. в Петропавловске-Камчатском с целью сплочения местного музейного сообщества, привлечения внимания населения к музейному делу был организован первый «Парад музеев Камчатского края», за несколько дней работы представивший горожанам краевые, муниципальные музеи и музейные учреждения, нашедшие возможность участвовать в нём. В 2010 г. состоялся второй «Парад музеев» (научно-практическая конференция «Музей и общество: работа с фондовым собранием музея»). КГУ ККОМ является одним из основных организаторов обоих «Парадов».

2010 г. стал для КГУ ККОМ «годом каталогов». Были изданы: электронный «Каталог особо ценных единиц хранения государственных и муниципальных музеев Камчатского края» (в рамках краевой целевой программы «Культура Камчатки. 2010—2012 гг.»), предметный каталог «История военно-морского флота России в коллекциях Камчатского краевого объединённого музея», предметный каталог «История рыбной промышленности Камчатки в коллекциях Камчатского краевого объединённого музея», готовится к выпуску каталог музейной коллекции корякских сумок.

КГУ ККОМ успешно сотрудничает с зарубежными благотворительными организациями. В рамках программы «Встреча на границах» международного общественного фонда «Открытая Сибирь. Агентство регионального развития» в 2004 г. была проведена оцифровка коллекции фотографий по истории Камчатки XIX—XX вв., приобретено мультимедийное оборудование. В 2006—2007 гг. при финансовой поддержке Службы национальных парков США временная выставка КГУ ККОМ «Сотворение мира: духовная культура коряков полуострова Камчатка» экспонировалась в Музее Алеутских островов в городе Уналашке (США). В 2007 г. в рамках проекта Forest Conservation on Kamchatka / Сохранение биологического разнообразия экорегиона «Таёжные леса Камчатки» по гранту Камчатско-Берингоморского экорегионального отделения WWF-Россия был частично обновлён раздел постоянной экспозиции «Природа Камчатского края».

Камчатский краевой объединённый музей находится накануне своего столетнего юбилея, который он встретит в здании, являющемся его ровесником, принявшим сто лет назад первые музейные коллекции. Сейчас это здание входит в перечень объектов культурного наследия регионального значения под названием «Здание губернской канцелярии», место его расположения находится в зоне исторической застройки

ки города Петропавловска-Камчатского, значительно расширившего свои границы с того памятного 1909 г., когда началось его стабильное, хотя, надо признать, и не очень быстрое развитие. История развития города и всего Камчатского края — это одновременно и история формирования и роста музейных коллекций, которым стало очень тесно в стенах своего первоначального пребывания. Хочется надеяться, что второе столетие ведущего музея Камчатского края будет связано с историей нового музейного здания, специально построенного для краевого музея.

ИСТОЧНИКИ

1. Приёмо-сдаточные акты, составленные при смене руководителей музея. 1939—1963. Из фондов КГУ ККОМ.
2. Паспорт музея. 1971. Из фондов КГУ ККОМ.
3. *Володарская Е. Е.* Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911—1934) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 12. — Петропавловск-Камчатский, 2002.
4. *Литягина А. В.* Досуг в городах России во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. — № 10. — 2007.
5. *Моргалёв Н. И.* Поиски пушек. Командоры. Пробный вариант. Штурм бухты Командор // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 9. — Петропавловск-Камчатский, 1995.
6. *Слабука В.* «Автономная Камчатка» — суровая реальность или грандиозная мистификация? // Дело взято из архива... Сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. — Владивосток, 2008.
7. *Соколова С. И.* Из истории Камчатского музея // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 7. — Петропавловск-Камчатский, 1991.
8. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас / Под общ. ред. Н. Д. Жданова, Б. П. Полевого. — М., 1997.
9. КОКМ ОФ 32123/1—9.
10. КОКМ ОФ 34306.

ИСТОРИЯ

В. Е. БЫКАСОВ

РЕКА КРЕСТОВАЯ

В своё время, в связи с изучением похода В. Атласова на Камчатку, мне уже довелось упоминать о реке Канучь (Кчанучь, Кшанучь, Крестовой, Крестовке). И уже тогда обратить внимание на путаницу с её названием и местоположением. Так что в данной статье мною будет предпринята попытка разобраться в этом вопросе.

Анализ исходного материала. Целью предлагаемого исследования является установление более или менее определённой ясности с названием и местоположением реки Крестовой. Эту реку обычно отождествляют с нынешней рекой Белой. Хотя на самом деле (и это будет показано ниже) река, которая под именем Канучь (Кчанучь, Кшанучь, Крестовая, Крестовка) неоднократно упоминается С. П. Крашенинниковым, и современная река Белая — это две совершенно разные реки. Они «слились» в одну в результате нечётко установленных интерпретаторами «Описания земли Камчатки» историко-ландшафтных (с упором на ландшафтные) критериев. А точнее, вследствие нежелания (неготовности) привлекать к изысканиям подобного рода данные о ландшафтном антураже конкретного исторического события и об естественных и закономерных изменениях этого самого антуража со временем.

Впрочем, для выяснения сути дела обратимся к тому самому первоисточнику — «Описанию земли Камчатки» — от которого принято отталкиваться в поисках изначальных установок при изучении географии и истории Камчатки времён её открытия и освоения.

«От устья реки Еловки, следуя вверх по реке Камчатке, можно почесть за первое знатное урочище Тоткапенем протоку, для того, что над нею построен был самой первой Нижней Камчатской острог; а расстоянием сие урочище от Еловки реки в трёх верстах. Близ того урочища пала в помянутую протоку и небольшая речка, которая Резень называется.

В верстах 24S от объявленного урочища течёт в Камчатку с левой стороны речка Канучь, которая от российских жителей называется Крестовою, потому что близ устья ея находится крест, которой при первом российском походе на Камчатку поставлен с следующею надписью: «СЕ. году, Июля ГІ. дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ. человек. Выше Крестовой речки текут в Камчатку Греничь, Кру-кыг, Ус-кыг, и Идягун, из которых Ус-кыг пала с правой, а прочия с левой стороны и Кру-кыг называется от казаков Крюками, а Ус-кыг — Ушками. Идягун особливо достойна примечания потому, что около ея устья бывают осенние рыбные промыслы, куда не токмо казаки, но и Камчадалы съезжжаются для ловли белой рыбы (кижуча. — В. Б.), которая там застаивается, чего ради оное место и Застоем называют жители. Такие застои есть и выше Идягуна реки, а имянно не доежжая вёрст за 5 до речки Пименовой, что по Камчатски Сеухли, которая без мала в 12 верстах выше Идягуна течёт в Камчатку с левой стороны.

От речки Крестовой до Гренича почитается 12S вёрст, от Гренича до Кру-кыга столько же, от Кру-кыга до Ус-кыга 25 вёрст, а от Ус-кыга до Идягуна 12S вёрст прямою дорогою» [1, с. 17—18].

Да простят меня за столь огромную цитату, но без этого о дальнейшем говорить просто нельзя. Потому что из этих первичных сведений однозначно следует, что место расположения первого Нижнего Камчатского острога находилось неподалеку от устья современного ручья Ключевского, расположенного в шести, примерно, верстах выше посёлка Ключи. И в 26—27 км (в 24,5 верстах) от старого устья реки Белой, если измерить это расстояние по карте.

При чём тут Нижний Камчатский острог? Да при том, что определение места его первоначального расположения помогает привязать наш искомый объект — устье реки Крестовой — к современной местности. В том смысле помогает, что острог в данном

случае выступает в качестве репера, к которому привязывается расположение устья реки Крестовой.

Другим таким репером служит устье реки Крюки. То есть, измерив по карте расстояние от устья реки Крюки до устья старого русла нынешней реки Белой (старого русла, подчеркиваю, ибо в настоящее время два новых устья реки Белой сместились на несколько километров вниз по течению), мы получим почти ту же самую — 27—28 км, или около 25 вёрст, — оценку, которую приводит С. П. Крашенинников (см. выше).

Но тем самым устье реки Канучь времён В. Атласова и С. П. Крашенинникова попадёт в своеобразную «вилку» — двадцать пять вёрст туда, двадцать пять вёрст сюда — достоверность которой убедительно подтверждается мнением В. М. Головнина [2], согласно которому расстояние от острожка Крестовского, располагающегося вблизи устья реки Крестовской, до Ключей составляет 31 версты (32—33 км по современным картам). То есть, говоря окончательно, устье реки Крестовой (Канучь) действительно находилось в том самом месте, где в настоящее время установлен аналог атласовского креста. Тем не менее по-прежнему остаётся неясным главное — было ли это устье одной и той же реки, но именуемой по-разному; или же это было общее устье двух разных рек, слившихся неподалеку от впадения в Камчатку в одно русло? И если это были две разные реки, то куда «девалась» одна из них? Или, говоря проще и точнее, возникает вопрос — не изменилась ли (и насколько, если изменилась) за два с половиной века гидрография исследуемой местности, а вместе с ней и ситуация с названиями рек? Вот я и попробую на него ответить. Ибо уверен, не сделав этого, вряд ли можно будет установить истину.

Начать же это расследование уместно с возвращения к тому, что реку Белую издавна и до сих пор отождествляют с рекой Канучь (Крестовой). К примеру, в своё время известный камчатский историк и краевед В. П. Кусков по этому поводу написал:

«Белая — река, левый приток р. Камчатки. По ительменски называлась Канучь (Крашенинников С. П.). После установки в 1697 г. неподалеку от её устья креста с надписью «205 (т. е. 1697) году, июля 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 55 человек», река стала называться среди казаков Крестовой. Неизвестно, по какой причине (возможно в связи с белыми валунами и галькой) на картах конца XIX в. названа рекой Белой. Тем не менее среди местного населения река продолжала называться Крестовой, что, очевидно, связано и с тем, что в устье её стоял пос. Кресты. В конце 50-х гг. посёлок прекратил свое существование. Не исключено, что в результате этого название, прямо связанное с походом Атласова, окончательно исчезнет» [3, с. 22].

То есть, как можно видеть, в понимании В. П. Кускова, река Белая и река Канучь — это одна и та же река. Оставляю пока это утверждение без комментария. А относительно возникновения имени «Белая» замечу, что главный исток реки Белой берёт начало в кратере вулкана Чашаконджа, днище которого сложено гидротермально изменёнными горными породами жёлтого и светло-жёлтого (почти белого) цвета, и что вследствие интенсивного размыва этих крайне рыхлых пород тальными водами речная вода приобретает грязно-белый цвет, сохраняющийся на протяжении 12—15 км от истока [4]. Причём наиболее тонкие частицы этих пород, распространяясь практически до самого устья реки, отлагаются на поверхности галечника в виде белесоватой пленки, ставшей особенно заметной после ухода воды из старого русла.

Вторит В. П. Кускову и другой известный камчатский краевед В. И. Борисов (Атласовский крест. — Петропавловск. — 1997. — 19 сент. — № 28):

«Перевалив через Срединный хребет, русские казаки и промышленники отряда В. Атласова по долине реки Кчанучь (Ксанути) достигли главной реки полуострова. Но прежде казакам пришлось разгромить ительменский острожек, что находился в болотистой местности в некотором расстоянии от впадения в полноводную Камчатку. Именно в связи с этим с этими событиями — взятием острожка и выходу к главной реке полуострова, В. Атласов поставил крест.

Сегодня в устье реки Белой, так стала называться река Крестовка с начала нашего столетия, стоит четырёхконечный крест, поставленный ключевскими школьниками в мае 1988 г., сейчас он практически не виден из-за разросшегося тальника».

То есть, как можно видеть, В. И. Борисов также отождествляет реку Кчанучь с нынешней рекой Белой. Оставлю это суждение на совести автора, а на будущее отмечу, что отряд В. Атласова не мог из долины реки Тигиль перевалить в долину реки Белой. И не столько даже потому, что в этом случае казакам пришлось бы буквально ползти через крутые, покрытые многолетними снежниками и ледниками горные склоны мощного — высотой до 2,5 км — вулканического массива Алней-Чашаконджа. Сколько потому, что рядом (южнее вулкана Чашаконджа) располагается невысокий (чуть более километра), с очень пологим западным и с несколько более крутым восточным склонами перевал через Срединный хребет. Следуя которым, можно попасть только либо в долину реки Половинной, либо в долину реки Крюки, но никак не в долину реки Белой, отделённой от указанного перевала мощной постройкой вулкана Чашаконджа.

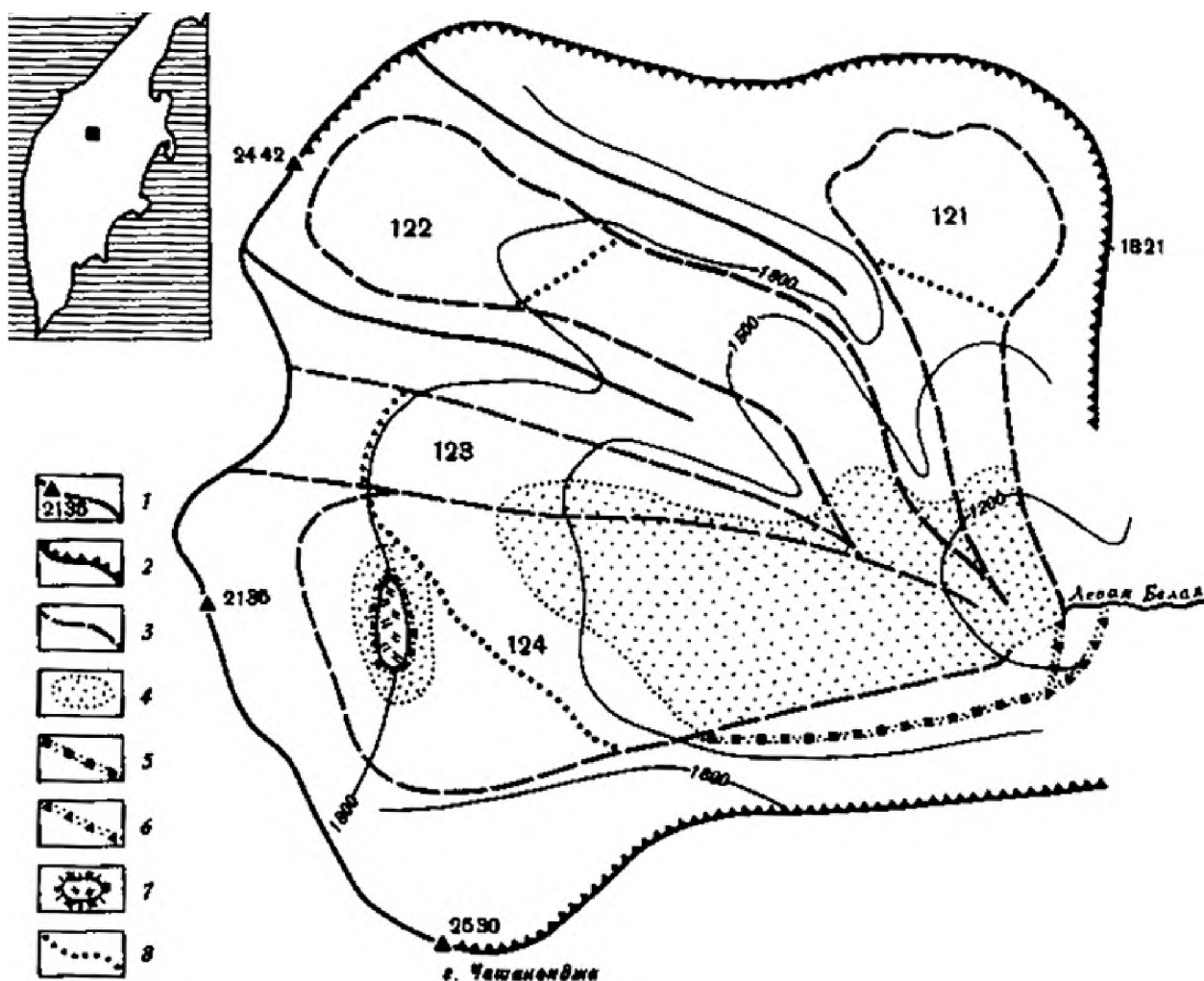

Схема ледников кальдеры вулкана Чашаконджа [4]:

1 — водораздел Срединного хребта; 2 — гребень кальдеры; 3 — граница ледниковых тел; 4 — моренный покров на поверхности ледников; 5 — боковая морена; 6 — конечная морена; 7 — выход коренных пород; 8 — сезонная фирновая линия

Что же касается разгрома острожка на реке «Ксанутш», то замечу, что, выйдя к реке Камчатке, В. Атласов, по его же собственным словам, встретил на своём пути сразу четыре (а не один) ительменских острожка. Причём он тут же заключил с их жителями военный союз, после чего поплыл вместе с ительменскими воинами вниз по реке покорять жителей нижних ительменских острогов [5]. Так что до начала сплава он не покорял ни одного из встреченных им в долине реки Камчатке острожков.

Ну и последнее замечание — ительмены (как, кстати, и коряки, и чукчи) никогда не сооружали своих острожков на болотах — они всегда воздвигали их на достаточно высоких (чтобы вешняя и дождевая вода не заливала полуподземные юрты) берегах

рек и озёр. Так что и в этом отношении получается неувязка с действительностью. Особенно если помнить, что русское поселение Кресты, первоначально поставленное на левом берегу реки Камчатки в нескольких километрах ниже устья реки Крестовки, настолько часто заливалось в летнее половодье [6], что вскоре после его посещения К. Дитмаром переселенцы были вынуждены перебраться ниже по течению, на правый — возвышенный — берег реки Камчатки.

Для справки добавлю, что бывшее село Усть-Камчатского района Кресты (Крестовское) было образовано между 1810—1820 гг. и просуществовало до 1950 г. [7]. И что после вынужденного перемещения располагалось оно на правом берегу реки Камчатки, немного ниже устья реки Крестовой [8]. То есть на месте, где когда-то стоял ительменский острожек, именовавшийся во времена С. П. Крашенинникова и В. М. Головнина Крестовским.

Что же касается самого креста, коль скоро речь зашла и о нём, то стоит отметить, что всего лишь через девять лет после установки аналога атласовского креста на самом берегу реки Камчатки, он практически полностью скрылся из виду за разросшимся тальником. Тогда как С. П. Крашенинников без всякого труда обнаружил первоначальный крест спустя сорок лет после его установки. И оба этих факта весомо, хотя и косвенно, подтверждают высказанную мною ранее мысль (Крест Атласова // Рыбак Камчатки. — 2005. — 31 авг., № 35; 7 сент., № 36) о том, что подлинный крест В. Атласова никак не мог стоять у самого уреза воды, ибо в этом случае он не выполнял бы основной своей основной функции — долгие годы бросаться в глаза в качестве символа присоединения Камчатки к России. Не мог, так как за это время его либо смыло бы, либо он полностью бы зарос уже лет через пятнадцать-двадцать. Так что и крест, скорее всего, стоял на правом берегу рядом с уже упомянутым ительменским острожком, отчего тот и был назван русскими Крестовским.

Но вернёмся к самой реке. В принципе, не противоречит названным авторам и ещё один известный камчатский краевед писатель М. Я. Жилин [9, с. 26]:

«Крест Владимира Атласова, землепроходца, присоединившего Камчатку к Российской империи, восстановлен 20 сентября 2000 г. на его историческом месте — у слияния реки Белой (Кануч, Крестовой) с рекой Камчаткой», — пишет он. И тут же раскрывает предысторию и причину установки этого аналога атласовского креста:

«В 1959 г. краевед В. Воскобойников и Герой Советского Союза, вице-адмирал Г. Щедрин, командующий Камчатской флотилией, проявили инициативу по восстановлению памятного креста Атласова. 9 августа 1959 г. ими, при участии жителей посёлка Ключи и моряков Петропавловского гарнизона был установлен крест на левом берегу реки Белой. Такое название вместо Крестовой (Кануч) появилось на картах в конце XIX столетия по неизвестной причине, возможно, за белый цвет гальки. Крест простоял до мая 1988 г. и был заменён новым. Его поставили школьники города Ключи. По некоторым параметрам он не соответствовал первоначальному. Так, вместо восьмиконечного был установлен четырёхконечный крест. С отступлением от исторической была сделана и надпись. Со временем этот крест зарос тальником и совершенно не был виден не только с реки Камчатки, но и с реки Белой. По существу он перестал соответствовать своему назначению».

То есть, как можно видеть, этот исследователь камчатской старины также солидарен с тем, что главным назначением креста было идеологическое и юридическое закрепление вновь завоёванных «землиц» за Россией. А значит, и он, пусть бы и не акцентируя внимание на данном обстоятельстве, согласен с тем, что этот символ государственной власти и одновременно ориентир для других отрядов не мог быть установлен таким образом, чтобы исчезнуть из глаз и памяти людей всего лишь через полтора-два десятка лет. И тем не менее первоначальным («историческим») местом установки креста М. Я. Жилин считает берег реки Камчатки. Несмотря на то, что этот берег раз в несколько лет (как это было, например, в 2009 г.) практически полностью заливается во время весенне-летнего половодья. А также на то, что аналог креста, установленный на этом самом «историческом» месте, по причине зарастания перестал соответствовать своему назначению.

То есть камчатские краеведы, как, впрочем, и многие профессиональные историки (тот же, например, В. П. Полевой [10]), не хотят признать одну простую вещь — казаки, лучше нас отдававшие себе отчёт в том, для чего сооружаются эти символы государственности, никак не могли установить свой крест на ежегодно заливаемом берегу реки. Никак, ибо устанавливали они кресты профессионально, то есть со знанием не только того как, но и где, в каком именно месте, нужно устанавливать подобные сооружения. Ну а уж то, что половодье заливает прибрежную часть поймы Камчатки, казаки знали не понаслышке, ибо сплавливались они по реке в самый разгар половодья, а устанавливали крест ещё тогда, когда вода в реке только-только пошла на убыль. Что же касается скорости зарастания берегов рек северо-восточной части Азиатского материка тальником, то об этом они знали сызмала.

Тем не менее для более полного понимания ситуации уместно будет привести ещё одну цитату:

«Крестовая — река, лев. прит. р. Анадырь, Анад. р-на. Известна с середины XVIII в. На месте выхода речки из гор стоял огромный крест-веха, служивший ориентиром землепроходцам при переходе на р. Белую и дальше через Пекульнейский хр. на побережье Чукотского п-ва» [11, с. 205]. Так что не только в качестве символа государственности ставились кресты, но и как ориентиры. А для этого, согласитесь, они должны были устанавливаться на видном и уж точно не на зарастающем всего лишь через пятнадцать-двадцать лет месте.

Впрочем, к разговору о месте установки креста В. Атласова уместнее будет вернуться после того, как будет решена проблема с именами, руслами и устьями выше-названных рек, поскольку без этого все рассуждения на эту тему будут беспредметны. Что же касается неразберихи с путями следования казаков В. Атласова из долины реки Тигиль в долину реки Камчатки и путаницы с названиями рек, то объясняются они, на мой взгляд, тем, что триста лет тому назад и многим позже, вплоть до конца XIX в., в исследуемой местности существовали две большие самостоятельные реки — Крестовая (Канучь) и Белая (Ошачь), которые сливались воедино в одной версте выше их общего устья.

То есть, по моим представлениям, основанным на данных полевых ландшафтно-геоморфологических исследований (а только вдоль и по руслу реки Белой я прошел трижды), во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова здесь существовали общие русло и устье двух совершенно разных водотоков. А именно собственно реки Канучь (Крестовой), берущей начало в Срединном хребте южнее вулкана Чашаконджа, и впадающей в неё с севера реки Ошачь (Белой), истоки которой располагаются на восточных склонах и в кальдере этого же вулкана. И для подтверждения этого мнения я вновь обопрюсь на мощное плечо С. П. Крашенинникова:

«Пыарантынум речка, от Крюков верстах в 3, вышла верстах 10 из пади и впадала в Камчатку по течению с левой стороны. Немного отъехав от устья сей речки взнялись на левую сторону Камчатки и ехали чистым местом (замерзшим болотом. — В. Б.) до нижеописанного острожка.

Греничь речка, от Пыарантынум верстах в 8, вышла верстах в 60 из хребта и от переезде верстах в... в Камчатку впадала, вершиною сошлась она с росошиною Хариузой речки, Туляган называемой.

Канучь (Крестовая) речка, шириною сажень с 15, от Гренича верстах в 12, вышла из одного места с Греничем речкою, и от того места, где мы на неё спустились, верстах в 2 в реку Камчатку впадала. Она Крестовою от того называется, что на устье её на левом берегу в первую бытность свою Володимир Атласов поставил крест, который ещё и по сие время стоит, а на нём написано: “СЕ году, июня 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Володимир Атласов с товарищи 55 человек”» [1, с. 662].

Как можно видеть, эта дорога студента Академии наук пролегла через чистые места (замёрзшие болота) приустьевых участков левых притоков реки Камчатки. При этом, судя по современным картам, реке Пыарантынум соответствует река Пиндра, отстоящая от реки Крюки на три километра (версты) ниже по течению, ниже которой в восьми километрах (верстах) в реку Камчатку впадает река Говянка.

Сложнее обстоят дела с нынешней рекой Половинной. С одной стороны, она, начинаясь со склонов упомянутого выше перевала Срединного хребта, более соответствует реке Крестовой в толковании С. П. Крашенинникова, нежели реке Греничь в его же понимании. И в то же время, с другой стороны, её устьевая часть в настоящее время принимает в себя левое русло реки Говянки, второе русло которой впадает в озеро Половинное и затем в реку Камчатку. И тем самым современные реки Говянка и Половинная в устьевой своей части образуют общую водную систему, удалённую от старого устья реки Белой на двенадцать километров.

То есть, говоря иначе, современная река Половинная не соответствует реке Крестовой трёхсотлетней давности, так как эта последняя, по словам С. П. Крашенинникова, впадала в реку Камчатку в двенадцати верстах ниже нынешнего устья реки Половинной. И, следовательно, нужно как-то прояснить эту ситуацию.

Первое, что приходит на ум при попытке объяснить это разноречие, является предположение о том, что в данном случае С. П. Крашенинников обозначился с названиями означенных рек. Однако вряд ли это так, поскольку ко времени появления на Камчатке С. П. Крашенинников был уже окончательно сложившимся исследователем, отличавшимся к тому же изрядной природной наблюдательностью и дотошностью.

Но в этом случае остается признать, что во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова гидрография данной местности выглядела несколько иначе, чем в настоящее время. То есть следует признать, что тогда нынешняя река Половинная впадала в Камчатку в двенадцати верстах ниже, чем сейчас, и что именовалась она в те времена рекой Крестовой (Жанучь).

Так ли это было на самом деле, выяснится чуть попозже, а пока нужно обратить внимание на действительно несомненную ошибку в данном высказывании С. П. Крашенинникова, ибо в дальнейшем это может сыграть существенную роль при определении настоящего места установки подлинного креста В. Атласова.

Суть тут заключается в том, что вот эта последняя цитата с указанием месяца (*июнь*) и места (*на устье её на левом её берегу*) установки подлинного креста взята мною из приложения к книге «Описание земли Камчатки» издания 1949 г. Или, точнее, из рапорта, написанного С. П. Крашенинниковым сразу же после завершения маршрута. А этот документ самим автором никогда не правился. Никогда!

Подчеркиваю же я это обстоятельство потому, что в основном тексте «Описаний», в практически идентичном высказывании (см. начало статьи), указывается, что названный крест был установлен в июле и что стоял он вблизи устья реки Крестовой. Вблизи, подчеркну, но всё же не в устье. И нет ни единого слова о левом берегу. Ну, а поскольку текст основного издания книги четырежды выверялся, дополнялся и исправлялся самим С. П. Крашенинниковым, то единственно верными следует признать именно эту — июль — дату и именно эту — вблизи устья реки Крестовой — привязку. Так что данные о месяце и месте установки креста, приводимые в черновом материале, применять в качестве основания для установления подлинного места расположения оригинального креста В. Атласова было бы по меньшей мере неосмотрительно.

Но вернёмся к самим рекам. В анализируемом свидетельстве первого профессионального географа и историка Камчатки приводится прямое указание на то, что река Крестовая *«вышла из одного места с Греничем речкою»*. А это, в свою очередь, предполагает три варианта объяснения ситуации. То есть либо С. П. Крашенинников невольно (по незнанию, ибо сам он этим путём никогда не ездил) принял две совершенно разные реки за одну, либо он считал, что реки Крестовая и Греничь, начинаясь в одном месте, далее текут параллельно друг другу и только по выходу из гор растекаются в разные стороны. Либо, наконец, он принимал два русла (две протоки) одной и той же реки за две самостоятельные реки.

Впрочем, не исключается и ещё один вариант, согласно которому под рекой Греничь им понималась нынешняя река Говянка, устье которой в наше время также располагается в двенадцати верстах выше старого устья реки Белой. Не исключается, потому что современная река Говянка, если рассматривать её долину от её же устья, действительно кажется выходящей *«из одного места»* с рекой Половинной. Так и потому, что по ней вполне можно проехать и в долину реки Крюки, и в долину

реки Половинной, а затем через общий перевал этих двух рек проследовать далее — к рекам Хайрюзовой или Тигилю.

Таким образом, повторюсь, ситуация складывается весьма противоречиво. И чтобы разобраться в ней, обратимся ещё к одному высказыванию автора «Описаний»:

«Из Верхнего Камчатского острога на Тигиль по Еловке же ездят; однако есть оттуда на Тигиль и другие дороги: через Оглукоминский хребет до Оглукоминского острога, и оттуда на север по Пенжинскому морю, а другая по реке Крестовой на Хайрюзову.

Другую дорогою 11 или 12 дней на переезд надобно: ибо следуя вниз по Камчатке первую ночь должно ночевать на Кырганике, другую в Машурином острожке, третью на Шапиной речке, четвертую на Толбачике, пятую у Харкача в острожке, шестую в Крестовском, а от Крестов вверх по реке Крестовой и вниз по Хариузовой до Хариузовского острожка, также, как из верхнего Камчатского острога до Оглукоминского, в третий день переезжают, а от Хариузовского острожка до Тигиля на другой или третий день, как выше показано» [12, с. 146—147].

То есть, как можно видеть, С. П. Крашенинников знал, что истоки рек Крестовой и Хайрюзовой размещаются вблизи друг от друга, но по разные стороны одного и того же перевала через Срединный хребет. Как знал он и то, что ительмены и казаки к рекам Хайрюзовой и Тигилю предпочитали ездить именно по реке Крестовой, а не по реке Греничь. Но раз так, то нынешняя река Половинная, выходящая своим основным истоком к названному перевалу, именоваться Греничем могла только в том единственном случае, если она по выходу из предгорий разделялась на две протоки. Левая (нижняя по течению — точнее) из которых в те времена воспринималась как река Крестовая, а правая носила название Греничь. А вот это-то как раз и проблематично, ибо что-то, а гидрографию тех мест ительмены и казаки знали настолько достоверно, что никак не могли одной и той же реке присвоить два — Греничь и Крестовая — названия. Пусть бы даже у этой реки и существовали два самостоятельных устьевых русла (две протоки). Напомню по этому случаю, что когда у реки Белой в 1973 г. образовалось (в её нижней части) новое русло, то оно получило название Протоки Белой, а не какое-то иное, совершенно новое имя.

Так что окончательным выходом из указанной неразберихи с названиями и руслами рек является признание того факта, что во времена В. Атласова и С. П. Крашениникова нынешняя река Половинная действительно именовалась рекой Канучь (Крестовой). Что она одним руслом впадала в реку Камчатку в том самом месте, где в наше время располагается старое русло реки Белой. И что затем это русло «ушло» вверх по течению реки Камчатки.

Могло бы такое быть? Судя по особенностям развития речной сети этой части долины реки Камчатки — безусловно. Однако прежде чем перейти к обоснованию этого утверждения, стоит ответить ещё на один вопрос — а возможно ли вообще движение собачьих упряжек через упоминаемый перевал? Ну, хотя бы потому следует, что некоторые из моих оппонентов при упоминании об этом перевале протестующе восклицали: *«Но ведь это же невозможно — там такие крутые склоны! Я сам это видел, пролетая на вертолёте».*

Ну, что тут сказать? Что названный перевал ничуть не выше и не круче, чем перевалы Срединного хребта, расположенные между долинами рек Крутогоровой, Облуковиной, Седанкой и так далее с одной стороны и долиной реки Камчатки — с другой? Так ведь это видно и по картам, а потому и не нуждается в доказательствах. Что смотреть и видеть — это совершенно разные вещи? Так и это тоже известная истина. И тем не менее добавлю, что я достаточно часто пролетал на вертолёте над местами, по которым до этого или после этого проходил пешком. А потому прекрасно знаю, что когда вертолёт летит, что называется, «в лоб» горному склону, этот последний за счёт уменьшения угла зрения вплоть до прямого действительно кажется более крутым, чем на самом деле. Но ведь только кажется (оптическая иллюзия, знакомая всем, кто хоть однажды рассматривал аэрофотоснимки), а не является.

Ну, а уж если и говорить о том, кто, что и как видел предметно, то лично я исходил плато и перевал, прилегающие к верховьям рек Половинной и Малого Тигиля, вдоль

и поперёк. Причём исходил, занимаясь ландшафтно-геоморфологической съёмкой местности, а не ради любопытства. А потому достоверно знаю, что оба склона названного перевала сплошь, говоря на профессиональном жаргоне геологов, «задерьмованы» (задернованы) — то есть покрыты горно-тундровой растительностью, из-под которой лишь местами выглядывают отдельные камни, их россыпи и останцы. И только многим ниже седловины перевала, вдоль уже чётко обозначившихся долин ручьёв и речушек, прерывисто тянутся обрывы, скалы и осыпи. Так что перевал этот не так уж и крут и вполне проходим.

Впрочем, для убедительности приведу свидетельство ещё одного бывалого человека: *«Путь до верховьев реки Тигиль занял у нас целый день, погода благоприятствовала. Но когда 20 августа утром мы поднялись (от верховьев реки Анавгай. — В. Б.) на Срединный Камчатский хребет (1 000 м), пошёл дождь, резко уменьшилась видимость, пронизывающий холодный ветер буквально сбивал с ног, и мы вскоре заблудились, хотя шли, ведя в поводу лошадей, строго по компасу. Через 6—6,5 км блужданий по Срединному хребту «свалились» не в реку Половинную, а в один из притоков реки Крюки, в чём разобрались, спустившись по долине реки на 4—4,5 км. Пришлось снова возвращаться на Срединный хребет, снова брать ориентир и снова спускаться на этот раз точно в долину реки Половинной»* [13, с. 153].

То есть, добавлю к сказанному, если (уж поверьте моему почти полувековому опыту профессионального хождения по горам и долам Камчатки) через перевал можно пройти с лошадьми, то собачьи упряжки этот же перевал преодолевают многим легче. Так как единственным препятствием для них могут служить только заросли кедрового и/или ольхового стлаников. Но именно они зимой заносятся снегом начисто.

Так что, возвращаясь к упрекам в многословии, отмечу дополнительно, что приведение цитаты В. М. Никольского нагляднейшим образом иллюстрируют неизбежность появления как множества ссылок, так и пространных рассуждений по поводу их интерпретации. Поскольку без всего этого убедить инакомыслящих в том, что нынешняя река Белая никак не могла быть рекой Крестовой просто невозможно. Хотя, в принципе, описание данной ситуации вполне можно было бы ограничить всего четырьмя фразами.

Впрочем, судите сами. Вот изначальное представление — река Белая никак не могла быть и именоваться рекой Крестовой. А вот его обоснование. Во-первых, истоки рек Белой и Хайрюзовой отстоят далеко друг от друга. Во-вторых, между ними (как, кстати, между ними же и истоками реки Тигиль) располагается мощный, высотой до 2 500 м над уровнем моря, вулканический массив Алней-Чашаконджа, верхние полтора километра которого представляют собой сплошное нагромождение скал, ледников и вечных снежников (см. схему ледников кальдеры вулкана Чашаконджа), что полностью исключает возможность проезда собачьих упряжек по долине реки Белой к рекам Тигиль и Хайрюзовой и обратно. К тому же, в-третьих, даже тот исток реки Белой, который располагается на юго-восточном склоне вулкана Чашаконджа, настолько далеко удалён от долины нынешней реки Половинной, что посчитать их вытекающими из одного и того же места невозможно даже при самом большом желании.

И тем не менее хотя эти несколько фраз предельно точно передают суть дела, некоторые из моих оппонентов до сих пор не воспринимают сути дела. Так что придётся подкрепить это суждение ещё одним свидетельством автора «Описания».

«Ошачь речка, от спуску на Крестовую в версте, вышла с правой стороны верстах в шестидесяти из хребта и впадала в Крестовую. Мы вверх по ней поехали», — пишет С. П. Крашенинников в уже упоминаемом выше рапорте [1, с. 663].

То есть, оказывается, во времена С. П. Крашенинникова в реку Крестовую впадала большая река, именуемая им Ошачь. А единственной большой рекой, выходящей в этой местности из хребтов справа (справа относительно следования нарт С. П. Крашенинникова, подчеркну, а не относительно впадения в реку Крестовую), является река Белая. И это означает, что нынешняя река Белая, выходящая своим старым руслом к реке Камчатке строго с севера, никак не могла быть рекой Крестовой в понимании Крашенинникова, ибо последняя подходила (могла подходить — скажу пока так) к реке Камчатке строго с запада. И Крашенинников об этом прекрасно знал, так как он,

напомню, указывал, что он сначала переехал реку Крестовую в двух верстах выше её устья и только затем через версту достиг русла её притока — реки Ошачь. А такое могло быть только в том единственном случае, если река Крестовая принимала в себя реку Белую, а не была ею.

Правда, в этом же месте имеется ещё небольшая речушка Озерная, также текущая с севера, которую, при желании, можно отождествить с рекой Ошачь. Но только при очень большом желании, ибо начинается она не в хребте, а в озере Белом, расположенном в долине реки Камчатки. Да и протяжённость её не превышает шести километров, что также никак не вяжется с теми шестидесятью верстами, на которые указывает С. П. Крашенинников. Ну а поскольку бывший студент очень точно указывает истоки, протяжённость и прочие (наличие тех же горячих ключей) данные следующей по течению большой реки — Киревны (Шваннолома), отстоящей от реки Белой более чем на двадцать верст, то кроме реки Белой никакой другой водоток этой местности на звание реки Ошачь претендовать не может. Так что действительно во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова в том месте, где до 1973 г. старое русло реки Белой выходило к реке Камчатке, существовали две самостоятельные реки, которые совместным устьем впадали в реку Камчатку.

Обобщение полученных результатов. У нас чётко обозначился первый и по-настоящему реальный результат, согласно которому река Белая не могла быть рекой Крестовой. А следовательно, и само представление о том, что современная река Белая — это и есть река Канучь (Крестовая), должно быть отвергнуто раз и навсегда. Тем не менее дабы окончательно убедить возможных оппонентов в истинности этого вывода, вернусь, как и обещал ранее, к объяснению процесса и механизма развития гидрологической ситуации в исследуемой местности.

Дело в том, что все приведённые выше факты и соображения предполагают тот вариант их интерпретации, согласно которому нынешняя река Половинная во времена В. Атласова и С. П. Крашенинникова действительно именовалась рекой Крестовой (Канучь). При этом она выходила к реке Камчатке единым руслом в двенадцати верстах ниже нынешнего своего устья. И к тому же неподалеку от её тогдашнего устья впадала река Белая (Ошачь).

Кстати, резкий зигзаг, который совершает старое русло реки Белой перед впадением в реку Камчатку, как раз и является отражением той самой ситуации, когда река Крестовая, текущая строго с запада, принимала в себя реку Ошачь, текущую строго с севера. Ибо когда река Крестовая в XIX в. изменила своё течение, река Ошачь попросту унаследовала самую нижнюю часть её русла. А заодно и название — Крестовая, которое несколько позднее было заменено на её нынешнее — Белая — имя.

Таким образом, повторюсь лишний раз, единственно приемлемым объяснением ситуации, вследствие которой река Крестовая (Кшанучь) стала впадать в реку Камчатку в двенадцати верстах выше, чем триста лет тому назад (и поменяла, уточню, вслед за этим своё название) может служить естественное перемещение речных русел. Но возможно ли такое явление в принципе? Попробуем разобраться.

Как известно, начало XVIII в. было для Камчатки временем прохождения через максимум «малого ледникового периода». То есть временем, когда площадь ледников и многолетних снежников Срединного хребта и его отрогов была существенно большей, чем в наше время, а сами эти ледники и снежники спускались по речным долинам гораздо ниже, чем сейчас. А потому и речной сток летом — в том числе и реки Канучь (будущей Половинной) — так же был заметно интенсивнее нынешнего. Вследствие чего основная масса влекомого материала отлагалась в её нижней, широко распластанной внутренней (аэральная) дельте, простирающейся вдоль берега реки Камчатки на двенадцать вёрст.

Однако в результате последующего потепления площади и массы ледников и многолетних снежников в Срединном хребте и его отрогах заметно уменьшились. Столь же заметно уменьшились речной сток и, отсюда, несущая способность самого речного потока. Что, в свою очередь, обернулось отложением основной части несомого материала выше по течению реки. И, как следствие, в этой, гораздо более узкой части речной долины, аллювий стал формировать гораздо менее широкую, но несколько

более мощную толщу. Что, в конце концов, и привело к тому, что река своими собственными наносами быстро забила прежнее русло и потекла в новом направлении. Причём, не исключается, что такое смещение русла произошло в два этапа. О чём позволяет судить наличие верхнего и нижнего (относительно течения реки Камчатки) русел современного ручья Холмового, общее начало которым дают подрусловые (грунтовые) воды реки Половинной, пробивающиеся из-под её же собственных аллювиальных отложений.

Таковым мог оказаться процесс перестройки гидросети исследуемой местности. Что же касается самого механизма отшнурования и перемещения речных русел, то он выглядит следующим образом (излагаю специально для историков и краеведов): все горные реки, несущие большое количество взвешенного материала, при выходе из предгорий формируют за счёт резкого снижения скорости течения так называемые субаэральные (континентальные) дельты, которые в плане представляют собой конусы выноса с дугообразной поверхностью, плавно понижающейся в обе стороны поперёк самого тела конуса. При этом, поскольку река продолжает поставлять, отлагать и переотлагать несомый материал, её русло постепенно приподнимается относительно той части поверхности конуса, по которой она протекает. И рано или поздно река неизбежно устремляется из более высокого места конуса в более низкое, прорывая себе при этом новое русло. Такое происходит на всех реках — разница заключается лишь в том, что на одних это происходит редко и не столь заметно, а на других часто и очень, вплоть до катастрофы, масштабно.

Кстати, в некотором отношении примером проявления подобного рода — накопление наносов, подъём русла и прорыв в сторону — процессов служит река Хуанхэ, наносное русло которой, с двух сторон ограниченное искусственными дамбами, местами на двадцать и более метров возвышается над окружающими пространствами. Это время от времени приводит к прорыву дамб и сокрушительным наводнениям.

Впрочем, это так, отступление от темы, хотя и полезное. А в продолжение разговора о наших реках, замечу, что всё, до сей поры сказанное, было всего лишь предположением — пусть бы и построенным на строгой научной основе. Подлинным же доказательством его истинности может быть только факт реального изменения речных русел, произошедший именно в данной местности. И таковой факт, как говорится, имеет место быть.

Дело в том, что река Белая, служащая камнем преткновения для всех тех историков и краеведов, которые пытаются интерпретировать данные В. Атласова и С. П. Крашенинникова без учёта развития реальной ландшафтной (гидрографической) обстановки, в 1973 г. «неожиданно» поменяла нижнюю часть своего русла и стала впадать в реку Камчатку в нескольких, если мерить по руслу реки Камчатки, километрах ниже своего прежнего устья. Чем, кстати, и объясняется постоянное использование мною словосочетания — «старое русло реки Белой».

Впрочем, изложу всё по порядку. В 1973 г. мне довелось трижды пройти вдоль русла реки Белой от её истоков до устья и обратно. При этом мы с Ю. М. Стефановым, следуя её руслом в первый раз (и вообще — впервые), полностью доверились карте, согласно которой наш маршрут должен был пролегать по тропе, идущей вдоль и в полтора-двух километрах от нижней части русла реки, по её левому берегу. А потому не сразу обратили внимание на то, что русло реки изменило своё направление. И лишь только когда, потеряв окончательно заросшую тропу, мы упёрлись в какую-то неведомую реку, протекающую в торфяных, болотистых берегах, к нам пришло понимание, что тут что-то не так. Определив методом засечек место своего нахождения, мы обнаружили, что находимся на полтора-два километра левее русла, нарисованного на карте. После чего нам не оставалось ничего другого, как перейти на другую сторону реки и, взяв азимут, напрямую двинуться к кресту, стоящему в устье реки Белой. Который, кстати, к этому времени (через четырнадцать лет после установки) практически полностью зарос тальником.

Что же касается нового русла, то оно и само пролегалo в невысоких торфяных берегах, и его дно также было сложено торфом. На всём виденном нами участке русла полностью отсутствовали отложения галечника, тогда как (что обнаружилось

при возвращении назад на вулкан Чашаконджу по старому руслу реки Белой) всё бывшее русло этой реки было выложено прекрасно окатанным галечником, присыпанным мелким белесоватым илом (вот и причина появления названия — Белая), принесённым из кратера вулкана Чашаконджа. Идти по нему было сплошное удовольствие, несомненное, тем более что до этого несколько километров пришлось продирааться по пах, а то и по пояс в воде, через болото с большими травяными кочками.

Стоит отметить также и то, что на всём протяжении этой, почти полностью осушенной части речного русла ещё не успела вырасти ни одна травинка, не говоря уже о тальнике. А ведь этот последний настолько быстро заселяет галечниково-песчаные отложения, что уже через три-четыре года на новых косах образуется густейший подрост ивок, высотой до пяти метров. И это отсутствие растительности на обнажившемся днище реки свидетельствует о том, что прорыв её нового русла произошёл именно в результате весенне-летнего половодья 1973 г. То есть ещё до того, как созрели семена ив и трав.

К сказанному остаётся добавить, что подобные прорывы реками своих старых берегов с одновременным уходом новых русел и устьев на километры в сторону от прежних, явление для этих мест долины реки Камчатки вполне обычное. А следовательно, и гипотеза о перемещении русла и устья реки Крестовой (Половинной) на двенадцать вёрст вверх по течению (с одной стороны её конуса выноса на другой) имеет полное право на существование. Как приобретает такое право и предположение о том, что русло реки Канучь (она же Кчанучь, Кшанучь, Крестовая, Крестовка) до конца XIX в. выходило к реке Камчатке в том самом месте, где ныне располагается старое русло реки Белой. Что, лишний раз замечу, прекрасно трассируется нижним (левым) руслом нынешнего ручья Холмового.

Подведение итогов. Итак, всё изложенное выше убедительно подкрепляет версию о том, что река Крестовая (Канучь) в понимании С. П. Крашенинникова и река Белая (Ошачь) являются разными реками. Тем не менее для полного завершения картины мне не доставало ещё одного, последнего, так сказать, штришка. И таковой, в конце концов, отыскался.

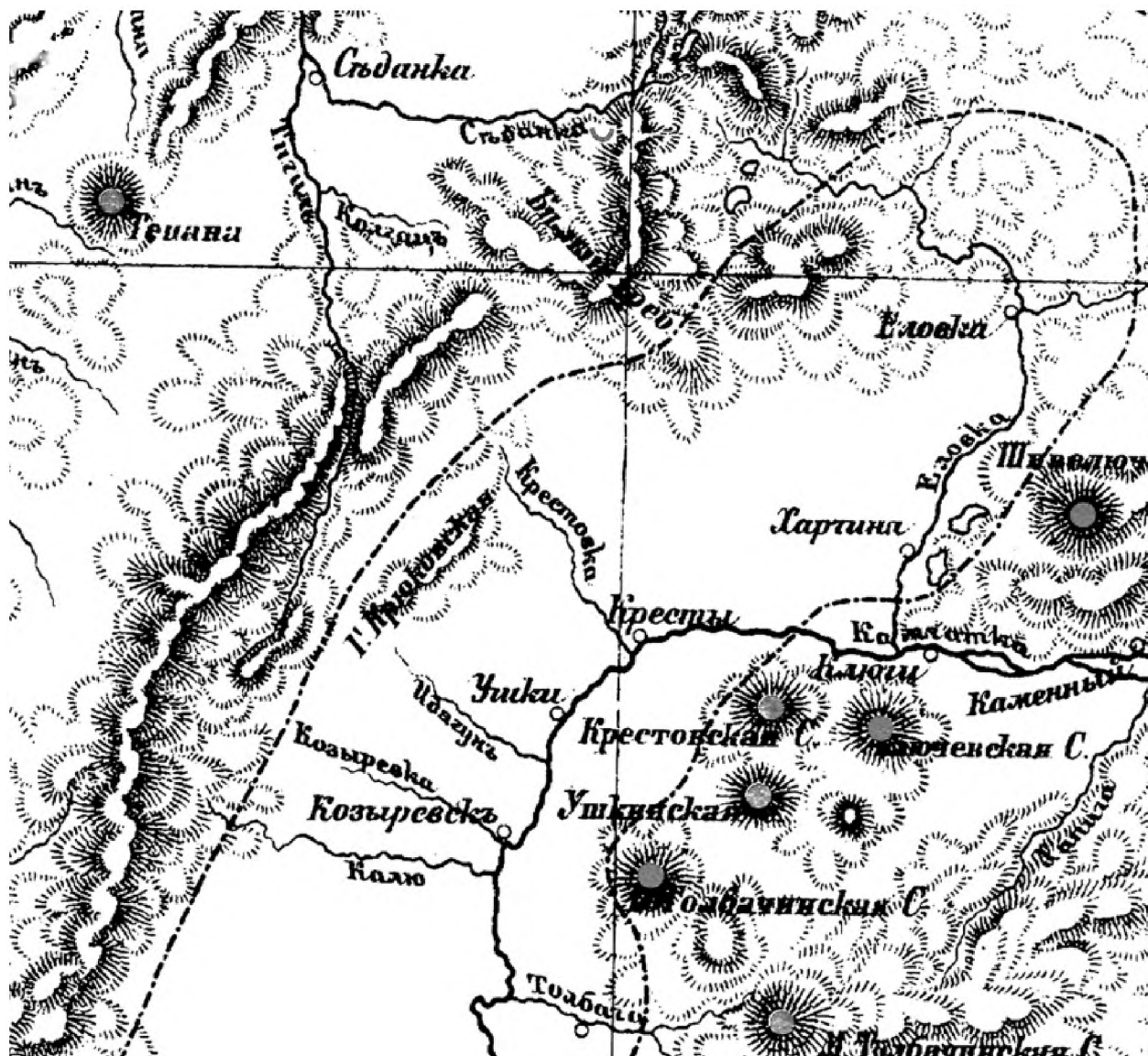
Дело в том, что спустя век после выхода в свет «Описания земли Камчатки» другой видный исследователь природы полуострова К. Дитмар [6] на своей карте нарисовал реку Крестовую, очертания которой практически полностью повторяют очертания современной реки Половинной. Вплоть до того, что на ней отчетливо видно, что исток этой реки лежит многим южнее хребта Белого — так в те времена именовался вулканический массив Алней-Чашаконджа. Кстати, в переводе с корякского слово «Алней» означает — «Белая гора» или «Белая голова». А из-под Белой горы может вытекать только Белая речка, а никак не Крестовая.

Впрочем, это так, к слову. К слову о возможной причине возникновения названия реки Белой, ибо точно также — Белой — именуется и река, стекающая с противоположного склона массива Алней-Чашаконджи. А специально отмечу, что исток реки Крестовой на карте К. Дитмара приурочиваются хребту Крюки, именуемого на карте горой Крюковской. И что именно к этой реке он привязывает пути ительмены и казаки к реке Тигилю и обратно: «*Есть также и очень удобные зимние проходы — к истокам Тигиля, а равно и в долину Камчатки, к рекам Крестовке и Козыревке (ныне — Быстрой. — В. В.) — проходы, которыми пользуются нередко*» [6, с. 406]. И эти обстоятельства лишний раз подтверждают суждение о том, что нынешняя река Белая, каким бы образом не возникло её название, никак могла быть рекой Крестовой.

Но всё же наиболее убедительным свидетельством в пользу этой точки зрения является отсутствие на карте К. Дитмара реки Белой (Ошачь). Поскольку это однозначно говорит о том, что название Крестовка принадлежало той и только той реке, истоки которой располагались на восточном склоне перевала между реками Малый Тигиль и нынешней Половинной, а не реке, берущей своё начало на склонах и в кратере вулкана Чашаконджа. Или, говоря иначе, К. Дитмар, как и С. П. Крашенинников, не отождествлял две совершенно разные реки.

Таким образом, отсутствие на карте К. Дитмара реки Ошачь (Белой), берущей своё начало в кратере вулкана Белого (Чашаконджи), и наличие реки Крестовой,

начинавшейся со склонов Срединного хребта и хребта Кроноки, убедительно подтверждают мнение о том, что реки Крестовка и Ошачь (Белая) — это действительно разные реки.

Фрагмент карты К. Дитмара [6]

Вслед за чем остаётся признать, что река Крестовка поменяла устьевую часть своего русла ещё в конце первой половины XIX в., а не в самом его конце. Или во всяком случае поменяла его сначала частично, и лишь в конце этого же века перестройка её русла завершилась полностью.

В целом же, всё это окончательно убеждает нас в том, что отождествление бывшей реки Крестовой с нынешней рекой Белой не соответствует реальной ландшафтно-экологической обстановке исследуемого региона. А потому поставлю последнюю точку: мнение о том, что река Белая (Ошачь) — это и есть река Крестовая, должно быть отвергнуто раз и навсегда. Как, кстати, раз и навсегда должно быть отвергнуто и представление о том, что отряд В. Атласова мог спуститься со Срединного хребта к реке Камчатке по долине реки Белой (Ошачь).

ИСТОЧНИКИ

1. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — Т. I. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — 438 с.
2. Головнин В. М. Путешествие на шхуне «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина, в 1807—1811 годах. — М.: Географгиз, 1961. — 480 с.

3. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — 130 с.
4. *Быкасов В. Е., Каразия Н. Ф.* Ледники вулкана Чашаконджа // Гляциологические исследования. — М.: Наука, 1976. — № 25. — С. 51—54.
5. Первая «скаска» Владимира Атласова 1700 г. // Колумбы земли Русской / Сост. К. В. Цеханская. — Хабаровск, 1989. — С. 69—76.
6. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Ч. I. Исторический отчет по путевым дневникам. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — 566 с.
7. *Борисов В. И.* Усть-Камчатский район. Из истории населенных пунктов. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — 180 с.
8. *Пийп Б. И.* Термальные ключи Камчатки. — М. : Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 268 с.
9. *Жилин М. Я.* Крест Атласова // Неизвестная Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — № 1. — С. 26.
10. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский, 1997. — 203 с.
11. *Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. — Магадан, 1989. — 456 с.
12. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М. : Л.: Главсевморпуть, 1949. — С. 655— 666.
13. *Никольский В. М.* О том, чему жизнь посвятил... Геологическими маршрутами Камчатки. Воспоминания и дневники геологов. — Т. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 42—396.

О. А. ПЫЖЬЯНОВА

«ВЕЛИКОЙ РОССИИ ЗЕМЛЯ»

Геральдические символы Камчатской области — Камчатского края и города Петропавловска-Камчатского. Гербы Камчатской области (с 1 июля 2007 г. — Камчатского края) и города Петропавловска-Камчатского в своей основе сохраняют историческую преемственность первого герба Камчатской области Российской Империи, утверждённого в 1851 г., и первого герба Петропавловска, утверждённого в 1913 г.

Официальной датой присоединения Камчатки к России считается 24 июля 1697 г. Эта дата была нанесена на крест, установленный русским первопроходцем Владимиром Атласовым и его «сотоварищами» на реке Крестовой в центральной части Камчатского полуострова. Крест указывал на принадлежность данных земель России.

6 (17) октября 1740 г. мореплаватель Витус Беринг вошёл на пакетботах «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел» в Авачинскую губу, расположенную на восточном побережье Камчатского полуострова. Небольшую, но удобную для зимовки кораблей гавань Витус Беринг назвал «Святых апостолов Петра и Павла». Вскоре её стали именовать Петропавловской, а заложенное Берингом поселение — Петропавловским портом.

2 декабря 1849 г. Высочайшим указом была образована новая область Российской Империи — Камчатская, вошедшая в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Управление областью вверялось губернатору из чинов морского ведомства. Первым губернатором Камчатки был назначен капитан 1-го ранга Василий Степанович Завойко с производством в чин генерал-майора при вступлении в должность. Местопребыванием губернатора был определён Петропавловский порт.

22 июня 1851 г. Департамент герольдии утвердил герб Камчатской области (здесь и далее см. 1—3-ю страницы цветной вкладки): «В серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащие горы чёрного цвета. Щит увенчан золотой императорской короной... В сим гербе украшения изображают отличительные черты Камчатского полуострова — огнедышащие горы — единственные в Российской Империи» [1].

Камчатский историк И. В. Витер поясняет: «Описание (герба. — *О. П.*) дано П. П. Винклером и Н. Н. Сперансовым и несёт неточность: "...увенчан императорской короной". Герб же увенчан называемой в геральдике "древней царской короной". В действительности такая корона не существовала, но она помещалась на гербах областей и градоначальств — это был золотой венец (обруч), украшенный камнями, имеющий четыре листа сельдерея и жемчужины, увенчанные крестами. По обе стороны

щита золотые дубовые листья и ветки с желудями, соединённые красной (алою) Александровской лентой» [2].

В августе 1854 г. в разгар Крымской войны к берегам Камчатки подошла англо-французская эскадра с целью уничтожить Петропавловский порт — форпост России на Тихом океане. Героическое сражение защитников русского порта с шестью вражескими кораблями завершилось поражением эскадры. Однако на следующий год ожидалось нападение на порт более крупными силами. Подготовить Петропавловский порт, расположенный на отдалённых восточных рубежах России, к новой обороне не было возможности. По приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва гарнизон Петропавловского порта в начале апреля 1855 г. был передислоцирован в устье Амура.

В 1856 г. Камчатская область была упразднена. Камчатский полуостров в качестве Петропавловского округа вошёл в состав Приморского края. Но официальной отмены областного герба не последовало. Его основной элемент: щит с тремя «огнедышащими горами» применялся на печати Петропавловского окружного полицейского управления, печатях глав местного самоуправления — сельских старост. В фондах КГУ ККОМ имеются копии документов 70-х гг. XIX столетия с оттисками этих печатей.

В августе 1909 г. была вновь образована Камчатская область во главе с губернатором. Административным центром становится город Петропавловск-на-Камчатке.

26 апреля 1913 г. был «удостоен Высочайшего Его Императорского Величества утверждения» герб Петропавловска. Официальное ходатайство об утверждении проекта герба позволяет лишь предполагать, что его автором был областной инженер-архитектор, статский советник К. А. Заранек. В документе Гербового отделения отмечено, что утверждённый городской герб есть тот же, что и герб области, с разницей лишь в украшении. Герб описан следующим образом: «в серебряном щите три чёрные сопки с исходящим пламенем. Щит украшен золотой башенной короной о трёх зубцах и окружён двумя золотыми якорями, соединёнными Александровской лентой». К документу прилагался рисунок герба и повторялось его описание, в котором цвет сопок назывался «червлёным» [3].

Любопытен факт использования городского герба в послереволюционный период. В 1920 г. в виду недостатка в Петропавловском казначействе денежных средств на текущие расходы и выплату жалования служащим, Первый Петропавловский уездный съезд Советов принял решение о временном выпуске кредитных билетов. На камчатских деньгах был изображён герб Петропавловска 1913 г.

Нынешнее название «Петропавловск-Камчатский» город получил в 1924 г. В 1970-х гг. на значках и сувенирной продукции часто печатался неофициальный герб города. Он имел вид гербового щита, в верхней части которого на белом фоне помещены три курящихся вулкана, в нижней части на голубом фоне — рыба.

В декабре 1993 г. опубликовано постановление градоначальника Петропавловска-Камчатского А. К. Дудникова № 3513 «О восстановлении исторического герба города Петропавловска». Согласно утверждённому положению «О гербе областного города Петропавловска-Камчатского», тот «представляет собой изображение в серебряном щите трёх червлёных сопки с исходящим пламенем. Щит сверху украшен башенной короной с тремя зубцами в обрамлении двух перекрещивающихся по диагонали якорей, символизирующих Петропавловск-Камчатский как морской порт, перевитых алой (муаровой) Александровской лентой... Цвет червлень — (символ храбрости, мужества и неустрашимости) изображается краскою — смесью железного сурика и киновари (первый преобладает)».

В конце XX столетия в стране шло активное развитие территориальной и муниципальной геральдики. Распространилась тенденция иметь не только земельный герб, но и флаг. Камчатская область оставалась одним из немногих дальневосточных регионов, не имевших официальной символики. Статусные атрибуты исторического герба Камчатки, который был утверждён ещё в 1851 г. указом императора Николая I, не соответствовали современным геральдическим требованиям.

В 2001 г. при губернаторе Камчатской области была сформирована геральдическая комиссия. Тогда же был объявлен конкурс на разработку эскизов герба и флага

Камчатской области. За основу эскизов было предложено взять исторический герб, содержащий символы полуострова — три дымящихся вулкана. Победителями конкурса стали камчатские художники Р. Глибовицкий — автор герба, и С. Шанин — автор флага.

В начале 2004 г., после доработки и согласования символов в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации и подготовки проектов соответствующих законов, работа над гербом и флагом Камчатки завершилась. Законы Камчатской области о гербе и флаге были приняты депутатами на сессии областного Совета 15 апреля и подписаны губернатором 5 мая 2004 г.

Законы закрепили следующее описание камчатских геральдических символов:

«Герб Камчатской области представляет собой четырёхугольный с закругленными нижними углами, заострённый в оконечности геральдический щит. В лазоревом поле над волнистой серебряной оконечностью, обременённой двумя волнисто-изогнутыми лазоревыми поясами — три чёрные сопки, окаймлённые серебром, с серебряным снегом на вершинах и с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма».

«Флаг Камчатской области представляет собой прямоугольное полотнище из двух горизонтальных полос: верхней — белого, нижней — синего цвета. Соотношение полос по ширине — 2:1. В крыже расположено изображение фигур герба Камчатской области: огнедышащих сопки и волн; сопки изображены чёрными, с красным пламенем, белыми вершинами, окаймлением по краям и дымом, волны — синими и белыми; белые детали изображения (кроме волн) отделены от белого фона полотнища тонкими синими контурами. Отношение ширины флага к его длине — 2:3» [4].

На основании решения Геральдического совета при Президенте Российской Федерации герб и флаг Камчатской области внесены в Геральдический регистр 18 февраля 2005 г. Гербу Камчатки присвоен регистрационный № 1760, а флагу — № 1761.

В 2001 г. началась также работа над созданием гимна Камчатки. По предложению геральдической комиссии слова гимна написал известный российский поэт Б. С. Дубровин. Музыка сочинил композитор, заслуженный деятель искусств России, руководитель Камчатской хоровой капеллы Е. И. Морозов. Закон «О гимне Камчатской области» принят Советом народных депутатов Камчатской области 22 декабря 2004 г., подписан губернатором М. Б. Машковцевым 29 декабря 2004 г. Утверждения гимна в Геральдическом совете не требуется.

Согласно проведённой реформе местного самоуправления, Петропавловск-Камчатский в 2005 г. был наделён статусом городского округа. В августе 2006 г. на имя главы Петропавловск-Камчатского городского округа В. В. Скворцова поступило письмо от государственного герольдмейстера Г. В. Вилинбахова о том, что сохранение прежнего герба города с перекрещёнными за щитом якорями невозможно. В результате последовавшей работы над гербом якоря — символ морского города — были перенесены к подножию гербового щита, а по бокам разместили щитодержателей [5].

Положение о гербе Петропавловск-Камчатского городского округа, принятое 31 мая 2007 г. городской думой, содержит подробное геральдическое описание и толкование символики герба: «В серебряном поле три чёрных огнедышащих горы (средняя впереди двух других) с червлёными пламенами и чёрными дымами над ними. Щит увенчан муниципальной короной установленного образца. Щитодержатели — серебряные в золотых одеяниях Святые Апостолы Пётр (справа) и Павел (слева), одной рукой поддерживающие щит, а в другой имеющие: Пётр — серебряные ключи и свиток, Павел — книгу. Подножие — два положенных накрест лапами вниз золотых морских якоря. Щит окружён, подножие обвито лентой ордена Трудового Красного Знамени...

Герб исторический высочайше пожалован городу Петропавловску-Камчатскому 26 апреля (9 мая нового стиля) 1913 г. Обрамление соответствует современному статусу и значению города. Корона своей формой и цветом указывает на статус Петропавловска-Камчатского как городского округа, а наличие лаврового венка — на то, что Петропавловск-Камчатский является административным центром субъекта Российской Федерации — Камчатской области. Щитодержатели — Святые апостолы

Пётр и Павел — указывают на имя города и его святых покровителей, подножие в виде якорей — на исключительное морское и военно-морское значение Петропавловска-Камчатского и определяющее значение Петропавловска-Камчатского как морского порта для развития российского Дальнего Востока. Лента указывает на то, что в 1972 г. Петропавловск-Камчатский был награждён правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени».

Герб Петропавловск-Камчатского городского округа утверждён геральдической комиссией в апреле 2007 г.

Описание флага Петропавловск-Камчатского городского округа: «Прямоугольное полотнище из двух горизонтальных полос: верхней — белого, нижней — синего цвета. Соотношение полос по ширине — 2:1. В центре белой полосы расположено изображение герба Петропавловск-Камчатского городского округа. Нижняя часть полотнища представляет волнообразные полосы синего, голубого и белого цветов, символизирующих город Петропавловск-Камчатский как морской порт. Пять гребней волн указывают на город с численностью населения более 50 тысяч человек. Отношение ширины флага к его длине — 2:3» [6].

1 июля 2007 г. Камчатская область и Корякский автономный округ (КАО) объединились в новый субъект Российской Федерации — Камчатский край. В течение переходного периода — формирования исполнительных и законодательных органов власти в крае — символика региона оставалась без изменения. Во всех официальных случаях использовались изображения двух гербов: Камчатской области и КАО. На здании правительства Камчатского края были установлены два флага.

Закон № 61-ОЗ «О гербе и флаге Корякского автономного округа» Дума КАО приняла 13 июля 1998 г. 28 июля 1998 г. закон был подписан главой администрации КАО В. Т. Броневич. В нём даётся следующее описание официальных символов: герб «...представляет собой голубой щит, в нём бегущий (вправо геральдически) белый олень, вверху — красная полоса не шире 1/3 щита без изображений». Герб является своеобразным памятником преемственности истории и культуры КАО, отражает природно-климатическую особенность и основную направленность традиций. Олень изображён бегущим, стремящимся в будущее. Издавна для коренных народов олень являлся источником пищи, средством передвижения, сырьём для изготовления одежды, жилища.

Флаг КАО «представляет собой прямоугольное полотнище, разделённое по вертикали на три равновеликие полосы: две крайние — ярко-голубые, средняя — белая, на которой в центре изображена голова оленя красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2:3».

Герб и флаг КАО были внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 437 и 438.

Проекты официальных символов Камчатского края были разработаны в рамках конкурса, объявленного в августе 2008 г. Геральдическая комиссия, образованная при правительстве края, признала лучшими проекты герба и флага И. Царькова. Авторами гимна явились поэт Б. С. Дубровин и композитор Е. И. Морозов.

В феврале 2010 г. на сессии Законодательного собрания Камчатского края были приняты законы Камчатского края о гербе, флаге и гимне Камчатского края. 5 марта 2010 г. их подписал губернатор края А. А. Кузьмицкий (законы № 395—397).

В законах даётся описание новых официальных символов Камчатского края: «Герб Камчатского края представляет собой четырёхугольный с закруглёнными нижними углами, заострённый в оконечности геральдический щит. На серебряном поле щита по центру изображены три разновеликих вулкана чёрным цветом с посеребрёнными вершинами, с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма. За вулканами в верхней части щита червлением по серебру изображено восходящее солнце. Вокруг солнца — национальный орнамент, состоящий из червлёных и лазурных треугольников, обведённых серебряным кантом... Нижняя треть щита лазурная, отделена от изображения вулканов серебряной волной».

«Флаг Камчатского края представляет собой прямоугольное полотнище из двух горизонтальных полос: верхней — белого, нижней — синего цвета. Соотношение полос по ширине — 2:1. В крыже расположено изображение фигур герба: три разновеликих

вулкана чёрным цветом с посеребрёнными вершинами, с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма. За вулканами в верхней части щита червлением по серебру изображено восходящее солнце. Вокруг солнца национальный орнамент, состоящий из червлёных и лазурных треугольников, обведённых серебряным кантом... Отношение ширины флага к его длине — 2:3».

Гимн Камчатского края

*Величава, сурова Камчатка,
Край сокровищ земных необъятный.
Сквозь рассветный туман
Вновь курится вулкан
И зовёт рыбаков океан.*

*Камчатка — судьба ты моя,
Навеки родные края.
Любовь ты и гордость моя,
Великой России земля.*

*В жизни стоит любого богатства
Наше дружное, крепкое братство.
Мы надеждой живём,
Ты, Камчатка, — наш дом,
Как святыню тебя бережём.*

*Камчатка — судьба ты моя,
Навеки родные края.
Любовь ты и гордость моя,
Великой России земля.*

*День России берёт здесь начало,
На Камчатке, у наших причалов.
Нет надёжней щита,
Чем границы черта,
Здесь России форпост — навсегда.*

*Камчатка — судьба ты моя,
Навеки родные края.
Любовь ты и гордость моя,
Великой России земля.*

Официально новая символика Камчатского края начала использоваться с 1 июля 2010 г. С этой даты гербы и флаги бывших Камчатской области и КАО утратили силу.

Геральдические символы муниципальных образований и поселений Камчатской области — Камчатского края. В 1703 г. на берегах реки Камчатки казаки заложили Нижнекамчатский острог. На рубеже XVIII—XIX столетий здесь строились корабли, отсюда уходили в плавания экспедиции на освоение побережья Америки и промысел пушных зверей на Алеутских островах. С 1783 по 1803 г. вся территория Камчатского полуострова относилась к Нижнекамчатскому уезду Охотской области Иркутской губернии. Согласно именному указу, центры уездов объявлялись городами. В 1785 г. городским положением Екатерина II повелела: Нижнекамчатску «...иметь герб, утверждённый рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах» [7].

Герб уездного города Нижнекамчатска был Высочайше утверждён в 1790 г. Его описание гласит: «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней части, в голубом поле, кит, в знак того, что у сего города в Океане много их находится» [8].

В 60-х гг. XX столетия Нижнекамчатск был исключён из списка населённых пунктов. Однако основная фигура исторического герба города Нижнекамчатска — кит на синем поле — включена в герб и флаг современного Усть-Камчатского муниципального района с центром в пос. Усть-Камчатске. В композицию герба включена также

и неотъемлемая часть ландшафта — величайший действующий вулкан Евразии Ключевской. Герб и флаг Усть-Камчатского районного муниципального образования (РМО) Камчатской области были утверждены решением Совета народных депутатов Усть-Камчатского РМО № 150 от 2 апреля 2003 г. и внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 1181 и 1182.

Описание герба: «Щит пересечён; вверху, в червленом поле — курящаяся серебряная сопка, сопровождаемая двумя малыми вершинами того же металла; внизу в лазоревом поле — золотой, бьющий хвостом кит».

Ключевской вулкан как географическая достопримечательность изображён на гербе и флаге Ключевского сельского поселения, расположенного в тридцати километрах от вулкана. Селение Ключевское основано в 1740 г. крестьянами-переселенцами с реки Лены. Им предстояло обживать земли обширной долины реки Камчатки — исторического центра сельскохозяйственного освоения полуострова. Эту водную артерию символизирует на гербовом щите серебряная оконечность, а богатую фауну её долины отражает белоплечий орлан — древний и характерный обитатель этих мест. Герб и флаг Ключевского сельского поселения утверждены решениями собрания депутатов Ключевского сельского поселения № 18 и 19 от 3 апреля 2007 г. и внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 3261 и 3262.

Описание герба: «В лазоревом поле над узкой выщербленной серебряной оконечностью с лазоревой внутренней каймой — зелёная гора о трёх серебряных вершинах, из которых средняя ниже прочих, а правая выше и извергает червлёное пламя с серебряной, склонённой влево струей дыма, не достигающей верхнего края щита; поверх горы — чёрный, с серебряными теменем, плечами и хвостом и с золотыми глазами, клювом и лапами, летящий вправо с распростёртыми и вздетыми крыльями орлан».

14 мая 2005 г. решением Думы Усть-Большерецкого муниципального района № 277 были утверждены районные герб и флаг. Основным занятием местного населения является рыбный морской промысел. Географической особенностью Усть-Большерецкого РМО является его расположение на южной оконечности Камчатского полуострова. Это отражено в гербе опрокинутым золотым острием. Медведь, держащий рыбу, символизирует природные богатства этой территории: многочисленных животных, обитающих в горах и лесах, и ценные породы лососевых рыб в море. Герб и флаг Усть-Большерецкого РМО внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 1923 и 1924.

Описание герба: «В лазоревом поле золотое опрокинутое острие, обременённое стоящим чёрным медведем, держащим в зубах серебряную рыбу (косвенно, головой книзу)».

9 марта 2006 г. Дума Соболевского РМО приняла решение № 17 об установлении районного герба и флага, которые были внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 2243 и 2244.

С 2008 по 2010 г. появились официальные символы у пяти РМО Камчатского края: Алеутского, Карагинского, Олюторского, Тигильского и Елизовского.

Алеутский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решением районной Думы № 162 от 1 декабря 2008 г., внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 4522 и 4523.

Описание герба: «В поле, вверху скошенном слева серебром и лазурью, а внизу лазоревом — золотой алеутский охотник в шапке с длинным козырьком, с сумкой через левое плечо, сидящий в каяке (алеутской лодке) с червлёной полосой по краю, правой рукой заносающий в броске таковой же метательной дощечкой трёхконечный с серебряными остриями золотой гарпун, положенный поверх деления, а левой рукой держащий двойное золотое весло и сопровождаемый вверху, в серебре, лазоревой восьмилучевой звездой с укороченными косвенными лучами, а внизу — золотым лежащим тюленем».

Цвета и фигуры герба аллегорически и символически раскрывают национальные, этнографические и экономические особенности Алеутского района. Охотник в национальной одежде, сидящий в каяке и держащий традиционный вид орудия охоты на морского зверя — метательную дощечку с прикрепленным к ней гарпуном с тремя

дополнительными стрелами — символически отражает особенности проживания и выживания титульного народа в непростых условиях северного побережья Дальнего Востока. Тюлень — аллегория богатства здешних мест морским зверем, охота на которого является основным видом занятий местного населения.

Алеутский район состоит из группы островов. Основными из них являются Медный и Беринга, открытый похороненным на нём великим мореплавателем В. Берингом. Восьмиконечная звезда — роза ветров — символ первооткрывателей, путешественников, людей с непростой судьбой, любителей приключений. Командоры называют «страной ветров и туманов» из-за их расположения на стыке холодного Северного Ледовитого океана и теплого течения Куроисио. Скошенная серебряная часть флага — аллегория этих туманов и снегов, покрывающих острова с ноября по апрель.

Голубой цвет (лазурь) — символ возвышенных устремлений, искренности, преданности, возрождения. Белый цвет (серебро) — отражает чистоту, открытость, божественную мудрость, примирение. Жёлтый цвет (золото) — символ высшей ценности, величия, великодушия, богатства, урожая. Красный цвет — символ труда, мужества, жизнеутверждающей силы и красоты, праздника — аллегорически обозначает ратный труд тружеников района.

Символика герба Алеутского РМО положена в основу флага района. Идея герба принадлежала главе РМО Н. Извекову.

Карагинский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решением Совета депутатов Карагинского РМО № 33 и 34 от 24 ноября 2008 г. Внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 4519 и 4520.

Описание герба: «В червлёном поле на лазоревой оконечности, обрамлённой серебряным лососем — медведица и между её передними лапами — медвежонок, оба золотые, с чёрными глазами, стоящие настороже. Герб Карагинского муниципального района... может воспроизводиться со статусной короной установленного образца».

Герб языком символов и аллегорий отражает природные и экономические особенности Карагинского района. Его территория расположена вдоль восточного побережья Камчатки, основным занятием местного населения является рыболовство. Об этом говорит голубая оконечность и изображение рыбы. Уникальная природа района аллегорически отображена медведицей с медвежонком. Золотой цвет дополняет символику герба, подчеркивая неповторимость природы Камчатского края. Красный цвет — символизирует лучшие качества местных жителей, живущих в сложных природных условиях. Серебро — символ чистоты, совершенства, мира и взаимопонимания. Голубой цвет — символ чести, благородства, духовности, возвышенных устремлений, бескрайних морских просторов.

Символика герба Карагинского района положена в основу флага района.

Олюторский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решением Думы Алеутского муниципального района № 79 и № 80 от 25 июня 2009 г. Внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 5728 и 5729.

Описание герба: «В серебряном и лазоревом поле, пересечённом тремя острыми зубцами, вверху — летящий вправо с вздытыми крыльями чёрный ворон, имеющий золотые клюв, глаза и лапы; внизу — лежащий серебряный тюлень настороже, держащий во рту золотого лосося».

Герб раскрывает легенду о происхождении коряков — коренного народа Олюторского района и их мировоззрение, представляющее собой сложный сплав из конкретных знаний и иррациональных представлений об окружающем мире. Согласно легенде, коряки насчитывают пять миров: землю, населённую людьми, два мира над землёй и два мира под землёй. Первый из верхних миров населён людьми-облаками, а второй — обиталище Верховного божества. Первый из нижних миров населён духами предков, а второй — тенями мертвых. Животные, люди, духи могут переходить из одного мира в другой: они не могут исчезнуть, кануть в небытие. Смерть человека — не окончательный уход из жизни, а лишь длительное отсутствие, из которого умерший возвращается в другом облики: духа или животного. В корякских мифах звери сбрасывают шкуру и становятся людьми, а люди превращаются в животных. Посредник между божественными силами и людьми — Большой Ворон (на

флаге — летящий ворон) Кыткийняку, Куйкыняку или Куткыняку, считавшийся первым человеком, предком коряков и их защитником. К нему обращались как к могущественному шаману и существу, наделённому сверхъестественной силой, его непременно упоминали в заклинаниях. Предполагалось, что Большой Ворон присутствует на всех шаманских церемониях. Большой Ворон у коряков является священным как символ мудрости и долголетия.

Тюлень и лосось — символ морской и речной фауны, природных богатств Олюторской земли. Ломаная линия, символически отделяющая небо (серебро) от воды (лазурь) — аллегория горных вершин Камчатки.

Символика герба Олюторского района положена в основу флага района. Идея герба и флага принадлежит жителю района В. Бондареву.

Тигильский муниципальный район. Первоначально герб и флаг были утверждены решениями собрания депутатов муниципального образования «Тигильский муниципальный район» № 3 и 5 от 28 августа 2008 г. На основании результатов геральдической экспертизы Геральдического совета при Президенте Российской Федерации в описание герба внесены изменения и дополнения. Герб и флаг в нынешнем виде утверждены решением собрания депутатов муниципального образования «Тигильский муниципальный район» 28 августа 2008 г. Автор герба — В. Я. Боровков.

Описание герба: «В серебряном поле с зелёным правым и лазоревым левым боковиками вверху — чёрный, обернувшийся вправо ворон, прямо, внизу — две червлёные двухъярусные башни с остроконечными кровлями, между которыми — обрамлённые тонким серебряным восьмиконечным православным крестом затворённые червлёные ворота с треугольными зубцами поверху, с выходящими вверх из-за ворот червлёным бунчуком, на который наложены накрест червлёные ружьё и обнажённая сабля рукоятью вниз».

Елизовский муниципальный район. Герб и флаг утверждены решениями районной думы № 1037 и 1038 от 3 марта 2010 г. Автор герба и флага — М. Черников.

Описание герба: «В пересечённом зелёном и лазоревом поле острозубчато изломанный пояс, острозубчато же пересечённый серебром и червленью. Поверх всего — золотой восстающий медведь, держащий в лапах над головой серебряную с червлёными плавниками рыбу в пояс. Щит увенчан муниципальной короной соответствующего образца».

Герб Елизовского района языком символов и аллегорий отражает исторические, культурные и экономические особенности края. Территория, входящая в современный район, имеет богатую интересную историю. В гербе использованы цвета условной геральдической палитры: зелень, лазурь (все оттенки синего и голубого), червлень (красный, алый), а также металлы — серебро и золото, изображённые светло-серым или белым цветом и золотисто-жёлтым, соответственно.

Зелёный цвет в гербе указывает на обилие лесов, девственную природу, плодородность земли района и развитое сельское хозяйство. Лазоревый (сине-голубой) цвет — цвет воды, которой так богата земля района: многочисленные реки и озера, побережье Тихого океана вдоль всей его восточной границы. Изломанный острозубчатый серебряно-червлёный пояс символизирует покрытую снегами гряду камчатских гор и вулканов и раскалённые земные недра. Основная фигура гербовой композиции — золотой медведь, олицетворяющий земную человеческую мощь. Она подчиняет себе стихию, но, не уничтожая её, берёт хлеб насущный, стремясь при этом и к духовным, высшим сферам. В данном случае медведь использован совершенно оправданно — трудно найти на земле уголок, так населённый медведями, как Камчатка. В геральдике медведь обозначает необоримую силу, но одновременно и предусмотрительность, осторожность. Золото указывает на богатство природы и недр Елизовского района.

Высунутый язык медведя — неперемный элемент изображений активных (по большей части хищных) животных, символически указывает на свирепость или рычание. Будучи окрашен иным, нежели фигура, цветом он служит указанием на яростный характер фигуры. Медведь в гербе Елизовского района — активный, самостоятельный, «гласный» — имеющий собственный голос. Серебряный лосось

указывает на главное богатство и основу экономики Елизовского района — красную рыбу. Корона, венчающая герб, указывает на статус владельца герба как муниципального района.

Описание флага: «Прямоугольное полотнище с соотношением ширины к длине 2:3, состоящее из четырёх горизонтально расположенных цветных полос: верхней полосы зелёного цвета, составляющей три восьмых ширины флага; белой полосы, составляющей одну восьмую ширины флага; красной полосы, составляющей одну восьмую ширины флага, и нижней полосы синего цвета, составляющей три восьмых ширины флага. Белая и красная полосы зубчато изломаны — по десять зубцов. Обратная сторона симметрична лицевой».

Флаг представляет собой композицию фона герба Елизовского муниципального района.

Гербы и флаги Алеутского, Карагинского, Олюторского, Усть-Камчатского и Усть-Большерецкого муниципальных районов, а также Ключевского сельского поселения разработаны и утверждены при содействии Союза геральдистов России.

ИСТОЧНИКИ

1. *Витер И.* Герб Камчатской области // Неизвестная Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — № 1. — С. 8—9.
2. *Витер И.* Герб Петропавловска // Неизвестная Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — № 2. — С. 1.
3. Государственные символы Камчатской области. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. — 34 с.
4. *Витер И. В., Мартыненко В. П.* Герб города Петропавловска-Камчатского // Памятники Петропавловска-Камчатского. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. — С. 81—90.
5. Решение Городской думы Петропавловск-Камчатского городского округа «О принятии Положения о флаге Петропавловск-Камчатского городского округа» от 31.05.2007 № 658-р.
6. *Соболева Н. А.* Старинные гербы Российских городов. — М.: Наука, 1985. — С. 95.
7. *Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России. — М.: Советская Россия. — 1974. — С. 127.
8. Союз Геральдистов России. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://www.heraldik.ru/>.
9. Геральдика. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://www.geraldika.ru/>.

А. В. ГОКОВ

КРАЖА БЕЗ ВЗЛОМА

(об исчезновении камчатских икон)

В этой истории всё затейливо сплелось и, пожалуй, навсегда — трагическая зимовка В. Беринга на «пустом» острове, названном позднее его именем, оборона Петропавловска 1854 г., прославившая Камчатку и её жителей на весь мир, советизация полуострова и сталинские репрессии.

Именно поэтому, а не от склонности к «чернухе», рассказ мой не только о тех, кого ограбили, но и о тех, кто грабил. Впрочем, здесь не будут приводиться имена потерпевшего и преступника, ведь первый — народ, а второй, как водится, до суда — неизвестен. Да и дело это давнее, прошлое.

Как-то раз в чудный осенний денёк 10 сентября 1872 г., после Божественной литургии, собрались прихожане Петропавловского собора совместно с выборными членами приходского попечительства и почётными лицами и призадумались: «Стар наш храм, а приход — беден. Как дальше жить, как с Богом общаться?» И решили обратиться с просьбой о помощи к богатому и влиятельному человеку — Густаву Густавовичу Ньюбауму, представителю торгового дома «Гутчинсон, Коль, Князь Максудов и К°». А господин Ньюбаум взял да уважил собрание и, «снисходя к бедному положению прихожан, изъявил своё желание построить новый храм в Петропавловске бесплатно взамен ветхого, привезя необходимый лес и строительные материалы из Сан-Франциско весной будущего года».

Более того, обещал завезти всё необходимое на судне своей компании и даже связаться из Сан-Франциско с Санкт-Петербургом, со Святейшим Правительствующим Синодом, по поводу получения разрешения на ломку старой церкви и строительства новой.

Вообще-то необходимое разрешение следовало испрашивать у епархиального начальства в Благовещенске-на-Амуре, но дело могло затянуться на год и более, так что решились петропавловские власти на «прыжок через голову». И не пожалели об этом. Синод дал согласие. А уже 29 сентября 1873 г. петропавловский окружной исправник Николай Иванович Волков сообщил губернатору Приморской области, что новый храм постройкою окончен и сдан «по принадлежности Петропавловскому притчу». А с храмом вместе торговый дом «Гутчинсон, Коль, Князь Максutow и К^o» подарили городу ещё и новое здание для школы.

Собор, построенный в 1873 г., стали называть летним, а находился он на месте, где ныне стоит бывший обком КПСС, возле ГУМа. Как говорится, свято место пусто не бывает...

В 1897 г. побывал в летнем соборе известный исследователь Охотско-Камчатского края доктор Н. В. Слюнин, который отметил, что «летняя церковь крайне бедна, хотя и славится старинными иконами и редко-художественной живописью в куполе Господа Саваофа. Эта картина на полотне, — писал Слюнин, — цениться в 10 000 руб. Среди старинных икон обращает на себя внимание образ Св. Петра и Павла, сооружённый на средства и иждивение спутников Беринга в память своего спасения во время печальной катастрофы 4 ноября 1741 г.».

Прошло двадцать лет. Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 г. нарушили традиционно размеренный ритм жизни камчадалов. Большевистски настроенный Петропавловский совдеп, образованный 10 декабря 1917 г., медленно, но упорно начал вторгаться во все сферы общественной жизни, а также в сферу духовную.

Когда 19 марта 1918 г. совдепу потребовалось собрать расширенное пленарное заседание по поводу «контрреволюционного выступления автономистов», на церковную колокольню были посланы два солдата с поручением: ударить в набат на все окрестности. Священник Ерохин обжаловал действия солдат в областном Совете, но его жалобу переправили в городской и, как писали составители сборника «Первый совдеп» Е. М. Ильенко и И. А. Яровикова, «приходится Совету сделать внушение даже... попу».

Позволю себе процитировать текст этого «внушения»: «Сообщить св. Ерохину... что колокол есть достояние народное, а потому народ и может распорядиться им, как он признаёт нужным... Если св. Ерохин был оскорблён словами со стороны солдат, сообщить таковым о недопустимости подобных (?) выражений... По заявлению нескольких граждан, что язык колокола прикован цепью, сообщить духовному комиссару: оставить язык колокола свободным... Св. Ерохина поставить в известность о недопустимости незаслуженных нареканий на солдат местной команды».

Ни для кого не секрет, что «чёрное вороньё», как именовали большевики духовенство, не симпатизировало советской (большевистской) власти. Чувство это было взаимным. А потому большевики не только отделили церковь от государства, не только лишили её права оформлять акты гражданского состояния (на Камчатке метрические книги были переданы волревкомам с января 1923 г.), но и «взяли на учёт» церковное имущество.

Как осуществлялся этот «учёт», видно из наброска фельетона Виталия Толкачёва, более известного как В. Кручина, написанного в 1923 г. для газеты «Полярная звезда». Читая его, понимаешь, почему даже в 1929 г. на всю Камчатку было лишь три судебных чиновника, но зато «примирительные камеры» работали при 32 укрупнённых сельсоветах. Итак, фельетон: «Прозорливое ГПУ с лопатами и кирками усердно копалось во дворе vicария камчатского под аккомпанемент злобных взглядов и скрежета зубов чёрного воронья, вытаскивая из земли один за другим мешки с народными денежками, зажиленными в своё время втихомолку чёрной братией».

Понятно, для каких целей новой власти был потребен колокол — телефонов не хватало. Да и вышедшие из обращения приморские дензнаки можно было использовать

двойко — как обои для сортиров и как улику для расправы. Но для чего воинствующим атеистам храмовая утварь и старинные иконы? Только ли для того, чтоб помешать верующим жить в ладу с Богом? Всё, что будет сказано ниже, наводит на иные мысли.

В конце 1929-х гг. при Камчатском окрисполкоме действовал так называемый административный отдел из восемнадцати человек районного и трёх окружного аппарата. К 1930 г. районно-городской аппарат сократился на две штатных единицы, а в окружном появился ещё инспектор уголовного розыска. Так вот, прямой и первой обязанностью админотдела являлись «учёт и наблюдение за существующими в округе религиозными группами и обществами». Сотрудники админотдела ловили верующих на различных нарушениях устава и доводили общества до «добровольной самоликвидации».

Ещё в январе 1928 г. на учёте было двадцать восемь религиозных групп и обществ, но к 1930 г. их оставалось лишь восемнадцать. «Остальные десять, — говорится в отчёте этого отдела, — добровольно закрылись, а молитвенные здания использованы под клубы, избы-читальни, фельдшерские пункты... Незарегистрированные к 1 января 1931 г. религиозные общества и группы будут закрытыми считаться». В том же 1930 г. президиум Далькрайисполкома принял постановление «О снятии колоколов на Камчатке».

Изъятию подлежали не только церковные здания, но и утварь. Оценку её в научно-художественном отношении производили комиссии, если в таковых была необходимость. Мне привелось познакомиться с некоторыми материалами по работе такой комиссии с иконами Петропавловского летнего собора, что и послужило толчком для написания этого очерка.

3 января 1929 г. заведующий горчастью народного образования Павленко обратился к Петропавловскому горсовету с просьбой назначить «на основании действующих законоположений об охране памятников искусства и старины (Декрет СНК от 5/X-18 г. и 16/X-21 г., постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 21/X-25 г.)» специальную комиссию в составе его как председателя, Новограбленова, Жердяевского и Борисова «для выявления ценности в научном отношении некоторых имеющихся в Петропавловской церкви икон и других предметов».

Спустя месяц, 4 февраля 1929 г., на заседании Петропавловского горсовета Павленко зачитал «Акт обследования ценности (в художественном отношении) картин религиозного содержания, находящихся в Петропавловской церкви». Постановили: «Мнение комиссии о возбуждении ходатайства перед Академией Наук о передаче картин местному музею — подтвердить».

Какие же «картины» заинтересовали «местные музеи» (ныне Камчатский краевой объединённый музей), а точнее его директора Прокопия Трифионовича Новограбленова? Да те самые, которые столь бегло и неточно описал Н. В. Слюнин в 1897 г.

Помимо «дорогостоящего» позднего полотна Господа Саваофа (по некоторым сведениям американского письма) Новограбленов, в составе комиссии, описал ещё две совершенно уникальные в историческом плане иконы (о художественной их ценности судить теперь невозможно).

На одной из них был изображён Св. апостол Пётр и выведена надпись: «Сей святой образ обложением украсился и тщанием по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овцына и всех служителей спасшихся с Пустова острова и дошедших на Камчатский берег (год комиссия не разобрала) году августе месяце». Икона была писана на доске размером 0,75 на 1 м и имела серебряную ризу чеканной работы.

Безусловно, годом, который не смогла прочесть комиссия, следует считать 1742-й. Ведь именно в августе 1742 г. измученные спутники покойного Беринга, в их числе Дмитрий Овцын, возвратились на Камчатку. Разжалованный в матросы лейтенант Овцын был амнистирован с возвращением прежнего чина ещё 19 февраля 1741 г. и узнал об этом, думается, сразу же по возвращению «с того света». Но в любом случае надпись была сделана не позднее 1749 г., поскольку с этого времени Овцын служил уже в чине капитана.

Наконец, третья икона, которую доктор Слюнин вообще не упоминает. На ней были изображены четыре Святителя — Пётр, Павел, Иннокентий и Николай. Она была написана на доске размером 0,8 на 1,5 м и также, как предыдущая, имела серебряную ризу и надпись, что пожертвована храму участниками обороны Петропавловска 1854 г. Более того, эту икону писали специально для камчатского храма, поскольку в её нижней части был помещён вид города, о который обломали себе зубы англичане с французами. Всякому, кто хоть сколько-нибудь дорожит историей, ясно, что пожертвованные в 1742 и 1854 гг. иконы бесценны для Камчатки. Но не трудится искать их в краевом музее. Нет их ни в экспозиции, ни в запасниках. Насколько мне удалось проследить по документам, этих икон не было там уже к 1940 г. Более старых данных найти пока не довелось. И отсюда возникает вопрос — а был ли мальчик? Может, церковная утварь вообще в музей не поступала?

Поступала. Следы революционной экспроприации церковного имущества сохранились в документах Государственного архива Камчатского края. Так, в одном из актов приёма-сдачи «материальных ценностей» музея за 1940 г. числится несколько десятков предметов стоимостью от 50 коп. до 60 руб., среди которых «церковное облачение, коврики церковные, передние кресты из материала, пояса, церковные чаши с блюдечками, угольники от икон, фигуры святых, глаз-украшение, кропило, евангелия разные, медные иконки, медаль Камчатская в виде креста, крест-распятие» и прочее. Кстати, есть в этом списке и две иконы на полотне, одна из которых могла бы оказаться образом Господа Саваофа. Но уж больно низко они оценены — всего по 50 коп. Образ же, напомню, имел стоимость в 10 000 руб.

Следует полагать, что дело обстояло так. Иконы были переданы в Камчатский музей, который некоторое время размещался в бывшей церкви. Причём переданы с учётом высокой балансовой стоимости иконы Господа Саваофа. Ведь к этому и стремился неутомимый труженик науки и просвещения П. Т. Новограбленов. Но знал ли он, что уже с 1923 г. находится под контролем ГПУ? Знал ли он о том, что очень скоро будет осуждён как враг народа по делу об «автономизации» Камчатки и погибнет в возрасте сорока двух лет, то есть в 1934 г.? Не знал, конечно.

Не читал он и статью «Окажем помощь музею», опубликованную в «Камчатской правде» в августе 1933 г., в которой говорилось, что «после двухлетней консервации (то есть уже без Новограбленова. — А. Г.) Камчатский областной музей получил, наконец, возможность развернуть работу в здании бывшей Петропавловской церкви... В общем, если говорить о материальной ценности, погибшей от невнимательного отношения со стороны наших организаций и учреждений, сосредоточенной в музее, то её можно грубо определить в десятки тысяч рублей золотом».

Совершенно очевидно, что эти утраченные музеем «десятки тысяч» могли возникнуть только в связи с пропажей иконы Господь Саваоф и, «попутно», икон 1742 и 1854 гг., балансовая стоимость которых мне, увы, неизвестна.

Сейчас можно лишь гадать, что стало истинной причиной подведения П. Т. Новограбленова «под статью». В делах об «автономизации», насколько мне известно, иконы не фигурируют. Но кто знает, какие идеи вынашивали те, кто стряпал дело на честного и порядочного человека...

Прокопий Трифонович был реабилитирован посмертно в 1957 г. В 1965 г. Камчатский отдел Географического общества СССР учредил премию его имени. Новые поколения естествоиспытателей и краеведов изучают его работы.

Что же до исчезнувших бесследно камчатских реликвий, то хочется верить, что тогда, в 1930-х, их не угробили по халатности, а хотя бы продали знающему человеку. Такое возможно. Как известно из секретных отчётов управляющего Петропавловской таможней А. Эйне за 1930—1932 гг., хранящихся в Томске, в эти годы контрабандисты промышляли не только пушниной, валютой, галантереей, техническими средствами и прочим, но и золотом, и серебром царской чеканки. Иконы же, напомню, имели внушительные чеканные серебряные ризы. И кто знает, может быть, однажды, если их не переплавили, они «всплывут» на каком-нибудь чёрном рынке или законных торгах в Америке, Японии, Австралии или Европы.

Будем ждать...

ВОЛОСТИ И ПЕРВЫЕ РАЙОНЫ НА КАМЧАТКЕ

В Российском государстве множество раз проходили административно-территориальные изменения, неоднократно перекраивавшие карту государства. Исследователи этого процесса в основном останавливаются на таких административно-территориальных единицах, как уезд, округ, область и губерния, но обходят стороной волости и районы. Практически нет исследований о волостях на Камчатке и первых районах на полуострове.

О некоторых административно-территориальных изменениях в XIX—XX вв., касающихся Камчатки, стоит напомнить, чтобы рассматриваемая тема была более понятна. Подробнее пойдёт речь о Петропавловском округе и уезде, то есть о территории нынешнего Камчатского края.

Впервые название, производное от названия поселения Петропавловский порт, стоявшего на восточном берегу Авачинской губы, появилось на карте Камчатки в 1849 г., когда была организована самостоятельная Камчатская область во главе с военным губернатором В. С. Завойко. В царском указе от 2 декабря 1849 г. об образовании Камчатской области говорилось, что из частей бывшего Камчатского приморского правления и Ижигинского округа надлежит образовать особую Камчатскую область [1, с. 235]. По положению об управлении Камчатской областью, утверждённому указом от 10 января 1851 г., в ней были Петропавловский и Ижигинский округа [2, с. 106]. В Петропавловский округ входил полуостров Камчатка (без материковой части нынешних Олюторского и Пенжинского районов).

В октябре 1856 г. Камчатская область была ликвидирована. Камчатка вошла в Петропавловский округ, ставший составной частью образованной Приморской области [1, с. 250]. 24 мая 1902 г. Петропавловский округ переименован в уезд [3, с. 58]. В 1909 г. он стал частью вновь образованной Камчатской области из уездов Северо-Востока России: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорского [1, с. 265].

С установлением советской власти на Камчатке в ноябре 1922 г., Камчатская область 6 декабря этого же года была переименована в губернию и вошла в образованную Дальневосточную область. В составе губернии находились Петропавловский, Анадырский, Чукотский, Гижигинский и Командорский уезды (Охотский уезд не вошёл в Камчатскую губернию, а затем по 1926 г. вновь был в её составе).

Такая административно-территориальная единица, как волость, сохранялась в советском государстве до 1926—1930-х гг., до завершения районирования в СССР округов, областей и краев.

В 1922—1925 гг. в Петропавловском уезде имелось девять волостей: Большерецкая, Дранкинская, Елизовская, Мильковская, Соболевская, Тигильская, Усть-Камчатская, Хайрюзовская и Командорская. В них входило 89 населённых пунктов, в которых проживало 10 468 чел. [4, с. 4].

4 января 1926 г. постановлением ВЦИК РСФСР был образован Дальневосточный край с центром в городе Хабаровске. Камчатская губерния стала называться округом. Решением Камчатского окрревкома № 29 от 1 апреля 1926 г. в Камчатском округе прошло районирование. Уезды и волости были ликвидированы, взамен созданы районы. Из бывшего Петропавловского уезда и частично Гижигинского уезда образованы Усть-Камчатский, Большерецкий, Карагинский, Тигильский, Пенжинский и Петропавловский районы.

Волости Петропавловского уезда. В конце XIX в. в России из крупных административно-территориальных единиц имелись губернии и области, которые делились на уезды и округа. Уезды и округа имели такие административные формирования, как волости, станицы (в местах, населённых казаками) и улусы (среди инородческого населения). В государстве в названный выше период насчитывалось 18 012 таких единиц. В Сибири (Восточная и Западная Сибирь, Дальний Восток) их насчитывалось 611 [5, с. 213], в том числе на Дальнем Востоке около двухсот.

По Владимиру Далю: «Волость — округ сёл и деревень, состоящих под управлением одного головы или волостного старшины» [6, с. 234]. Таким образом, по его определению, волость является административной единицей сельской местности. В ней могло состоять несколько сёл, до десятка и более. В каждом хозяйственные и другие вопросы решал сельский сход или староста. Дела, касавшиеся волости, рассматривались на волостном сходе. В нём участвовали выборные из сёл (по одному от каждых десяти дворов), волостной старшина и волостное правление (состоявшее из старшины, сельских старост, сборщиков податей), волостной суд [5, с. 163]. Волостной старшина избирался сходом на три года. На постоянной основе работали только старшина и писарь.

На Камчатке также имелись волости. Однако о них до настоящего времени известно очень мало. Эта статья — первая попытка рассказать о камчатских волостях, извлечь из забвения сведения о них и показать их роль в формировании первых районов на полуострове.

В Камчатской области (губернии) волости были только в Петропавловском (девять), Анадырском (три) и Охотском (две) уездах [4, с. 4]. Они появились на Камчатке (оправданное употребление, так как на полуострове Камчатка находился Петропавловский уезд) значительно позже других территорий государства российского. Между тем сведения о них представляют не только познавательный, но и научный интерес. Не секрет, что многие процессы, связанные с развитием Камчатки в разных отношениях, всегда по ряду причин (из-за отдалённости от метрополии, малонаселённости, слабой экономики, неразвитости инфраструктуры и других) отставали и отстают от центральных территорий России. Так случилось и с этими административно-территориальными формированиями.

В Петропавловском уезде, куда входил полуостров Камчатка, из-за малочисленности и разбросанности сельских поселений волости были образованы предположительно после 1912 г., когда возросшее число поселений позволило сгруппировать их в определённые административно-территориальные единицы. Формирование волостей на Камчатке шло, как и в России, вокруг крупных сёл и поселений. Только здесь волость от волости находилась на значительном расстоянии друг от друга и почти не имели между собой устойчивой круглогодичной сухопутной и морской связи.

Сведений о волостях в Петропавловском уезде в период 1917—1920 гг. ничтожно мало. Известно, что в августе 1917 г. начальником Петропавловской уездной милиции был избран председатель Завойкинской волости В. У. Закржевский, что зимой 1918 г. против советизации Камчатки выступали жители Завойкинской волости [7, с. 17]. В работе первого Петропавловского уездного съезда Советов, проходившего в Петропавловске с 12 марта по 7 апреля 1920 г., принимали участие делегаты от волостей Петропавловского уезда. На съезде выступали с докладами представители волостей: М. И. Попов, Г. Тюменцев, Мальцев и другие [7, с. 36—38].

На Третьем Камчатском областном съезде, проходившем в Петропавловске с 11 по 27 октября 1920 г., было принято решение о новом разделении Петропавловского уезда на волости. Этот вопрос рассматривался на съезде 24 октября 1920 г. Петропавловский уезд был поделён на 18 волостей [8, л. 55]:

— *Большерецкая*. Сёла: Большерецк, Апача, Хайковая Падь, Усть-Большерецк, Хомутино, Кихчик, Зуйково;

— *Голыгинская*. Сёла: Голыгино, Опала, Кошегочек, Явино, Унтербергивка (Унтербергеровка), Камбальная;

— *Дранкинская*. Сёла: Дранка, Ивашка, Холюля, Озерное, Ука, Усть-Озерное, Карага;

— *Завойкинская*. Сёла: Завойко, Хутор, Авача, Коряки, Сероглазка;

— *Кичигинская*. Сёла: Кичига, Тымлат, Подкагерная, Рекинники;

— *Ключевская*. Сёла: Ключи, Кресты, Харчино, Еловка;

— *Козыревская*. Сёла: Козыревск, Щапино, Толбачик, Среднекамчатск, Ушки;

— *Малковская*. Сёла: Малка, Ганалы, Начики;

— *Мильковская*. Сёла: Мильково, Пуцино, Шеромы, Верхнекамчатск, Кирганик, Машура;

— *Налычевская*. Сёла: Налычева, Жупаново, Колыгерный, Островная, Халактырка;

— *Нижнекамчатская*. Сёла: Нижнекамчатск, Камаки;

- *Облуковинская*. Сёла: Облуковино, Ича, Крутогорово, Сопочное;
- *Паланская*. Сёла: Палана, Кохтана, Кинкиль, Лесновское;
- *Паратунская*. Сёла: Паратунка, Микижа, Тихая, Гондатиевка, Завод, Тарья;
- *Соболевская*. Сёла: Соболево, Привольное (Кол), Немчик (Немтик), Колпаково;
- *Тигильская*. Сёла: Тигиль, Напана, Седанка, Аманино, Воямполка;
- *Усть-Камчатская*. Сёла: Усть-Камчатск, Чёрный Яр, Берёзовый Яр, Пекука;
- *Хайрюзовская*. Сёла: Хайрюзово, Морошечное, Белоголовое, Ковран, Утхолок.

Остаётся большим белым пятном история организации первых волостей на Камчатке и деятельности их органов управления, ход формирования волостных органов власти на Камчатке (волостных старост, старшин, начальников, председателей волостных исполкомов, комитетов и ревкомов). Мало известна работа, связанная с хозяйственно-бытовой деятельностью в поселениях (сбор налогов, проведение общественных работ, строительство, организация рыбной ловли и охоты), обеспечение жителей продуктами и товарами, формы участия жителей поселений в управлении волостью (волостные сходы, собрания и съезды).

Хотя на некоторые вопросы частично есть ответы. Так, в документах Третьего Камчатского областного съезда (1920 г.) говорится о добровольном вхождении жителей того или иного села в определенную волость. О волостях Петропавловского уезда упоминается в публикациях, освещавших период политической и общественной жизни на Камчатке в 1917—1923 гг. В них часто встречаются Завойкинская, Мильковская, Большерецкая, Нижнекамчатская, Ключевская, Хайрюзовская, Мономаховская, Дранкинская, Малкинская и Паланская волости Петропавловского уезда Камчатской области [7, с. 17, 18, 34, 37; 8, с. 35, 41, 104, 125, 140].

В период нахождения на Камчатке белых частей и партизанской борьбы против них красных отрядов (1921—1922 гг.) жители Завойкинской, Мильковской и части Малкинской волостей не примкнули ни к одной из сторон, а занимали выжидательную позицию по отношению к ним [9, с. 125].

С января 1923 г. в волостях Петропавловского уезда Камчатской губернии стали создаваться ревкомы — чрезвычайные органы советской власти. Они действовали по 1926—1928 гг. до формирования Советов. В 1923 г. также были созданы волостные управления милиции в Завойкинской (Елизовской), Мильковской, Соболевской, Хайрюзовской, Большерецкой, Тигильской, Усть-Камчатской и Дранкинской волостях. Начальник Камчатской губернской милиции Н. П. Фролов весной 1924 г. в течение полутора месяцев проверял работу Соболевской, Хайрюзовской, Тигильской, Усть-Камчатской и Дранкинской волостной милиции и признал её удовлетворительной [10, с. 46].

Волости, сформированные на Третьем Камчатском областном съезде, имели ряд недостатков. В отдельные входили по два поселения, в других же села были так отделены друг от друга, что не могли решать общие задачи. Неоправданно большое количество волостей (18) приводило к слабой управляемости ими из Петропавловска.

В 1923—1924 гг. волости в Петропавловском уезде с учётом опыта их деятельности и сложившихся связей, а также географических особенностей полуострова, были укрупнены. Нижнекамчатская, Ключевская, Усть-Камчатская и частично Козыревская были объединены в Усть-Камчатскую, Паланская и Тигильская — в Тигильскую. К Большерецкой отошла Малкинская и Гольгинская волости. Кичигинская волость влилась в Дранкинскую, Облуковинская в Соболевскую, часть Козыревской — в Мильковскую. А переименование села Завойко в Елизово привело к переименованию Завойкинской волости в Елизовскую (1924 г.), в которую были включены бывшие Налычевская и Паратунская волости.

К месту будет рассказать о Петропавловске-Камчатском тех лет. Город был не только административным центром Камчатской губернии, но и центром Петропавловского уезда. Интересны некоторые данные о жителях Петропавловска, их собственности и торговых точках по состоянию на 1923 г. В городе проживало 1 193 чел., из них 705 мужчин и 488 женщин. По национальному составу в нём находилось 923 русских, 119 китайцев, 85 корейцев, 30 японцев и 36 европейцев. Из 1 193 жителей коренных насчитывалось всего 121. Остальные были приезжими. Грамотными

считались 616 горожан (51,6 %). Жители владели 36 лошадьми, 118 головами крупного рогатого скота, 361 собакой и 88 единицами нарезного огнестрельного оружия. В Петропавловске-Камчатском действовало 28 торгово-розничных предприятий, из них 25 были розничными, 19 принадлежали китайцам [4, с. 4, 6, 12, 16].

В Петропавловском уезде в 1925 г. существовали Большерецкая, Дранкинская, Елизовская, Мильковская, Соболевская, Тигильская, Усть-Камчатская, Хайрюзовская и Командорская волости. В 89 сельских поселениях Петропавловского уезда проживало 9 275 чел. [4, с. 4, 6].

По девяти волостям Петропавловского уезда селения распределялись следующим образом [4]:

— *Большерецкая*. Сёла: Апача, Большерецк, Ганалы, Запорожское, Зуйково, Кихчик, Кошегочек, Малка, Начики, Опала, Усть-Большерецк, Утка, Хомутино, Явино;

— *Дранкинская*. Сёла: Дранка, Ивашка, Карага, Кичига, Луновоям, Озерная, Подкагерная, Рекинники, Тымлат, Ука, Халюля;

— *Елизовская*. Сёла: Авача, Елизово, Жупаново, Колыгер, Коряки, Микижа, Налычево, Николаевка, Островная, Паратунка, Сероглазка, Тарья, Халактырка, Хутор;

— *Командорская*. Сёла: Никольское, Преображенское;

— *Мильковская*. Сёла: Верхнекамчатск, Кирганик, Машура, Мильково, Пуцино, Среднекамчатск, Толбачик, Шаромы (Шеромы), Щапино;

— *Соболевская*. Сёла: Афанасьевка, Ича, Колпаково, Крутогорово, Немчик (Немтик), Облуковино, Привольное, Русь, Соболево;

— *Тигильская*. Сёла: Аманино, Воямполка, Кинкиль, Кохтана, Лесная, Напана, Палана, Седанка, Тигиль;

— *Усть-Камчатская*. Сёла: Берёзовый Яр, Еловка, Камаки, Ключи, Козыревск, Кресты, Нижнекамчатск, Николаевка, Усть-Камчатск, Ушки, Харчино, Чёрный Яр;

— *Хайрюзовская*. Сёла: Белоголовое, Ковран, Морошечное, Сопочное, Усть-Хайрюзово, Утхолок, Хайрюзово.

Выполняя указания вышестоящих органов власти, решением Камчатского окрревкома № 29 от 1 апреля 1926 г. в Камчатском округе было закреплено первое районирование его территории. Уезды и волости ликвидированы, взамен созданы районы. За основу новых административно-территориальных формирований взяты территории сложившихся к этому времени волостей.

Первые районы на Камчатке. В середине 1920-х гг. в СССР стала проводиться административно-территориальная реформа. По ней уезды и волости повсеместно заменялись районами. Это длилось до 1930 г.

Камчатский губревком приступил к подготовительной работе по районированию во втором полугодии 1925 г., так как уже готовились административно-территориальные преобразования на Дальнем Востоке. 7 октября 1925 г. на заседании губревкома рассматривался проект районирования Камчатской губернии. За основу новых административно-территориальных формирований взяли территории 14 бывших волостей Камчатского округа. Они имелись только в бывшем Петропавловском уезде — девять волостей, в Анадырском — три и в Охотском — два. Проект предполагал создание вместо Петропавловского, Анадырского, Чукотского, Гижигинского и Охотского уездов десяти районов [11, л. 40].

Постановлением ВЦИК РСФСР от 4 января 1926 г. Дальневосточная область была преобразована в Дальневосточный край. Камчатская губерния стала его составной частью и начала называться округом. Территория бывшего Охотского уезда присоединилась к Николаевскому округу. К районированию Камчатского округа население большинства поселений волостей в 1925 г. относилось доброжелательно и возражений по его проведению не высказывало. Только в сёлах волостей, которые должны были войти в будущие Тигильский и Пенжинский районы, жители проявили к районированию безразличие [12, л. 6—9].

Территория будущей Камчатской области (1932 г.) и нынешнего Камчатского края (2007 г.) формировалась в период первого районирования на Северо-Востоке России. В 1926 г. в неё включены бывшие Петропавловский и Гижигинский уезды. Из частей Петропавловского и Гижигинского уездов созданы северные районы: Пенжинский

и Карагинский, а в бывшем Петропавловском уезде образованы Усть-Камчатский, Большерецкий, Тигильский и Петропавловский районы. Эти четыре района сохранили названия бывших волостей.

Первые районы в Камчатском округе (без районов Чукотки) [12, л. 6—9]:

Большерецкий в составе части бывшей Большерецкой волости (без сёл Начики, Ганалы и Малка) и бывшей Соболевской волости. Центр района — село Усть-Большерецк, где имелись фактория Дальгосторга, почтово-телеграфное отделение, лечебный участок, кооператив, рыбоконсервный и крабоконсервный заводы. В районе находились восемь школ, один фельдшерский пункт, два кооператива, пять почтово-телеграфных отделений. Население 2 137 чел.

Карагинский в составе части селений бывшего Гижигинского уезда, части бывшей Дранкинской волости (без сёл Ука, Озерная, Рекинники и Подкагерная) и островов Карагинского и Верхотурова. Центр района — село Тиличики. В районе находились четыре школы, один фельдшерский пункт и фактория Госторга. Население 2 616 чел., из них кочевого — 115.

Пенжинский в составе части бывшего Гижигинского уезда и части бывшей Дранкинской волости (сёла Подкагерная и Рекинники). Центр района — село Каменское. Население 3 351 чел., из них кочевого — 1 537.

Петропавловский в составе бывшей Елизовской волости, части бывшей Большерецкой волости (сёла Начики, Малка и Ганалы), части бывшей Мильковской волости (сёла Пуцино, Шеромы, Верхнекамчатск, Мильково и Кирганик) и Командорские острова (сёла Никольское и Преображенское). Районный центр — г. Петропавловск-Камчатский.

Тигильский в составе бывших Тигильской и Хайрюзовской волостей. Районный центр — село Тигиль, где действовали больница, кооператив, школа, почтово-телеграфное отделение. В районе находились японский рыбоконсервный завод в селе Палана, семь школ, один ветпункт, лечебный участок, четыре кооператива, два почтово-телеграфных отделения. Население 3 508 чел., из них кочевого — 1 075.

Усть-Камчатский в составе бывшей Усть-Камчатской волости, части Мильковской (сёла Щапино, Толбачик, Среднекамчатск, Машура) и части Дранкинской (сёла Ука и Озерная). Центр района — село Усть-Камчатск, где имелись фактория Госторга, кооператив, радиостанция, фельдшерский пункт, клуб, библиотека, два японских завода, два рыболовно-засольных участка. В районе находились семь школ, одна больница, один ветпункт, один кооператив, два почтово-телеграфных отделения и четыре рыболовно-промысловых артели. Население 2 958 чел., из них кочевого — 562.

До 1949 г. Камчатский округ (область) несколько раз подвергался административно-территориальным преобразованиям, при которых создавались новые районы и менялись границы существующих, но это уже тема для других исследований.

Петропавловский район. С 1926 по 1949 г. на карте Камчатки значился Петропавловский район с центром в городе Петропавловске-Камчатском. За прошедшие шестьдесят лет с момента ликвидации (1949 г.) и организации на его территории Елизовского района, о Петропавловском районе почти забыли, а ведь он длительное время был самым крупным на Камчатке.

В Петропавловский район вошла Елизовская волость (сёла Авача, Елизово, Жупаново, Колыгер, Коряки, Микижа, Налычево, Николаевка, Островная, Паратунка, Сероглазка, Тарья, Халактырка, Хутор), часть Большерецкой (сёла Начики, Малка, Ганалы), часть Мильковской (сёла Пуцино, Шеромы, Верхне-Камчатск, Мильково и Кирганик) и Командорские острова (сёла Никольское и Преображенское). В 1926 г. в Петропавловском районе вместе с Петропавловском-Камчатским жили 2 806 чел. [12, л. 6—9], город стал не только административным центром Камчатского округа, но и центром Петропавловского района, где находилось 24 села.

Однако вскоре Петропавловский район был разукрупнён. Из-за большой и разбросанной по полуострову территории он оказался плохо управляемым. В 1932 г. на Командорских островах создан Алеутский район, и сёла Никольское и Преображенское отошли к нему. В 1933 г. из части территорий Петропавловского и Усть-Камчат-

ского районов образован Мильковский район. В него из Петропавловского района выделены сёла Пушино, Шеромы, Верхнекамчатск, Мильково и Кирганик. После этих преобразований в Петропавловском районе остались г. Петропавловск-Камчатский и 17 сел.

По мере развития экономики Камчатки на территории Петропавловского района в начале 1930-х гг. стали возникать новые поселения. На юго-восточном побережье Авачинской губы появился посёлок строителей судоверфи — Посёлок при судоверфи, или Третья стройка, а на северо-восточном — База Моховая. С освоением рыбных запасов Авачинской губы и Авачинского залива появились рыболовецкие колхозы и рыбокомбинаты, которые размещались в новых поселениях: Новой Тарье, Колхозе имени Сталина — в Тарьинской бухте Авачинской губы и Семячихах, Вилное, Базе Жировой и Базе Саранной — на берегу Авачинского залива.

На облик города Петропавловска-Камчатского и Петропавловского района с 1936 г. стало влиять присутствие военных. Из-за режима секретности об их роли в развитии города и района умалчивалось на протяжении всего советского периода нашей истории. Вместе с тем оно было весьма значительным.

Советское государство в 1930-е гг. принимало решительные меры по укреплению обороны Дальнего Востока. На Камчатке создавался восточный форпост СССР. Основные воинские группировки размещались на территории Петропавловского района. Таковы были его особенности. 17 июня 1936 г. в соответствии с указанием Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Петропавловске-Камчатском было сформировано Управление Камчатского укрепрайона [13, с. 5].

Первыми стали обживать Петропавловский район части Тихоокеанского флота (ТОФ). Хотя флот был образован 21 апреля 1932 г., его первые морские соединения на Камчатке появились только в 1936 г. Местом их дислокации стало восточное побережье Авачинской губы от песчаной Кошки в центре Петропавловска-Камчатского до бухты Раковой и бухта Тарьинская (Крашенинникова).

На неосвоенных землях возникали военные городки, строились причалы. К обустройству воинских поселений и их обслуживанию привлекались гражданские организации. Для обеспечения частей и соединений продовольствием развивались колхозы. В связи с большим объёмом работы были привлечены значительные людские ресурсы с материка. К 1939 г. численность жителей Петропавловского района достигла 43 619 чел., что составляло 39,2 % жителей Камчатской области (в современных границах края) [2, с. 64].

В 1937 г. в бухте Ягодной, расположенной в Тарьинской бухте, был оборудован стационарный гидроаэродром для самолетов морской авиации. Лётный состав и состав частей технического обслуживания жили в военном городке, получившем впоследствии название Ягодное [13, с. 5].

В 1938—1939 гг. на мысах Безымянный и Станицкого у входа в Авачинскую губу и на мысе Казак в губе стали возводиться береговые артиллерийские батареи. Воинские части, их обслуживавшие, размещались в посёлках Богатырёвка, Станицкого и Казак. Также была построена береговая артиллерийская батарея на мысе Изменном на восточном побережье Авачинской губы. Военный городок, возникший на полуострове Изменном, впоследствии стал называться Завойко. На мысе Скалистом на побережье Авачинского залива, справа у входа в Авачинскую губу, также была сооружена артиллерийская батарея. Воинское соединение, обслуживавшее её, построило на берегу ручья Морского, рядом с озером Мелким, посёлок, получивший название Озёрный (Англичанка).

Дивизион дизельных подводных лодок в 1938 г. стал базироваться рядом с селом Новая Тарья, и городок моряков вскоре стал называться Лахтактным (современный микрорайон «Рыбачий» города Вилючинска). Бухта Тарьинская (Крашенинникова) уже к 1940 г. становилась местом дислокации многих соединений ТОФ. На её берегах располагалось больше воинских поселений, чем гражданских.

9 июня 1940 г. была создана Петропавловская военно-морская база.

Сухопутные войска появились на Камчатке в 1938—1939 гг. Они размещались рядом с пограничниками (в районе нынешнего главного здания Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга), а затем стали занимать территорию

от них до села Халактырки, побережье Авачинского залива до реки Налычевой, в районе 6—9-го и 24—31-го километров Елизовского шоссе.

Территорию Петропавловского района военным для размещения частей выделял Петропавловский горсовет или горисполком. В 1938—1940 гг. военные требовали от них помещений для размещения штабов и личного состава, однако потом сами стали быстро строить свои городки. Для этого интенсивно использовался специальный лесозавод (стройка № 2) в Петропавловске. Состояли городки из деревянных одноэтажных и редко из двухэтажных домов. В сухопутных войсках жилой фонд находился в распоряжении квартирно-эксплуатационных частей (КЭЧ), а в военно-морском флоте — морской инженерной службы (МИС). В военных городках существовали свои магазины, пекарни, бани, школы и даже стадионы и закрытая инфраструктура: склады, базы, боксы, гаражи, стрельбища и полигоны.

В 1942 г. в трёх километрах от села Елизово стала базироваться 128-я отдельная смешанная авиадивизия. На построенном стационарном аэродроме (современный Елизовский) размещался 888-й истребительный авиационный полк, состоявший из самолетов И-15 и И-16. Севернее села Коряки, на полевом аэродроме, разместился 903-й бомбардировочный авиационный полк из средних бомбардировщиков [13, с. 5]. Военный городок находился в селе Северные Коряки.

К 1940 г. 101-я стрелковая дивизия в составе 138, 302 и 374-го стрелковых полков разместилась в районе села Халактырки и нынешних посёлков Нагорного и Долиновки. Там же дислоцировались 428-й и 279-й артиллерийские полки.

Вскоре десятки военных городков заполнили не только окрестности Петропавловска-Камчатского, но и Петропавловский район от Авачинского залива до 62-го километра дороги в сторону села Мильково. В эти годы в границах города появилось только два «гражданских» посёлка: Акционерного Камчатского общества и Петропавловской судовой верфи. А на территории Петропавловского района возникли всего восемь новых гражданских поселений: пять сёл и посёлков и три базы. Таковы были реалии того времени. Делалось это не зря. Камчатка по-прежнему оставалась лакомым кусочком для иностранных государств. Всего двенадцать километров отделяло её от империалистической Японии, владевшей Курильскими островами, открытыми русскими первопроходцами и присоединёнными к России в XVIII в. Угроза военных действий со стороны Японии ощущалась с конца 1930-х гг., когда произошли бои с японцами на Халхин-Голе в Монголии и озере Хасан в Приморье. Поэтому на Камчатке имелись значительные армейские подразделения и морские соединения, в основном в Петропавловском районе.

В 1944 г. был создан Камчатский оборонительный район (КОР), объединивший воинские подразделения, дислоцировавшиеся на Камчатке (кроме Петропавловского района они находились в Усть-Большерецком и Усть-Камчатском районах). Командующим КОР был назначен генерал-майор А. Р. Гнечко. Ему подчинялись сухопутные войска, а в оперативном отношении — Петропавловская военно-морская база, 128-я смешанная авиадивизия и 60-й Камчатский пограничный отряд [14, с. 8].

Население Петропавловского района в 1944 г. составляло 45 151 чел. (вместе с городом Петропавловском-Камчатским). Стоит более подробно остановиться на участии района в Курильской десантной операции августа 1945 г., так как многие историки и краеведы своих публикациях пишут только о роли в ней города Петропавловска, хотя значительное число воинских частей и участников операции были из Петропавловского района.

8 августа 1945 г. Советский Союз, выполняя союзнические обязательства, объявил войну Японии и приступил к разгрому Квантунской армии в Маньчжурии, освобождению южной части острова Сахалина и Курильских островов. Областная газета «Камчатская правда» 10 августа 1945 г. опубликовала заявление советского правительства правительству Японии и решение исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся «О введении военного положения на территории Камчатской области».

15 августа КОР получил приказ о проведении операции по освобождению северных Курильских островов Шумшу и Парамушира, а затем острова Онекотана и дру-

гих. На подготовку Курильской десантной операции отводилось двое суток [14, с. 18]. Штаб по руководству операцией был развернут в здании Дома Красной Армии в Петропавловске.

Петропавловский район в одночасье стал прифронтовой территорией. В город, в порт в спешном порядке направлялись части и подразделения КОР, находившиеся на боевых постах и в районах дислокации. Петропавловский городской военкомат призывал в армию запасников.

Воины КОР в ходе Курильской десантной операции участвовали в ожесточённых боях 18—29 августа 1945 г. по освобождению северных Курил от японцев. Были убиты, ранены, пропали без вести, скончались от ран 1 567 десантников. Почти всех погибших похоронили на островах на месте боёв. В военных действиях участвовали многие камчатцы — жители сёл Петропавловского района и города, призванные Петропавловским городским военкоматом и проходившие службу в частях и соединениях КОР. Из них 250 чел. погибли, пропали без вести и умерли от ран.

В изданной в 1995 г. книге Памяти камчатцев, погибших во время Второй мировой войны, отмечено, что из Петропавловска-Камчатского и сел Петропавловского района в ряды Красной Армии городским военкоматом были призваны 14 607 чел. Многие из них участвовали в боях на фронтах Великой Отечественной войны и Курильских островах, 1 367 из них погибли, пропали без вести, скончались от ран.

В 1948 г. в состав Петропавловского района входили: город областного подчинения (Петропавловск-Камчатский), один поселковый Совет (Индустриальный) и восемь сельских Советов: Авачинский, Елизовский, Жупановский, Малкинский, Начикинский, Николаевский, Паратунский и Халактырский. Большинство сельсоветов Петропавловского района составляли по несколько сёл.

О каждом Совете стоит сказать подробнее. Ведь на их территории размещались промышленные и сельскохозяйственные предприятия, медицинские учреждения, школы, учреждения культуры. Ныне сведения о них представляют большой интерес (названия поселений, предприятий и организаций приводятся по документам тех лет).

Поселковый Совет в посёлке Индустриальном. На территории посёлка находились судовой верфь, жестянобаночная фабрика, трест «Камчатрыбстрой», ремесленное училище № 8, артель «Новый Быт», рыбкооп, средняя школа № 3, три начальные школы, больница, поликлиника, женская консультация, психоизолятор, тубдиспансер, библиотека, три клуба.

Авачинский сельский Совет с центром в селе Аваче и в составе поселений База Моховая и Сероглазка. На территории сельсовета действовали два рыболовецких колхоза, управление активного морского лова «Морлов» Главкамчатрыбпрома, радиоприёмный центр областного управления связи, нефтебазы Главкамчатрыбпрома и Главнефтеснаба, моторно-рыболовная станция, две семилетние и одна начальная школы, медицинский пункт, библиотека, две избы-читальни, два рабочих клуба.

Халактырский сельский Совет с центром в селе Халактырке. В сельсовет входило село Налычево. Здесь находились артель имени Ленина, две начальные школы, изба-читальня, фельдшерский пункт. Телефонная связь с горисполкомом отсутствовала.

Жупановский сельский Совет с центром в селе Семячки и сёлами Жупаново, Кроноки, Богачёвкой. В сёлах размещались рыбокомбинат, два рыболовецких колхоза, Кроноцкий государственный заповедник, Богачёвская нефтеразведочная экспедиция, одна семилетняя и четыре начальные школы, два клуба, библиотека, две избы-читальни, больница, два фельдшерских пункта. С городом имелась только радиосвязь.

Николаевский сельский Совет с центром в селе Николаевке. В селе имелись сельскохозяйственный колхоз, две начальные школы, фельдшерский пункт, изба-читальня.

Начикинский сельский Совет с центром в селе Начики. В селе пребывали Начикинский совхоз, сельскохозяйственный колхоз, семилетняя и начальная школы, фельдшерский пункт, изба-читальня, клуб.

Малкинский сельский Совет с центром в селе Малки. В состав сельсовета входило село Ганалы. В сёлах располагались два сельскохозяйственных колхоза, две начальные школы, два фельдшерских пункта, две избы-читальни [15, л. 142—144].

Елизовский сельский Совет с центром в селе Елизово. В поселениях сельсовета насчитывалось жителей: Елизово — 1 560; Хутор — 840; Коряки — 973; Артель «Север» — 175; Связи (РВ-102) — 543; Кирпичный завод Горпромкомбината — 152; Совхоз МВД — 119; Машинно-сенокосная станция — 41. Всего на территории сельсовета проживали 4 403 чел., в том числе 1 843 рабочих и служащих, 519 колхозников.

Село Елизово. Здесь находился Елизовский сельсовет и имелись средняя школа, Дом культуры, библиотека, больница на десять коек, амбулатория, отделение Камчатторга, почтовое отделение связи, сберегательная касса, две артели промысловой кооперации, заготпункт, отделение Гидрометслужбы, магазин, чайная, две столовые, сельскохозяйственный колхоз с посевной площадью 127 га и численностью скота 319 голов.

Село Хутор имело начальную школу, фельдшерский пункт, избу-читальню, машинно-тракторную станцию, участок Горпромкомбината (с кожевенным, обозным, бондарным, столярным, кирпичным, мыловаренным производствами и рыбалкой), почтовое отделение связи, магазин, сельскохозяйственный колхоз с посевной площадью 177 га и численностью скота 424 головы.

Артель «Север» Камчатского облпромсоюза располагала начальной школой, рабочим клубом, кирпичным заводом с производственной мощностью 500 тыс. штук кирпича в год, столярной и механической мастерскими, пенько-верёвочным и пищевкусовым производствами.

Посёлок Связи (РВ-102) имел начальную школу, избу-читальню, рабочий клуб, врачебную амбулаторию, детский сад и ясли, почтовое отделение связи, сберкасса, магазин, столовую.

Село Коряки имело семилетнюю школу, избу-читальню, библиотеку, фельдшерско-акушерский пункт, почтовое отделение связи, сберегательную кассу, сельскохозяйственный колхоз с посевной площадью 172 га и численностью скота 370 голов. Ближайшими к селу были поселения: Кирпичный завод Горпромкомбината, Совхоз МВД, Машинно-сенокосная станция, Военный совхоз.

Паратунский сельский Совет с центром в селе Паратунке. В сельсовет входили поселения с числом жителей: Паратунка — 754; Старая Тарья (рыбозавод ТОФ) — 349; Колхоз имени Сталина — 307; Виллюй — 248; База Жировая — 245; Новая Тарья — 1 543; База Саранная — 117. Всего на территории Паратунского сельского Совета жили 3 563 чел., в том числе 1 514 рабочих и служащих и 369 колхозников.

Село Паратунка располагало семилетней школой, фельдшерским пунктом, избой-читальней, двумя домами отдыха, детским домом, двумя магазинами, пекарней, почтовым отделением связи, сельскохозяйственным колхозом с посевной площадью 63 га и численностью скота 212 голов.

Село Старая Тарья. Здесь находились семилетняя школа, рабочий клуб, магазин, пекарня, фельдшерский пункт, рыбозавод ТОФ.

Колхоз имени Сталина. В поселении были начальная школа, изба-читальня, фельдшерский пункт, магазин, пекарня, рыболовецкий колхоз с планом добычи рыбы 15 500 ц и подсобное хозяйство колхоза с 8 га посевных площадей и скотофермой на 28 голов скота.

Село Виллюй с начальной школой, фельдшерским пунктом, избой-читальней, библиотекой, пекарней, магазином, почтовым отделением связи, рыболовецким колхозом с планом вылова рыбы 9 000 ц, подсобным хозяйством колхоза с посевной площадью 2 га и численностью скота пять голов.

Посёлок Новая Тарья. Жилой фонд оставлял 102 470 кв. м (165 домов). В посёлке имелись семилетняя школа, рабочий клуб, больница на десять коек, амбулатория, детский сад и ясли, почтовое отделение связи, сберегательная касса, электростанция, механическая, пошивочная, бондарная и столярная мастерские, кирпичный завод, два магазина, пекарня, две столовые.

В Новой Тарье размещался Авачинский рыбокомбинат с планом закупки 50 000 ц рыбы. Ему сдавали рыбу четыре рыболовецких колхоза с планом вылова 70 000 ц. Комбинат имел три стационарных рыбозавода с чановым хозяйством ёмкостью

19 125 ц, семь сезонных приёмо-обрабатывающих участков, три икорных цеха, две жиротопки. Флот комбината составляли семь мелких самоходных единиц, три грузовых и два рыбных кунгаса. Имелось подсобное хозяйство с посевной площадью 27 га со 149 головами скота. У рабочих и служащих было 156 голов крупного рогатого скота, 61 свинья и 44 козы. В порядке госпоставок население в 1947 г. сдало 17,46 ц мяса и 133,03 ц молока [15, л. 219—225].

Вместе с тем в Петропавловском районе находились поселения, которые не были объединены в сельские и поселковые Советы. Они размещались от 6-го до 23-го километра дороги Петропавловск-Камчатский — село Елизово, называемой «Елизовское шоссе». Эти поселения стали возникать из-за суровой необходимости в 1930—1940-е гг., когда власти не могли обеспечить местными продуктами сельского хозяйства рабочих и служащих Петропавловска. В этих условиях крупные учреждения и предприятия начали создавать в окрестностях города подсобные хозяйства, где выращивали крупный рогатый скот, свиней, птицу, возделывали картофель и овощи. Подсобные хозяйства были составной частью предприятий и учреждений и числились на их балансе. Полученные продукты шли в производственные столовые и продавались сотрудникам.

В 1948 г. только вдоль Елизовского шоссе имелось 15 таких подсобных хозяйств. Они образовывали поселения, состоявшие из производственных помещений и домов работников с приусадебными участками. На 6-м километре находились подсобные хозяйства комхоза Главкамчатрыбпрома (жили 646 чел.) и Камчатторга (49 чел.); на 9-м километре — Морлова (46 чел.) и хлебокомбината (19 чел.); на 12-м километре — Моховского рыбкоопа (38 чел.), МВД (36 чел.) и погранотряда (187 чел.); на 14-м километре — треста «Камчатрыбстрой» (183 чел.) и порта Главкамчатрыбпрома (502 чел.); на 16—17-м километрах — типографии газеты «Камчатская правда» (19 чел.), Петропавловской жестянобаночной фабрики (51 чел.) и КЭЧ (17 чел.); на 20—23-м километрах — горрыбкооп (203 чел.), флота Главкамчатрыбпрома (140 чел.) и Камчатторга (71 чел.) [15, л. 219—225].

Эти поселения не имели официальных названий. В документах их именовали подсобными хозяйствами предприятий, а чаще — по километрам шоссе, соответствовавшим месту их расположения: 6-й километр, 9-й километр, 12-й километр, 14-й километр, 16-й километр и 20-й километр. Перечисленные «километры» долгое время были неофициальными названиями поселений подсобных хозяйств. В них имелись три начальные школы и восемь магазинов. Официальные названия поселения «на километрах» получили в 1952 и 1959 г., будучи в составе Елизовского района Камчатской области. Подсобные хозяйства предприятий и организаций Петропавловска в 1950—1960-е гг. стали базой для создания крупных овощеводческих, свиноводческих и звероводческих совхозов.

Не входили в состав ни поселковых, ни сельсоветов военные городки, расположенные на территории Петропавловского района. О них почти не упоминалось в официальных документах. В послевоенные годы эти безымянные поселения стали обретать названия. Так, на юго-восточной и восточной окраине Петропавловска-Камчатского появились посёлки Озёрный, Завойко, Тундровый, Долиновка, Чапаевка, Нагорный и Радыгина. На юго-западном побережье Авачинской губы возникли Богатырёвка, Ягодная, Станицкого, Казак, Артишек, Лахтактный, Сельдевая (сейчас на территории части из этих поселений расположен город Вилючинск). Многие военные городки так и не получили названий.

В связи с ростом города Петропавловска-Камчатского, усложнением управляемости района и повышением роли города как областного центра, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 ноября 1949 г. из Петропавловского района был образован Елизовский район с центром в селе Елизово [16, с. 99].

Камчатский облисполком решением № 397 от 24 декабря 1949 г. обязал Петропавловский горисполком передать Елизовскому райисполкому Елизовский, Халактырский, Николаевский, Паратунский, Авачинский, Начикинский, Малкинский и Жупановский сельсоветы, а также сельскохозяйственный, культпросветработы и дорожный отделы; сеть учреждений и делопроизводство отделов исполкома:

здравоохранения, народного образования, финансового, торгового, социального обеспечения, плановой комиссии, относящихся к территории Елизовского района; мебель, оборудование и инвентарь; также сотрудников горисполкома согласно списку [17, л. 5].

История Петропавловского района завершилась, началась история Елизовского...

ИСТОЧНИКИ

1. Петропавловск-Камчатский, 1740—1990: история города в документах и воспоминаниях. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 235, 250, 265.
2. Ильина В. А. Об изменениях в численности и национальном составе населения Камчатской области в 1926—1939 гг. // Веков связующая нить: материалы XXII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 64.
3. Витер И. Хроника строительства Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — С. 58.
4. Материалы по статистике Камчатской губернии: приложение к стат. сборнику № 14—15. — Хабаровск, 1925. — С. 4.
5. Энциклопедический словарь. Россия // Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Л., 1991. — С. 163, 213.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1. — М., 1978. — С. 234.
7. За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1957.
8. ГАКК, ф. 80, оп. 1, д. 1, л. 55.
9. За власть Советов (из истории борьбы за установление советской власти в Камчатской области) 1920—1922 гг. Документы и материалы. — Владивосток, 1967.
10. Пирагис А. П. От нагана до компьютера. История камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005 — С. 46.
11. ГАКК, ф. 29, оп. 1, д. 6, л. 40.
12. Там же, ф. 19, оп. 1, д. 188, л. 6—9.
13. Барканова Л. А. Военные лётчики Камчатки во Второй мировой войне // Горькая правда огненных лет: материалы XVII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — С. 5.
14. Акшинский В. Курильский десант: документальная повесть. — Изд. 2-е, доп. — Петропавловск-Камчатский, 1995. — С. 8, 18, 39.
15. ГАКК, ф. 88, оп. 1, д. 109, л. 142—144, 219—225.
16. Камчатка XVIII—XX вв.: историко-географический атлас. — М., 1997. — С. 99.
17. ГАКК, ф. 88, оп. 1, д. 169, л. 5.

А. Ф. ПАСЕЧНИК

ФОРМИРОВАНИЕ МИЛИЦИИ НА КАМЧАТКЕ В 1922—1930 гг.

С окончанием гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке существование самостоятельной Дальневосточной республики (ДВР) для Российской Советской Социалистической Федеративной Республики (РСФСР) перестало быть актуальным, так как это «буферное» государство полностью выполнило свои задачи (ослабление интервенции против РСФСР, предотвращение конфликта с Японией и преодоление экономической блокады). Правительство ДВР 14 ноября 1922 г. сложило свои полномочия и передало власть Народному собранию ДВР, которое упразднило республику и обратилось к правительству РСФСР с просьбой включить Дальний Восток в её состав. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) 15 ноября 1922 г. включил Дальний Восток в состав РСФСР как административную единицу — Дальневосточную область (ДВО). В состав ДВО вошли: Прибайкальская, Забайкальская, Приамурская, Амурская, Приморская и Камчатская губернии, а также полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и Северный Сахалин.

Высшим органом власти в ДВО стал Дальневосточный революционный комитет (Дальревком). На территории ДВО была введена в действие Конституция РСФСР 1918 г. со всеми последующими изменениями и дополнениями к ней. Одним из важнейших изменений стало преобразование министерства внутренних дел бывшей ДВР

в отдел управления Дальревкома. В состав отдела управления вошли следующие подотделы: управления делами с канцелярией и финансово-хозяйственной частью; административный (с отделениями административным, иностранным и ЗАГС); рабоче-крестьянской инспекции, милиции и уголовного розыска; мест заключения; коммунального хозяйства; туземных племён [1, л. 89об.].

Управление милиции ДВР в декабре 1922 г. разработало «Положение о Рабоче-Крестьянской Милиции Дальнего Востока» [2, л. 328]. В соответствии с положением дальневосточная милиция состояла в ведении отдела управления Дальревкома. Руководил её деятельностью начальник Рабоче-Крестьянской Милиции ДВО, назначаемый Дальревкомом (по представлению отдела управления Дальревкома) и утверждаемый народным комиссаром внутренних дел РСФСР. Установление организационных форм, штатной численности и структурных звеньев, а также общее руководство милицией Дальнего Востока входило в компетенцию начальника милиции РСФСР.

В то время, когда на территории ДВО активно шла советизация, значительная часть территории Северо-Востока России продолжала оставаться под контролем белогвардейских отрядов. В результате процесс организации органов советской власти, в том числе и Рабоче-Крестьянской Милиции, на Камчатке значительно отставал от остальной территории Дальнего Востока. Например, в 1922 — начале 1923 г. в районе г. Охотска насчитывалось более сотни бочкаревцев (офицерская сотня казачьего полковника В. И. Бочкарёва) и несколько десятков пепеляевцев под командованием капитана К. П. Грундульса, а также отряд в 150 человек сторонников А. И. Сентяпова и И. Яныгина (из местного зажиточного населения). На Северо-Востоке Якутии была сосредоточена основная часть отрядов генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева (отряды Шулепова, Канина, Дервянова и другие) [4, с. 594—595]. Отряды полковника В. И. Бочкарёва продолжали действовать в Гижиге и Наяхане, а также в районе бухты барона Корфа, в сёлах Оле, Среднеколымске и других [5, л. 34]. Кроме того, в районе Аяна сконцентрировались остатки отряда генерала Ракитина. На данных территориях белогвардейцы занимались грабежом местного населения и продолжали собирать ясак. В результате у них сосредоточились значительные средства (в основном пушнина и золото). Например, летом 1922 г. В. И. Бочкарёв с помощью крупного американского коммерсанта О. Свенсона переправил в США пушнины на 200 тыс. руб. [6, с. 148]. Осенью 1922 г. общая сумма имущества, находящегося в обозах Бочкарёва, составила 1,5 млн руб. золотом [6, с. 148].

В конце 1922 — начале 1923 г. В. И. Бочкарёв предпринял попытку выйти к побережью Берингова пролива и уйти в США с захваченными народными ценностями. Для того чтобы не допустить продвижения был создан Анадырский ревком, а также три заградительных отряда: Анадырский, Марковский и Дежневский [6, с. 150]. Камчатский губревком 5 января 1923 г. назначил уполномоченного по управлению Анадырским уездом и Чукотским полуостровом. Им стал Ф. И. Караев, принадлежавший к известной купеческой династии Караевых [4, с. 595—596]. Кроме того, Караев являлся конкурентом Свенсона и достаточно лояльно относился к советской власти. Уполномоченному вменялось в обязанность «под страхом смертной казни приступить к организации в Анадырском уезде и Чукотском полуострове надёжной охраны мирного населения и принять решительные меры к охране ценностей и задержанию белобандитов, бежавших с награбленной пушниной из Колымского края, которые намереваются пробраться через Берингов пролив в Америку» [7, с. 141].

Свою деятельность Ф. И. Караев начал с формирования отряда милиции. Её ядро составили бывшие красноармейцы, а также опытные охотники из местного населения [6, с. 150]. Интересным фактом является то, что ввиду отсутствия советской печати уполномоченным использовалась гербовая печать бывшего Анадырского полицейского управления [8, л. 1].

В соответствии с приказами уполномоченного по управлению Анадырским и Чукотским уездом № 3 от 8 января 1923 г. и № 15 от 29 января 1923 г. на службу в милицию Ново-Мариинска были приняты первые сотрудники. Ими стали Петр Захаров, Шафик Сабинов, Афанасий Хагатов, Василий Дзабаев, Давид Абагаев, Алексей Табасеев, Георгий Халаев, Николай Киржацкий, Николай Фатвеев, Михаил Иванцов и Александр

Карпов-Татаринов [8, л. 1]. Старшим милиционером назначен Василий Дзабаев. Ему следовало: «вести наряды милиции по охране революционного порядка, жизни и имущества населения и общественного спокойствия на посту Ново-Мариинск»; проверять милицейские посты и налагать дисциплинарные наказания на недобросовестных сотрудников; проводить дознания «о нарушениях законов, порядка и общественного спокойствия» и предоставлять их на окончательное рассмотрение [8, л. 12—13].

С работниками милиции в обязательном порядке проводились занятия по делопроизводству. Для этой цели приказом уполномоченного устанавливались определённые присутственные дни. Характерно, что никто из сотрудников милиции не имел права уклониться от канцелярских занятий, а также требовать сверхурочной заработной платы за работу. Основанием для данного запрета служило то, что «служба проходила в особенных условиях отдалённости на Дальнем Севере, и что остатки белобандитов ещё не были ликвидированы в верховьях Камчатского материка» [8, л. 12—13].

Сотрудники новомариинской милиции обеспечивались общежитием, а также питанием «от народной казны в столовой при управлении». В соответствии с приказом уполномоченного по управлению Анадырским и Чукотским уездом № 20 от 10 февраля 1923 г. им устанавливался порядок приёма пищи. Так, завтрак (кофе и закуска) начинался в половине восьмого утра, обед — в двенадцать часов дня, вечерний чай — в четыре часа дня и горячий ужин — в семь часов вечера. К назначенному времени повара должны были приготовить «завтрак, обед, чай и ужин без малейших опозданий», а служащие управления и отряда милиции обязаны были «быть за столом без всяких опозданий».

В феврале 1923 г. в связи с активизацией групп белых в районе Охотска, Гижиге и на юге Чукотки Камчатская губерния была объявлена находящейся на военном положении, и милицейские отряды стали формироваться по принципу регулярных частей Красной Армии. В соответствии с приказом уполномоченного по управлению Анадырским и Чукотским уездом № 22 от 12 февраля 1923 г. отряд милиции переименовывался в отряд особого назначения Красной Армии, а сотрудники милиции — в красноармейцев [8, л. 12—13]. Они продолжили выполнение прежних милицейских обязанностей, но условия службы изменились. Никто из красноармейцев (милиционеров) не имел право по собственному желанию уволиться со службы, это считалось дезертирством. Общее руководство Анадырским отрядом особого назначения Красной Армии осуществлял уполномоченный Ф. И. Караев. Начальником отряда был назначен старший милиционер В. Дзабаев, которому «присваиваются права начальника охраны и административно-милицейской части поста Ново-Мариинск» [8, л. 11—12].

На основании приказа № 64 от марта 1923 г. уполномоченного Камчатского губернского управления Анадырским и Чукотским уездом штат сотрудников правопорядка распределён следующим образом: начальник охраны и милиции в посту Ново-Мариинске, пять милиционеров в селах Марково, Устье-Белом, Уэлене, в бухте Креста и на мысе Дежнёва [8, л. 13].

В марте-апреле 1923 г. в результате успешных действий марковского и дежнёвского отряда было сорвано наступление на Гижигу отряда В. И. Бочкарёва, а летом 1923 г. завершилась ликвидация белых формирований на Чукотке. В результате необходимость иметь специализированные милицейские подразделения отпала, и «караевская» милиция была расформирована [6, л. 151]. Таким образом, формирование милицейской структуры на Камчатке шло по мере освобождения территории губернии от белогвардейских отрядов, которое завершилось в середине 1923 г.

Освобождение территории Северо-Востока России совпало с открытием навигации, что дало возможность начать организацию милицейской структуры на местах. В Петропавловске-на-Камчатке формирование органов советской власти началось после занятия города партизанскими отрядами 10 ноября 1922 г. [9, с. 36] и образования комендантского управления из 36 чел., которое выполняло и милицейские функции. Комендантом Петропавловска был назначен бывший начальник народной охраны и активный участник партизанского движения на Камчатке Н. П. Фролов, его помощником — В. С. Ревенко, а делопроизводителем — А. В. Глухарёв [10, с. 41].

Необходимость создания комендантского управления диктовалась отсутствием каких-либо вооружённых соединений на Камчатке.

В первом приказе коменданта Петропавловск от 10 ноября 1922 г. извещалось, что «нарушители законов будут преследоваться по всем строгостям революционного времени» [11, с. 1]. Приказ категорически запрещал торговлю спиртными напитками, самогоном, корейской водкой «сули» и другими опьяняющими средствами, а также появление в нетрезвом виде в общественных местах. Населению в обязательном порядке было необходимо сдать огнестрельное оружие «за исключением дробовых ружей». Вместе с тем, особо подчеркивалось, что «никакие самочинные аресты и выемки проводиться не должны, на каждый арест и выемку требовать предъявления ордера, подписанного комендантом» [11, с. 1].

Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) на заседании 16 ноября 1922 г. рассмотрело вопрос об организации советской власти на Северо-Востоке России и решило направить на Камчатку экспедиционный отряд Красной Армии с целью окончательного освобождения территории от белых отрядов [4, с. 593]. Дальбюро утвердило состав Камчатского губревкома: председатель М. И. Савченко, члены М. П. Вольский, М. П. Щербаков, В. Д. Богомолов, В. М. Кручина, секретарь П. Ларичев [12, с. 128].

На основании решения Дальбюро ЦК главнокомандующий 5-й армии (бывшей Народно-Революционной Армии ДВР) И. Н. Уборевич 22 ноября 1922 г. издал приказ о формировании Камчатского экспедиционного отряда из трёхсот красноармейцев. Командиром экспедиции «войск Охотско-Камчатского края» назначили бывшего командующего партизанскими отрядами Приморья Михаила Петровича Вольского [4, с. 593]. В Петропавловск экспедиционный отряд прибыл 30 декабря 1922 г., и комендантское управление было расформировано [13, с. 121].

Началом формирования советской милиции на Северо-Востоке России стало постановление Камчатского губревкома от 1 января 1923 г. Начальником городской милиции Петропавловска назначался бывший начальник народной охраны Н. П. Фролов, которому и было поручено разработать первоначальные штаты сотрудников милиции для Петропавловского уезда.

Первым нормативным правовым актом, определившим основы организации советской милиции, стало «Временное положение о милиции», утверждённое губревкомом 14 февраля 1923 г. Так как пока под контролем советской власти реально находился лишь Петропавловский уезд, фактическое функционирование органов милиции сводилось к уездному масштабу. Это позволило объединить управления губернской и городской милиции, а также выделить «для милицейского обслуживания» Усть-Камчатский, Усть-Большерецкий, Тигильский и Петропавловский участки. Штат сотрудников камчатской губернской и городской милиции составлял 33 чел. [17, л. 44]. В это время в милиции продолжили служить бывшие участники партизанского движения на Камчатке: С. М. Докало, Г. Трухин, А. С. Пузырёв, К. А. Куксенко, А. Т. Коробко, П. И. Юшин, А. В. Глухарёв, С. Старцев, Н. А. Мандебуро, В. Кутьин и другие. В январе 1923 г. были назначены начальники большерецкой и устькамчатской участковых милиций Камчатской губернии. Так, 15 января 1923 г. большерецкую милицию возглавил Семён Михайлович Докало, а устькамчатскую — Борис Борисович Качуров [10, с. 42].

С целью поднятия авторитета милиции и укрепления её кадрового состава, ВЦИК РСФСР 22 ноября 1922 г. принял декрет «О пересмотре и доукомплектовании личного состава милиции» [14, с. 982]. На его основании Камчатский губисполком в июне 1923 г. решил доукомплектовать личный состав милиции. Для этого сформировали специальную комиссию в составе губернского прокурора В. Ц. Пересвет-Солтана, начальника губернского ГПУ М. В. Кунцевича и представителя профсоюза Аврелина [10, с. 44].

10 июня 1923 г. перед комиссией предстали девять действующих сотрудников Петропавловской милиции и десять вновь принимаемых. Списки кандидатов были опубликованы в местной газете, и населению предоставлялась возможность высказывать своё мнение о каждом кандидате (о степени его пролетарского самосознания, уровне милицейской подготовки, моральных качествах и прочем).

Штатное расписание сотрудников милиции Камчатской губернии было разработано губревкомом 13 июня 1923 г. До 1 октября 1923 г. должен был укомплектован следующий штат сотрудников [17, л. 107]:

Петропавловский уезд: управление Петропавловской городской милиции — 2, городская милиция — 10, Усть-Камчатская волостная милиция — 9; Усть-Большереецкая волостная милиция — 5, Тигильская волостная милиция — 3 чел.;

Гижигинский уезд: 4 чел.;

Охотский уезд: 9 чел.;

Анадырский уезд: 3 чел.;

Чукотский уезд: 3 чел.

Командорский уезд штата милиции не имел из-за «малочисленности населения и существования на островах промыслового надзора». Выполнение милицейских функций здесь возлагалось на административный аппарат, то есть на уполномоченного и сельские комитеты.

С июля 1923 г. началась организация Рабоче-Крестьянской Милиции (РКМ) на Чукотке. РКМ стала первым исполнительным органом власти на самой отдалённой окраине Северо-Востока России. Надзиратель РКМ А. Т. Коробко докладывал начальнику губернской милиции в сентябре 1923 г.: «Прибыл в село Уэлен, где и приступил к исполнению милицейских обязанностей. Для сведения сообщаю, что нахождение по одному милицейскому пункту в бухте Провидения — один, и Уэлене, крайне мало... для регистрации пушнины и для борьбы с иностранными шхунами, незаконно занимающимися промыслом в водах Чукотки...» [15, л. 114]. Основными задачами милиции в данном районе стали: охрана общественного порядка, регистрация оружия и боеприпасов, таможенный контроль и запись актов гражданского состояния. В декабре 1923 г. численность сотрудников РКМ Чукотского уезда составляла четыре штатные единицы.

Таким образом, к 1 октября 1923 г. штат камчатских милиционеров насчитывал 48 сотрудников. Учитывая, что на каждого из них приходилось по 23 821 квадратных версты территории, Камчатский губревком решил увеличить штат на 12 единиц [16, л. 22].

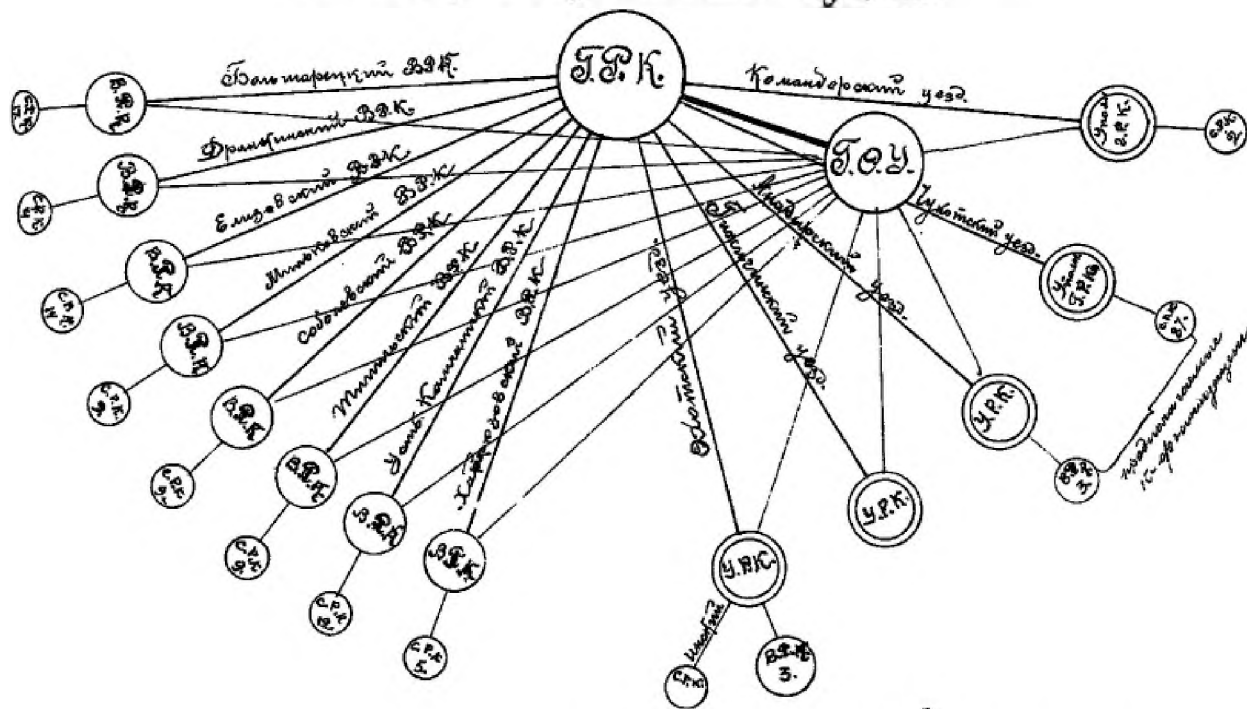
Если в 1923 г. происходит объединение уездов в единую административно-территориальную структуру, то в 1924 г. формируется аппарат управления на территории Северо-Востока России. Высшим органом власти в Камчатской губернии является губревком, находящийся в непосредственном подчинении Дальревкома (ДРК) [17, л. 3]. Камчатский губревком образован постановлением ДРК от 18 ноября 1923 г. [5, л. 34об.]. Губерния разделена на пять административно-территориальных единиц (уездов), управляющих уездными ревкомом: Анадырский, Чукотский, Гижигинский, Петропавловский, Охотский. Ранее существовавший Командорский уезд как административная единица был упразднён, а надзор за островами передан Дальрыбохоте. Во второй половине 1923 г. в Камчатской губернии было проведено волостное деление, в результате которого Петропавловский уезд разделён на восемь волостей, в состав которых вошли 87 селений, имеющих 76 сельревкомов. Охотский уезд разделён на две волости, остальные уезды волостного деления не имели. Петропавловский уезд управлялся непосредственно губотуправлением.

Таким образом, административное управление осуществлялось по системе революционных комитетов: *губернский — губотуправление — уездный — уполгубревкома — волостной (14) — сельский* [17, л. 106об.—107].

В 1924 г. на Камчатке прошла реорганизация волостного аппарата милиции. Районные милиции ликвидировались, что позволило значительно сократить штаты вспомогательного состава и сэкономить денежные средства. Согласно приказу отдела управления ДРК от 20 марта 1924 г. упразднены участковые милиции Петропавловского уезда. С марта 1924 г. Усть-Большереецкое, Тигильское, Усть-Камчатское и Карагинское районные управления милиции были расформированы. Вместо них стали действовать 16 волостных управлений.

В итоге в 1924 г. была сформирована следующая структура милицейских органов на Северо-Востоке России: *волостные — участковые — уездные — губернского-городская*.

Схема
Органов Управления Камчатской губернии

Зав. губ. управл. Фролов

Схема органов управления Камчатской губернии, подписанная Н. П. Фроловым
(ГАКК, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 61)

В первой половине 1924 г. на службу в милицию принято двадцать пять сотрудников. Кроме того, в Охотской уездной милиции, сверх штатного расписания, один милиционер состоял на службе за счёт средств горного управления [17, л. 95].

Динамика приёма на службу новых сотрудников по данным [ГАРФ, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 92—94] отражена ниже:

Петропавловская губернско-городская милиция. М. С. Бождай принят 15 февраля 1924 г., младший милиционер; И. Шишкин принят 1 апреля 1924 г., младший милиционер (с возложением обязанностей елизовского волостного милиционера); Е. П. Мильский принят 16 мая 1924 г., младший милиционер; М. Копылов принят 23 мая 1924 г., младший милиционер; В. А. Рудометов принят 1 июня 1924 г., младший милиционер.

Тигильская милиция. И. Т. Сычёв принят 1 мая 1924 г., младший милиционер.

Дранкинская милиция. Н. И. Миронов принят 15 июня 1924 г., начальник участка; Ф. П. Алаев принят 15 февраля 1924 г., младший милиционер; П. А. Березин принят 15 июня 1924 г., младший милиционер; Федотов принят 15 июня 1924 г., младший милиционер.

Усть-Камчатская милиция. Тимофеев принят 5 мая 1924 г., начальник участка, командирован Приморским управлением губгормилиции; Ф. В. Шелудченков принят 4 июня 1924 г., младший милиционер; Соломатин принят 4 июня 1924 г., младший милиционер; И. З. Лисиенок принят 4 июня 1924 г., младший милиционер.

Гижигинская уездная милиция. М. П. Алейников, младший милиционер; П. П. Алексеев, младший милиционер; И. Г. Пенкин, младший милиционер; И. Н. Шулимов, младший милиционер.

Охотская уездная милиция. Ф. В. Иголкин, младший милиционер.

Не менее динамичным был и процесс увольнения. По данным отчёта о деятельности Камчатской РКМ с 1 января по 30 июня 1924 г., из органов милиции по разным основаниям были уволены 13 сотрудников. Из Петропавловской городской милиции: старший милиционер А. И. Дьячков (с 1 марта 1924 г.) — за несоответствие

занимаемой должности и халатное отношение к несению наружной службы; младшие милиционеры Мишарин, Петров и Малинин (с 15 апреля 1924 г.) — по собственному желанию, младший милиционер И. Шишкин (с 1 июня 1924 г.) — в связи с переходом на службу в Елизовский волревком. По собственному желанию уволились начальник Усть-Камчатской участковой милиции Я. М. Созутов (с 1 апреля 1924 г.), младший милиционер Дранкинской участковой милиции И. Н. Дроздов (с 15 апреля 1924 г.) и старший милиционер Командорской милиции Г. П. Амосов (с 1 июня 1924 г.).

По сокращению штатов из Усть-Камчатской участковой милиции с 1 февраля 1924 г. ушли старший милиционер И. П. Купцов, младший милиционер И. З. Лисиенок и делопроизводитель П. Т. Степанов. Из списка сотрудников Петропавловской городской милиции с 24 января 1924 года исключён случайно застрелившийся из револьвера младший милиционер Сенченко.

В начале 1924 г. семь сотрудников Анадырской и Чукотской уездных милиций направили в Камчатское губернское управление милиции телеграммы с просьбой о переводе либо увольнении со службы. Таким образом, возникла проблема срочной замены в Анадырской милиции начальника, одного старшего и двух младших милиционеров, а в Чукотской милиции — одного старшего и двух младших милиционеров.

В июне 1924 г. начальник Камчатской губернской милиции сообщил в губотдел управления и губбюро РКП(б) о том, что административно милицейский аппарат в Камчатской губернии сформирован «за исключением Гижигинской уездной, Дранкинской волостной и Командорской милиции». Для окончательной организации милицейских органов требовалось направление в вышеуказанные районы сотрудников в следующем количестве: в Гижигинскую уездную милицию — начальника, одного старшего и двух младших милиционеров; в Дранкинскую участковую милицию — начальника милицейского участка и двух младших милиционеров; в Командорскую милицию — одного старшего милиционера.

При формировании участковых милиций серьёзной проблемой являлось отсутствие сухопутного сообщения между волостями и губернским центром, а также короткий период навигации. В июне 1924 г. в Петропавловске была сформирована Дранкинская участковая милиция в составе начальника участка и двух младших милиционеров. Но на посыльном судне «Красный вымпел», на котором предполагалось их доставить, отсутствовали свободные места. В результате личный состав Дранкинской милиции до следующей навигации был прикомандирован к Петропавловской городской милиции [17, л. 93—94].

В 1924 г. был увеличен штат Охотской уездной милиции. Это дало возможность распределить сотрудников по уезду следующим образом: г. Охотск — начальник милиции, делопроизводитель, два старших и два младших милиционера; в сёлах Оле, Ямске, Аяне и Устье Белое — по одному младшему милиционеру. Два милиционера несли службу на охотских золотых приисках [17, л. 104об.]. Однако в июне 1924 г. начальнику Охотской милиции Лихоносу было предъявлено обвинение по ст. 90 УК РСФСР 1922 г. (заведомо ложное сообщение в письменном заявлении государственному учреждению или должностному лицу о деятельности государственных учреждений или должностных лиц). По распоряжению народного следователя его отстранили от должности и арестовали. Исполнение обязанностей начальника Охотской милиции было возложено на делопроизводителя Пурий, не обладавшего качествами руководителя. В отчёте о деятельности губернской милиции за 1924 г. сложившаяся ситуация комментируется следующим образом: «За отсутствием соответствующего сотрудника, способного заменить арестованного начальника уездной милиции, аппарат милиции был разрушен, а работоспособность его резко пала» [16, л. 57]. Когда суд прекратил дело в отношении Лихоноса, и тот приступил к исполнению своих обязанностей, то работу по восстановлении милицейского аппарата в Охотском уезде пришлось начинать практически заново.

В результате проведённых организационных мероприятий в штате сотрудников милиции Камчатской губернии в 1923—1924 гг. произошли следующие изменения (табл. 1, [ГАРФ, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 44об.]):

Таблица 1

Должности	Штат на 01.10.1923	Наличие на 01.10.1923	Прибыло	Убыло	Наличие на 01.10.1924	Штат на 01.10.1924
Начгубгормилиции	1	1	—	—	1	1
Помначгубгормилиции	—	—	1	—	1	1
Начуездмилиции	4	3	3	3	3	3
Начучмилиции	4	3	5	4	4	4
Секретарь	—	—	2	—	2	2
Делопроизводитель	5	4	2	4	2	3
Старший милиционер	9	9	7	10	6	9
Младший милиционер	25	25	35	23	37	39
Итого:	48	45	55	44	56	62

Таким образом, на территории Камчатской губернии в 1924 г. была окончательно образована милицейская структура, а также увеличен (по сравнению с 1923 г.) её численный состав. На основании циркуляра заведующего губернским административным отделом от 23 декабря 1924 г. местные органы власти должны были ежеквартально (к 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября) предоставлять в губернский административный отдел полные сведения о составе работников милиции [18, л. 23].

В соответствии с установленной формой отчёта они разделялись на категории ответственных работников и технических служащих. К категории ответственных относились начальники и помощники начальников губернских и уездных милиций, начальники отделений милиции и заведующие ЗАГС. Категорию технических работников составляли старшие и младшие милиционеры, машинисты-делопроизводители и секретари [18, л. 25]. Несмотря на увеличение штата сотрудников, камчатская милиция оставалась самой малочисленной на Дальнем Востоке.

В начале 1925 г. структура камчатского административного отдела была окончательно сформирована. Губернский административный отдел, организованный 8 января 1925 г., состоял из трёх подотделов: общего (с канцелярией, финансово-материальной частью, бюро ЗАГС и отделением по регистрации иностранцев); милиции, уголовного розыска и мест заключения; счетно-бухгалтерского [19, л. 36].

В обязанности губернского административного отдела входили: руководство милицией, организация и контроль оперативно-розыскной деятельности, кадровая работа, издание приказов и служебных распоряжений, составление смет и предоставление отчётов, материальное и вещевое обеспечение сотрудников и прочее.

Начальник губернского административного отдела, который одновременно являлся и начальником губернской милиции, назначался губисполкомом и входил в состав коллегии губернского отдела управления. Об отстранении начальника милиции немедленно ставился в известность НКВД. Особенностью органов охраны правопорядка Камчатки в данный период времени являлось то, что уголовный розыск не был выделен в отдельную структуру.

С целью усиления борьбы с преступностью НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. издаёт «Положение об организации отдела уголовного розыска» [20, с. 8—9]. Подразделения уголовного розыска создавались в городах с населением не менее 40—50 тыс. чел. «для охраны революционного порядка путём негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». Органы уголовного розыска рассматривались в «Положении» как часть единого аппарата советской милиции. При губернских и городских управлениях милиции создавались отделения уголовного розыска.

На Северо-Востоке России подразделений уголовного розыска образовано не было. В 1924—1930 гг. оперативно-розыскная деятельность в Петропавловске осуществлялась городской милицией. В Петропавловском уезде расследование преступлений и розыск преступников возлагалось: в сёлах Мильково, Елизово, Тигиле, Хайрюзово, Соболево — на волостную; в Усть-Большерецке и Усть-Камчатске — на участковую милицию. В Охотском, Анадырском, Гижигинском и Чукотском уездах оперативно-розыскные мероприятия выполняли уездные милиции [21, л. 23].

В ответе Камчатского окружного комитета административному отделу ДРК от 6 декабря 1926 г. сообщается, что размер и характер уголовной преступности не требует

введения личного состава особой квалификации и «аппарат уголовного розыска окружному административному отделу не нужен» [22, л. 6].

Начальник подотдела милиции Г. Н. Могилевский 27 августа 1926 г. докладывал в Далькрайисполком, что сильного развития преступности на территории округа не было, а обязанности по раскрытию преступлений выполняли наиболее подготовленные сотрудники, для которых «данная работа не являлась особо тяжёлым бременем» [22, л. 8].

В соответствии с приказом начальника Камчатского окружного административного отдела (ОАО) № 7/СС от 10 ноября 1926 г. выполнение оперативно-розыскных функций полностью возлагалось на старших милиционеров, которые должны были «по прямой своей обязанности вести работу по оперативной деятельности». Отсутствие уголовно-розыскных органов серьёзно отражалось на проведении учёта и регистрации преступников, которые оставались совершенно не учтёнными. В донесении также указывается, что в губернии «дактилоскопии не ведётся, специальных работников этого дела нет, нет также и приборов для дактилоскопии» [21, л. 18]. Краевой административный отдел предлагает организовать при ОАО регистрационное бюро «в составе одного человека для производства учёта, дактилоскопирования и механического розыска преступников» [22, л. 6].

С целью учёта и регистрации криминального элемента на территории Камчатского округа Дальневосточный краевой административный отдел предписанием № 15/1 от 15 января 1926 г. предложил ОАО организовать подотдел уголовного розыска со штатом в шесть человек [22, л. 8], но данное предписание не было выполнено. Камчатский ОАО не имел для этого достаточных денежных средств. В смету был включён лишь один сотрудник, который «должен поставить дело по учёту преступников, организовав во всех районных милициях столы привода, а также инструктирования их по вопросам обнаружения преступлений» [22, л. 8об.].

Важной функцией милиции в это время являлось наблюдение за подследственными и заключёнными под стражу. В 1924—1926 гг. на территории Северо-Востока России имелось два дома предварительного заключения в городах Петропавловске и Охотске. Однако постоянный штат (в количестве трёх сотрудников) был предусмотрен только для Петропавловского исправительно-трудового дома (ИТД). Личный состав ИТД формально числился в Командорской милиции на должностях младших милиционеров, но был прикомандирован к городской милиции для несения службы в доме предварительного заключения (смотритель и два надзирателя). Дом предварительного заключения в Охотске, а также арестные помещения в Анадыре, Усть-Камчатске и Ключах не имели специального штата и «обслуживались» сотрудниками милиции [19, л. 41].

Движение арестованных в Петропавловске и Охотске с 1 января по 1 октября 1924 г. представлено в табл. 2 [ГАРФ, ф. 393, оп. 49, д. 127, л. 51—51об.].

Таблица 2

	Количество на 01.01.1924	Прибыло	Убыло	Количество на 01.01.1924	Израсходовано, руб.
Петропавловск	—	57	51	6	1 476,98
Охотск	5	24	21	8	1 200

Интересно, что особое внимание уделялось культурно-просветительной работе с подследственными. Так, в 1924 г. губернский административный отдел достиг соглашения с губернской библиотекой о предоставлении арестованным книг для чтения. Кроме того, специально для дома предварительного заключения выписывался один экземпляр местной газеты «Полярная звезда» [19, л. 41].

В 1926 г., после проведённой административно-территориальной реорганизации Северо-Востока, в Камчатском округе существовал один дом предварительного заключения, находившийся в восьми километрах от Петропавловска в бухте Раковой. Охраняли осуждённых три милиционера, прикрепленные для несения службы к ИТД. Петропавловский ИТД не соответствовал даже самым минимальным требованиям: «полная необорудованность, отсутствие специального штата для обслуживания, отсутствие мастерских и прочих учреждений обучения и воспитательной работы среди

осуждённых, отсутствие необходимых средств на заготовку обмундирования, вооружения инвентаря, а также невозможность приурочить внутренний распорядок и режим к исправительно-трудовому кодексу» [22, л. 8об.].

Для приведения ИТД в соответствии с требованиями исправительно-трудового кодекса ОАО 27 августа 1927 г. обратился в крайисполком с обоснованием необходимости ввести специальный штат по обслуживанию ИТД в составе начальника (он же заведующий бюро принудительных работ), счетовода-делопроизводителя, старшего и четырёх младших надзирателей [22, л. 9]. Кроме вышеуказанных должностей предлагалось ввести в штат ИТД заведующего профессиональным обучением либо, «не создавая этой должности, пригласить для руководства ремесленными мастерскими опытного человека» [22, л. 9]. В 1929 г. штат сотрудников Петропавловского ИТД включал начальника, старшего и пять младших надзирателей [22, л. 147]. В 1929—1930 гг. начальником ИТД был Сергей Степанович Мальков, старшим надзирателем — Михаил Васильевич Кравченко, младшими надзирателями — Дионисий Иванович Демченко, Яков Иванович Горопачёв, Семён Алексеевич Пибилов, Эдуард Карлович Эрдман, Петр Трофимович Заварзин [24, л. 1].

В 1930 г. было построено новое здание ИТД, рассчитанное на сорок заключённых, а также увеличена численность сотрудников. Кроме того, ИТД был переведён на самоокупаемость, которая должна была повлиять на укрепление хозяйства, состоявшего из трёх лошадей, трёх собачьих нарт, катера, кунгаса, шаланды и трёх шлюпок [23, л. 183].

В районах Камчатского округа арестные помещения либо отсутствовали, либо «находились в неудовлетворительном состоянии, хотя необходимость... очень большая» [25, л. 148].

Со второй половины 1920-х гг. на Камчатке начинается формирование ведомственной милиции. Основным нормативным актом по её организации явилось постановление Совнаркома от 6 февраля 1924 г. «О ведомственной милиции» [26, с. 58—59]. На его основе НКВД РСФСР 19 января 1925 г. принял «Положение о ведомственной милиции», а в феврале 1925 г. утвердил «Инструкцию о порядке организации ведомственной милиции и её деятельности», определявшие принципы комплектования и основные задачи ведомственной милиции. Циркуляром НКВД РСФСР от 7 сентября 1925 г. на ведомственную милицию была возложена обязанность по охране имущества общественных и частных предприятий в случае, если они приобретали государственное значение. Данная структура входила в состав общегосударственной милиции, подчинялась всем действующим в её отношении законам, приказам, инструкциям, распоряжениям и пользовались всеми правами и преимуществами. Личный состав подвергался дисциплинарной и судебной ответственности на тех же основаниях, что и в общегосударственной милиции. Вместе с тем, в отличие от общегосударственной милиции, «ведмилиция» характеризовалась существенными особенностями: полностью содержалась на средства обслуживаемых ею ведомств и предприятий на договорных началах и разделялась на горно-приисковую, промысловую, ярмарочную, портовую, курортную, речную и другие.

Главными функциями ведомственной милиции являлись обеспечение безопасности людей и сохранность имущества обслуживаемых предприятий. При наличии на предприятиях от 5 до 10 милиционеров утверждалась должность старшего милиционера, от 25 до 30 — одного надзирателя и по старшему милиционеру на каждые десять сотрудников.

На территории Камчатского округа организация ведомственной милиции началась в 1928 г., когда Акционерное Камчатское общество (АКО) установило монополию на торговлю и эксплуатацию природных богатств Охотско-Камчатского края. Рыболовные участки, угольные копи, склады АКО и стали основными объектами деятельности ведомственной милиции Камчатки. На основании постановления Петропавловского горсовета № 1 от 10 февраля 1928 г. ведомственная милиция выделена из состава Петропавловской городской милиции с подчинением её начальнику городской милиции с общим административным и хозяйственным обслуживанием [27, л. 9об.].

Для охраны базисной фактории АКО в Петропавловске 30 июня 1928 г. был сформирован отряд ведомственной милиции в количестве 6 чел., на содержание которых в течение июля-сентября выделены 3 229 руб. 40 коп. [28, л. 406]. В декабре 1928 г. Петропавловское агентство Госбанка заключило договор с Камчатским окружным административным отделом на содержание ведомственной милиции в количестве четырёх сотрудников [28, л. 391об.—392]. Сотрудниками ведомственной милиции Госбанка в 1928—1929 гг. являлись Павел Фуражков, Григорий Слепченко, Сергей Кропочев и Афанасий Бенин [24, л. 1].

В 1929 г. ведомственная милиция была создана на Корфских (старший и два младших милиционера) и Большерецких (старший и четыре младших милиционера) рыбных промыслах АКО и Озерновском рыбоконсервном заводе (старший милиционер) [23, л. 164]. В начале 1930 г. на территории Камчатского округа штат ведомственных милиционеров состоял из 43 чел. [29, л. 75].

Проблемы ведомственной милиции Камчатки отмечались в отчёте административного отдела окрисполкому за 1928—1930 гг. Здесь указывалось, что «комплектование ведомственной милиции осуществляется за счёт сезонников, благодаря чему не исключена возможность проникновения в ряды милиции чуждого элемента. Подготовка ведомственной милиции крайне слабая. Начальник районного административного отделения (один в районе) не в состоянии справиться с подготовкой и с борьбой с преступностью. Плохо обстоит дело со снабжением обмундированием (как ведомственной, так и государственной милиции). Заказы, посылаемые в заготхоз НКВД, не выполняются в течение года» [23, л. 184].

Для содержания ведомственной милиции административный отдел заключал договора с охраняемыми предприятиями и организациями. Оплата труда ведомственных милиционеров не должна была превышать ставки начальника волостной милиции, срок действия договора — до года. Средства предприятия переводили на счета административных отделов. Выдача денежного содержания ведомственным милиционерам учреждениями и предприятиями не допускалась [29, л. 75]. Заработная плата ведомственных милиционеров исчислялась в соответствии с заработной платой работников общегосударственной милиции. В условиях Камчатки это составляло: зарплата младшего милиционера 85, старшего — 95 руб. в месяц, отчисления на соцстрах — 10 % от зарплаты, надбавки на жилстроительство — 0,75 % от зарплаты, отчисления — 1 % от зарплаты [30, л. 330—331].

Снабжение ведомственных милиционеров всеми видами вещевого довольствия и снаряжения осуществлялось по установленным для общегосударственной милиции нормам. Создание ведомственной милиции имело положительное значение для охраны общественного порядка, особенно в удалённых от райцентров районах.

Дальнейшее изменение структуры камчатской милиции связано с изменением административно-территориального деления ДВО. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 4 января 1926 г. ДВО была преобразована в Дальневосточный край (ДВК) в составе девяти округов и 75 районов [9, с. 217—218]. В состав ДВК вошли следующие округа: Владивостокский (14 районов), Хабаровский (5 районов), Николаевский (7 районов), Амурский (11 районов), Зейско-Алданский (4 района), Сректинский, Читинский (14 районов), Сахалинский (4 района), Камчатский (8 районов). Новое районирование способствовало изменениям в системе управления и руководства правоохранительными органами Дальнего Востока. Руководить работой милиции, уголовного розыска, ЗАГС и инспекцией мест заключения стал краевой административный отдел, образованный 6 марта 1926 г.

Одним из итогов районирования стало и новое административно-территориальное деление бывшей Камчатской губернии. В соответствии с постановлением Далькрайисполкома от 1 апреля 1926 г. Камчатская губерния реорганизовывалась в округ, вошедший в состав ДВК. С целью «упрощения и удешевления административного аппарата, более чёткого деления территории на основе тяготения населения к определённым распределительным базам с учётом численности и национального состава населения» Петропавловский, Гижигинский, Анадырский и Чукотский уезды реорганизованы в районы, а бывший Охотский уезд включён в состав Николаевского округа [31, л. 25].

Вновь образованный Камчатский округ разделён на восемь административных районов: Петропавловский, Анадырский, Чукотский, Карагинский, Усть-Камчатский, Большерецкий, Пенжинский и Тигильский. Теперь управление Камчатским округом стало осуществляться по следующей схеме: *окрревком — райревком — сельсовет*. По сравнению с губернской системой управления реорганизация привела к «уменьшению административного аппарата на одну ступень», сокращению его штата и уменьшению расходов на его содержание. В апреле 1926 г. был ликвидирован губернский административный отдел и образован административный отдел Камчатского округа, который координировал, направлял и контролировал районные административные отделения. Структура административного отдела включала: общий подотдел, подотдел милиции, уголовного розыска и мест заключения, счётно-бухгалтерский отдел и ЗАГС.

В связи с новым административно-территориальным делением Северо-Востока России претерпела изменения и структура РКМ Камчатского округа. Так, Петропавловская, Большерецкая, Тигильская, Усть-Камчатская, Дранкинская волостные, а также Анадырская, Гижигинская и Чукотская уездные милиции реорганизованы в районные. Елизовская, Мильковская, Соболевская, Хайрюзовская, Марковская, Бельская и Аянская волостные милиции упразднены.

На основании постановления Камчатского окружного административного отдела «О слиянии городской и районной милиции РКМ Камчатского округа» № 156 от 5 октября 1926 г. произошло объединение аппаратов Петропавловской городской и районной милиций. Таким образом, вместо ликвидированных уездных и волостных милиций было образовано восемь районных административных отделений (РАО) Камчатского округа, на которые была перенесена вся тяжесть милицейской работы. Состав РАО был представлен начальником, его помощником — старшим милиционером, и одним-двумя младшими милиционерами. С октября 1926 г. в РАО вводится должность делопроизводителя-заведующего ЗАГС. С учётом нового административно-территориального деления окружной административный отдел утверждает следующие штаты сотрудников РАО Камчатского округа на 1927 г. [ГАХК, ф. П-2, оп. 2, д. 41, л. 529—530; Там же, ф. 179, оп. 1, д. 1, л. 32—33; Там же, ф. П-45, оп. 1, д. 161, л. 25—31]:

Петропавловский РАО: начальник, два старших и три младших милиционера. Территория 58 502 кв. км. Административный центр — г. Петропавловск-Камчатский, 24 населённых пункта.

Карагинский РАО: начальник, два старших милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 95 282 кв. км. Административный центр — пос. Тилички, 15 населённых пунктов.

Чукотский РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 195 609 кв. км. Административный центр — с. Уэлен, 82 населённых пункта.

Анадырский РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 288 396 кв. км. Административный центр — пос. Ново-Маринск, 18 населённых пунктов.

Большерецкий РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 48 970 кв. км. Административный центр — пос. Усть-Большерецк, 22 населённых пункта.

Усть-Камчатский РАО: начальник, два старших и один младший милиционера, заведующий столом ЗАГС. Территория 67 354 кв. км. Административный центр — пос. Усть-Камчатск, 24 населённых пункта.

Тигильский РАО: начальник, старший милиционер, заведующий столом ЗАГС. Территория 60 293 кв. км. Административный центр — пос. Тигиль, 38 населённых пунктов.

Пенжинский РАО: начальник, старший милиционер, заведующий столом ЗАГС. Территория 153 002 кв. км. Административный центр — с. Каменское, 37 населённых пунктов.

Таким образом, в Камчатском округе планировалось сформировать штат из 36 сотрудников милиции. Тенденция к сокращению штатов РАО сохранялась и в дальнейшем, она была обусловлена проведением государственной политики по сокращению

аппарата и уменьшению расходов на его содержание. В частности, в 1928—1929 гг. были сокращены должности младшего милиционера в Чукотском, Анадырском, Карагинском, Усть-Камчатском и Большерецком РАО; две должности милиционеров в Петропавловском РАО, старшего милиционера в Пенжинском, Тигильском и Большерецком РАО. В Пенжинском районе с 5 ноября 1926 г. был ликвидирован милицкий пост в с. Каменском [32, л. 117]. В 1929—1930 гг. в штате милиции Пенжинского и Чукотского районов состояли только одни начальники [23, л. 148]. В Анадырском РАО (Анадырский район занимал территорию, равную площади Германии) в 1929—1930 гг. на службе состояли только начальник милиции и старший милиционер, которые постоянно находились в Анадыре [23, л. 148].

Начальник Анадырской милиции выполнял работу председателя райисполкома, а старший милиционер «полностью вёл делопроизводство, так как должность технического работника в Анадырском РАО отсутствовала» [23, л. 134]. Таким образом, территория Анадырского района находилась «вне милицейского обслуживания», и работа милиции оценивалась как неудовлетворительная [23, л. 134]. В отчёте о состоянии и деятельности района за январь-июнь 1930 г. указывается, что необходимо «включить в штат ещё двух старших милиционеров в сёлах Марково и Майно-Пальгино» [23, л. 134].

Весьма интересен отчёт о состоянии Петропавловского РАО за 1928—1930 гг. В нём указано, что два старших милиционера обслуживали г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский совхоз, тресколовную базу и «строительство за Култучным озером» [23, л. 72, 86, 134].

В областном центре с 1 апреля 1926 г., одновременно с сокращением штата сотрудников, на работников городской милиции возложены функции районной и обязанности охраны ИТД. Штат сотрудников Петропавловской городской милиции составил 11 чел. В результате в 1929—1930 гг. окружной центр в ночное время «милицией не обслуживался, арестные помещения не охранялись за недостаточностью милицейского штата. Сотрудники занимались только производством расследований и оперативной работой». В 1926 г. Камчатский административный отдел предоставил в Дальневосточный крайисполком для утверждения на 1927 г. «самые минимальные штаты сотрудников милиции». Однако их не утвердили, более того, сократили должности одного милиционера на Чукотке, одного в Анадыре, двух в Петропавловске, а также не приняли резерв милиции в количестве 5 чел. При таком сокращении стало невозможно даже «укарауливать» осуждённых [33, л. 147].

В отчёте Большерецкой милиции за второе полугодие 1929 г. особо акцентируется внимание на то, что для устранения недостатков в её деятельности необходимо ввести в штат одного делопроизводителя, срочно укомплектовать должность старшего милиционера, а также увеличить штат на одного младшего милиционера, которому «предоставить резиденцию в селе Соболево» [23, л. 19]. Однако штат увеличен не был. В отчёте о состоянии и деятельности милиции за первое полугодие 1930 г. особо отмечается, что распоряжения административного отдела милицией частично не выполняются из-за неполного штата. Кроме того, райисполком не выполнял делопроизводство районной милиции, а её начальник находился в постоянных командировках по району [23, л. 88].

В Охотском районе на территории от Охотска до Туманова остался один милиционер, находившийся в с. Оле (до реорганизации в уезде было три милиционера в сёлах Оле, Ине и Ямске). В Чукотском районе стало невозможно «обслуживать район одной единицей». Для эффективной работы требовалось дополнительно учредить минимум два милицейских пункта (в с. Рыркарния и Чаплино).

В июне 1930 г. начальник Пенжинского РАО Т. В. Эпов сообщал, что для нормальной работы, особенно среди туземного населения, следует увеличить штат на одного старшего милиционера либо «ввести вместо него технического работника» [23, л. 73].

Таким образом, к 1930 гг. штат РАО составлял 26 сотрудников, что значительно снизило эффективность и качество работы милиции. Кроме того, негативную роль играло отсутствие народных судов в районах Камчатского округа (кроме Петропавловска), которые «могли бы немедленно реагировать на преступление» [23, л. 88, 150—151].

Как отмечается в отчётном докладе начальника административного отдела Камчатского округа П. М. Кислюка за 1929—1930 гг. «при штате сотрудников в 26 единиц работники районных милиции не могут быстро и своевременно реагировать на то или иное совершенное преступление, в особенности в отдалённых от райцентра на 300—500 верст селениях. Поэтому значительная часть совершенных преступлений остаётся даже не рассмотренными органами милиции» [10, с. 55—56].

В отчете о состоянии и деятельности административного отдела Камчатского окрисполкома за январь-июнь 1930 г. была дана следующая характеристика работы милиции в связи с её сокращением: «Тем составом и штатами, которые имеются в настоящее время, вести борьбу с преступностью в полной мере милиция не в состоянии. Много преступности остается не тронутой. Кроме того, влияет отсутствие в районах народных судов, которые могли бы немедленно и окончательно реагировать на преступление». К тому же резкое сокращение численности сотрудников приводило к многократному увеличению нагрузки на оставшихся. Это способствовало чрезвычайно высокой текучести кадров. В отдельных районах она достигала «трёхкратной» смены личного состава в течение года.

В итоге политика районирования, проводимая в Камчатском округе в 1926—1930 гг., привела к резкому сокращению личного состава ОАО, а также к снижению качества деятельности милиции. Данное обстоятельство обусловило необходимость пересмотра проводимой политики уже в начале 1930 г.

ИСТОЧНИКИ И ПОЯСНЕНИЯ

1. ГАХК, ф. 58, оп. 1, д. 44.
2. РГИА ДВ, ф. Р-2628, оп. 1, д. 7.
3. В 1921—1926 гг. Камчатская область занимала территорию всего Северо-Востока России и включала Петропавловский, Анадырский, Охотский, Чукотский, Гижигинский и Командорский уезды. В соответствии с постановлением Дальневосточного краевого исполнительного комитета от 1 апреля 1926 г. Камчатская губерния реорганизовывалась в округ, вошедший в состав Дальневосточного края. С 1926 г. камчатские уезды были реорганизованы в районы, а бывший Охотский уезд включён в состав Николаевского округа.
4. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны // История Дальнего Востока России. — Т. 3. — Кн. 1. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — 632 с.
5. ГАХК, ф. П-44, оп. 1, д. 414.
6. *Ходасевич А. П.* Милиция таежного края. — Хабаровск. 1969.
7. Борьба за власть Советов на Чукотке (1919—1923): Сб. документов и материалов. — Магадан, 1967.
8. ГАМО, ф. Р-37, оп. 1, д. 1.
9. Дальревком. Первый этап мирного строительства на Дальнем Востоке в 1922—1926 гг. — Хабаровск, 1957.
10. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: История камчатской полиции и милиции (XVIII — XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
11. Камчатский листок. — 1922. — 10 нояб. — № 78.
12. *Смышляев А. А., Витер И. В.* Город над Авачинской бухтой. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.
13. *Бакалейников П. С.* Становление камчатской милиции (1918—1922 гг.) / История социалистического строительства на Камчатке. — Владивосток, 1979. — С. 119—123.
14. Статистическое Управление РСФСР. — 1922. — № 78.
15. *Левина О. А., Скляр А. Б.* Таможенная служба на Чукотке: от Анадырского острога до поста Провидения // Таможенная политика на Дальнем Востоке. — 2004. — № 4. — С. 109—114.
16. ГАРФ, ф. 393, оп. 46, д. 110.
17. Там же, оп. 49, д. 127.
18. ГАКК, ф. 314, оп. 1, д. 2А.
19. РГИА ДВ, ф. Р-2422, оп. 1, д. 570.
20. Вестник комиссариата внутренних дел. — 1918. — № 24.
21. ГАКК, ф. 179, оп. 1, д. 1.
22. ГАХК, ф. 353, оп. 3, д. 16.
23. РГИА ДВ, ф. Р-4315, оп. 1, д. 55.
24. ГАКО, ф. 179, оп. 1, д. 5.

25. ГАХК, ф. П-2, оп. 2—3, д. 71.
26. МВД России. Энциклопедия. — М., 2002. — 623 с.
27. ГАКК, ф. 81, оп. 1, д. 8.
28. Там же, д. 7.
29. Там же, ф. 305, оп. 1, д. 1.
30. Там же, ф. 81, оп. 1, д. 1.
31. ГАКК, ф. П-45, оп. 1, д. 161.
32. Там же, д. 108.
33. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Штатная численность сотрудников Камчатского окружного и районных административных отделов в 1929—1930 гг.

1. Камчатский окружной административный отдел: начальник, заведующий секретной частью, делопроизводитель.
 2. Камчатский дом заключения: начальник, старший и пять младших надзирателей.
 3. Петропавловский районный административный отдел: начальник.
 4. Петропавловская городская милиция: начальник, два старших милиционера, делопроизводитель.
 5. Большерецкий районный административный отдел: начальник, старший милиционер.
 6. Усть-Камчатский районный административный отдел: начальник, два старших милиционера.
 7. Тигильский районный административный отдел: начальник.
 8. Пенжинский районный административный отдел: начальник.
 9. Карагинский районный административный отдел: начальник.
 10. Чукотский районный административный отдел: начальник.
 11. Анадырский районный административный отдел: начальник, старший милиционер.
- Итого 26 сотрудников.
РГИА ДВ, ф. Р-4315, оп. 1, д. 55, л. 147—148.

В. П. ПУСТОВИТ

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ УЧЁНЫЙ

25 февраля 1932 г. в дом № 2 по ул. Никольской в г. Петропавловске-Камчатском явились чекисты. Они произвели обыск у известного в научных кругах СССР и за рубежом учёного-натуралиста П. Т. Новограбленова, который шестой год работал заведующим Камчатским музеем. Постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по ст. 58-10 УК РСФСР было изготовлено 26 февраля: «...рассмотрев следственный материал по делу № 11 и принимая во внимание, что гр. Новограбленов Прокопий Трифионович достаточно изобличается в том, что проводил агитацию, направленную к подрыву Советской власти... мерой пресечения... избрать содержание под стражей в арестном помещении окротдела ОГПУ».

Упомянутый следственный материал на момент ареста Новограбленова... отсутствовал. На первом же допросе 26 февраля 1932 г. арестованный — овдовевший отец троих (пяти, девяти и одиннадцати лет) детей — заявил: «...антисоветской агитации с 1923 г. не вёл, осознав свою вину до указанного периода, находясь в заключении в течение шести месяцев, где я переродился в связи с приходом на Камчатку Советской власти, так как до указанного периода таковой не существовало».

Доказательства вины учёного добывались последующие полтора месяца. Бывший партизан А. И. Кобцев не забыл упомянуть о требовании Новограбленова на одном из заседаний Петропавловской городской Думы «с корнем вырвать красный бандитизм». Кобцев заявил: в 1923 г. отрядники возмущались, что ревтрибунал наказал Новограбленова условно, тогда как красными партизанами он был объявлен вне закона.

Десятилетней давности грехи П. Т. Новограбленова перед советской властью хорошо помнили не только чекисты. Но они — в первую очередь. В документе «Харак-

теристики и компрометирующий материал на совслужащих Камчатского округа» за 1929 г. обстоятельно рассматривалась «политическая физиономия» учёного. «...Носится с идеей “Камчатка — для камчадал”... Будучи в своё время верным слугой Бирича (в 1921—1922 гг. руководитель Камчатской области с правами губернатора. — В. П.):

1. Был гласным Петропавловской Думы по должности инспектора народных училищ на Камчатке. Активно проявил себя как ярый противник Советской власти. Предлагал прекратить ни к чему не ведущие переговоры и находил, что рассуждать о банде разбойников, это теряет авторитет Думы, которой нужно лишь обсуждать об интересах города, а не о шайке большевиков. Настаивал обратиться к власти временного правительства, установившей известный порядок и наладившей государственный аппарат, для ликвидации выступающей с угрозами шайки большевиков...

2. Будучи главой народного просвещения на Камчатке, утилизировал школы в контрреволюционных целях и в циркуляре, разосланном по области, призывал население к признанию и поддержке Меркуловской власти (Временного Приамурского правительства. — В. П.) и против власти трудящихся...

3. Будучи товарищем председателя городской Думы, поощрял все контрреволюционные начинания, настаивая на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, разжигал собрание, изливая непристойные оскорбления по адресу власти советов. Участвовал в редакции всех думских контрреволюционных прокламаций, сотрудничал в меркуловском печатно-агитационном органе “Камчатский листок”, помещая передовые статьи клеветнического содержания, подрывающие авторитет Советов...»

О том же самом, лишь в общих чертах, говорил 2 марта 1932 г. на допросе в ОГПУ бухгалтер, руководитель драмкружка Д. Б. Бадах: «Вся деятельность Новограбленова в период реакции протекала в антисоветских выпадах, и платформа его убеждений была антисоветская». Касаясь советского периода, Бадах отмечал осторожность и сдержанность учёного, являвшегося сторонником «чистой науки» вне советской общественности и жизни.

Показания экономиста В. Ф. Комарова указывали на аполитичность П. Т. Новограбленова, в качестве примера приводилось краеведческое общество, где он вёл работу «узко научную как ботаник и вулкановец». Нечто похожее чекисты услышали от преподавателя совпартшколы и педтехникума В. Н. Дубровина, по словам которого, Новограбленов «всё время держался обособленно. Партийные открытые собрания не посещал, на профсоюзных был не более одного-двух раз. На заседаниях в окроне выступал только по вопросам музея... Вообще совершенно не выявлял себя... избегая вопросов на политические темы». «Но, — делал вывод Дубровин, — Новограбленов, хоть и вёл себя замкнуто, мне кажется, что он является вредным элементом, потому что он, прежде всего, местный житель и, кроме того, затаил, безусловно, месть за своё, хотя и условное, осуждение».

Данное мнение совпадало с уже цитируемой характеристикой П. Т. Новограбленова: «В настоящее время не может ужиться с мыслью о советизации Камчатки и вместе с тем примириться с фактом ограничения прав привилегированного сословия. Свои линии ведёт тонко и осторожно, знакомство поддерживает преимущественно с контрреволюционным элементом: лицами, административно высланными из Центра в силу политических чисток (Физик), или лицами, уже достаточно зарекомендованными на этом поприще (Гарсов и др.). Стремится заручиться благосклонным вниманием некоторых ответработников, ища в них зацепку для покрова своей контрреволюционной деятельности».

Семьи Дубровиных и Новограбленовых жили в одном доме. И супруге Владимира Николаевича, тоже учительнице, ранее приходилось сталкиваться с покойной женой учёного «во дворе в спорах из-за верёвки для развешивания белья», и та ей часто кричала: «Погодите, на нашей улице будет праздник». В этих мелочных угрозах, считала Е. А. Дубровина, «складывалось настроение не только жены, но и самого Новограбленова».

Подчеркнув «старорежимность» П. Т. Новограбленова как преподавателя английского языка и естествознания школы второй ступени, педагог М. Ф. Курищенко

критически отзывалась о его длительных поездках по Камчатке с целью изучения растительного мира: дескать, вряд ли он тратил всё своё время на сбор ботанического материала. Активность Новограбленова в период «господства белых банд» (что было известно Курищенко понаслышке, так как она в Петропавловске жила лишь с 1923 г.) не оставляла у нее сомнений, что ездил он не за одними «осоками» и «мхами» тем более с фотоаппаратом, и неизвестно ещё, все ли снимки передавались им в музей.

К близким знакомым П. Т. Новограбленова Курищенко не принадлежала, общалась только в служебной обстановке, но «вся сумма мелких наблюдений» за учёным почему-то убедила её в том, «что это человек хитрый, затаившийся до поры до времени, переживающий со скрежетом зубным свалившуюся напасть» (советскую власть? — В. П.).

Более подробно своё отношение к научной деятельности Новограбленова изложил в ОГПУ И. К. Зырянов (русский, из мещан, образование низшее, специальность — «конторско-финансовый труд»). Но, прежде чем перейти к его показаниям, оговоримся: всё, приводимое ниже, в том числе иностранные имена и фамилии, даются в орфографии дознавателя.

Зырянов отмечал, предпринимаемые Новограбленовым исследования естественных богатств Камчатки обусловлены его «достаточной подготовленностью». Он, «уделяя наибольшее внимание этой работе, сумел в... Краеведческом Обществе завоевать симпатию и затем стать во главе руководства направления деятельности такового, используя ценные материалы, как присылаемые в общество, так и музея, находящиеся при нём, для своих научных трудов и коллекций... Материалов поступало очень много со всех концов Камчатки от членов общества. Руководя работой краеведческого общества, приобрёл связь с нужными организациями и учреждениями в Москве и на средства, получаемые от таковых, так и общества, каждое лето ездил на исследования особенностей Камчатки и собирания материалов и всё самое лучшее использовал для своих трудов».

По Зырянову, отрицательная сторона научной деятельности П. Т. Новограбленова перевешивала положительную: «Будучи местным уроженцем, имел большой круг родственников и через них и путём своих поездок имел хорошую связь с местным населением, в особенности с зажиточным и кулацким элементом, пользуясь среди них, как учёный, большим авторитетом, как то с Машихиными, Коршуновыми, Плотниковыми (Мильково, Елизово) и др. Свои труды о Камчатке Новограбленов готовил не для советской науки, а тем или иным путём сплавлял за границу, где этот материал издавался в иллюстрированных журналах. Журналы и брошюры Новограбленов получал, как раньше, так и теперь. Примерно в конце февраля (1932 г. — В. П.) показывал один журнал и даже похвалялся, как ценят там его труды и как мало внесено исправлений в его оригинал, желая этим сказать: “Не то, что, мол, у нас”. Говорил, что журнал этот издаётся на Шантарских островах американским научно-исследовательским обществом, членом которого он состоит».

Особо выделил свидетель контакты П. Т. Новограбленова с иностранными учёными. «Несколько лет на Камчатке (1924—1930 гг.) проживал шведский учёный профессор Малэс. Совместно с женой они излазили всю Камчатку, изучая её. Что искали, не знаю. Один год их было трое — какой-то шведский инженер. Имели свой собственный питомник, собирали гербарий, букашек, производили снимки, изучали природу и прочее. С ними Новограбленов имел большую дружбу и связи. Были общие научные труды, которые направлялись за границу. Туда выезжали и жена Малэс, и он сам (два раза), и только последние два года Малэс работал один (1929—1930 гг.). Издания Малэс получал из Швеции, в которых показывал общие труды о Камчатке.

В 1930 г. Малэс, будучи сокращён властями в своей бесконтрольной деятельности и, кроме того, судим за вредительство в соболином питомнике Елизовского РИКа, отбыв наказание, постарался смыться из СССР в Швецию, вывез много собранных материалов о Камчатке. Со слов Новограбленова, эти материалы ушли нелегально при посредстве шведского посольства в Москве. Выезду Малэса из Петропавловска способствовал и содействовал Новограбленов, который, в силу слабого владения рус-

ским языком Малэсом и незнания порядка, давал советы и составлял ходатайства и в Москве, способствовал бывший завокроно Жедяевский, который в бытность на Камчатке также принимал участие в научном труде Новограбленова с Малэсом. Жедяевский, как член партии и завокроно, во многом содействовал возможности разъездов по Камчатке учёному Малэсу для изучения и собирания материалов. Впоследствии Жедяевский, уже будучи в Москве при каком-то научно-исследовательском учреждении, был разоблачён в контрреволюционной деятельности, оказавшись офицером белой армии. В бытность Жедяевского в Москве, Новограбленов, как говорил сам, имел с ним переписку, а также говорил, что у Малэса и Жедяевского также была связь.

Тяготение и связь с границей у Новограбленова было большое. Видно это из того, что большинство посетивших Петропавловск иностранцев были рекомендованы к Новограбленову, который и знакомил их с особенностями Камчатки через Краеведческое Общество. Владея английским языком, он являлся путеводителем по учреждениям».

При переорганизации Краеведческого общества учёный, по словам Зырянова, был крайне недоволен внедрением в состав правления партийной прослойки. Что же касается близких Новограбленову людей — тех, кого он принимал у себя дома, то этот ограниченный круг свидетель охотно перечислил: «бывшие спекулянты Подпругины, Добровольский, офицер», Гарсов, в прошлом присяжный поверенный, и служащий фирмы «Гудзон-бей» профессор Огородников.

Отказал в политической благонадежности П. Т. Новограбленову и работник народного образования Н. С. Павленко. Потому как учёный тот «пробавлялся» в местной газете невинным описанием вершин камчатских сопок, горячих ключей, «но ни разу не осветил ни одного хозяйственного вопроса о Камчатке, в которой он достаточно разбирается и что могло бы быть полезно для социалистического строительства».

2 апреля 1932 г. П. Т. Новограбленова допросили снова. Он показал: «С 1925 г. я состоял в кружке изучения Камчатки, который был реорганизован приблизительно в 1926 г. в Камчатское краеведческое общество, которое было реорганизовано в 1931 г. в Камчатское бюро краеведения; в указанных я был заместителем председателя и один год в Краеведческом обществе секретарём. Я никогда не высказывал, что наука должна быть вне политики. По научным работам я имел связь с вулканической обсерваторией на Гавайских островах, с обществом вулканологов острова Ява и ботаником Хултен и Малес... Переписка с ними была чисто научного характера и переживаемых впечатлений по путешествиям — по последним я имел переписку только с американскими натуралистами Аиордом и Колтас. За границей я был только в Японии в 1908 и 1909 г., когда плывал на пароходе «Котик», готовясь для поступления в морское училище.

Окончив свое обучение в 1916 г. (учительский институт в Томске. — В. П.), я учительствовал на Сахалине, откуда переехал на Камчатку в 1918 г. осенью, с тех нахожусь безвыездно на Камчатке, за исключением научной командировки в 1931 г. до г. Читы, в каковой пробыл полтора месяца. С Японией я никаких связей не имел и научными работами там не делился. Из моих статей за границей печатались только две: о Горелом вулкане и извержении Авачинской сопки, эти же статьи мной посылались академику Комарову. По своим статьям я ни с кем не делился и не говорил, что за границей труд учёного ценят лучше. Живя на Камчатке, я, начиная с 1920 г., каждое лето делал экскурсии за свой счёт, за исключением полученных от окрисполкома 300 руб.

Иностранную литературу я получал от шведского ботаника Хултэна — по ботанике, по вопросам вулканологии с острова Явы и Гавайских островов, из Америки от Смитсоньевского института доктора Штейнегер, от Айордам — американского коммуниста. Летом 1930 г., вернувшись из экспедиции, я узнал от брата Павла Новограбленова, что в полученном бюллетене Вулканического общества с острова Явы была вложена листовка монархического характера, которую он передал в ГПУ, после чего я был вызван в ГПУ и давал показания. Бюллетень высылался открытой бандеролью. Происхождения этой листовки я совершенно не знаю. Статей в иностранных журналах антисоветского характера я не встречал».

ПОДПИСКА

№ 1

Я, нижеподписавшийся гр. Новограбленов Прокопий Трифонович

проживающий в г. Петропавловске Камчатском

Николаевская, 2

даю настоящую подписку Камчатскому ОО ОГПУ, в том, что впредь до

окончания следствия и суда по делу по обвинению меня в прес. пред. 58 п. 10

ст.ст. Уг. Код., обязуюсь без особого на то разрешения судебно-следственных властей из

г. Петропавловска

не отлучаться и являться по первому требованию их.

В случае перемены указанного адреса, обязуюсь, по прибытии на новое место-
жительство, немедленно извещать.

149 ст. УПК мне объявлена и разъяснена.

(Подпись) Новограбленов

11 " апреля 1932 г.

Подписку отобрал:

Уполн. Смо Чернав

Подписка о невыезде, взятая с П. Т. Новограбленова 11 апреля 1932 г.
(ГАКК, ф. П-199, оп. 1, д. 178, л. 24)

"УТВЕРЖДАЮ" - НАЧ КАМЧ ОО ОГПУ: -

Елев

(КИС ЕЛЕВ)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1932 г. М а я "9" дня; гор. Петропавловск на Камчатке.

Я, Уполномоченный СПО Камчатского Округа ОГПУ - ЧЕРНАВИ
рассмотрев сего числа следдело № 11... 1932 г. на гр. НОВОГРАБЛЕ-
НОВА Прокопия Трифоновича по обвинению его в совершении преступле-
ния предусмотренного 58 п. 10 ст. УК и принимая во внимание, что
произведенным следствием нет достаточно добытых данных для привле-
чения его к ответственности, а поэтому, руководствуясь ст. 4 п. 5
УПК, -

ПОСТАНОВИЛ:

следственное дело дальнейшим производством ПРЕКРАТИТЬ,
сдать на хранение в архив УСО Камч. ОО ОГПУ и принятую меру пресе-
чения в отношении НОВОГРАБЛЕНОВА П.Т. подписку о невыезде из гор.
Петропавловска - ОТМЕНИТЬ.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СПО: - Чернав (ЧЕРНАВИ)

"СОГЛАСЕН" - НАЧ СПО: -

Николаев (НИКОЛАЕВ)
Постановление мне об"явлено: ...

СПРАВКА: копия постановления направлена: а) УСО КОООГПУ
б) Камч. Округу прокурору.

Постановление о прекращении уголовного дела в отношении П. Т. Новограбленова
от 9 мая 1932 г. (ГАКК, ф. П-1199, оп. 1, д. 178, л. 25)

П. Т. Новограбленов заявил, что никаких разговоров о возможной оккупации Камчатки Японией в связи с заходом в 1931 г. в Авачинскую бухту японской подводной лодки (на её борт не были допущены даже гэпэушники) ни с кем не вёл, а с прибывшими на Камчатку американскими летчиками Линдбергами общался как официальный переводчик, и только, и ничего компрометирующего советскую власть им не передавал...

4 апреля 1932 г. давала показания коллега П. Т. Новограбленова по краеведческому обществу М. Э. Кромберг. Она стала последней, кого вызывали в ОГПУ по этому делу. Её допрос, как и все предыдущие, вёл следователь С. Д. Чернавин (впоследствии уволен из органов госбезопасности). Новых фактов против учёного он от Кромберг не получил. Неделью спустя П. Т. Новограбленова выпустили под подписку о невыезде, а 9 мая 1932 г. прекратили дело по ст. 4 п. 5 уголовно-процессуального кодекса за отсутствием «достаточно добытых данных для привлечения его к ответственности».

В фондах Государственного архива Камчатского края, где содержатся используемые в статье сведения, есть также данные о третьем, последнем, аресте учёного, последовавшем 5 апреля 1933 г. На сей раз чекисты постарались сделать из П. Т. Новограбленова не скрытого антисоветчика-одиничку, а руководителя крупной контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». Эта идея зародилась в недрах Полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края. Там же, в Хабаровске, учёный был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян 4 января 1934 г. на сорок втором году жизни.

Но и после этого на П. Т. Новограбленова не прекратился сбор компромата. Правда, не всегда удачный. 3 января 1935 г. на допросе в НКВД коренной житель Камчатки Касьян Никифорович Тюменцев показал относительно экспедиции Новограбленова 1930 г.: «Он прибыл к нам в село Коряки как ботаник по сбору растений, ехал дальше по Западному побережью, для его переброски до села Кинкиль меня сельсовет направил старшим каюром на лошадях, всех каюров было три человека: я, Тюменцев, Никифоров Михаил и Утуров Николай (последний две кочевки, сейчас — член колхоза).

В пути с Новограбленовым мы были около двенадцати дней. После приезда в село Кинкиль я за свою работу получил с Новограбленова 90 руб. За время совместного пути с Новограбленовым с ним никаких разговоров, направленных против советской власти, у меня не было. Также я не заметил, чтоб он вёл такие разговоры с другими лицами».

...27 апреля 1957 г. Военный трибунал Дальневосточного военного округа реабилитировал всех проходивших по делу «Автономная Камчатка». Выяснилось, что на территории нашей области никаких контрреволюционных организаций никогда не существовало...

А. Г. ЩУКИН

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ...

На одной широте... Работая над этой публикацией, я просмотрел самые разные издания — книги, газеты, статистические сборники. Увы, если исключить сборник документов и материалов «Камчатская область в годы Великой Отечественной войны», то сведений о Корякском национальном округе первой половины 1940-х гг. очень и очень немного. И тем более о Карагинском районе.

Даже в книге бывшего председателя плановой комиссии Камчатского облисполкома Б. П. Кашинцева «Камчатка — край перспективный» (1973 г.) весь военный период (1941—1945 гг.) уместился на четырёх страницах из двухсот семнадцати. И всего несколько строк об округе: «Дополнительно образуются промкомбинаты в Олюторском, Карагинском, Быстринском районах; артели промысловой кооперации в Милькове, Палане, Тигиле — новые производства. Неплохо было налажено плетение корзин, материалом для которых служила особая тундровая трава. Карагинцы, например, изготавливали мешки и маты — коврики из морской травы. Среди местного населения заметное место занимало надомничество: обрабатывалось и выделывалось

оленье сырьё, шили кухлянки, рукавицы, чижи, малахаи, торбаса, туфли, шапки. Вместо ниток применялись олени жилы, которые придавали шву высокую прочность и никогда не подвергались гниению. Изделия многих мастериц с лаконичным национальным орнаментом пользовались большим спросом».

Читая эти строки, можно подумать, что ничто, даже 22 июня 1941 г. — день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз — не нарушило привычного ритма и уклада жизни на Севере Камчатки. Как пасли оленей, так и пасли, рыбачили, что-то мастерили...

Нет, всё было далеко не так. Коряки, ительмены, русские, чукчи — весь многонациональный дальневосточный Север жили едиными мыслями, помыслами и делами со всей страной: «Всё для фронта, всё для Победы!»

«...Мы все встанем грудью на защиту своей Родины. Фашизм будет уничтожен! Победа будет за нами!» — говорил на митинге в селе Седанке Тигильского района 24 июня 1941 г. рядовой колхозник колхоза имени 1 Мая Е. Федотов. Так думали все.

Назову всего несколько цифр, которые лучше всяких слов, говорят о единстве фронта и тыла, небывалом патриотическом подъёме. В годы войны 28 % коммунистов и более половины комсомольцев области ушли в Красную Армию, только в 1941—1943 гг. на Камчатке по всеобучу было подготовлено боевого резерва для неё 18 772 чел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1943 г. 156 работников рыбной промышленности и колхозников Камчатки за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Красной Армии были награждены орденами и медалями.

Среди тех камчадалов, которые уходили на фронт, числились в резерве, самоотверженно трудились в тылу, за что получали награды, было немало и жителей севера Камчатки.

...Недостаток наших знаний, сведений о жизни сёл и посёлков Корякского национального округа в годы войны, героических подвигах и просто фронтовых буднях на переднем крае и в тылу в какой-то мере объяснить можно. Но оправдать... Ведь это наша Память, наши корни.

Позволю себе напомнить один факт, который хотя и имеет к теме далёкое отношение, но тем не менее многое проясняет. В Оссоре одна из центральных улиц — Лукашевского. В Петропавловске-Камчатском улица и больница имени Лукашевского. Но кто сейчас скажет, где нашёл свой последний приют этот человек, сделавший очень много для Корякии, становления здравоохранения в области, округе и Карагинском районе? Кто ухаживает за его могилой, на которой когда-то благодарные карагинцы поставили памятник, соорудили красивую ограду? А ведь ещё живы даже родственники Андрея Савельевича Лукашевского. И над могилой ещё лет двадцать назад шефствовали пионеры и комсомольцы из Караги, которые сейчас, разумеется, взрослые люди, но в расцвете сил.

На вопрос «кто ухаживает?» ответчу: никто. Забыли дорогу к последнему приюту своего известного земляка, просто хорошего, доброго человека, который годами в пургу и стужу спешил на помощь больным, нёс избавление от страданий и болезней. Такова наша «память».

Так и с историей округа и Карагинского района в годы Великой Отечественной войны... Да, архивы того периода в том же Карагинском районе не сохранились — погибли при пожаре. Но есть ещё и окружной, краевой, центральный архивы. Есть библиотеки, где хранятся все периодические издания. Созданы музеи, которым сам Бог, как и школам, велел заниматься поисковой краеведческой работой. Живы ещё, наконец, свидетели и участники событий фронтовой поры. Пока ещё живы.

Мне приходилось слышать такое утверждение: коряки, мол, в армии не служили, на фронте не были. Неправда, были. И сражались героически, и возвращались на родину, в ту же Карагу, инвалидами, а кто-то не вернулся домой совсем...

В своё время с Владимиром Ковалихиным (бывшим тогда директором районного Дома культуры) мы написали песню «На одной широте». Посвящалась она памяти одного из первых корякских писателей, автора «Сказок об Эмэмкуте» Ивана Бараникова и студентки Ленинградского института народов Севера Фаины Наяновой:

*Время в памяти лица стирает
И ровняет могилы с землёй.
Имена ваши мало кто знает,
Что убиты проклятой войной.
На одной широте с Ленинградом,
На одной широте со страной
Бились ваши сердца, были рядом...
И убиты одною войной.
Далеко на Востоке России,
Где безбрежный гудит океан,
Снег и небо по-прежнему синие,
И такой же, как прежде, туман.
Тундру золотом осень окрасит,
А с ручьями проснётся весна,
Только нет и не будет вас с нами
Никогда... Никогда... Никогда!
Может быть, вы любили друг друга,
Но жестокая жизни судьба
Развела. И одела шинели:
Он танкист, а она медсестра.
В осаждённом врагом Ленинграде
Жизнь России она отдала.
В танке, пламенем смерти объятom,
Он сгорел... но Победа пришла!
Далеко на Востоке России,
Где безбрежный гудит океан,
Снег и небо по-прежнему синие,
И такой же, как прежде, туман.
Тундру золотом осень окрасит,
А с ручьями проснётся весна.
Были вы и останетесь с нами,
Навсегда... Навсегда... Навсегда!..*

Ленинградская, Курская области, Сталинград, Украина, Курилы — всюду, где шли бои, остались могилы наших земляков-фронтовиков. Среди погибших в боях за Родину красноармейцы Алексей Петрович Апушлин, Василий Михайлович Немтаров, Николай Алексеевич Пышкин, Алексей Владимирович Сновидов, Алексей Дмитриевич Лебедев...

За тебя, Родина! Когда началась война, для всех, кто учился тогда в городе на Неве — юношей и девушек с очень далекой Камчатки, вернуться домой через всю страну стало неразрешимой проблемой. О доме, родных, конечно, помнили и скучали. Но чтобы возвращаться, когда всё ближе зарево сражений, когда сводки с фронта одна тревожнее другой... Нет, об этом карагинцы и тигильцы, ставшие на годы учёбы ленинградцами, и не помышляли. Отечество в опасности, значит, главная должность — солдат и место каждого — в бою.

Из газеты «Камчатская правда» от 25 июля 1943 г.: «Двадцатитрёхлетний коренастый, с прямодушным лицом, пытливыми живыми глазами краснофлотец-камчадал Василий Попов. В руках у него листок бумаги, покрытый ровными строчками. Это письмо на родину. Это голос сына Камчатки, воина Ленинграда, обращённый к своим близким, друзьям, родным, всем, кто теперь с ним вместе стойко сражается против врага. Он достаёт комсомольский билет: Тигильский район Камчатской области. Этот билет Попов пронёс через тысячи километров, отделяющих его родной край от Ленинграда; с этим билетом, прижатом к сердцу, бился он за рубежи любимого города революции.

Минометный батальон В. Попова стоял под Пушкиным. Синими, белыми огнями отсвечивали окна Екатерининского дворца. Листва казалась вырезанной из металла. Бомба фашистского пикировщика упала в озеро. Огромный столб воды и глины...

Раскололись старинные стёкла. У входа во дворец, между тёмных бронзовых статуй, стояла девушка-экскурсовод. По её лицу текла кровь. Камчадал Попов не успел побывать во дворцах. Только дорожную табличку на стене лица увидел он да памятник великому русскому поэту, заботливо укрытый мешками с песком. Здесь, под Пушкиным, воевал Попов против фашистов.

...Раны Попова зажили. Вот стоит он, смуглый крепыш в бескозырке.

— Я прошу вас, передайте в газету моё письмо, — говорит он. — Нас много воюет. Беккеров Василий из села Воямполки, камчадал Юшин Николай, Зина Толстихина, Шмагина, так чудесно танцевавшая, стали медсестрами. Да и что говорить, каждый из моих сокурсников — боец, каждая сокурсница — медсестра. Есть и погибшие: Корнил Наянов — художник, поэт, тяжело ранен, нет его среди нас.

Пусть слушают меня тигильцы, пусть слушают меня народы Севера. Почему мы так любим нашу Родину, почему мы с таким горячим желанием пошли за неё воевать? Я говорю за себя, я говорю за всех нас. До революции нас не считали людьми. Были среди наших отцов в кочующих племенах и такие, которые не узнали в царское время даже вкуса хлеба. Вместо стёкол в окнах их домов были рыбы пузыри. И мы гордимся теперь, что защищаем город, в котором жил и работал Ленин, город, названный его дорогим именем.

Слушайте меня, отцы, матери, младшие братья и сёстры! Древние горы Урала, дремучая сибирская тайга, снежные вершины дальневосточных хребтов и холодные волны бурного Охотского моря отделяют город Ленина, город фронта от мирных сёл, разбросанных по берегам шумных горных рек, от юрт и яранг, утопающих в зелени лесов далёкой Камчатки. Но вы очень близко от нас. У нас одно желание, одно стремление — уничтожить фашизм, принеся нам столько горя.

У стен Ленинграда я, балтиец, борюсь за тебя Камчатка, за вас, Украина, Белоруссия, за благодатную землю, за синее небо, за тебя, Родина!»

В этой публикации много фамилий. Некоторые незнакомы, но большинство — ваших соседей, знакомых, друзей, земляков. Это и ваши фамилии, дорогие читатели. Значит, в роду тех, кто сейчас живёт в городах, сёлах и посёлках Камчатского края, были и ветераны трудового фронта, и участники жестоких сражений с врагом.

В архивных материалах об этом порою всего несколько строк. Зачастую сухих, протокольных строк, но за каждым словом труд и подвиг, искренняя забота, конкретные дела.

«Комсомольцы и молодёжь района (Пенжинского. — А. Ш.) считают своим долгом оказывать всемерную помощь детям-сиротам, детям, родители которых сражаются против немецко-фашистских захватчиков.

По инициативе комсомольцев и молодёжи райцентра в сентябре 1944 г. при райкоме ВЛКСМ был создан фонд помощи детям. От первичных комсомольских организаций поступило 15 тысяч рублей, около 100 детских вещей, сдано 8 оленей, 300 кг ягод и несколько центнеров рыбы.

...По решению бюро райкома ВЛКСМ из этого фонда выдано на приобретение одежды детям 3 750 руб., сыну фронтовика А. Каминскому выдано 400 рублей, дочери фронтовика Лешко З. также выдано 400 руб.

«Всего по району (Олюторскому, декабрь 1944 г. — А. Ш.) учтено семей военнослужащих — 321... По району учтено пять инвалидов Отечественной войны. Все они обеспечены хорошими жилищно-бытовыми условиями, окружены постоянным вниманием и заботой».

«Только колхозы (Тигильский район, октябрь 1944 г. — А. Ш.) “Красный партизан” (председатель т. Осипов) и им. Сталина (с. Кинкиль, председатель т. Наянов) из урожая 1944 г. выделили: капусты — 192 кг, картофеля — 1 490 кг, рыбы — 340 кг и молока 50 литров. От воскресников и взносов личных сбережений на текущий счёт исполкома в фонд помощи семьям военнослужащих поступило более 20 000 руб.

В селе (Тигиль. — А. Ш.) много женщин-общественниц, активно помогающих фронту. Это тт. Трапезникова, Толстихина, Карпова, Гридякова, Жигальская, Симонова, Григорьева, Самойлова, Сторчак, Барыко, мать двух фронтовиков Логинова, многодетные матери Петрова и Бабенкова».

Приведённые выше выдержки из архивных документов подобраны мной не случайно. Это свидетельства того, что в Красной Армии, на фронтах Великой Отечественной войны было немало воинов с далекой Камчатки, из Корякского округа.

Напомню, что до 1956 г. Камчатка, как и Чукотка, административно входили в состав Хабаровского края. И в годы войны обком ВКП(б) обо всех делах отчитывался перед Хабаровским крайкомом. 29 апреля 1942 г. в постановлении бюро Камчатского обкома о помощи семьям военнослужащих сообщалось, что «с 1 августа 1941 г. по 1 апреля 1942 г. отделами социального обеспечения семьям военнослужащих, рядового и младшего начальствующего состава выдано пособий 1 156 053 руб. Кроме того, выплачено единовременного пособия 42 250 руб. и профсоюзными организациями, предприятиями и колхозами — 61 190 руб. Устроено на работу 1 094 чел. членов семей военнослужащих...»

В аналогичном документе (докладной записке заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Шевцова) заведующему военным отделом Хабаровского крайкома Ефимову сообщалось, в частности, что с 1 августа 1941 г. по 1 апреля 1943 г. устроено на работу жён военнослужащих 3 477 чел., устроено детей в детские учреждения 1 956 чел. «...На 1 мая 1943 г. по учёту числится семей военнослужащих 3 963».

А накануне Великой Отечественной войны все население области составляло около 110 тыс. чел. Таким образом, к лету 1943 г. по меньшей мере каждый десятый житель полуострова (из взрослого населения) служил в армии, воевал на фронте. В 1943 г. родину защищали, сражались с врагом в общей сложности более трёх полков воинов-камчадалов.

Всего же за годы Великой Отечественной войны и войны против японских милитаристов в армию были призваны 23 292 жителя Камчатской области, тысячи из них, особенно в самое трагическое время — июнь, июль 1941 г. — надели гимнастерки, взяли в руки оружие, шли в бой добровольцами.

В труде, как в бою. Уже к концу 1942 г. СССР превзошёл гитлеровскую Германию по выпуску танков в 3,9 раза, орудий калибров всех видов в 3,1 раза, самолетов — в 1,9. По сравнению с довоенным годом посевные площади возросли на пять миллионов гектаров. (Это при том, что враг захватил территорию, на которой до войны размещалась почти половина посевных площадей страны; для фронта были переданы 40 % тракторов, 80 % автомобилей, большинство лошадей, а в деревнях и сёлах почти не осталось трудоспособных мужчин.)

«Тыл, — как говорил писатель Анатолий Иванов, — тоже был огненным и в прямом, и в переносном смысле». Трудно даже представить, что всего лишь за июль-декабрь 1941 г. на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и среднюю Азию эвакуировали 2 593 промышленных предприятий, из них 1 523 крупных фабрик и заводов. Демонтаж, погрузка в вагоны, железнодорожные платформы шли нередко под бомбёжкой, артиллерийским огнём, враг атаковал с земли и воздуха эшелоны в пути».

Продукция оборонных предприятий требовалась фронту немедленно, поэтому, не дожидаясь, когда вырастут стены заводских цехов, под дождём, снегом, в мороз и вьюгу люди выпускали патроны и снаряды, автоматы, пушки, танки. Работали на пределе человеческих возможностей — по пятнадцать-восемнадцать и более часов в сутки, для тружеников тыла не существовало ни выходных, ни отпусков, ни праздников.

Да, на Камчатке не было оборонных предприятий, выпускающих боевую технику для фронта, самолеты, мины или орудия. Но и здесь, даже в самых далеких стойбищах, в деревнях и посёлках не было священной слов, подчинивших себе все помыслы и стремления от мала до велика: «Всё для фронта, всё для Победы!»

Как сводки с фронта звучат сообщения тех лет:

«В Пареньском оленесовхозе было отведено два помещения, то есть помещение бывшей конторы и одна утеплённая юрта, в которых 20 женщин, не уходя с производства, работали в течение десяти дней. Рабочий день продолжался от 18 до 19 часов. Обед и короткий отдых были организованы в этих же мастерских».

«Учитель Рекинниковской школы т. Пономарев, комсомолец (Пенжинский район. — А. Щ.), с получением по ТАСС сообщения о войне отправился в стойбища и рассказывал корякам о наглом нападении на Советский Союз. Прodelал он это, не считаясь

с трудностями дороги, пройдя пешком свыше 400 км, он также провёл работу по мобилизации средств в фонд обороны».

«В колхозах созданы женские рыболовецкие бригады, перевыполняющие производственные задания. На областную Доску почёта занесены резчица Е. Егорова и бригадир мойщиц М. Фролова из Олюторского рыбокомбината».

«Ловцы во главе с бригадиром т. Стафьевым (колхоз им. Горького, Олюторский район. — А. Щ.) выловили сверх плана 75 ц рыбы, полученные деньги внесли на строительство боевых самолетов».

«Колхозник колхоза “Тумгутум” т. Емелли обязался всю пушнину, добытую за вторую половину декабря, сдать на постройку боевых машин».

«Трудящиеся округа сдали в фонд обороны Родины наличными деньгами свыше 5 млн руб., облигациями займов — на 6 млн руб., оленей — 1 100 голов, собрано и отправлено на фронт свыше 40 тыс. тёплых вещей».

На 12 января 1943 г. на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак» собрали 1 млн 498 тыс. руб., 22 оленя, 80 лисиц, 95 соболей.

Особенно большую долю в этом благородном движении приняли на себя трудящиеся Карагинского района, давшие 916 тыс. руб. Из них колхоз “Турвинэ” — 250 тыс. рублей, колхоз “Новая жизнь” — 325 тыс. рублей».

«Предприятия и колхозы Олюторского района отчисляют в особый продовольственный фонд Верховного Главнокомандования 318 пудов картофеля, более 400 оленей и крупного рогатого скота, свыше 105 000 пудов рыбы, 5 000 баночных консервов, свыше 120 пудов икры, много орехов, грибов, ягод, засеяли сверх плана 2,25 га картошки».

«В ответ на патриотический почин Сталинградской и Запорожской областей колхозники колхоза “Пролетарий” Тигильского района решили начать сбор средств на техническое вооружение Красной Армии. За один только час 35 колхозников внесли деньгами 17 850 руб., 20 200 руб. облигациями, 28 голов оленей».

«План путины 1942 г. по Карагинскому району выполнен на 178 %, страна, фронт получили 171 680 ц рыбы, а колхозники свой годовой план выполнили на 215 %, выловили 115 720 ц».

«На промысле сельди в Карагинском районе, соревнуясь между собой, люди работали день и ночь, не жалея ни сил, ни здоровья, преодолевая трудности, как на фронте, стремясь взять рыбы как можно больше. Особенно хорошо работали рыбаки-колхозники. Своими руками они выловили 65 тысяч тонн сельди, выполнив план на 183 %».

«Колхоз “Турвинэ” выполнил годовой план рыбной путины на 356 %, выловив 20 700 центнеров, и получил первую Всесоюзную премию. Здесь особо отличились агитаторы бухгалтер колхоза т. Тарабарка, председатель колхоза т. Гуторов, колхозник т. Морозкин и молодой член партии т. Суздалов. Со своей бригадой он выполнил план лососёвой путины на 875 %».

«Получили Всесоюзные премии: вторую — колхоз “Новая жизнь” и третью — колхоз “Рыбак” Карагинского района, где лучшие — председатель колхоза т. Назаренко, заместитель председателя колхоза т. Пак, председатель колхоза т. Комплектов, секретарь комсомольской организации т. Гуторов, колхозница Ощепкова».

«На всех заводах и во многих колхозах Корякского округа созданы фронтовые бригады и звенья. Они показывают высокую производительность и являются образцом честного, героического труда».

«В успехах колхозов “Турвинэ”, “Новая жизнь”, “Рассвет Севера”, Кичигинского рыбокомбината и Корфской моторно-рыболовной станции, завоевавших премии наркомата, большое значение сыграло движение фронтовых бригад».

«Пример помощи фронту показывают колхозники колхоза “Турвинэ” (в 1942 г. их конкретный вклад составил 556 500 руб. — А. Щ.). Руководитель агитколлектива бухгалтер колхоза Тарабарка Г. Д. сам внёс около 15 000 руб., а на танковые колонны “Колхозная молодежь” и “Камчатский рыбак” — 7 000 руб.»

...В последующем мы ещё не раз будем возвращаться к трудовым фронтовым будням. А завершить этот очерк мне хотелось бы письмом учительницы Еланцевой из Паланы в редакцию газеты «Камчатская правда», опубликованном 7 ноября 1941 г.

«Я выросла на Камчатке уже при Советской власти и не видела того гнёта, который переносили мои родители. Народы Крайнего Севера всячески унижались, их нещадно эксплуатировали русские и иноземные купцы. Большевицкая партия возродила мой народ. Я получила образование. Этим я обязана партии и Советской власти. Работаю в Паланской школе, преподаю английский язык. Люблю свою работу. Стараюсь дать ребятам больше знаний.

Теперь, когда фашистские бандиты напали на нашу страну, я работаю ещё лучше, хочется своим трудом помочь фронту. Вечерами я посещаю курсы радистов. Я комсомолка. По первому зову партии готова пойти на фронт защищать свою страну от коричневой гадины. Буду всемерно помогать фронту своей работой и своими средствами. Я отчисляю ежемесячно двухдневный заработок в фонд обороны. Послала посылку бойцам, сдала валенки.

Счастливую и радостную жизнь народов Севера никому не отнять! Мы, познавшие радость свободы, готовы защищать её до последней капли крови».

Согласитесь, что письмо это очень искреннее, от чистого юного сердца. По всей видимости, учительнице Еланцевой к началу Великой Отечественной войны исполнилось немногим более двадцати. Но за плечами девушки, чья родина корякская тундра, значилось уже солидное образование, знание далеко не модного тогда языка — английского... Не совсем обычная судьба, биография? На мой взгляд — да. Вот бы паланским школьникам, студентам и учащимся педагогического и профессионально-технического училищ проследить жизненный путь своей землячки, рассказать о ней другим. Уверен, это была бы достойная страница в истории народа и малой родины.

Камчатка — Сталину. Сталин — Камчатке. На Камчатке Иосиф Виссарионович Сталин никогда не был. Но, как и всюду, «от Москвы до самых до окраин», были в Корякском национальном округе колхозы и предприятия, носящие имя вождя, руководителя, а точнее всевластного хозяина партии и огромного государства (колхозы «Сталинец», имени Сталина, газета «Знамя Сталина»).

Докатились и до Камчатки жестокие сталинские репрессии... Не буду комментировать страшное, назову лишь некоторые фамилии тех, кого расстреляли или кто безвозвратно сгинул в сталинских лагерях (*Смышляев А.* Камчатка: от Адамовича до Бирюкова. — Петропавловск-Камчатский, 1996.): Л. А. Петрович, начальник Камчатского отдела ОГПУ НКВД, начальник погранотряда, В. И. Рябов, начальник строительства Петропавловской судоремонтной верфи, начальник Камчатстроя, Г. Д. Торопов, заместитель начальника АКО; М. П. Мельников, председатель Камчатского облизполкома; Л. Ф. Никольский, редактор газеты «Камчатская правда», П. М. Лифанов, начальник АКОторга, Б. И. Голдъберг, начальник Олюторского рыбокомбината, заместитель начальника рыбного управления АКО, И. А. Бакланов, крестьянин из села Тальники Усть-Болшереевского района; П. Т. Рымбалович, плотник Пымтинского рыбокомбината, А. В. Могильный, рыбак и охотник, Н. Ф. Зорин, старшина катера, А. П. Югай, рыбак колхоза «Пионер Запада», И. Ф. Манаев, бывший священник, Н. И. Чеботагин, рыбак, В. Ф. Цвикке, единоличник; В. А. Епифанцев, бухгалтер...

Но было ещё и живое слово Сталина, которое уже само по себе, поднятое на божницу непререкаемой истины в последней инстанции большими и малыми идеологами партии, становилось знаменем и путеводной звездой. Одобрительное, положительное слово, произнесённое или написанное рукой товарища Сталина, было самой высокой похвалой.

Культ развенчан, памятники снесены или отправлены на переплавку, названия изменились, но история всё же сохранила, как ни странно, слова И. В. Сталина, обращённые к Камчатской области, её населению и даже конкретным людям. Один из таких документов широко известен. Это телеграмма Верховного Главнокомандующего трудящимся Камчатской области (1943 г.):

«Прошу передать трудящимся Камчатской области, собравшим, кроме ранее внесённых 32 млн руб. и облигациями госзаймов 33 млн руб. в фонд обороны Союза ССР, дополнительно 14 млн руб. на строительство танковой колонны “Камчатский рыбак”, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Было и за что благодарить, есть и чем гордиться. Например, в 1941 г. вклад Олюторского района в фонд обороны составил 530 тыс. руб., в 1942 г. — 857 тыс.

Карагинцы только в 1943 г. передали в фонд обороны 1 894 489 руб. деньгами и 2 077 980 — облигациями. А на строительство танковой колонны «Рыбак Камчатки» с 21 декабря 1942 г. по 26 января 1943 г., всего за месяц с небольшим, жители далеко не густо населённого Корякского округа внесли 1 541 000 руб.

А ведь были ещё взносы в фонды Главного командования; на строительство боевых самолётов; на постройку танков; на восстановление разрушенных городов; в помощь населению оккупированных территорий и детям-сиротам...

Люди трудились и отдавали, нисколько не жалея, всё, что имели. В связи с этим не могу не назвать ещё несколько цифр и фамилий. На 5 января 1943 г. на танковую колонну «Рыбак Камчатки» в Карагинском районе было собрано более 900 тыс. руб., 300 из них — вклад колхозников «Турвинэ» (село Тымлат). Больше всех внесли лучшие люди хозяйства Н. Г. Тарабарка, И. Д. Тарабарка, М. Т. Тарабарка, Я. А. Черемянин с женой, председатель колхоза И. Ф. Гуторов, секретарь парторганизации В. Н. Суздалов, колхозники Ф. М. Кокунов, Н. И. Ковалев, Н. Д. Шаталов, Петр Юрьев, Г. П. Бабкин, М. Г. Чечулина. Вклад колхозников «Новой жизни» из села Кичиги (председатель П. И. Назаренко) на постройку танковой колонны составил 325 тыс. руб. Всего за один день в счёт строительства танковой колонны «Рыбак Камчатки» (12 января 1943 г.) жители округа сдали 22 оленя, 80 лисиц, 95 соболей.

Все годы войны фронт и тыл были едины. И в этом одна из важнейших составляющих Победы. Понимал ли это Верховный Главнокомандующий? Безусловно. А понимая, поддерживал словом тех, кто этого действительно заслужил. Более 200 тыс. руб. было собрано коллективом областного драматического театра на строительство боевых самолётов «Хабаровский артист» и «Камчатский артист», за что театр получил две телеграммы с благодарностями И. В. Сталина.

А вот тексты телеграмм Верховного Главнокомандующего парторгу колхоза имени Кирова Коваленко и заместителю председателя колхоза Малякину: «Передайте колхозникам и колхозницам рыболовецкого колхоза имени Кирова, собравшим 111 000 руб. на строительство самолёта “Сергей Миронович Киров” мой братский привет и благодарность Красной Армии».

«Передайте колхозникам и колхозницам колхоза имени Кирова, собравшим 200 000 руб. на строительство танковой колонны “Камчатский рыбак”, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Телеграммы они и есть телеграммы — лаконичные, чёткие, конкретные, но сталинский стиль решений и распоряжений в них очевиден. Были телеграммы и несколько иного характера. Скорее, это даже не телеграфные сообщения одностороннего направления из Москвы, Кремля на Камчатку, а взаимная переписка.

Секретарь одного из райкомов ВКП(б) Калашников подписал в декабре 1943 г. постановление районного партийного собрания, в котором, в частности, сообщались и такие факты: «Патриот Родины Гилканов Иннокентий Игнатьевич, до этого внёсший в фонд обороны Родины 17 тыс. руб. наличными, больше 10 тыс. облигациями, 56 тёплых вещей, внёс на танковую колонну “Камчатский рыбак” 30 тыс. руб. Товарищ Гилканов обратился с телеграммой к товарищу Сталину. В ней он писал: “Я, колхозник-эвент Быстринского района на Камчатке Гилканов Иннокентий Игнатьевич, воодушевлённый победами Красной Армии на фронте, горячо поддерживаю от всей души инициативу колхозников, строящих на свои сбережения танковые колонны и эскадрильи боевых самолётов. Вношу из своих сбережений, которые я накопил за годы мирного строительства, 30 тыс. руб. на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак». Пусть эти танки, построенные на трудовые средства колхозников, смешают с землей ненавистного врага”».

В ответной телеграмме Сталин писал: «Спасибо Вам, Иннокентий Игнатьевич, за вашу заботу о Красной Армии, примите мой привет». «Привет товарища Сталина вызвал новый патриотический подъём среди населения. Товарищ Гилканов И. И. в следующей подписке на заём подписался на 10 тыс. руб., и всю сумму внёс сразу наличными».

Читая, а потом цитируя этот исторический документ переписки первого лица государства и рядового колхозника с очень далёкой Камчатки, я невольно подумал:

а почему бы нынешним российским олигархам, миллионерам и миллиардерам, сколотившим гигантские состояния за считанные годы, возглавившим буквально финансовые империи — государства в государстве, не последовать примеру того же колхозника Гилканова?

Время сейчас не то, не военное лихолетье? Это, как сказать, если люди по двадцать-тридцать и более лет стояли в очереди на получение обещанного жилья, улучшение своих жилищных условий, состарились ко второму «пришествию» капитализма на российскую землю, но жилья так и не дождались... Или так называемые «детские пособия» по три доллара или 100 руб. в месяц на ребенка — явное унижение людей, насмешка и издевательство над согражданами. А бесконечная болтовня о благе замены декларируемых льгот денежными компенсациями? Или нищенские пенсии северян?

Но не находятся что-то меценаты в родном Отечестве. Не обращаются доморощенные миллионеры и миллиардеры к президенту с такими, например, письмами-телеграммами: «Примите 100 миллионов долларов на увеличение в несколько раз пенсий ветеранам трудового фронта, которым уже за восемьдесят лет...» Или: «Понимаю, что нефть, газ, электроэнергия, на которых я жирую, результат труда миллионов — всех, кто осваивал Север, жил и трудился здесь. Вот мой миллиард долларов, отдайте его на жилье, солидную прибавку к пенсии тем, кто это действительно заслужил».

Нет таких предложений, телеграмм, писем президенту. Значит, очень невысоко ценится в среде богатеев теперь благодарность даже первых лиц государства. Своя рубашка ближе к телу — это просто и понятно, значит, лучше вбухать сотни миллионов, миллиарды в «Челси», дворцы и виллы, яхты и самолёты, драгоценности, продажных политиков, разврат культуры... Вот вам и социализм, простите, теперь — капитализм с человеческим лицом, которое всего лишь маска, скрывающая звериный оскал...

Но вернёмся в 1940-е, фронтовые. В августе 1944 г. газета «Корякский большевик» сообщала о том, что «работник Корякской базы потребсоюза в Пенжинском районе т. Ретивых из своих личных сбережений внёс в фонд строительства боевых машин 15 тыс. руб. Одновременно т. Ретивых обратился с письмом к т. Сталину с просьбой построить на эти средства танк, а его самого зачислить в ряды Красной Армии».

Подобных писем, просьб-обращений к Верховному Главнокомандующему были тысячи. Судьба этого из Корякского округа вполне конкретна. По поручению И. В. Сталина Наркомат обороны предложил облвоенкомату призвать т. Ретивых в действующую армию, направить на учёбу в танковое училище, по окончании которого ему будет вручён танк, построенный на его деньги.

Ещё один интересный факт. Было такое село Седанка кочевая — колхоз им. Кирова. Национальное село, а женщинам-корячкам, как известно, умения, трудолюбия и мастерства не занимать. Вот и решили две оленеводческие бригады сшить в подарок Сталину кухлянки. Отобрали лучших мастериц, собрали лучшие меха. Как вспоминали очевидцы, «вскоре работа была выполнена, с большим мастерством, с хорошо выполненными отделками, с художественным вкусом. Кухлянки эти были выставлены для всеобщего обозрения и одобрения на районной выставке».

...Я уже рассказывал об учительнице Паланской школы Еланцевой. Не знаю, кем ей доводился Фаддей Егорович Еланцев. Может быть, отцом, братом, возможно, просто однофамилец. Но это был наш земляк, а такими земляками нельзя не гордиться. За героизм и мужество в боях Фаддей Егорович был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, двумя медалями «За отвагу», орденами Славы второй и третьей степеней. А солдатская слава, как и самоотверженный труд в тылу, как любая страница истории Подвига — бессмертна.

Не ради званий и наград. В документах — отчётах о состоянии дел в промышленности и сельском хозяйстве Камчатской области за годы Великой Отечественной войны немало цифр статистики. Даже сами по себе эти цифры свидетельствуют о поистине героическом труде жителей полуострова — всех от мала до велика. Вот лишь некоторые из них.

За годы войны рыбная промышленность Камчатки дала стране 7 890,5 тыс. ц рыбы. Это почти столько, сколько рыбная промышленность добыла за предшествующие войне две пятилетки. Рыбообрабатывающие заводы дали стране, фронту 2 499,4 тыс. ящиков консервов, что на 574 тыс. больше, чем в предвоенную пятилетку. Объём мелкого судостроения (кунгасы, кавасаки, баржи) по сравнению с 1940 г. возрос в пять раз.

Колхозами, совхозами и подсобными хозяйствами за четыре года было освоено дополнительно к имеющимся посевным площадям 2 000 га. Урожайность картофеля возросла с 35 ц в 1940 г. до 73 в 1945 г. Средняя выработка на один трактор составляла к концу войны 209 против 51 га в 1940 г. Ценнейшего пушно-мехового сырья было заготовлено на 25 261 тыс. руб. Эти цифры и факты приводятся в одном из отчётов председателя областной плановой комиссии. В этом же отчёте в числе лучших неоднократно отмечался Карагинский район.

«Увеличилось количество орудий лова, появляются новые, десятки колхозов выходят на активный лов в море, а колхозы Петропавловского, Усть-Камчатского и Карагинского районов выходят на лов лосося ставными морскими неводами».

«В период войны были созданы предприятия местной промышленности в областном центре и в районах Усть-Большерецком, Мильковском, Карагинском».

Жители Корякии и трудились ударно, и не жалели ничего для фронта, для Красной Армии. Только к 1 июля 1943 г. для фронтовиков-бойцов, сражающихся с гитлеровскими захватчиками, было собрано по округу 334 полушубка, 1 407 ватных брюк, 1 108 шапок-ушанок, 2 263 пар портянок тёплых, 240 шерстяных одеял, 1 354 пары шерстяных носков, 680 пар торбасов, 2 230 — чижей, 893 — валенок и многое, многое другое.

Есть и ещё одна малоизвестная страница, строки которой свидетельствуют, что у Корякии, Камчатки есть города и области побратимы. И не только в России, но теперь уже и за её пределами — в ближнем зарубежье. Это Воронеж, Киев и Харьков, Тульская область, Сталинград. Судите сами, скупые строки архивной хроники говорят убедительней самой изысканной лирики и прозы.

«Женсоветом села Тигиль отправлено много вещей в Тулу, обком МОПР (Международной организации помощи рабочим), для помощи детям-сиротам... В честь женского праздника отправлены две посылки для сталинградцев, в которые вложили мужское пальто, много белья, детские вещи, суконные отрезки и др.».

«Женщины с Палана активно участвуют в создании неиссякаемого фонда обороны. Всего с начала войны женсовет села внёс 120 000 руб., в том числе на подарки детям освобождённых советских районов — 8 200 руб.».

«В Карагинском районе с большим патриотическим подъёмом проходит сбор средств и вещей на восстановление героического Сталинграда и помощь жителям, пострадавшим от немецко-фашистских мерзавцев. Только за один день колхозники артели “Новая жизнь” села Кичиги собрали 25 000 руб., в том числе внесли: Макаров — 800 руб., Комарова, Влазнева, Шишкина — по 600 рублей. В артели “Турвинэ” (с. Тымлат) внесли 15 000 руб., тт. Суздалов, Черемянин и Лазарев сдали по 1 500 руб. каждый, Чечулина внесла 1 000 руб., тт. Лелюхин, Калинин и Исаев — по 600 руб. Сбор средств продолжается».

«Коллектив промысла Тигильского района, воодушевлённый наступлением Красной Армии, на состоявшемся недавно митинге (сентябрь 1943 г. — А. Ш.) взял на себя конкретные обязательства в работе и решил провести сбор средств на восстановление г. Харькова, чтобы быстрее залечить раны, нанесённые ему гитлеровскими псами. На 21 сентября рабочие и служащие промысла внесли 16 500 руб. Кочегар Коляда внёс на восстановление второй столицы Украины 250 руб., тт. Денисюк, Халин — по 250 руб. От рабочих не отстают и домохозяйки. Так, т. Пятак М. внесла 50 руб., тт. Моторкина и Быкова — по 30 руб. Сбор средств продолжается».

«Около 200 000 руб. собрали МОПРОВские организации для одного из детских домов Тульской области, в котором воспитываются дети, потерявшие родителей, замученных гитлеровскими палачами. Наиболее успешно прошёл сбор средств в Пымтинском и Митогинском рыбокомбинатах».

«Члены колхоза “Красный Октябрь” (село Ковран) продолжают оказывать помощь Родине и фронту... 8 ноября (1943 г. — А. Ш.) здесь прошёл с большим подъёмом митинг, посвящённый освобождению нашими войсками города Киева. На восстановление столицы Советской Украины здесь же, на митинге, колхозники внесли 1 720 руб. наличными и 5 800 руб. облигациями. В ответ на успешное наступление советских войск охотники этого колхоза взяли на себя новое обязательство: выполнить годовое задание по добыче пушнины к 26-й годовщине РККА».

«Во всенародный фонд обороны трудящиеся Карагинского района в 1943 г. внесли 1 894 489 руб. и на 2 077 980 руб. облигациями государственных займов. В том числе внесено наличными на восстановление г. Харькова 189 794 руб., г. Сталинграда — 67 672 руб.».

«С декабря 1944 г. в первичных организациях Осоавиахима Олюторского района с участием всех трудящихся начался сбор средств на восстановление Воронежской областной организации Осоавиахима».

«В 1943 г. организации МОПР Камчатки собрали 1 350 000 руб. деньгами, отправили детдомам Тарасовки, Тулы, Калинина, Сталинграда десятки посылок с одеждой, бельём, обувью и другими вещами. За первую половину 1944 г. мопровцы собрали 792 560 руб. Хороших результатов добились организации МОПР Корякского национального округа (председатель т. Красильникова). Первичные организации создали актив из домохозяек, широко развернули агитационно-массовую работу, проводят антифашистские вечера, беседы, устраивают концерты, сбор от которых перечисляют в фонд помощи детям-сиротам. МОПРовцы Корякского округа собрали только за полугодие 228 702 руб. За большую организационно-массовую работу тт. Красильникова, Рынийская, Ложников награждены грамотами крайкома».

Были, конечно, и грамоты, были и слова благодарности Верховного Главнокомандующего, за ратный труд в тылу — ордена и медали.

Но не ради наград люди не доедали, отдавали последнее, сбивали в кровь ладони на промысле и обработке рыбы, замерзали на охотничьих тропах. Все были едины в стремлении приблизить Победу, восстановить разрушенное, помочь пострадавшим. И для этого не жалели ничего. Назову ещё несколько цифр и фактов, свидетельствующих о патриотизме и трудовом подвиге северян.

В 1940 г. в Карагинском районе было добыто 73 503 ц рыбы, а улов 1946 г. составил уже 225 850 ц. В 1943 г. колхоз «Турвинэ» отправил в фонд Верховного Главнокомандования 50 тыс. пудов рыбы, добытой и обработанной сверх плана. Более чем втрое возросло за годы войны поголовье оленей на просторах Корякской тундры. Только оленеводы совхоза «Пареньский» дали стране и фронту сверх плана 100 ц оленьего мяса. Почти вдвое за годы войны увеличили добычу «мягкого золота» охотники округа.

Да, не ради званий и наград трудились все — от мала до велика. Но награды Родины находили достойных. Ордена «Знак Почёта» был удостоен председатель Корякского окружного исполкома М. М. Обухов. Председатель колхоза В. Е. Жиллов был отмечен медалью «За доблестный труд», бригадир рыболовецкой бригады Г. П. Степанова — медалью «За трудовую доблесть», директор базы Хайлюля И. А. Макаров — орденом Трудового Красного Знамени, охотник М. И. Зуев — орденом Ленина, связист П. Н. Кукишев — орденом «Знак Почёта».

Орденами и медалями были награждены также председатель колхоза «Турвинэ» Г. Д. Тарабарка, бригадир рыболовецкой бригады П. Н. Чернов, радисты Н. М. Бабенко, И. И. Коршунов, А. П. Хабарова, Ваччако Лектувьевич, П. П. Дьячков, А. М. Притчин, И. И. Калика. Сотни тружеников тыла Родина отметила медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...

Так было, есть... и будет? В поэтическом сборнике «Птицы-зарницы» Владимира Науменкова (Дальневосточное книжное издательство, 1985), замечательного поэта и человека, нашего земляка, явно безвременно ушедшего из жизни, немало прекрасных строк, посвящённых Родине. В них — кровная связь между прошлым и настоящим, поколениями и поколениями.

*Моя деревня — избы да дворы,
дорога по распаханному полю,
Солдаты-ветлы, сад для детворы
И выгон с подгоревшей муравою.
Но как убрать из памяти очей
Перед лицом таких простых понятий —
У речки ряд обугленных печей
И труб над ними каменных распятий?!
Соберутся вдовушки
Погрустят и выпьют:
Песенки — соловушки
Боль из сердца выльют...*

*...Вдовьими косынками
Нивы полыхали:
Матери косили,
Матери пахали.*

*Ты вынес всё, солдат-герой.
Три Славы — звание Героя,
А в памяти — сплошной огонь —
Погорячей любого боя.
И это не окопный бред
И не атака после бреда,
А нескончаемый рассвет,
Идущий и слепящий следом.*

*...Шатаются богатыри
Их лица вновь огонь хлестает...
За это, нет, уже не три —
За это памятники ставят.*

Но долговечнее и прочнее любых памятников память людская. Она или есть, или её нет. Она лишь дань чему-то или сущность бытия...

К сожалению, в истории Корякского национального округа страницы Великой Отечественной войны если не на задворках, то занимают очень скромное место. Даже в изданиях, приуроченных к очень знаменательным датам, например, к 60-летию округа, о 1941—1945 гг. всего несколько строк: «Мужественно преодолевая лишения военного времени, трудились в те годы рыбацки и рыбаки, оленеводы, охотники, работники колхозов и промышленных предприятий Корякии. Многие были награждены за трудовую доблесть орденами и медалями. Среди них И. Ф. Гуторов, Я. П. Голиков, В. В. Ахайми, И. Н. Русин, А. К. Воронин и многие другие».

Трудно, конечно, назвать всех тех, кто и в глубоком тылу в годы Великой Отечественной ковал Победу. Тех, о ком как о правофланговых труда сообщалось в газетах, рапортах и отчётах, докладах руководителей. О тех, кто отдавал последнее в фонд обороны, жертвовал всем, что имел, на строительство танков и самолётов, помощь освобождённым от врага районам, подарки командирам и бойцам Красной Армии — деньгами, облигациями, тёплыми вещами.

И все-таки давайте вспомним имена, фамилии хотя бы некоторых ветеранов трудового фронта Олюторского, Карагинского, Тигильского, Пенжинского районов. Возможно, кто-то в этих достойных глубокого уважения и признания списках, увидит себя, родные узнают близких, товарищи — друзей, знакомых по сороковым-фронтным; дети — родителей, внуки, правнуки — дедушек и бабушек:

Егорова Е., резчица	Нуталгин, бригадир
Лильковав	Солдатов, плотник
Цибульник, бригадир рыбозавода	Марышев, бригадир
Попов, бригадир	Куркина Г., рыбообработчица
Ильинский, бригадир	Москвич, мастер
Кравченко	Фролова М., бригадир

Зверев, бригадир	Колмаков, директор моторно-рыболовной станции
Виноградов, бригадир	Эгерелтын, бригадир
Бескровный, бригадир	Цветков, плотник
Вяльдин, рыбак	Чумадив, бригадир
Корнив, бригадир	Кущенко, директор рыбозавода
Альват, бригадир	Чумаченко, директор рыбозавода
Ахайми, бригадир	Уваров Н., зам. председателя колхоза
Вандакуров, плотник	Никифоров, оленевод
Алексеев Т., инженер	Семёнов, председатель сельсовета
Агинтокрав, председатель колхоза	Парадный
Лалулап, председатель сельсовета	Бисеров
Силенко, директор рыбокомбината	Фисенко, машинистка
Жуков, бригадир	Привалов, председатель колхоза
Литвиненко, бригадир	Мартынова, рыбообработчица
Чурзин, рыбак	Матицин
Курганова	Ильин, бригадир
Марышев, председатель колхоза	Фролов, бригадир
Нинвинаут, колхозник	Левченко, рыбак
Емели, охотник	Березин
Анапу, рыбак	Кочесов, рыбак
Тарасов, бригадир	Власов, рыбак
Калашников, бригадир	Рогачёва, рыбообработчица
Черепанов, директор рыбокомбината	Селянская, рыбообработчица
Ключников, рыбак	Дмитриева
Волков, зоотехник	Игнатъев
Наянов, оленевод	Татаринов
Чечулин, оленевод	Агафонов, бригадир
Баранова, колхозница	Волкова
Горский	Кузнецов Н. И., звеньевой
Шклавцова, заведующая библиотекой	Чечулин Н. П., рабочий
Барановская, домохозяйка	Барыбин, бригадир
Докторова, рыбообработчица	Барыбин, колхозник
Кузнецов, рыбак	Тарабарка И. Д., колхозник
Антонченко, директор рыбозавода	Тарабарка Н. Г., колхозник
Вихорев, директор рыбозавода	Шаталов Н. Д., колхозник
Степанова Г. П., бригадир рыболовецкой бригады Карагинского рыбокомбината	Калинин
Чумаченко, рыбак	Лелюхин
Казаков, директор рыбозавода	Сидельников
Горелов, рыбак	Филимоненко, бригадир
Ребров, бригадир	Ветюгов, нормировщик
Мжельская, рыбообработчица	Косыгин Ф.
Румянцева, рыбообработчица	Шевцов
Барабанов	Тарабарка, бухгалтер
Баринов	Шинкаренко
Емельянов, шкипер	Кияв Лиммикович, бригадир
Ендышева	Запороцкая, бригадир
Чечулин Г. И., колхозник	Ложников, бригадир
Уваров Н. М., рыбак	Айгит, бригадир
Манаков, бригадир	Попов
Запольский, бригадир	Черных К. Я.
Тюменцева, колхозница	Морозов, колхозник
Тарабарка М. Т., колхозница	Назаренко, председатель колхоза
Черемянин Я. А., колхозник	Гуторов, секретарь комсомольской организации
Такьянин	Пак, заместитель председатель колхоза
Волков, бригадир	Ощепкова, колхозница
Беляев, бригадир	Гуторова А., колхозница
Елисеев, рыбак	Правоверов П., колхозник
Сахно	Лагун, колхозник
Ткачёва	Селивёрстов
Эгитко, колхозник	Аникин
Эвнаут, колхозница	Веренин

Дубинец	Логвинова
Беккерова	Суздалов, бригадир
Волков, председатель артели	Горский, колхозник
Миронов Н. Н., заведующий заготпунктом	Комплектов М. В., председатель колхоза
Седова	Шилов
Трапезникова	Гуторов В., колхозник
Симонова	Афанасьев, колхозник
Барыко	Киченко, колхозник
Кавав, колхозница	Гольский
Федотов, бригадир	Полозня
Соболев	Бекерев
Зими́на	Пономарёв, учитель
Сочи́лина	Пономарёва
Кауртаева	Дунаева
Грбовская, домохозяйка	Парфёнова
Обухов М. М., председатель Корякского окружного исполнительного комитета	Морокова
Копылов	Толстихина
Наянов	Карпова
Исаев	Самойлова
Лазарев	Вавупель, колхозник
Бугоренко, бригадир	Шмагин
Левченкова	Голодное
Гуторов	Еланцева, учительница
Лепёшкин	Гриднева
Лепёхин	Кочин
Гуторов, председатель колхоза	Савва, охотник
Итек Ливкевич, бригадир	Явну́ин
Моторина	Петров
Шмагин А. И., бригадир	Медведицина
Слободчикова Б. Г., бригадир	Логинова
Никитина, фельдшер	Сазыкин, охотник
Самоничев, учитель	Денисов
Дубинец	Ермачков, охотник
	Магонин, охотник

В Палане, Тигиле, Оссоре, Тиличихах, Каменском, Тымлате, Хайрюзове, Сопочном, Морошечном, Анапке, Ивашке, Рекинниках, Седанке-оседлой и Седанке-кочевой, Караге — во всех сёлах и посёлках округа жили и трудились мужественные люди, патриоты малой родины и страны. Пожилые и молодёжь, русские и коряки, ительмены, чукчи, украинцы, белорусы, эвены, евреи, татары, корейцы — это была единая семья рыбаков, рыбообработчиков, оленеводов, охотников, врачей и учителей, строителей, моряков...

А в единстве, общих делах, помыслах и стремлениях — главная сила. Так было, есть. И будет?

Координаты параллелей и меридианов... В конце 1980-х гг. с бывшим в то время директором детской художественной школы в Оссоре В. А. Лазаревым добрались мы до Первой Кошки — места традиционных родовых рыбалок коряков из села Караги. Навсегда остались в памяти те дни и вечера: гостеприимство нымылан, их рассказы о былом, Зелёная сопка, рыбалка, костёр на берегу в ночи, уютная, тёплая землянка А. И. Чечулиной и А. С. Колегова.

С Акулиной Ивановной и Андреем Степановичем подружились особо, помогали им по хозяйству чем могли — сушняка навозили, нарубили для печки и костра побольше, поделились продуктами и банками из магазина, что брали с собой. Старики щедро угощали нас ухой и чаем, юколой, начинающей поспевать морошкой. Признали своими и относились как к родным. Когда уезжали, Акулина Ивановна, как я не отказывался, не сопротивлялся, заставила меня взять подарок — две трёхлитровые банки икры. Приготовленная в походных условиях икра оказалась высшего качества, без всяких добавок и консервантов хранилась дома с год, до самого отпуска.

Давно уже нет этих добрых стариков, замечательных людей. Но запомнились, остались их рассказы в долгие уютные вечера у костра. Когда-нибудь я обязательно подробно вернусь к ним, поведаю другим о том, что узнал, услышал.

Акулина Ивановна, в девичестве Лазукова, прожила большую, трудную и очень нужную людям жизнь. Пошла в школу в Воямполке в одиннадцать лет, ничего не понимая по-русски. На первых порах просто запоминала всё, что говорила учительница, страницами — тексты из книжек. Потом была школа в Тигиле, педагогическое училище в Петропавловске-Камчатском, потом работала учителем в Уке, Старой Караге. В 1935 г. вместе с мужем Наумом Григорьевичем Чечулиным перебралась на Карагинский остров в колхоз «12 лет Октября». Там прошли двадцать четыре года жизни.

В то время — предвоенное, военное, послевоенное, школьный учитель был, как говорится, и спец, и жнец, и на дуде игрец. Акулина Ивановна успевала всё: детей растила и учила, дома по хозяйству управлялась, сельсоветом руководила, приходилось работать и скотницей, в женской бригаде — на ловле трески, обработке лосося на рыбозаводе, на сельдевой путине в Анапке... Кстати, как работали тогда можно судить хотя бы по одной цифре: в 1943 г. только за один день на сельдевой путине в Анапке было добыто и обработано 12 000 ц рыбы. Медаль «За доблестный труд» — память и награда тех лет.

Вот с такой замечательной женщиной, каждая страница жизни которой — история народа, довелось мне познакомиться на Первой Кошке.

Я вспомнил о тех уже далёких днях ещё и потому, что узнал о добром начинании Алексея Жиркова. Как он сам представил себя: «ительмен по крови, врач-стоматолог по специальности, художник и поэт сорока лет от роду, вечный бродяга Великого Севера». «Вечный бродяга» возглавлял общественную организацию «Союз молодых аборигенов Камчатки». Вместе с коряком Михаилом Укипа, охотником, мастером по дереву, стропалем и их добровольными помощниками они начали очень важное и нужное дело — организовали работу детского этнографического лагеря «Корякское стойбище». А базой для лагеря выбрали именно Первую Кошку близ села Караги.

Здесь всё рядом — море, река, тундра, сопки и лес. Где, как не здесь, учиться тому, что знали и умели предки: бережно относиться к природе и пользоваться её дарами, выслеживать зверя, метко стрелять, рыбачить, поддерживать огонь в жилище, готовить еду, рукодельничать, выживать в одиночку в тундре, ходить на лодке по быстрой реке.

Сложна и далеко не всем по силам жизненная наука Севера, моря и тундры. Но в её основе — любовь к своей родине, упрочение корней, питающих силы каждого из нас, осознанная гордость за свою землю, свой народ, его историю и традиции.

Вот и подумалось — а почему бы жителям «Корякского стойбища» (мальчишкам, девчонкам с помощью их взрослых наставников) не подняться вверх по реке Караге на восемнадцать километров, не побывать на месте когда-то одного из самых населённых и богатых стойбищ Корякии — в селе Старой Караге, бывшей «столице» района. Именно здесь в зимнюю пору шумели многолюдные ярмарки, на которые съезжались олени и собачьи упряжки и с юга Камчатки, и с реки Пенжины, из сёл, стойбищ побережья Охотского моря, даже с Чукотки добирались гости в верховья Караги.

Особенно славились карагинцы своими батами — надёжными, лёгкими лодками-долблёнками, которые с помощью топора, огня, камней и горячей воды мастера делали, казалось бы, из совсем неподходящего для этого материала — стволов тополей. Но это было в позапрошлом веке, навыки мастеров-предков с уходом из жизни последнего аборигена Старой Караги Гаврилы Ивановича Никифорова почти утрачены. О прошлом напоминает лишь старый бат, переданный в Карагинский районный краеведческий музей стараниями В. А. Лазарева и автора этих строк.

А побывать в Старой Караге тем, кто действительно гордится историей родины, нужно. Ведь именно здесь покоится прах Андрея Савельевича Лукашевского, которого по праву считают организатором здравоохранения на Камчатке. Разыскать могилу с пятиконечной звездой на надгробье в зарослях ольхи и кедрового стланика ещё можно. Пока можно.

На карте и в жизни есть параллели, есть и меридианы. Пересекаясь, они определяют координаты, помогая тем самым не заблудиться и не потеряться в этом мире, сохранить для себя и потомков самое главное, а по большому счёту — святое. Эти параллели

и меридианы проходят и на географических картах, и в истории через наши сердца и души. Ведь у каждого из нас есть, должна быть родина малая — точка на карте, и Родина большая — Россия.

Неприметная в масштабах огромной страны Первая Кошка близ села Караги вполне имеет право на свои координаты — памятник тем, кто в очень уж далёком 1904 г. остановил здесь захватчиков-японцев, мечтавших о порабощении Камчатки.

Известно, что ещё до русско-японской войны начала прошлого века на Камчатке, а именно в Петропавловске, насчитывающим тогда всего 360 душ населения, оказался солидный арсенал оружия — четыре тысячи однозарядных винтовок системы Бердана и более миллиона патронов к ним. После начала войны оружие раздали всем, кто был готов и мог его носить.

В одном сводном отряде на юге Камчатки было 88 бойцов, и среди них только 17 — русские. «Остальные — камчадалы, тунгусы, коряки и орочоны, — рассказывал в замечательном историческом романе «Богатство» Валентин Пикуль. — История не сохранила нам их обликов. Можно лишь догадываться, как они выглядели»...

Охотники и рыбаки, каюры и зверобой — эти люди с малых лет возлюбили риск единоборства, их не страшили опасности. Кажется, что это о них, о питомцах русского Севера, ещё в древности писал велеречивый Петрарка: «Там, где дни облачны и кратки, там родится племя воинов, которому не больно умирать».

И еще раз обратимся к страницам исторического романа, рассказывающим о героической борьбе народного ополчения против захватчиков. «От самого устья Тигиля до мыса Лопатка всё лето (1904 г. — А. Щ.) подряд Камчатку трясло от частой пальбы — патронов не жалели. Ополченцы прибрежных деревень и стойбищ отражали каждую попытку японцев закрепиться на побережье. В Большерецке произошло уже настоящее сражение — там дружинники перебили всех налетчиков, факелом сгорела большая японская шхуна.

Выискивая слабейшие места в обороне, японцы решили высадиться на самом севере Камчатки, в безлюдном и суровом Карагинском краю, где жили безграмотные коряки и камчадалы — прямые потомки первых русских землепроходцев, осевших здесь со времён Дежнёва и Атласова. Камчатские патриоты наголову разгромили японский десант, и лишь пять захватчиков с трудом добрались до шхуны вплавь, остальных добила меткие выстрелы. В Токио никак не ожидали, что пустынная Камчатка ответит пулями из-за каждого камушка, ответит залпами из гущи диких шеломайников. Японская военщина замыслила операцию по захвату Командорских островов — совсем уже беззащитных, благо там проживали лишь три сотни алеутских семей (а здешние богатства котиковых пастбищ и последние каланы давно уже привлекали самураев).

Рано утречком, когда жители ещё спали, японцы высадились на архипелаг. Японский офицер, потрясая саблей, поведал алеутам, что отныне Командоры — земля священного микадо, в честь чего над островами был поднят японский флаг. Алеуты — люди спокойные: они дождались ветра с дождиком, а потом нанесли захватчикам удар такой убийственной силы, что самураи вверх тормашками закувыркались с островов в море...»

Бой на севере Камчатки в нынешнем Карагинском районе, о котором поведал Валентин Пикуль, проходил в устье реки Караги, именно на Первой Кошке корякские ополченцы встретили вражеский десант огнём, ни один из захватчиков не ступил на землю аборигенов. Японцам не удалось подняться вверх по реке, разграбить село, о богатстве которого они, конечно, были наслышаны немало.

Да, Первая Кошка — точка на карте вполне достойная того, чтобы здесь был памятник, пусть не из гранита и мрамора, а из обычных камней, набрать окрест которых, свезти в одно место по силам даже «Корякскому стойбищу». Пусть каждый школьник Караги положит здесь хотя бы с десяток камней в память о героических предках, о том, что если «Кто к нам с мечом придёт...»

Я надеюсь и верю, что не только в юбилейные годовщины Победы в Великой Отечественной войне в каждом селе, посёлке края, в школах, домах культуры, в семьях северян — всюду пересекутся исторические параллели и меридианы.

Память о павших, сражавшихся в боях с фашизмом и тех, кто ковал Победу в тылу, обо всём, чем мы вправе гордиться, это координаты нашей причастности к большой и малой истории, неразрывной в своём единстве. Истории малой родины и единой Родины для нас — России.

С. В. ГАВРИЛОВ

ПОЛИТДЕЛА ПОЛИТОТДЕЛА

(Быт, нравы и политико-моральное состояние моряков транспортного флота по материалам политотдела Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства, 1950—1956 гг.)

Политотделы на морском транспортном флоте появились в середине 1930-х гг. на основании решений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 15 марта и 5 мая 1934 г. «О перестройке работы флота, планировании перевозок и улучшении работы на водном транспорте». 19 апреля 1934 г. ЦК ВКП(б) своим постановлением ввёл в действие «Положение о политотделах водного транспорта».

По утверждению изданного в 1953 г. «Советского энциклопедического словаря», политотделы создавались «в целях усиления руководства и политической работы... на отдельных участках социалистического строительства, приобретающих особо важное значение для народного хозяйства СССР». Они действовали на основе особых инструкций, утверждавшихся ЦК партии, по мере выполнения своих задач могли ликвидироваться или превращаться в обычные партийные органы. При их создании и в работе учитывался опыт войсковых политотделов времён гражданской войны 1918—1922 гг.

Осенью 1940 г. флотские политотделы были упразднены. Они вновь появились во время Великой Отечественной войны, когда советские моряки всё чаще и чаще стали ходить за границу, доставляя оттуда грузы союзнической военной помощи. В 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило воссоздать политическое управление Наркомморфлота СССР для «улучшения руководства политическими отделами пароходств, усиления политической и культурно-воспитательной работы среди моряков и особенно экипажей заграничного плавания...» Главными задачами политуправления, а также политотделов пароходств и судовых помполитов должны были стать: «а) воспитание работников морского флота в духе советского патриотизма, беззаветной преданности социалистической родине и строжайшего соблюдения государственной и трудовой дисциплины; б) всемерное улучшение дела подбора кадров на флот, особенно на суда заграничного плавания, повышение политической бдительности в партийных организациях и среди руководящих работников флота... г) овладение техникой и хозяйством морского дела».

Политотделы систематически собирали и обобщали сведения о настроениях тружеников и их окружения, их отношении к действиям властей. На основании полученных данных принимались решения, с одной стороны, учитывающие господствовавшие в обществе настроения, а с другой — следовавшие в нужном для властей направлении. Так обеспечивалась известная связь власти и общества. Знание настроений людей помогало избегать открытого проявления недовольства и управлять их политическим сознанием, вводя его в выгодное властям русло. На политотделы возлагались и немалые воспитательные функции — ещё бы, ведь шло активное формирование «новой исторической общности — советского народа» и было объявлено о предстоящем построении коммунистического общества. Движению же по этому пути препятствовали «пережитки прошлого», такие, например, как пьянство, стяжательство, «мещанство» и прочие, с которыми следовало неуклонно бороться.

Основной формой связи судовых помполитов с политотделом являлись так называемые «политдонесения», составлявшиеся по особой форме. Политдонесения включали следующие пункты: 1. Задачи судна и их выполнение. 2. Организационно-партийная работа. 3. Пропагандистская работа. 4. Агитационная работа. 5. Культурно-массовая работа. 6. Руководство комсомольской организацией. 7. Руководство

профсоюзной организацией. 8. Состояние дисциплины. 9. Замечания. В последний пункт вносились записи вроде: «В целом экипаж судна здоровый, способный выполнять любые задания. Однако есть члены экипажа, которые проявляют элементы малодушия, неверия в свои собственные силы, что приводит к созданию вокруг судна нездоровой репутации...» и им подобные. Сам политотдел периодически отчитывался перед политуправлением Министерства морского флота (ММФ) СССР.

При начальнике политотдела в присутствии ведущих специалистов управления пароходств и старшего командного состава судов регулярно проходили совещания, обычно на тему «О состоянии политико-воспитательной работы на таком-то судне» или ей подобную. Протоколы и стенограммы этих совещаний являются интересными источниками сведений о реальной, а не декларируемой, например, газетными статьями и лозунгами, жизни судовых экипажей.

Официально деятельность политотделов пароходств была направлена на создание и укрепление первичных судовых парторганизаций, подбор и расстановку командных кадров, руководство комсомольской молодёжью, контроль производственной деятельности. Штаты политотделов включали начальника, его заместителя, помощника по комсомолу, инструкторов, секретаря, библиотекаря, заведующего парткабинетом, сотрудников редакции бассейновой газеты. В состав политотделов также входили первые помощники капитанов (помощники капитанов по политической работе, или помполиты), имевшиеся на самых крупных пароходах, в том числе пассажирских, и обязательно на судах, выполнявших заграничные плавания.

По состоянию на 10 декабря 1953 г. помполитами на судах Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства (КЧГМП) состояли: Г. И. Воробьёв (пароход «Красноярск»), К. К. Норенко (пароход «Александр Пушкин»), В. Ф. Копытов (пароход «Хабаровск»), Е. Л. Орлов (пароход «Якутск»), П. Н. Ковригин (пароход «Шексна») [1, л. 12].

Политотдел КЧГМП до 1957 г. действовал под руководством политуправления ММФ СССР, обладавшего немалыми правами отдела ЦК КПСС. В 1957 г. решением ЦК все ведомственные политотделы, кроме воинских, были упразднены.

Ниже приведены эпизоды, характеризующие деятельность как самого политотдела КЧГМП, так и подведомственных ему «первичек», то есть судовых партийных и комсомольских организаций. Здесь показаны разные стороны жизни экипажей, в том числе и далеко не парадные, которые обычно не находили отражения в документах, характеризовавших производственную деятельность судов. Из них читатель сам можно составить представление о том, в каких бытовых и общественно-политических условиях пребывали моряки, осваивавшие суровые прикамчатские воды в начале и середине 1950-х гг.

1950

20 февраля приказом начальника политуправления ММФ СССР В. И. Румянцева начальником политотдела (начПО) КЧГМП назначен М. А. Кошелев [2, л. 134].

Май. В конце месяца, спустя год с начала работы пароходства, началось формирование личного состава его политотдела. 25 мая М. А. Кошелев подписал свой первый приказ [3, л. 1].

Июль. Укомплектован основной состав политотдела. Тогда же начал складываться коллектив его печатного органа — бассейновой газеты «Камчатский моряк».

7 августа заместителем начальника политотдела назначен М. И. Николаев [3, л. 8—15].

10 августа вышел первый номер «Камчатского моряка». Всего же до конца года свет увидели 49 номеров, печатавшихся дважды в неделю [4, л. 1]. Первый состав редакции проработал недолго. Уже 5 и 6 октября лектор политотдела подал начПО рапорты на двух своих коллег, которые, по его словам, пьянствовали, прогуливали и поставили под угрозу выпуск газеты, «один из них занимался недостойным поведением». Обоих уволили [3, л. 24—26].

Вскоре за ними последовал ещё один сотрудник редакции. В отчёте политотдела в высшие инстанции по этому поводу сообщалось: «За время, прошедшее с начала выхода в свет первого номера газеты, политотдел был вынужден отказаться от услуг трёх работников... Все трое пьяницы, недостойные работать в партийном органе.

В настоящее время газета выпускается двумя работниками: лектором политотдела Кострицыным и молодой журналисткой Капитоновой. Несмотря на все усилия, до сих пор на месте не удаётся подыскать хотя бы минимально грамотных газетчиков.

Газета не имеет своей типографской базы. В той типографии, где газета печатается ныне, к выпуску «Камчатского моряка» относятся безответственно. Плохо набирают материалы, плохо вычитывают, плохо печатают, часто газета выходит исключительно по вине типографии с опозданием, часть тиража, как правило, бывает с бракованными оттисками. Более половины времени у сотрудников редакции уходит на возню с типографией. Часто для того, чтобы выпустить очередной номер, тратятся вечера и ночи.

Работники типографии не только не заинтересованы в выпуске нашей газеты, но считают это за обузу, от которой всеми мерами стараются отделаться, несмотря на то, что за выпуск каждого номера пароходство оплачивает 500 руб...» [4, л. 20—21].

Декабрь. Подготовлен первый отчёт политотдела. Значительная его часть посвящена отрицательной оценке деловых качеств действующего начальника пароходства. «Косность к внедрению новых методов труда в эксплуатации флота и беспечное отношение... к порученному делу создали в пароходстве обстановку благодушия и угодничества. В течение истекшей навигации... не ставил перед областными организациями вопрос об устранении недостатков, мешающих в работе пароходства. Он ни разу не выступил на пленумах и активах обкома и горкома ВКП(б) с критикой недостатков в работе клиентуры... Вместо устранения своих недостатков... в результате высокомерия стал противопоставляться партийным органам, а затем скатился на путь систематических пьянок с подчинёнными на квартире, а затем выпивки на судах с капитанами».

Политотдел самокритично признавал свою вину, состоявшую, по его мнению, в том, что он «медленно вникал в глубину всех вопросов жизни пароходства, и на этой основе своевременно не вскрыл отрицательное лицо... как руководителя» [4, л. 4]. Возможно, что такая нелестная характеристика, данная первому начальнику КЧГМП, и стала одной из причин снятия его с должности, последовавшего 14 сентября 1951 г.

А вот ещё один штрих из политотдельской переписки, показывающий бытовые условия, в которых пребывали рядовые работники пароходства. Они размещались в общежитиях на двухъярусных койках, словно солдаты в казармах. Три с половиной десятка портовых грузчиков жили в летних брезентовых палатках, в том числе шесть семей с детьми [5, л. 17].

1951

16 января старший механик парохода «Якутск» обратился к капитану с рапортом о том, что второй механик «явился на судно в десять часов утра в нетрезвом состоянии, таким образом, совершил прогул в течение двух часов». Стармех требовал у капитана «принять соответствующие меры дисциплинарного взыскания» к механику «за совершённый прогул и появление на судне в нетрезвом состоянии» [6, л. 15].

В объяснительной записке второй механик указал, что 15 января после работы с разрешения стармеха и вместе с ним ушёл с судна, стоявшего на рейде, на берег по льду. По его словам, он договорился со стармехом о том, что придёт к восьми часам утра следующего дня. Третьего механика попросил, чтобы тот, если он из-за ледовой обстановки не сможет вовремя добраться до судна, поставил на работу кочегаров и машинистов.

Рано утром 16 января механик вышел из дома. Подойдя к берегу, увидел, что лед вокруг «Якутска» сломан прошедшим недавно буксиром, попасть на судно нельзя. Дождавшись, когда пароход встанет к причалу судоремонтного завода, он направился к проходной. На завод его не пустили, «так как в проходной не было судовой роли». Пришлось отправиться в агентство КЧГМП за отношением. До судна добрался к десяти часам утра. «Придя на судно, я, хотя и был немного с похмелья, но работал до конца рабочего дня. Машинная команда занималась мойкой и уборкой в машинном отделении и уборкой угля с палубы в бункер» [6, л. 14].

Экипаж «Якутска» насчитывал 44 моряка. Согласно «Справке о состоянии политико-воспитательной и культурно-массовой работы среди экипажа парохода «Якутск», составленной 13 февраля 1951 г., на судне имелись два коммуниста: второй помощник

капитана и уже известный нам второй механик. Комсомольская организация насчитывала 11 членов. Её возглавлял комсорг, судовой токарь.

Механика осудили за прогул. В соответствии с действовавшим Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», принятым ещё 26 июня 1940 г., лица, самовольно покинувшие место работы или совершившие прогул, отдавались под суд. По его приговору их могли направить на исправительно-трудовые работы по месту основной занятости на срок до шести месяцев с удержанием до четверти заработка или даже подвергнуть тюремному заключению. Суды того времени долго не рассусоливали, рассматривали дела о наказаниях в двухнедельный срок и немедленно приводили приговоры по ним в исполнение.

Судебные дела по подобным случаям открывались с подачи руководителей организаций и предприятий, в том числе и капитанов. Некоторым из них даже предъявлялись обвинения в том, что они «укрывают» от суда нарушителей дисциплины. То есть во многом решение судьбы конкретного труженика зависело, например, от расположения или настроения его прямого начальника. Отдельные капитаны, скажем так, иногда злоупотребляли своими полномочиями, в том числе сводя личные счёты.

Наказаниям из-за подобных «прогулов» подверглось немало моряков. Так что в документах, касающихся многих впоследствии заслуженных людей, можно найти сведения о привлечении их к суду за «нарушение труддисциплины». Указ от 26 июня 1940 г. перестал применяться по факту с 1954 г., официально же был отменён в 1956 г.

«Не удалось выяснить истинной причины, которая послужила тому, что капитан... отдал под суд, якобы за прогул, бывшего парторга судна, одного из двух коммунистов, пользовавшегося авторитетом и уважением у членов экипажа». После осуждения второй механик «самоустранился от помощи комсомольской организации, от руководства политико-воспитательной и общественно-массовой работой в коллективе».

Второй механик, 1906 г. р., член ВКП(б) с 1938 г., работал на «Якутске» с июля 1949 г. В апреле 1950 г. был избран секретарём судовой парторганизации. «В партийной и общественной жизни принимал активное участие. Организовал на судне самодеятельность, в которой лично принимал активное участие». В быту оказался по характеристике, подписанной начПО, «неустойчив, допустил ряд оморальных проступков». За эти «оморальные поступки» партсобранием он был вначале снят с должности парторга «с объявлением строго выговора без занесения в учётную карточку», затем исключён из партии, привлечён к уголовной ответственности и осуждён. «На все случаи недостойного поведения... политотдел своевременно реагировал и предупреждал его об ответственности перед партией и государством. Однако из этих предупреждений... не сделал для себя соответствующих выводов» [6, л. 71].

Между прочим, упомянутая выше «Справка...» сообщает нам: «На судне нездоровая обстановка. Причиной этому служит, в первую очередь, капитан... Он груб с подчинёнными, часто действует окриком с употреблением площадной ругани. Капитан не осуществляет своей авангардной роли, согласно уставу (службы на судах морского флота. — С. Г.), в деле руководства политико-воспитательной работой, социалистическим соревнованием и технической учёбой моряков...» [6, л. 1].

20 февраля заседали коммунисты парохода «Бухара». Они размышляли, как улучшить показатели работы судна. Этого можно было добиться, например, изучением и внедрением опыта собственных стахановцев и моряков, заслуживших звания лучших по профессии. Следовало разобраться, «каким путём они добились качества в работе и выполнения и перевыполнения своих индивидуальных сообразительств». Решили: заслушать «отдельных товарищей», как они добились «своего выполнения, и способ их работы на вахте у руля или котла». Из их выступлений другие члены экипажа смогли бы «почерпнуть и учесть, в чём были их упущения в невыполнении сообразительств» [7, л. 27].

Трудовой энтузиазм моряков сдерживался невыплатой с начала года зарплаты их семьям, попавшим в тяжёлое положение. 21 февраля 1951 г. пребывавший на «Бухаре» в служебной командировке помощник начПО по комсомолу Ю. А. Милёхин радиро-

вал в политотдел: «Стыдно смотреть в глаза команде... Находимся в районе Пымты. Крепко зажаты льдом, вместе с которым дрейфуем. Работа машины безрезультатна. Всё зависит от погоды. Мороз свыше двадцати» [7, л. 9].

Экипаж «Бухары» оценивался как дружный, организованный, способный решать сложные задачи и преодолевать любые трудности. Командный состав был отлично подготовлен. Хорошим специалистом и «растущим работником» считался старший помощник капитана Б. И. Тупица. «Дед» Ц. С. Флейшман «хорошо знает своё дело, пользуется авторитетом среди личного состава и командного состава судна», но «своими знаниями бравирует, недружно живёт с капитаном». Кстати, о капитане. Судном командовал С. П. Беляев. В «Справке о состоянии политического воспитания на пароходе “Бухара” с 8 по 28 февраля 1951 г.» он охарактеризован так: «Имеет большой опыт работы, передаёт этот опыт своим подчинённым. Экипаж уважает его за возраст, полному авторитету мешает его боязнь риска на море, что отрицательно сказывается на выполнении плана грузоперевозок» [7, л. 23].

Насчет «боязни риска». Тут проверяющий, похоже, что-то недопонял. Капитан Беляев был известен всему советскому морскому флоту как мужественный человек. 4 ноября 1942 г. возглавляемый им пароход «Декабрист», входивший в состав конвоя, перевозившего грузы военной помощи, в Баренцевом море был атакован немецкой авиацией. Судно погибло, уцелевшие моряки в течение десяти суток на продуваемых ветрами и заливаемых ледяной водой шлюпках дрейфовали в открытом море, пока не пристали к небольшому необитаемому каменистому острову Надежды. На нём они в невероятно тяжёлых условиях прожили почти год, пока не были взяты нацистами в плен и препровождены в концлагерь в Норвегию. В лагере моряки терпели нужду, трудились на каторжных работах и подвергались издевательствам до конца войны. Они показали настоящий пример мужества. Так что умудренный жизнью пятидесятишестилетний моряк с более чем тридцатилетним опытом плавания не боялся рисковать. Он просто не делал этого без крайней необходимости. (Именем капитана Беляева, скончавшегося в 1952 г., названы улица в г. Петропавловске-Камчатском и пассажирский паром.)

4 июля в политотделе состоялось совещание, посвящённое работе «Камчатского моряка». Подобные «разборы полётов» проходили регулярно, и это не случайно: печатное слово в то время было большой силой. От него во многом зависели итоги идеологического воздействия на тружеников и население. Совещание отметило большие недостатки: «Некоторые факты освещаются неправильно, искажаются фамилии, приписывают морякам то, что они не делают... Нужно, чтобы работники редакции систематически совершенствовали свои знания о морском флоте, знали морскую терминологию. Плавсостав участвует в работе слабо, сообщений с судов печатается мало».

С самокритикой выступила молодой литсотрудник Т. Н. Капитонова: «Работаю я в редакции с первого номера газеты и только недавно узнала о том, что вкрадывались в мои материалы неточности и искажения. Мы можем работать лучше».

Заведующий редакцией отметил, что его сотрудники недостаточно «отделяют» материалы, поэтому-то они получаются стандартными, похожими один на другой. «Побывав на судне или в порту 30—40 минут, литсотрудник несёт и сразу сдаёт три-четыре заметки. Материал был бы куда интересней, если бы сотрудник побыл на судне день-два, как следует поработал над материалом и тогда сдавал его секретарю. Необходима своя типография. Это обеспечило бы нам регулярный выпуск газеты».

ЗамначПО рекомендовал литсотрудникам теснее взаимодействовать с редколлегиями судовых стенгазет: «Чтобы писать о людях, нужно знать хорошо их работу, изучать её, иметь с людьми связь, нужно оживлять работу корреспондентских постов на каждом судне...» [8, л. 50—51].

9 августа на закрытом собрании ячейки ВКП(б) парохода «Якутск» присутствовали пять партийцев. Они тоже собрались, чтобы принять своего товарища в кандидаты партии. С таким заявлением обратился помощник капитана комсомолец Анатолий Чернеев. Вначале собрание ознакомилось с его анкетными данными. Здесь всё было в порядке. Затем прозвучал вопрос: «Кто рекомендует?» Таковыми оказались судовой помполит И. А. Митрошин, помощник начальника политотдела по комсомолу

Ю. А. Милёхин и Петропавловский городской комитет ВЛКСМ. Что же, это была авторитетная поддержка.

Начали высказываться. Отзывы о кандидате были только положительные: «Работаю с тов. Чернеевым с декабря 1950 г. и знаю его только с хорошей стороны». «Знаю тов. Чернеева с февраля месяца. За время совместной работы с тов. Чернеевым, он проявил себя как дисциплинированный товарищ, проявивший себя как активно участвовавший в общественной жизни судна. Рекомендую принять тов. Чернеева в кандидаты ВКП(б)». «Знаю Чернеева мало, но за время работы он проявил себя как активный комсомолец, растущий товарищ. Я рекомендую принять тов. Чернеева в кандидаты ВКП(б)».

На этом и остановились. За постановление принять молодого штурмана кандидатом в члены ВКП(б) единогласно высказались все пятеро присутствовавших [6, л. 73]. Теперь нужно было дожидаться утверждения этого решения Петропавловским горкомом ВКП(б)... Остаётся лишь добавить, что молодому штурману Анатолию Чернееву, будущему Герою Социалистического Труда, ещё только предстояло вписать много славных страниц в историю камчатского морского транспортного флота.

22 августа завершился очередной рейс грузопассажирского парохода «Хабаровск». Его помполит докладывал: «...в отношении выпивки в этом рейсе вообще нужно признать, что дело обстояло неблагоприятно. В рейс до Паланы было взято 750 пассажиров, в обратный рейс — более 500 чел. В связи с неблагоприятной погодой эта погрузка отразилась на экипаже, потому что почти в каждой каюте, не исключая и комсостава, оказывались пассажиры, которые в виде “благодарности” угощали отдельных товарищей, а со стороны администрации мер никаких принято не было.

Вторая причина зависела от директора ресторана, который занял совершенно неправильную линию. Несмотря на приказ капитана о запрещении продажи спиртных напитков, таковым продавались беспрепятственно, а на моё категорическое предупреждение о недопустимости продажи спиртных напитков экипажу, он заявил: “Спаивал и буду спаивать команду, а ваше дело её воспитывать”. Я прошу поставить политотдел вопрос о замене этого директора...» [9, л. 120].

31 октября очередное донесение подписал помполит «Шексны» В. Г. Гатальский. На судне только что прошло собрание, проверявшее ход выполнения партийных поручений. Оно, по словам помполита, свелось «к стычкам и репликам» между старшим механиком и парторгом. Выяснилось, что стармех не сдал механизмы на «социалистическую сохранность» и не прочитал своим подчинённым запланированную лекцию на тему «Передовые методы труда на морском флоте», ссылаясь на «необъективные причины». К тому же он допускал «выпады на судовых собраниях против отдельных моментов выступлений» парторга, чем подрывал его авторитет, да делал замечания председателю судового комитета, который и так-то не мог, как следует, проводить собрания, а после выпадов стармеха совсем терялся. Мало того, стармех во время бесед в кают-компании подрывал авторитет самого политотдела, заявляя, например, «что не было при пароходстве политотдела, так работа шла хорошо, а появился политотдел, так работать стало нельзя...» [10, л. 15].

1952

20 января заседала партячейка парохода «Якутск». Её секретарь доложил собравшимся о том, что коммунист С. во время стоянки судна во Владивостоке в декабре ушёл на берег на двое суток и не явился к отходу, так как был пьян. Товарищ решили послушать С. и узнать причину «его отставания».

Провинившийся рассказал: «В течение всего летнего периода я не был на берегу. Когда пришли во Владивосток, первых три дня я никуда не ходил. По служебной необходимости (за лампочками) мне нужно было сходить на берег 17 декабря, куда я и ушёл в 14 часов дня после окончания выгрузки и до начала погрузки. В Главке я не застал нужных мне людей, просидел там. К этому времени стало темно, и я решил остаться в городе, чтобы с утра заняться делами. На другой день я также не нашёл нужных мне товарищей и вечером отправился на судно, но опоздал на переправу и попал на причал только утром 19 декабря, когда судно уже ушло. За тридцать лет плавания это у меня первый случай отставания, и в дальнейшем этого у меня не будет».

Первым слово взял парторг: «За время работы С. на судне нарушения партийной дисциплины у него имелись неоднократные. Много с вами беседовали, вы обещали исправиться, бросить пить, выполнять свои партийные поручения. И что же мы видим? В Петропавловске вас пьяного раздевают, во Владивостоке в пьяном виде вы отстаёте от судна. Зная о том, что судно находится в стахановском рейсе, когда весь экипаж охвачен единым желанием: выполнить задание, вместо того, чтобы, как коммунист, помочь ещё лучше организовать работу, вы совершили тяжёлый поступок. О вашей работе, как ответредактора (судовой стенгазеты. — С. Г.), можно прямо сказать, что ничего не делаете, хотя на партсобрании вам это уже указывалось, и вы продолжаете не выполнять партийные поручения. Над повышением своего идейно-политического уровня не работаете, даже конспекта на занятиях не ведёте. В своём выступлении говорите неискренне, не как член партии, не желаете признать своих ошибок. Вернувшись в Петропавловск, вместо того, чтобы прийти на судно, объяснить своё отставание, вы опять напились. Вам, старому коммунисту, не к лицу такое поведение».

Парторг предложил за неоднократное появление на судне в нетрезвом виде и невыполнение партийных поручений объявить С. строгий выговор с занесением в личное дело.

Один коммунист возмутился неискренностью товарища: «Своим поведением С. поставил судно под угрозу срыва рейса и сейчас, на собрании, ошибки своей не признаёт. Я поддерживаю предложение». «С. в своём выступлении высказался неискренне. Если напился, то так и скажите, что напились, а то причины отставания так и не сказали. Но, учитывая, что С. признаёт свою ошибку, я предлагаю объявить ему выговор без занесения в личное дело».

Напоследок С. заявил, что «это произошёл со мной печальный случай, в дальнейшем со мной этого не повторится, и я исправлю свои ошибки» и добавил, что ранее никаких партвызысканий не получал.

Собрание постановило: «Тов. С., члену ВКП(б), за неискренность на собрании, появление на судне в нетрезвом состоянии и невыполнение партпоручений — объявить выговор с занесением в личное дело и просить бюро Петропавловского горкома ВКП(б) утвердить данное решение» [6, л. 86—87].

7 февраля завершила работу выбранная общим комсомольским собранием теплохода «Сергей Тюленин» комиссия по «выявлению бытовых условий молодых моряков». Вот что она доложила товарищам: «Организация коллективного питания не совсем удовлетворительная в смысле нехватки в ассортименте продуктов свежих овощей, свежего мяса. На судно поступают продукты одного сорта. Так, в январе и феврале одних каш насчитывается до десяти сортов из трех-четырех культур».

Помещение столовой команды, кают-компания, камбуз находятся в удовлетворительном санитарном состоянии.

Работа комиссии общественного контроля проводится не систематически, меню очень редко составляется в присутствии представителя комиссии общественного контроля, не проводится проверка выдаваемых продуктов и их закладка в котёл, не производится проверка качества изготовления пищи экипажу. Комиссией не производится также осмотр санитарного состояния мест общественного питания.

Камбуз, камбузное имущество поддерживается в удовлетворительном санитарном состоянии. Не чувствуется недостатка имущества на камбузе.

В столовой команды и кают-компании нет совершенно супниц, а вместо них применяются эмалированные кастрюли, не хватает ложек в столовой, вилок в кают-компании. Так, в столовой команды второе блюдо подается в посуде из-под первого блюда. На двадцать человек команды имеется только семь мисок, пять столовых ложек, три чайных, две хлебницы, семь кружек, один чайник. Совершенно отсутствуют солонки, сахарницы, столовые ножи, вилки. Сахар, масло, соль подаются в мисках. В кают-компании не хватает столовых и чайных ложек, стаканов.

Постельного белья хватает на три смены. Наряду с этим недостаёт семи подушек, нет совершенно чехлов на матрацы, на диваны, нет постельных штор, не хватает иллюминаторных штор, нет ни скатерти на столы, нет салфеток.

Спецодеждой команда снабжена не полностью. Так, имеется всего два тулупа, не хватает резиновых сапог, валенок, нет совершенно рабочих рукавиц, ботинок кожаных, комбинезонов.

Культурно-физкультурного инвентаря имеется: сменная библиотека, две партии шахмат, одна партия шашек, 80 граммофонных пластинок. Музыкальных инструментов нет.

Форменным обмундированием снабжены только два человека. Зарплата выплачивается регулярно в первой половине месяца...

Нужно особо отметить, что молодёжь не уделяет достаточно внимания своему быту. Так, в каютах мотористов зачастую можно встретить грязную одежду, брошенную посреди каюты, грязь на переборках, на палубе. Некоторые мотористы носят своё рабочее платье грязным, никогда не мытым. Однако все молодые моряки в свободное от работы время одеваются опрятно, чисто. В несколько лучшем состоянии находятся помещения матросов. Стоит указать, что всем молодым морякам надлежит лучше смотреть за чистотой в своих каютах, коридорах.

Красный уголок является излюбленным местом сбора молодых моряков на ходу судна.

В расходовании личного бюджета (зарплаты) не замечается ненормальностей, исключая редкие случаи употребления спиртных напитков».

27 февраля к исполнению служебных обязанностей приступил новый начПО капитан морского флота 2-го ранга Н. Т. Екимцов, назначенный приказом политуправления ММФ СССР № 12 от 25 января 1952 г. [11, л. 96].

19 марта ночью исчез боцман теплохода «Углегорск». По словам капитана, он, нетрезвый, «до 24.00 находился в трансляционном узле, проигрывая судовые пластинки». Обнаружив исчезновение, обыскали судно, моряка не нашли и решили, что тот сошёл на берег. Теплоход простоял около суток, но тот так и не пришёл. Теперь решили, что он упал за борт. О произошедшем сообщили портовым властям Невельска, где стоял теплоход, передали милиции его паспорт и военный билет. Наступил апрель, но никаких сведений о боцмане пароходство так и не имело... [12, л. 40].

10 мая Н. Т. Екимцов подписал отчёт политотдела за 1951 г. Он был направлен в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, то есть тогдашнего второго человека в стране и партии после самого И. В. Сталина. С учётом высоты положения адресата можно предположить, что сведения, приведённые в документе, точно отражают действительное положение дел в пароходстве.

«...Состояние дисциплины на флоте неудовлетворительное. За 1951 г. учтено 184 случая нарушения трудовой и государственной дисциплины, в том числе среди начальствующего состава 70 случаев. 46 чел. привлечены к уголовной ответственности и осуждены народным судом по разным причинам, из них 16 чел. — к тюремному заключению.

Имели место чрезвычайные происшествия. На пароходе «Шексна» повесился старший помощник капитана Ш., по неизвестным причинам на пароходе «Бухара» утонул старший механик, умер от отравления спиртом матрос П. 19 марта 1952 г. боцман теплохода «Углегорск» К., член ВКП(б), секретарь парторганизации, во время погрузки судна в порту Невельск в ночное время пропал бесследно. Причины исчезновения пока не установлены...

Аппарат управления пароходства засорён бездельниками, рвачами, склочниками и малоспособными людьми, мешающими плодотворной деятельности флота. Так, в течение двух лет состоит на должности главного диспетчера Л., который не разбирается ни в руководстве, ни в эксплуатации судов, ни в учёте работы морского флота, невыносимый бюрократ, парализует нормальную работу пароходства, создаёт недовольство плавсостава. По этим мотивам ранее неоднократно освобождался от должности в г. Владивостоке, на Сахалине и Камчатке. Из Ленинградского морского училища был изгнан за ростовщичество...

...Начальник финансового отдела пароходства П. сочетает в себе качества бездельника, подхалима, бюрократа и путаника в финансовых делах. Его деятельность тормозит работу флота, финансовый учёт им настолько запущен, что трудно в нём разобраться...»

Информируя высшую партийную инстанцию — ЦК ВКП(б) — о недостатках работы управления пароходства, начПО воздерживался от выводов о личности нового начальника пароходства П. С. Черняева, вступившего в должность 25 октября 1951 г., утверждая, что «всемерно поддерживает его авторитет». На встречах руководства КЧГМП с секретарями Камчатского обкома и Петропавловского горкома ВКП(б) было принято обоюдное решение «по очищению аппарата управления пароходства и дальнейшей связи с местными партийными органами...» Попутно политотдел просил поддержать ходатайство начальника пароходства в ММФ СССР об усилении строительства жилья, «так как положение с жильем крайне тяжёлое. Достаточно сказать, что только пятнадцать семей из числа плавсостава имеют квартиры...» [4, л. 52—54].

24 июня состоялось заседание политотдела с повесткой «О состоянии политико-воспитательной работы на теплоходе “Любовь Шевцова”». С докладом выступил капитан судна: «Позвольте мне быть кратким. У меня будет только одно заявление, что мы политико-воспитательную работу проводили постольку, поскольку умели. Вне всякого сомнения, что на каждом общем собрании вопрос о трудовой дисциплине стоял. Больше мне нечего доложить вам. Об остальном, я полагаю, что доложат мои офицеры, так это будет гораздо лучше».

НачПО, удивлённый такой лаконичностью, поинтересовался: «Вы готовились к своей информации?» «Я готовился и решил, что ничего не скажу», — ответил капитан.

Теперь его расспрашивали другие присутствующие. «Почему Вы ничего не доложили о воспитательной работе? Вы капитан теплохода и обязаны доложить на совещании политотдела». «Товарищ начальник политотдела, товарищ начальник пароходства, если я о чём-либо умалчиваю, для этого у меня есть основания. Если Вы считаете, что капитан... виноват, готов ответить за всё. Воспитательную работу я строю, как человек, который думает, прежде всего, о том, что судно должно быть такой плавающей единицей, где вопреки мнению капитана никто не может ничего сказать».

«Вы отчёт своим словам отдаёте, что сказали?» «Безусловно, отдаю».

«Какие мероприятия Вы проводите у себя на судне в целях воспитания личного состава?» «Не проще ли будет, если доложат мои офицеры. Приблизительно в течение каждого рейса бывают минимум два собрания, посвящённые вопросам трудовой дисциплины. Угодно Вам ещё что-нибудь?»

Начальник пароходства: «В результате постановки вопроса трудовой дисциплины улучшилась она у Вас? Вы знаете, из чего складывается воспитательная работа?»

Капитан: «Воспитательная работа складывается, прежде всего, из дисциплины».

Далее начался диалог между начПО и капитаном: «Как у Вас развернута критика и самокритика?» «Развернута в полной мере».

«Как понимать Ваше выражение, что против Ваших мыслей никто не имеет право возражать?» «Я неверно выразил свою мысль».

«Почему критика и самокритика на общих собраниях зажимается?» «Это новость, о которой я узнаю впервые».

«Почему грубейшие нарушения дисциплины на судне, отдельные проступки покрываются Вами и Вашими помощниками?» «В данном случае у меня опровержения нет никакого. В данном случае я могу сказать, что если я покрывал нарушителя трудовой дисциплины, то я кроме хорошего ничего не имел в виду».

Механик-наставник поинтересовался: «Скажите, сколько раз Вы выступали с докладами, лекциями перед личным составом судна?» «Я боюсь сказать точно, по-видимому, раза три-четыре».

«На какие темы?» «На темы, посвящённые, в основном, трудовой дисциплине».

Инструктор политотдела: «Как Вы работаете над повышением своего идейно-политического уровня?» «Изучаю Маркса, Энгельса, Ленина. За последнее время я изучаю “Империализм и империокритицизм” (правильно «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» — написанная в 1908 г. работа В. И. Ленина. — С. Г.). Это произведение я давно читаю».

НачПО: «Такого произведения нет, Вы ошиблись». «Ежели бы я видел Вас у себя на судне, я бы показал Вам мои замечания на произведения В. И. Ленина, простите мне, я виноват в ошибке».

Начальник пароходства: «Когда Вы узнали о том, что сегодня назначен Ваш доклад?» «Я вчера узнал». «Как Вы расцениваете своё поведение к политическому органу, это что — демонстрация или неуважение, что Вы пришли сюда в пьяном виде?» «Это ни то и ни другое. Меня вызвали к капитану порта, и так как у меня авария, мне важнее оправдаться перед капитаном порта, чтобы меня не посадили». «В таком состоянии Вы пойдете к капитану порта?» «Да, в таком состоянии я пойду и докажу ему свою правоту».

Тут на помощь капитану пришёл его старший помощник: «Я хотел бы всех наших офицеров собрать, рассказать здесь обо всей нашей работе. Те задания, которые давались нам капитаном или управление пароходства, нами всегда выполнялись. Политико-воспитательную работу мы не проводили. Радио мы не имеем уже год, информацию не слушаем, газеты приходят за три месяца сразу. Учёбу по техминимуму проводили. Нарушения какие-либо были, отражались всегда в книге приказов». Тут старпом посетовал: «Мне тяжело работать, я устал. Три года и один месяц, как я работаю без отпуска».

Далее посыпались вопросы в адрес старпома. Присутствующий: «Как Вы лично работаете с командой?» Старпом: «Доклады команде я не читаю, провожу беседы по астрономии, о компасах. Политинформаций не делаю, так как сам не информирован». Затем он отметил, что для создания нормальной обстановки было бы лучше, если экипаж составляли одни мужчины: на судне пребывали семь семейных пар (такая «семейственность» иногда приводила к тому, что на некоторых судах жёны командиров вмешивались в работу моряков и даже в действия капитана [13, л. 32]).

НачПО: «Почему Вы вчера свой диплом порвали?» «Я посмотрел и решил, что он мне жизнь испортил. На судне я не получаю ни выходных дней, ни отпуском не пользуюсь. На берегу бы я жил лучше. Когда мы просим (я и стармех) отпуск, то нам говорят: “О чём Вы думаете?”»... [14, л. 62—65].

Теперь слушали инструктора политотдела, недавно проверявшего состояние воспитательной работы на теплоходе. По его словам, обстановка здесь была далека от нормальной. «Процветает рукоприкладство — драки. Так... 27 ноября 1951 г... матрос М. нанёс побои артельщику и угрожал ножом. Решение: списать с судна... 23 мая 1952 г. матрос Д. напился пьяным, учинил драку на судне, врывался в каюты женщин, бросался на командиров. Решение: списать с судна.

В последнем рейсе комсомольцы Д. и И., напившись пьяными, пытались избить второго помощника... разбили ему лицо, разорвали ему рубашку. Однако до сих пор мер к ним никаких не принято.

9 мая в Митоге имел место случай, когда в условиях рейдовой стоянки капитаном были отпущены на берег пять человек... Ввиду начавшегося шторма попасть на борт судна не могли, и теплоход ушёл в море без них. Возвратились указанные лица только в Петропавловском порту 22 июня. Отсутствие на судне в течение такого длительного времени пяти членов экипажа неудовлетворительно отразилось на выполнении рейсового задания.

На судне имеются случаи морального разложения моряков. Проповедуются несоветская политика отношения к женщине. Так, в прошлом году капитан записью в судовом журнале зарегистрировал брак матроса Н. с буфетчицей М., которая состояла в официальном браке с другим мужчиной, зарегистрированным ЗАГС. В беседе с капитаном, последний заявил, что считает это нормальным явлением.

Н. в период сожительства, узаконенного капитаном, систематически избивал М., за что имел взыскания. Последнее время он продолжает вести себя недостойно, преследует новую буфетчицу и так же избивает. Однако его проделки покрываются, он, чувствуя покровительство со стороны капитана и старшего помощника, продолжает вести себя недостойно звания советского моряка.

Б. была принята пассажиркой на судне с ребенком, морально разложившийся человек. Она в рейсах приносит на судно спирт, с согласия капитана сожительствоует с председателем судового комитета... в то время как в этой каюте проживает молодая девушка. Присутствие на судне этой женщины способствует разложению дисциплины, однако до сих пор она находится на судне.

На судне процветает мат, панибратство между рядовым и командным составом. Присутствие на судне жён командного состава вносит дразги и раздор в коллектив экипажа. Капитан теплохода... являясь хорошим штурманом, знающим своё дело, как воспитатель и капитан ведёт себя неправильно. Он считает судно своей вотчиной, а подчинённых ему лиц считает “холопами”, в присутствии экипажа и посторонних лиц старшего помощника и старшего механика считает дураками и обзывает нецензурными словами... На судне скована всякая инициатива, происходят постоянные скандалы, перебранка и зажим критики.

22 июня на судне произошёл чрезвычайный случай, когда матрос П., будучи в нетрезвом виде, учинил дебош в столовой команды, вступил в пререкание с капитаном, нанёс ему оскорбление. Капитан вместо того, чтобы немедленно пресечь хулиганское поведение П., потерял всякое чувство самообладания и в присутствии моряков сильно избил его, нанеся удары по лицу, и рассёк ему нижнее веко...» [14, л. 68—70].

Капитана «Любови Шевцовой» отстранили от занимаемой должности «за систематическое пьянство, грубые нарушения устава службы» [4, л. 92]. Надо сказать, что тот был прекрасным специалистом, не раз показывал своё судоводительское мастерство в весьма сложных навигационных условиях. Тем не менее этот моряк продолжил работу в пароходстве и трудился в нём до своей смерти, последовавшей в начале 1960-х гг.

Между прочим, спустя некоторое время этот капитан на одном из производственных совещаний очень неплохо объяснил причины чрезмерного увлечения моряков, особенно молодых, спиртным:

«Я принадлежу уже к старому поколению и сказал бы, что пьянство является вредным и гнусным наследием старых дореволюционных традиций на флоте, когда моряку нечем было заполнить свой досуг, кроме как пойти в кабаки и напиться. Для борьбы с этим злостным пережитком капитализма надо повысить уровень культуры, надо спланировать комсомольцев на борьбу с этим пережитком.

Большое значение имело и то, что спиртные напитки продавались на каждом шагу, и только моряк вышел с парохода, он на каждом шагу видел одни забегаловки. Это явление было почти во всех портах. Теперь, когда закрыты забегаловки, в расходовании времени моряков образовалась своеобразная пустота, которую им также нечем заполнить. Матросу некуда пойти, нет культурного роста и развития. На судах также отсутствуют культурно-бытовые условия, имеющиеся библиотеки очень малочисленны, новых книг в них почти не поступает, газеты на суда поступают очень редко.

В Петропавловске особенно тяжело. Моряку совершенно некуда пойти, в лучшем случае за неделю он может посмотреть две кинокартины. Надо организовывать лекции для моряков, диспуты, беседы. Самодеятельность также не может получить широкого распространения: нет ни инструментов, ни нот. Нечем заинтересовать моряка во время его отдыха, в продаже нет даже игр — шахмат, шашек, домино и т. д.» [13, л. 31].

Политико-моральная обстановка, складывавшаяся на отдельных судах, на совещаниях в политотделе рассматривалась неоднократно. Так, 12 декабря комсорт «Александра Пушкина» поведал об обидах рядовых моряков на своих командиров: «Товарищи во время ремонта судна прилагали все усилия по быстрейшему ремонту. Были куплены инструменты за свои деньги. Работа шла как будто хорошо. Но вот приходит второй механик и говорит, что работаете плохо. Отбил у товарищей всю охоту в работе, и в конечном счёте работа была брошена.

На судне начальствующий состав не любит критику. Они часто говорят: “Будете раскрывать рот, то мы вас выгоним”. На судне организуются пьянки, но мер никаких не принимают. После Владивостока у нас осталось восемнадцать метров махровой ткани (использовавшейся для протирки и фильтров. — С. Г.), но весь этот материал пошёл на халаты жёнам... Сами коммунисты играют в “двадцать одно”, зажимают критику и грозят списанием» [14, л. 11].

На заседании 27 декабря обсуждались случаи пьянства на транспортном флоте. «Капитан теплохода “Тура”... в сентябре месяце выехал с частью команды на берег в Усть-Камчатске, где напился и устроил драку с подчинёнными ему лицами. Взяв

катер, капитан уехал с берега на судно, снялся с якоря и ушёл дальше по назначению, оставив три человека на берегу, в том числе и старшего механика».

Судовой журнал теплохода «Углегорск», по словам участника заседания, «превратился в журнал перебранок». Одна из записей, сделанная старшим помощником капитана в нетрезвом состоянии, не читалась. Командир судна в графе «Замечания капитана» предложил ему «впредь производить запись в трезвом виде», хотя его собственные слова были начертаны «отнюдь не твёрдой рукой». Старпом ответил «вроде того, что капитану самому следует меньше пить» [14, л. 14].

5 октября в Москве открылся XIX съезд ВКП(б), последний партийный форум сталинской эпохи. Съезд принял директивы о пятилетнем плане развития страны на 1951—1955 гг., утвердил новый устав партии. Сама партия отныне обрела новое имя: «Коммунистическая партия Советского Союза» (КПСС).

Из отчёта о работе политотдела за 1952 г.:

«Капитан морского буксира “Василий Буслаев” в результате личной недисциплинированности, пьянки допустил аварии. Капитан теплохода “Углегорск” систематически нарушал труддисциплину, Правила технической эксплуатации и Устав службы, допустил две аварии. Капитан теплохода “Невельск” нанёс повреждение пароходу “Шота Руставели” с техническими убытками 31,6 тыс. руб. По настоянию политотдела линейным судом осуждён к одному году исправительно-трудовых работ и в дальнейшем за неоднократные нарушения трудовой дисциплины и Устава службы уволен из пароходства...

Нарушения дисциплины проявляются больше всего там, где начальствующий состав не служит примером для подчинённых и в силу этого оказывается неспособным вести надлежащей борьбы с нарушителями труддисциплины.

Так, капитаны теплоходов “Любовь Шевцова”, “Тура”, “Бородин”, старпом парохода “Бухара” и другие, пользуясь острым недостатком кадров начальствующего состава в связи с пополнением флота, не только не ведут борьбы за укрепление труддисциплины, но сами систематически пьянствуют, насаждают вредные традиции среди личного состава судов.

На совещании политотдела при обсуждении состояния труддисциплины на теплоходе “Любовь Шевцова” капитан заявил, что “женщины на флоте для того и существуют, чтобы сожигать с ними”» (на самом деле таких слов в протоколе совещания нет. — С. Г.)... [4, л. 91—92].

1953

22 февраля состоялся «день выборов в местные Советы депутатов трудящихся». Выборы, точнее, «голосование» за заранее определённых кандидатов, прошло организовано. При подсчёте установлено, что за кандидатов «Сталинского блока» из общего числа 843 избирателей проголосовали 99,99 %. Эта величина — 99,99 % — очень часто присутствует в отчётах о выборах различных уровней, проходивших в СССР в 1930—1970-х гг. Очевидно, она должна была демонстрировать монолитное единство советского общества. Нетрудно высчитать, что недостающая сотая доля процента от 843 пароходских избирателей составляет 0,0843 человека. Ну, никак не тянет на чью-то целую несознательную душу, так и не дошедшую до избирательной урны. Может, разумнее было написать, что проголосовали все 100 % избирателей?

На всех судах пароходства избирательные участки украшали лозунги, портреты вождей, агитационные плакаты. Кают-компании превратились в «комнаты отдыха избирателей с достаточным количеством культмущества, литературы, газет».

Голосование всюду началось в шесть часов утра. На теплоходе «Витим» первым пришёл получать бюллетень второй механик Л. В. Шахов. Он обратился к избирателям с короткой речью: «Товарищи избиратели! Я сегодня счастлив, что буду голосовать. Я отдаю свой голос за процветание нашей родины, за строительство коммунизма в нашей стране, за светлое будущее нашей молодёжи».

В Петропавловский городской Совет депутатов трудящихся от КЧГМП избраны: начПО Н. Т. Екимцов, редактор «Камчатского моряка» М. С. Новиков, плановик управления Л. Н. Фомичева, капитан парохода «Хабаровск» А. И. Несытов. Депутатом Камчатского областного Совета стал начальник пароходства П. С. Черняев,

депутатом Хабаровского краевого Совета — секретарь обкома КПСС П. Н. Соловьёв [1, л. 134—135].

В феврале 1953 г. получил развитие «женский вопрос». С заявлением в политотдел обратилась уборщица теплохода «Углегорск». Она жаловалась на пристава-ния капитана. «...Говорил мне, что, вот, сколько ни было у него девушек на судне, я никого не любил, а тебя вот люблю. Когда я ему сказала, что мне надо работать, он заявил, что, мол, я капитан, и всем мои приказы должны выполняться, и вы должны слушать. Когда я помыла полы у него, он меня опять задерживал, но я сразу ушла из его каюты. Все последующие дни он, капитан, вызывал меня неоднократно к себе в каюту и предлагал свою “любовь”. Хватал за руки, при этом говорил, что, мол, вы капитана должны слушаться.

Однажды, это было 20 февраля, у меня болела голова. Я обратилась к капитану, так как у него находились медикаменты. Придя в каюту к капитану, предложил мне сесть на диван, и сам одел белый халат, подойдя ко мне, начал спрашивать, может у меня ещё что-нибудь болит? Вы, говорит, разденьтесь и ложитесь на кровать, ведь нас никто не видит. После его слов я сразу же ушла от него. Не так давно, 25 февраля, когда я убирала каюту капитана, он всё время мешал мне, старался ухватить меня за грудь, и при этом говорил, вот, мол, я могу списывать людей и принимать, но вас я ещё пока не списываю, вы хорошая девушка и т. п.

Часто вызывал меня к себе и говорил, чтобы я следила за старшим помощником... не ходит ли он на “Вычегду”, где работала старая буфетчица. Вы, говорит, должны бросать всю работу и следить, вам никто не может помешать, ведь я капитан» [12, л. 34].

2 марта похожее заявление написала ещё одна женщина, трудившаяся на «Углегорске»: «...при приёме на работу на теплоход “Углегорск” в разговоре с капитаном теплохода... им мне было предложено в неофициальной форме сожительство с ним, для чего он обещал принять меня на работу на судно и найти на берегу квартиру, где бы мог со мной встречаться. Впоследствии им мне было дано 100 рублей безо всяких расписок» [12, л. 33].

У слабого по женской части капитана «Углегорска» имелись и другие грешки, за которые его уволили из пароходства и отдали под суд.

9 марта состоялись похороны скончавшегося четыре дня назад Председателя Совета Министров СССР, секретаря ЦК КПСС И. В. Сталина. Они проходили как важнейшее государственное мероприятие и охватили все предприятия и организации страны.

Из состава работников политотдела и сотрудников управления КЧГМП заранее были назначены «ответственные за проведение проводов И. В. Сталина». Их закрепили за каждым судном, стоявшим в Петропавловске, а также за управлением, механической мастерской и радиоцентром. Суда получили радиограммы с чётким указанием порядка прощания с вождём.

«Задолго до начала трансляции в красных уголках, столовых команды и каюткомпаниях собрались моряки проводить лучшего своего друга, горячо любимого вождя и учителя товарища Сталина. Взоры каждого устремлены на убранный трауром портрет родного отца Иосифа Виссарионовича Сталина, чей гений создал первое в мире социалистическое государство, освободил наших отцов, братьев и сестер от вековой кабалы царизма и сделал их свободными и независимыми, способными претворять идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина в жизнь».

Сотни моряков молча стояли у репродукторов. В 18.20 диктор из далёкой Москвы известил о выносе саркофага с телом «гения человечества» из Колонного зала Дома Союзов. «Каждый мысленно переносится на улицы Москвы, провожая И. В. Сталина до Красной площади, мавзолея Ленина. На трибуну поднимаются вожди нашего народа, руководители нашей партии и государства, верные ученики и продолжатели дел Ленина и Сталина...»

В Петропавловске 19.55. В Москве в это время «последний раз поднимают саркофаг с телом И. В. Сталина и устанавливают рядом с саркофагом В. И. Ленина. Куранты бьют 12.00». Моряки застыли в молчании. «На пять минут прекратилось всё движение, работа всех механизмов, режут гудки. Страна прощается с любимым отцом, другом и учителем. Звучат звуки гимна...»

В красном уголке управления пароходства на траурный митинг собрались 150 чел. Его открыл заместитель начальника пароходства М. Н. Святец. Он предоставил слово начальнику политотдела: «Дорогие товарищи и друзья! Ушёл от нас гений человечества, неутомимый строитель коммунизма, наш вождь, родной и любимый отец, друг и мудрый учитель Иосиф Виссарионович Сталин... Враги нашего государства рассчитывают на расстройство наших рядов, но ЦК КПСС, Совет Министров и Президиум Верховного Совета Союза ССР приняли неотложные меры по организации руководства, партийного и государственного. В эти скорбные дни советский народ ещё теснее спланивается вокруг ЦК и советского правительства, проявляет бдительность. Пусть враги не думают, что им удастся заставить нас врасплох. Советский народ всегда сумеет дать надлежащий отпор любому агрессору...»

Со слезами на глазах выступает член КПСС Михайлова: «Ушёл от нас товарищ Сталин. Трудно передать словами это горе, больше ни с чем не сравнимое горе. Товарищ Сталин, как солнце, обогревал нашу жизнь, указывая нам путь к счастью. Память о дорогом вожде мы будем свято чтить и работать так, как великий Сталин».

Траурный митинг на пароходе «Якутск» открыл первый помощник капитана Е. Л. Орлов. Выступили второй механик Штакин, матрос Иващенко, комсомолец Шамаков, машинный ученик Данилов, капитан В. В. Киселёв. Все они «заверили ЦК КПСС и советское правительство, что экипаж ещё теснее сплотится вокруг Коммунистической партии и советского правительства, повысит бдительность и производительность труда, ещё настойчивее будет бороться за претворение коммунизма в нашей стране». Экипаж принял обязательство выполнить годовой план грузоперевозок ко дню Сталинской Конституции (5 декабря 1953 г.) и перевезти сверх плана ещё 3 000 т.

На пароходе «Бухара» старший механик Г. К. Ковальчук напомнил, что хоть «наш отец и учитель Иосиф Виссарионович Сталин» и ушёл из жизни, но «остались его “дети”, остались у руководства партии и государства его сторонники и ученики, которые сумеют продолжить и успешно завершить то дело, за которое отдал всю свою жизнь Иосиф Виссарионович». В ответ на тяжёлую утрату он тоже призвал всех «теснее сплотиться вокруг ЦК партии и советского правительства...»

Старший помощник капитана «Бухары» С. Л. Лебедев заявил: «...уходя от нас, товарищ Сталин оставил планы построения коммунизма в нашей стране, которые мы, советские люди, сплотившись вокруг ЦК КПСС, должны свято выполнять своим упорным трудом. В самые тяжёлые минуты прощания с лучшим другом и любимым вождём, гением всего прогрессивного человечества призываю весь экипаж нашего судна взять на себя повышенные обязательства в выполнении плана грузоперевозок, чем поможем быстрейшему и безусловному выполнению заветов вождя по построению коммунизма в нашей стране. Со всей твердостью духа переносим это огромное горе. Поклянемся, товарищи, не покладая сил трудиться на благо выполнения заветов уходящего от нас товарища Сталина. Всегда будет жить в наших сердцах имя дорогого вождя».

В заключение экипаж «Бухары» одобрил текст письма на имя ЦК КПСС и социальные обязательства на 1953 г.

Похожие речи, звучавшие на митингах, соответствовали предварительно установленному шаблону. Взять хотя бы постоянно звучавший призыв «теснее сплотиться вокруг ЦК партии и советского правительства». Но были и совершенно искренние выступления. На той же «Бухаре» секретарь комсомольской организации А. Д. Голосеев отметил, что усопший товарищ Сталин много внимания уделял подготовке кадров для морского флота. В 1944 г. он подписал постановление Государственного Комитета Обороны об организации мореходных училищ, которые уже выпустили сотни отличных специалистов для морского флота страны. «Я — выпускник мореходного училища, десять лет состою в комсомоле, — сказал комсорг, — и сейчас считаю своим долгом подать заявление о моём приёме в Коммунистическую партию Советского Союза...»

С каждого судна отправились телеграммы на имя нового Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова. Все экипажи приняли «конкретные обязательства, направленные на досрочное выполнение годового государственного плана гру-

зоперевозок». Так, моряки теплохода «Невельск» обещали выполнить годовой план к 7 ноября 1953 г., сократить плановое время зимней стоянки на 15—20 %, увеличить плановую скорость судна на 3 %, сберечь горючего на 10, а масла на 5 %, отработать на лебедках 10 000 часов и перевалить своими силами 2 000 т груза.

На «Шексне» моряки, среди прочего, обещали повысить в каждом рейсе грузоподъёмность судна на 50 т, уменьшить сумму государственной дотации на 10 000 руб., дать за год пять рационализаторских предложений с экономическим эффектом 25 000 руб. и самостоятельно отремонтировать механизмов на 20 000 руб. [1, л. 122—129].

Всего на митингах присутствовали 540, выступили 32 чел. [1, л. 136—138].

20 июня молодёжь теплохода «Корсаков» собралась побеседовать на тему «Роль комсомольцев в выполнении плана». Попутно рассмотрели и утвердили план работы комсомольской ячейки на июль. Решили: прослушать лекции «Атомная энергия» и «История Камчатки», обсудить статью из газеты «Правда», совершить во время стоянки в порту «культпоход» в театр, получить спортивный инвентарь, организовать шахматный турнир и вечер отдыха, выпустить стенгазету и сатирический листок, сменить книги в библиотеке и провести обзор газет по «внешним и внутренним вопросам» [12, л. 48].

2 июля на пароходе «Александр Пушкин» слушалось персональное дело члена КПСС с 1952 г. Ф., напрямую касавшееся необходимости «усилить бдительность», о которой говорилось выше. Его суть: «24 июня на сопке Любви (в парке на сопке Никольской в Петропавловске. — С. Г.) тов. Ф. был избит хулиганами и раздет. При этом был похищен партийный билет и другие документы».

По словам Ф., 24 июня он получил деньги за пребывание в резерве и отправился ужинать в кафе Дома офицеров флота. За ужином выпил стакан «Зубровки» и пошёл в парк на сопке. «По дороге с группой товарищей распил бутылку шампанского и направился к танцевальной площадке. На меня напали три незнакомых человека, которые предложили снять часы. Я возмутился. Тогда они меня избили до бессознания, раздели и похитили все документы, вместе с ними и партийный билет. На другой день утром я заявил в политотдел, милицию и горком КПСС. Были приняты меры к поискам, но билет до сих пор не найден».

Выступившие отметили, что потеря партийного билета при любых обстоятельствах считается чрезвычайным происшествием и преступлением перед партией. «Факт нападения и ограбления несколько оправдывает тов. Ф. Однако это не говорит о том, что тов. Ф. не должен нести партийную ответственность. В то время как наша партия ещё раз ставит вопрос о повышении бдительности, мы должны хранить единство партийных рядов и не допускать случаев беспечности. Долг каждого коммуниста — быть всегда начеку! И у меня нет уверенности, что партбилет тов. Ф. не попал в руки сомнительных элементов. Вместе с документами похищен пропуск в военно-морской порт Владивостока, и до сего времени документы не найдены. Тем более что Ф. был одет в обычную одежду, и сомнительно, что они напали лишь с целью ограбления».

«Сейчас, как никогда, поставлен вопрос о бдительности. Враги идут на все проделки, лишь бы нам навредить, подорвать наше могущество. И для этого они не останавливаются ни перед чем, завладеть чужими документами, влезть в доверие и делать свои грязные дела».

За утерю партбилета Ф. получил строгий выговор с предупреждением. Вскоре Петропавловский горком КПСС выдал ему дубликат документа [15, л. 202—203].

4 июля состоялось открытое собрание комсомольцев парохода «Красноярск». Обсуждали постановление Пленума ЦК КПСС «об исключении из партии и предании разоблачённого врага советского народа и нашей родины Берия». С сообщением об этом выступил капитан Я. М. Драбкин. «Комсомольцы и весь экипаж судна, как и все советские люди, приветствуют решение партии и правительства. Они возмущены гнусными действиями прислужника империализма. В своих выступлениях комсомольцы Стиба, Афиногенов, Никитин заявили, что все антисоветские выходы Берии особенно ярко проявились сейчас, потому что всё яснее становится виден крах мирового империализма, и именно поэтому прислужники и вдохновители империализма пытаются различными провокациями и террором отдалить свой конец».

Собрание приняло решение, в котором экипаж обязался в очередной раз повысить трудовую и политическую активность и бдительность, и тем «всемерно крепить родную отчизну» [12, л. 26].

24 июля начПО Н. Т. Екимцов, пребывавший на Восточной Камчатке, отправил начальнику политуправления ММиРФ СССР генерал-директору морского флота 1-го ранга В. И. Румянцеву радиограмму, в которой сообщал, что теплоход «Тура» зашёл в реку Камчатку. Развитие этого опыта давало возможность избежать потери времени на рейдовые разгрузки, а значит — простоя судов. НачПО просил оказать содействие пароходству в организации в устье реки лоцманского поста [1, л. 66]. Через два года в Усть-Камчатке началось создание полноценного морского торгового порта.

17 октября в политотделе снова обсуждали газету «Камчатский моряк». Начальник отдела кадров Н. М. Святец, рассказал, что заходившие к нему моряки не раз заявляли, что она неправильно передает события, искажает фамилии. «Это не поднимает авторитет газеты, а наоборот, снижает. Газета не пользуется потому популярностью среди моряков. А ведь редакция всегда может уточнить в отделе кадров тот или иной вопрос». Нередко выходило, что авторы статей и заметок неправильно характеризовали «отдельных товарищей», вызывая смех, а то и возмущение читателей.

В одном из номеров был помещён очерк об одном из капитанов. В нём «пьяница выглядел... самым положительным человеком во всем пароходстве, с которого должны брать пример другие». Впредь газетчикам следовало позаботиться о том, «чтобы не показывать пьяниц в форме идеалов» [16, л. 46].

1954

18 мая в должность начПО КЧГМП вступил А. Г. Оганджян [17, л. 5].

14 сентября по инициативе политотдела состоялось совещание при начальнике пароходства с повесткой «О состоянии трудовой дисциплины». Основной доклад сделал А. Г. Оганджян. Он обратил особое внимание присутствующих «на имеющие место пьянки на судах, на вредное влияние алкоголизма, на беспощадную борьбу, которую командный состав судов и пароходства должен вести в своей повседневной работе».

Стенограмма доносит до нас некоторые любопытные моменты совещания. Первым выступил ревизор парохода «Бухара». Он заявил, что за три года работы в пароходстве впервые присутствует на заседании, где собрался весь командный состав. Обычно на подобные совещания приглашались только капитаны и их первые помощники.

«Наше судно в июле месяце в бухте Провидения провело большую работу по разгрузке и погрузке судна, за что имело благодарность от депутата Верховного Совета. Когда же мы пришли в Петропавловск, то имели большие нарекания за то, что наше судно плохо покрашено. Руководство не хотело считаться с тем, что мы не могли получить во Владивостоке краску и сурик».

Здесь выступавшего остановил начальник пароходства, попросив перейти ближе к теме и рассказать о дебоше на судне, приключившемся во время стоянки в бухте Провидения.

«Выступавший товарищ ответить на данный вопрос отказался, а так как сам оказался в пьяном состоянии, то председательствующий тов. Козырев данного товарища с совещания вынужден был удалить».

Следующий оратор, помполит «Бухары», отметил, что вопрос о пьянстве поставлен своевременно. «На судах пьянство очень распространено, также как и сожительство с женщинами. Был факт, что на судно была взята прачка, которая оказалась больной венерической болезнью. Капитаны не воспитывают личный состав, а если тот или иной работник плохой, его стараются списать и направить в отдел кадров, после чего эти товарищи направляются отделом кадров на другие суда. Капитаны сами ведут себя недостойно. Так, тов. Л. на берегу так напился, что вместо своей каюты попал в каюту девушки, койка которой находилась на втором этаже. На подобные факты наши кадры не реагируют, и Л. до сих пор работает».

Сожительство очень распространено, то есть оно вообще на каждом шагу. По моему мнению, надо на суда брать женщин в возрасте не менее сорока лет, так как попадающие на суда молодые девушки немедленно становятся жертвами вначале капитанов, помощников и т. д. С комсостава берут пример молодые люди команды. Когда на

судно с берега ночью К. была приведена девушка, и я стал её с судна удалять, то последний мне возражал, что начальники сами замараны, а нам почему-то нельзя.

В данное время пьянства на судне стало, как будто, меньше. Полученную последнюю зарплату в основном истратили на хорошую одежду и обувь. Команда имеет опрятный вид. Плохое поведение самих командиров плохо действует на товарищей, неустойчивых в моральном отношении.

Политико-воспитательная работа на судах ведётся недостаточная. Например, теплоход «Аральск» — весь начальствующий состав пьянствует. Надо вести повседневную работу с дезорганизаторами и пьяницами, и те, которые понимают и реагируют, тех надо упорно перевоспитывать, а те, до которых ничего не доходит, от тех надо просто избавляться. К нарушителям дисциплины и порядка надо принимать самые разнообразные меры воспитания, как-то угроза написать письма родным. Надо применять к отдельным товарищам и более жёсткие административные меры — понижать в должностях, то есть надо использовать самые разнообразные методы борьбы с пьянством и распущенностью...» [13, л. 29—30].

Пьянство на судах приобретало угрожающий размах. Особенно страшно становилось за молодых моряков, не имевших достаточного житейского опыта и твёрдых взглядов, а поэтому особенно подверженных этой порочной «традиции». «Сидевший на кадрах», которые, как известно из высказывания покойного «вождя и учителя», решают всё, Н. М. Святец эмоционально характеризовал роль командного состава судов в деле воспитания подчинённых. Многие командиры явно не могли служить им примерами.

«На судах большие размеры приняла распущенность, сожительство с уборщицами вторых помощников. Командный состав призван вносить культуру в массы, но сам оказывается первым её нарушителем и дезорганизатором. Многим из работников командного состава свойственны низменные побуждения, и, естественно, такие люди не могут дальше оставаться в рядах здорового коллектива, в рядах борцов за здоровый быт».

Нас обвиняют (отдел кадров. — С. Г.), что мы не выдвигаем молодых специалистов. Это неверно, молодых специалистов мы выдвигаем на 200 % вперёд, так как сплошь и рядом старые кадры разложились. Но молодые специалисты, к сожалению, не оценивают оказанного им доверия, не оправдывают своё выдвижение.

Только вследствие пьянства пропали, именно пропали, такие капитаны, как... Без почестей были брошены в яму (похоронены как безродные. — С. Г.). Только от страшного пьянства человек может дойти до такого состояния, и наш командный состав не ведёт борьбы с пьянством, а, наоборот, сам продолжает пьянство. Нередко явления пьянства командиров становятся достоянием службы и матросов.

До тех пор пока капитаны, старшие помощники, старшие механики будут продолжать не следить за своим моральным обликом, до тех пор состояние всего экипажа не будет находиться на должной высоте.

Командиры не имеют чувства глубокой ответственности за воспитание коллектива. Отдельные проступки отдельных товарищей не разбираются, не становятся достоянием масс, не освещается их отрицательная сущность.

Коллектив надо воспитывать, а предлагаемые товарищами увольнения — это не стиль работы. Кто больше всего является нарушителями? Это люди в возрасте 17, 18, 19 лет. Этих людей надо воспитывать, надо вложить в них отцовскую душу. Форм и методов борьбы с хулиганством, пьянством много — писать родителям и другие. Сами нарушители часто не знают содержания приказов, налагающих на них взыскания. Надо зачитывать приказы отдела кадров и пояснять, что к отдельным лицам данного коллектива могут быть приняты такие же меры воздействия...» [13, л. 33].

Начальник пароходства указал на ещё один «пережиток капитализма» — суеверие. Он привёл пример парохода «Якутск», которому было приказано выходить в море 13 ноября, в понедельник. Капитан не решился нарушить старинную морскую традицию и принял все меры к тому, чтобы отойти от причала только в час ночи 14-го. «Суеверие свойственно не только рядовому, но и начальствующему составу пароходства» [13, л. 35].

После этого совещания мало что поменялось. С 1 ноября по 12 декабря 1954 г. милиция задержала 17 работников пароходства, пребывавших «под хмельком». Среди нарушителей оказались работник редакции «Камчатского моряка» и даже сотрудник самого политотдела, которые «учинили скандал, сквернословили и безобразничали» в ресторане гостиницы «Восток». Там же буянил кочегар «Ваги». Повар этого же судна матерился и по-хамски вёл себя в магазине. Нетрезвый матрос «Бородина» приставал к честным гражданам на ул. Ленинской. Двое рабочих подрались в людном месте. Три моряка «в пьяном виде врывались в зал клуба судоверфи во время демонстрации фильма». Только один портовик мирно лежал посреди улицы, где и был подобран «органами милиции в состоянии сильного опьянения». На всех составлены протоколы.

А вот происшествия посерьёзнее. Техник радицентра разбил стекло двери ресторана «Восток» и бросился в драку с вызванным стражем порядка, нанеся ему несколько ударов. Грузчик торгового порта и матрос «Бухары» в пьяном угаре убили грузчика рыбного порта. Эти лица пошли под суд [18, л. 36—37].

Ноябрь. Политотдел по ходатайству комсомольской организации теплохода «Мусоргский» представил четвёртого механика В. И. Наволочного к награждению почётной грамотой ЦК ВЛКМС за высокие производственные показатели, достигнутые им в социалистическом соревновании [18, л. 96].

Тогда же замначПО Ю. В. Шпилевой обратился к заместителю начальника политуправления ММФ СССР С. И. Головину с просьбой разрешить закупить для оформления общественных и жилых помещений пассажирских и грузовых судов, клубов и домов отдыха моряков управления пароходства и обоих портов офорты, автолитографии и линогравюры. Их написали художники Крайнев, Христоролюбов, Кузьмичёв, Алексич, Шевандронов. Сюжеты произведений отражали историю освоения Северо-Востока России, быт и трудовые будни моряков и назывались «Землепроходцы», «Поход Семёна Дежнёва», «Дети моряков», «Возвращение из дальнего плавания».

К тому же прошедшим летом на Камчатке в творческой командировке побывал художник Фролов. По мнению Шпилевого, «было бы целесообразно привлечь товарища Фролова к подготовке картин о нашей далекой, но родной Камчатке». Особый интерес моряков, которые имели возможность познакомиться с его эскизами, вызвали «Морской пейзаж с двумя скалами» и «Камчатские сопки в лучах заходящего солнца». Пароходство было готово приобрести эти работы в количестве 250—300 экземпляров [18, л. 143].

1955

9 марта в политотделе состоялось совещание с повесткой дня «О работе парторганизации теплохода “Невельск”». В ней выявились крупные недостатки, а объяснялись они тем, «что секретарь парторганизации работу строит в отрыве от стоящих перед коллективом задач, не имеет повседневной и деловой связи с коммунистами и членами экипажа, недооценивает роль и значение партийной работы среди коллектива. Хуже того... своим недостойным поведением в быту, пренебрежительным и хамским отношением к членам экипажа компрометирует высокое звание члена партии и теряет авторитет партийного руководителя» [19, л. 32—33].

«Просигнализировал» о неблагоприятном поведении партсекретаря один из рядовых членов экипажа, отправивший в начале марта в редакцию «Камчатского моряка» письмо. Публиковать его газета, конечно, не стала, дабы не дать повода к лишним разговорам о соответствии главного персонажа «высокому званию коммуниста», но оперативно переправила в политотдел. На письме, фамилия и должность автора которого остались анонимными, будучи густо замазаны чернилами, стоит резолюция начПО: «Прошу проверить. 5.03.55». Как видно, проверили быстро.

Вот это письмо с сокращениями: «Теплоход “Невельск” стоит на среднем ремонте около пяти месяцев. Ремонт продвигается к концу... Большую помощь в ремонте оказывают старший механик тов. Бритченко и второй механик тов. Штакин. Ремонт радиосети не закончен... Парторг об этом не беспокоится... Приводит молодых женщин в каюту на ночку и больше. Кроме того, занимается большим оскорблением членов экипажа судна... Да ещё умудрился встать в девять-десять часов утра,

и уходит на берег, краники не закроешь, воды находит полкаюты. Это не раз, а много. Вода сейчас, как воздух... Капитан судна и старший механик решили заглушить трубопровод к каюте... неряшливого, недисциплинированного. Просим пароходство и политотдел за разложение и большие оскорбления и убытки немедленно убрать... с “Невельска”» [19, л. 35].

Секретарь неуклюже оправдывался: «совершил ошибки в моём поведении... выразившиеся в сожительстве с буфетчицей...» Совецание решило, что ему «как коммунисту нужно оказать помощь» [19, л. 30, 35].

Вот такая действенная сила заключалась в печатном слове, даже неопубликованном. Кстати, за последнее время газета заметно улучшилась. ЗамначПО отметил по этому поводу: «У меня осталось в памяти нарицательное название газеты “Камчатский брехун” и т. д. Благодаря усилиям редакции, направленным на поднятие её авторитета, газета стала значительно интереснее по своей тематике, шире стала критика, улучшилась верстка, язык, уменьшилось количество ляпсусов...» [19, л. 24]

28 июня на пароходе «Вага» произошло чрезвычайное событие: разгневанный старший помощник капитана выстрелил своему подчиненному из ракетницы в живот. В акте расследования указано, что помощник следовал «по стопам капитана», якобы подменившего воспитательную работу «голым администрированием и грубым окриком».

В первом полугодии 1955 г. случилось и ранее небывалое «позорное для морского флота явление на пароходе “Бухара”, когда подчинённый ударил капитана». Это явилось результатом отсутствия воспитательной работы, «распущенности со стороны его помощников (пьянки, картёжная игра), которые своими действиями разлагают трудовую и государственную дисциплину среди подчинённых» [17, л. 32—33].

2 августа политотдел изучал состояние и меры по улучшению работы больницы моряков. При первом взгляде лечебное заведение оставляло приятное впечатление: коридор застлан ковром, в палатах чисто, «есть видимость некоторого комфорта». Но больные были недовольны.

Лечившийся более двух месяцев матрос «Невельска» жаловался, что нательное бельё меняют редко — раз в месяц. Крановщик Петропавловского морского торгового порта сетовал на нехватку посуды: «Скушал первое, потом жди, когда освободится посуда других палат, чтобы тебе принесли второе». Стармех одного из судов считал неправильным, негигиеничным, когда для того, чтобы «сохранить» посуду (в первую очередь самые дефицитные ложки и стаканы), больные забирали их с собой в палаты и сами мыли. Один пациент отметил ветхость нательного белья. «Прямо стыдно его надевать. Самому приходилось к кальсонам пришивать пуговицы». Починить бельё вполне могла, но почему-то не делала этого, кастелянша.

Мыться было сложно. Ванна отсутствовала, канализация работала скверно, да и воды не доставало. «Хуже того, несколько дней тому назад... для больных в палату выдавали по одному графину воды: хоть пей, хоть мойся».

К бытовой неустроенности добавлялась скука. Радио бездействовало, кино отсутствовало, лекции и беседы не проводились. Оставалась одна отрада — библиотека из пяти сотен книг и ежедневно приходившие свежие выпуски газет. На медперсонал больные не жаловались, хотя до политотдельцев доходили слухи о фактах «бездушного отношения со стороны отдельных врачей». Назывался пример слесаря мехмастерской, инвалида Отечественной войны. Он два месяца обивал порог поликлиники, желая удалить из болевшей челюсти мешавший осколок, след отгремевших боев. Врач отказался ему помочь и даже обозвал симулянтом. «Только при вмешательстве порткоммора и прокуратуры бассейна... была оказана помощь в военном госпитале». Похожая история приключилась и с захворавшим портовиком.

Вызывала нарекания и скорая помощь больницы, превратившаяся «в своеобразную разъездную карету. Вместо оказания экстренной помощи на дому машина занимается развозом врачей по квартирам и другими хозяйственными делами».

Так что в больнице было, что улучшать. «Чувствуется формальное отношение к служебным обязанностям, забывается главное для работников медицины — неустанная забота о советском человеке» [19, л. 88—90].

1956

22 марта помполит «Рыбинска» В. Г. Гатальский подписал политдонесение о завершившемся заграничном плавании, начавшемся 12 октября 1955 г. Судно (капитан В. Н. Смирнов, старший механик М. С. Кричанский) перевезло 6 955 т груза. Общее состояние дисциплины и поведение экипажа помполит оценивал как удовлетворительное. «Экипаж морально здоров и готов выполнить любое задание пароходства».

Во время заграничного вояжа моряки побывали на двух матчах ленинградской команды «Зенит» в китайском порту Дальний, дважды посетили Порт-Артур, где осмотрели исторические места боёв русско-японской и советско-японской войн, совершили экскурсию в краеведческий музей Дальнего. Они заходили в антикварный музей и дом «великого китайского революционного писателя» Лу Синя в Шанхае. За рейс экипаж посмотрел девяносто кинофильмов и концертов. С последними перед моряками выступили не только участники художественной самодеятельности клубов советско-китайской дружбы в Дальнем и международных клубов портов Сянгана, Шанхая и Цинванчтао, но и профессиональные артисты [20, л. 24—25].

Политотдельский отчёт за 1956 г. свидетельствует о росте средней месячной зарплаты работников пароходства с 2 085 руб. в 1955 г. до 2 169 руб. в 1956 г. (то есть на 4 %) [4, л. 242].

Политотдел пароходства упразднён 30 июля 1957 г. в рамках начавшейся после XX съезда КПСС «внутрипартийной демократизации». Его бывшие заботы возложены на вновь образованный партийный комитет (партком) и бассейновый комитет профсоюза флота (баскомфлот) [21, л. 367].

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК, ф. П-112, оп. 1, д. 22.
2. Там же, ф. Р-523, оп. 1, д. 19.
3. Там же, ф. П-112, оп. 1, д. 1.
4. Там же, д. 45.
5. Там же, д. 3.
6. Там же, д. 9.
7. Там же, д. 16.
8. Там же, д. 21.
9. Там же, д. 17.
10. Там же, д. 11.
11. Там же, д. 19.
12. Там же, д. 30.
13. Там же, д. 33.
14. Там же, д. 20.
15. Там же, д. 31.
16. Там же, д. 23.
17. Там же, д. 35.
18. Там же, д. 36.
19. Там же, д. 37.
20. Там же, д. 39.
21. Там же, ф. Р-523, оп. 1, д. 382.

А. В. ПЕТРОВ

ОДИССЕЯ СЫРОЕДА АНДЕРСОНА

Сорок четыре года назад пенсионер Михаил Андерсон за два с половиной месяца проехал на велосипеде от Петропавловска до Усть-Камчатска. В наши дни добратья до Усть-Камчатска проще простого — с утра выехав на машине или на автобусе из краевого центра, к вечеру уже оказываешься близ устья самой большой реки полуострова. Путь этот, кстати, подлинней знаменитого радищевского путешествия из Петербурга в Москву.

Диссидент XIX в. Радищев и его вояж — дела давно минувших дней. Но ещё совсем недавно, каких-нибудь четыре десятка лет назад, дорога от Петропавловска до Усть-Камчатска занимала не часы и даже не дни, а долгие недели. Первым человеком, в одиночку совершившим путешествие по ней, и был петропавловец Михаил Яковлевич Андерсон, а случилось это в не столь далёком 1967 г.

Передо мною лежит толстый гроссбух — зарегистрированный Камчатским областным советом по туризму и экскурсиям «Отчёт о туристическом маршруте на велосипеде Петропавловск-Камчатский — Усть-Камчатск». Этот отчёт сохранился в архивах Петропавловского клуба туристов и путешественников имени Глеба Травина благодаря мастеру спорта по туризму Константину Лангбурду.

Автор отчёта Михаил Яковлевич Андерсон — личность в среде камчатских туристов легендарная. Вплоть до преклонного возраста он не покидал седло велосипеда, а в пищу употреблял преимущественно растения нашего полуострова. Отчёт Андерсона выламывается из рамок стандартов, принятых в туристической среде. Поражает и увлекательный, легкий язык, и захватывающее содержание, и небывалое для отчётов количество выполненных автором фотографий — 182 карточки!

«Поход начат 13 июля 1967 г. в Петропавловске-на-Камчатке, закончен 6 октября 1967 г. в Усть-Камчатске. Маршрутная книжка выдана областным советом по туризму (Ленинская, 18) на имя Андерсона. Год рождения: 1906. Место работы: пенсионер. В маршруте указаны следующие населённые пункты, через которые намечено прохождение: Петропавловск-Камчатский, Елизово, Коряки, Банные Ключи, Начики, Малки, Ганалы, Пушино, Шаромы, Мильково, Кирганик, Долиновка. Центральный, Щапино, Лазо, Макарка, Береговое, Козыревск, рыбвод, Майское, Красный Яр, Ключи, Нижнекамчатск, Чёрный Яр, Николаевка, Усть-Камчатск».

Так начинается отчёт Михаила Андерсона.

Уже давно нет ни на картах, ни в действительности ряда сёл и посёлков, перечисленных выше. Да и о Нижнекамчатске мы знаем лишь из-за того, что там восстановлена самая старая на полуострове церковь.

«В туристический поход ушёл один, без соучастников», — пишет о себе Андерсон. А потом перечисляет преследуемые цели путешествия:

«1. Доказать, что на велосипеде (пешком) можно пройти от Петропавловска до Усть-Камчатска (до этого по этому маршруту никто не проходил).

2. Доказать, что в условиях лета заблудившиеся в тайге люди не могут умереть от голода, пока имеется зелень.

3. Написать о настоящем туристическом переходе книгу для туристов и детей школьного возраста».

Сборы были недолгими — Михаил Яковлевич взял с собою три книги («Растения-целители. Лекарственные растения нашей Родины», «Луга полуострова Камчатки» и «Лекарственные растения Камчатки и Командорских островов»), брезентовую палатку, рюкзак, летний ватный кукуль, ватник, берет, свитер, по две пары брюк, трусов, маек и носков, пару кед, кастрюлю, топор, ножовку по дереву, кружку с ложкою, охотничий нож, накомарник с дымокурором, очки, иголки с нитками и мыло. Не обошлось и без «предметов культурбыта» — карты Камчатской области, компаса-буссоли, ручных часов «Урал», фотоаппарата «Киев-2», экспонометра «Ленинград», пятнадцати фотоплёнок и радиоприёмника «Сокол». Продуктов Андерсон взял в поход минимальное количество — восемь килограммов ржаных сухарей, килограмм сахара, три маленьких банки сухого молока и полкило манной крупы. Это — на два с половиной месяца! А транспортом ему послужил «велосипед “Путевой” без мотора».

«Тяжёлые вещи малого габарита целесообразно крепить на передней части велосипеда, — пишет Андерсон, — с обеих сторон рамы. Или даже впереди руля, на конец палки, привязанной к раме велосипеда вдоль. Ватник — на рогах велосипеда. Книжки и аптечка с неприкосновенным запасом — по обеим сторонам заднего колеса, в специальных полотняных карманах... На багажнике с перевисанием по обе стороны до оси колеса кладутся палатка и спальник мешок... При таком виде крепления я проехал по Камчатке более тысячи ста километров».

Итак, 13 июля 1967 г. в 14.30 Михаил Яковлевич вышел из своего дома на улице Репина. На счетчике велосипеда значилось пять с половиной километров. С этого момента началась одиссея пенсионера Андерсона.

«Следую по улице Океанской к центру города. Дорога асфальтированная. На подъемах веду велосипед в руках. Со склонов и на ровном месте еду. Небо безоблачное, солнце сильно греет.

В 16.40, отсчёт 16,7, нахожусь на траверзе Сухарного завода.

На пути употребляю в пищу лепешки шиповника, которые содержат в большом количестве витамин С, и головки красного клевера, несколько сухарей чёрного хлеба и воду из ручейков. До посёлка Елизово насчитал семь подъёмов, где нужно было слезать с велосипеда. По обеим сторонам дороги в большом количестве растут съедобные растения. Дров и воды нет. На ночь располагаюсь в посёлке Елизово по улице Связи, № 6, в саду, поставив палатку».

Так закончился первый день путешествия Михаила Андерсона.

Михаил Яковлевич Андерсон с велосипедом «Путевой»

День второй: «Питаюсь пучкой и подорожником в виде салатов».

День третий: «Прибываю на Горячие Ключи в Начиках. Это палаточный городок. Начики — маленькое селение, в основном — лечебница, сюда приезжают отдыхать из Петропавловска по путёвкам. Кто приезжает без путёвок, на свой страх и риск — ютятся в палаточном городке и купаются в единственной яме. Бывший бассейн, свободно доступный и бесплатный, бульдозером завален и разровнен».

16 июля 1967 г.: «Дождь, затяжной и непрерывный. На ужин ложка сухого молока, разбавленного в половине литра серной воды, и несколько сухарей. Неоднократно принимая пучку в свежем виде, пью разбавленное в серной воде молоко. На ужин — подорожник. Все запасы сухарей и сахара отдаю одному мужчине-бедняку, чтобы освободиться от лишнего груза и облегчить рюкзак. Оставил около полкилограмма».

19 июля Андерсон доходит до Малкинских горячих ключей. В дневнике он пишет: «У старого русла реки местами выбиваются тёплые струи воды. Народ сделал простые примитивные ванны из завалов камней, регулирующие подход холодной воды. В нескольких сотнях метров имеются места, где также выбивается наружу тёплая вода, припахивающая сероводородом. На плато поставлены палатки приезжих посетителей. В конце возвышенного плато выбивается ключ кипящей воды. Построек и домов на Малкинских горячих ключах нет. Место живое. Сюда приезжают лечиться и отдохнуть. В настоящее время работает передвижной продовольственно-товарный ларёк. Погода ухудшается. На ужин: хлеб, серная вода».

20 июля: «Завтрак: литр тёплой серной воды с подбелкой конденсированным молоком. Маленький кусочек хлеба. Обед: навар чертополоха (листья) с кусочком хлеба. Ужин: кусочек хлеба с наваром чертополоха».

По наблюдениям Андерсона, село Ганалы 1967 в году — один жилой дом с двумя постройками. «Проезжаю мимо, не задерживаясь». Следующая точка похода — Пушино. «Это подразделение колхоза. Есть продуктово-промтоварный магазин, почта, телеграфа нет, есть телефон. Здесь живёт большой процент населения корякской национальности. Ночлег предоставила семья коряков Абакумовых».

22 июля Андерсон отправился на Пушинские горячие ключи, проделав туда путь в семнадцать километров. По пути он ел конский щавель. «Ванна — четырёхугольная яма с галькопесчаным дном, из которого местами выбиваются струйки тёплой воды. Деревянный трап ведёт в воду. Рядом раздевалка. Вне домика, около сопки — ямки, из которых выходит сильный нарзан, намного сильнее Малковского. Горячие Пушинские ключи всецело нарзанные. Впервые вижу на Камчатке нарзановые ванны. Ужин: варево из чертополоха. Ночной ужин: кусочек хлеба с нарзанной водой».

23/VII-67 года. Группа военных, возвращаясь в Пушино, предложила свои услуги и перевезла меня на машине в село Пушино».

25 июля Михаил Андерсон добирается до Милькова. На счётчике его велосипеда — 371 километр. «Посёлок Мильково — большое село городского типа. В нём находятся почта, телеграф, телефон, кинотеатры. Шоссейные дороги кончаются. Самостоятельно, без посторонней помощи, двигаться вперёд невозможно, не имея специальных карт. Общая карта Камчатки ничего не даёт».

В тот же день Андерсон выдвигается в сторону реки Кирганик. «Огромное количество комаров, — пишет он. — Раньше об этом не имел представления. Без накомарника дальше нет возможности продвигаться. Руки и лицо становятся красными от собственной крови из раздавленных комаров. Комары пронизывают хоботами свитер и колют плечи и лопатки».

26 июля: «Рабочие перевозят на шлюпке на левый берег. От моста до села четыре километра. Село маленькое. Есть магазин продуктово-товарный. Здесь тупик. Кончается шоссе, и начинаются тропы. На ужин: жую кипрей, питаюсь его соком».

27 июля. Андерсон движется в сторону реки Камчатки, по пути питаюсь зеленью — кипреем, лебедою, одуванчиками. Велосипед глубоко врезается в тундру, приходится вести его до полуколена в грязи. На отдыхе варит крапиву с двумя ложками манной крупы. На следующий день — отдых, стирка одежды, на обед и ужин — суп из чертополоха и крапивы».

29 июля к полудню путешественник достигает Долиновки. На счётчике — 453 километра. «Посёлок средней величины, с деревянными домами, широкими улицами. В парнике (теплице) выращивают помидоры, огурцы. Чувствуется жизнь. Народ живёт зажиточно. На работу девушки ездят на велосипедах».

30 июля Андерсон выдвигается в сторону села Атласова. «Глубина разрытого болота около трёх четвертей метра. Приходится переходить по кочкам, которые утопают в тундре. Грузёный велосипед тонет до осей. Дальше — глубже. Приходится рубить и пилить деревья и настилать путь по топи. Развьючиваю велосипед и переносу вещи по частям. Постоянно жую кипрей и глотаю сок. Ночью продолжаю идти дальше. В 02.00 прекращаю путь. На обочине дороги ложусь спать, завернувшись в палатку».

31 июля Михаил Яковлевич наконец-то добирается до Атласова. «Новый посёлок средней величины, — пишет он. — В нём находятся почта, телеграф, телефон, магазин продовольственный и промтоварный, магазин хлебный, школа, управление лесохозяйством, лагерь для заключённых».

Пятьдесят четыре километра от Атласова до ныне не существующего села Быстрого Андерсон преодолевает за два дня. Ночёвка — на берегу реки Козыревки. С утра завтрак — кипрей и хвощ. Через реку Быструю приходится переправляться по переброшенным с берега на берег деревьям. «Тайга кончилась. Передо мной открылся простор тундры».

«Посёлок Быстрое — маленький, но в нём есть почтовое отделение, магазины продуктов и промтоваров, школа, медпункт, гостиница. В посёлке живут в большинстве эвены в избах русского типа. Некоторые любят летнее время проводить в юртах. Эвен Коерков Гаврил Гаврилович — коренной житель села Быстрое, участник освобождения Курильских островов, никогда не видел себя на фотографии, попросил его сфотографировать».

Детский сад в селе Быстром

Эвенские дети у юрты

Г. Г. Коерков — коренной житель села Быстрое

3 августа 1967 г. Михаил Яковлевич Андерсон направился из села Быстрого в сторону горячих целебных ключей, расположенных на 47-м километре от села Крапивного. Управляющий отделом Быстринского совхоза Владимир Кирсанович Захаров даже начертил Андерсону схему, по которой тот должен двигаться.

«Давно сомневаюсь в правильности пути, — пишет Андерсон. — Но если местный житель утверждает в правильности своих слов, то сомневаться нечего, нужно верить, притом занимающий в административном положении высокую должность...»

Через трое суток блужданий Андерсон вернулся в село Быстрое. А 8 августа на попутном катере отправился в село Крапивное, чтоб оттуда проследовать в Анавгай. «Посёлок растянутый, большой. Дома деревянно-рубленые, деревенского типа. В посёлке находятся продовольственные и промтоварный магазины. Три общежития различных организаций, куда при случае принимают и проезжих. Чертёж пути для дальнейшего следования помог сделать эвен Адуканов Иннокентий Борисович».

9 августа 1967 г. Андерсон достиг речки Кагагле — сейчас она называется Ковавей. На счётчике велосипеда — 698 километров. Ещё через несколько километров наш герой оказался на том месте, где сейчас находится смотровая площадка. «С вершины видны большие просторы, массивы камчатской тайги — почти с птичьего полёта. Это место самое красивое на Камчатке. Его вполне можно назвать камчатской Швейцарией».

ны видны большие просторы, массивы камчатской тайги — почти с птичьего полёта. Это место самое красивое на Камчатке. Его вполне можно назвать камчатской Швейцарией».

И вот, когда велосипедный счётчик достиг отметки 707 километров, Андерсон наконец-то оказался на 47-м километре. «Небольшой деревянный домик представляет собой одновременно гостиницу и лечебное учреждение. В нём имеются нары, плита для приготовления пищи. В пристройке у домика горячая ванна — яма, обшитая досками, с лестничкой для спуска. Горячие струйки воды пробиваются со дна в ванну. Лечебницу посещают приезжие из Усть-Камчатка, Ключей, Козыревки, Крапивного, Анавгая, Эссо и других мест.

Улица в селе Крапивном

Село Анавгай

Продолжается непрерывный дождь. Дороги размокли. Путь в Анавгай продолжить невозможно. Начальник милиции Эссо тов. Павленко заехал проездом на Ключи. Узнав, что направляюсь в Эссо, посоветовал ехать туда на попутной машине, а велосипед и вещи оставить здесь».

11 августа на попутном вездеходе Михаил Андерсон добрался до Анавгая. По дороге он сделал фотографию: застрявший в грязи гусеничный трактор. Сейчас мы в любое время года можем попасть в Быстринский район на легковушке.

«Анавгай маленькое село, — пишет в отчёте Андерсон, — в основном с эвенским населением. Здесь есть почта, телефон, телеграф, продуктовый и промтоварный магазины, хлебопекарня, управление совхоза оленеводческого хозяйства, школа, ясли. Село находится на ровном месте между сопок, окружающих село с трёх сторон. В сопках пасутся олени. В конце села — горячие ключи». В Анавгае Андерсон принимает решение: «Прекращаю питаться растительностью, перехожу на нормальную пищу».

А 13 августа на попутной машине путешественник переехал в Эссо. «Дорога плохая, просёлочная, узкая. Местность красивая. Дорога десятилетней давности. До того времени была тропа, по которой передвигались на вьючных лошадях». Одна из фотографий, сделанных Андерсоном в Эссо — кирпичный завод. Заводом, правда, это сооружение назвать трудно — печь для обжига кирпича, укрытая под навесом.

На следующий день Михаил Яковлевич направил стопы в местную редакцию. «Редактор газеты “Новая жизнь” тов. Великовский просил меня опросить людей на ключах 47-го километра, от каких болезней лечились и какие результаты, для опубликования в газете с целью репрезентации ключей. Я дал согласие». Кстати, газета «Новая жизнь» до сих пор выходит в Эссо.

«15.VIII.1967 г. возвращаюсь на ключи 47-го километра. Нахожусь на ключах. Собираю данные, отправляю в редакцию. 29.VIII.1967 г. нахожусь в Крапивном. Собираю новые материалы про излечившихся, отсылаю в редакцию “Новой жизни”».

31 августа Михаил Яковлевич Андерсон двинулся в дальнейший путь — в сторону Козыревска. Он переправился на катере с левого берега реки Камчатки из села Крапивного — на правый в село Крахче, в семи километрах ниже по течению.

«Камчатка — сильно извилистая река. Местами берега размывает, в других местах отступает и замыкает... Местами для судоходства река обставлена флажками.

Крахче — бывший большой посёлок. В настоящее время упразднён. Временно в нём находится продовольственный магазин. Живут около полутора десятков семей. Так как день клонит к вечеру и дорога не ясная, остаюсь ночевать в Крахче, у пенсионера Печонкина».

От Крахче до Козыревска — двадцать три километра, от Крапивного до Козыревска — тридцать. Андерсон то и дело натывается на старые и свежие медвежьи следы. «С пути поднимаются и взлетают тетерева, — пишет он. — Прохожу сухие речки, где вода бывает только весной. Дальше тайга бесконечная. Продолжаю следовать ночью, нащупывая дорогу ногами».

Почти в полночь Андерсон наконец-то достиг Козыревска. На счётчике велосипеда — 834 километра. «Посёлок Козыревск — большое селение городского типа. Есть продуктовые и промтоварные магазины, почта, телеграф, телефон. Аптека, больница, милиция, аэродром, автомехмастерская, гараж. Улицы не мощёные, деревенского типа. Дома рубленые — деревянные».

3 сентября 1967 г. Дорога в Майское. «На дороге следы лисиц, волков и тетеревов. От Козыревска до Майского двадцать шесть километров. Село состоит из работников совхоза. Имеется клуб. Строится площадка для футбольного поля и тенниса. Село небольшое, но живое», — таковы впечатления Михаила Яковлевича.

До 7 сентября Андерсон отдыхал в Майском. Затем двинулся в сторону Красного Яра — это название сегодня совершенно позабыто. «Красный Яр — маленькое селение, упразднённое. Стоит на самом берегу реки Камчатки. Живёт одна семья. Летом живут сенокосцы. Зелёную массу увозят в Майское. В большом количестве растёт боярышник. Дома разбирают и увозят в другие населённые пункты. Пошли дожди. 8 и 9.IX.1967 г. приходится переждать. Дороги мокрые и грязные».

10 сентября Андерсон направился в Ключи. Дорога шла вдоль телефонной линии, то ухудшаясь, то становясь широкой, песчаной. По всему пути он встречал тетеревов. От Красного Яра до Ключей — сорок восемь километров. Ночевал Андерсон у М. В. Чудинова, жившего в 17-м доме по улице Кабакова.

«Посещаю работника ЛТО тов. Жулая И. И., где получаю сведения о переходе от Ключей до Камак и Нижнекамчатска, — пишет Андерсон. — Жулай предупреждает, что с велосипедом этот путь не пройти. Велосипед придётся бросить и продолжать путь пешком. Там ещё туристы не ходили, только дежурные телефонисты на вьючных лошадях».

От Ключей до Хапицы — пятьдесят два километра. До Камак — девяносто один, если по телеграфной линии. А по дороге — не меньше полутора сотен.

Работник Ключевской почты Каргопольцев предупредил Андерсона:

— Там много непуганых медведей. Без оружия ходить опасно. От Петропавловска-Камчатского пешком ещё здесь никто не проходил. Если Хапицу перейдете — считайте, что Камчатку от Петропавловска до Усть-Камчатска прошли.

12 сентября 1967 г. Михаил Андерсон начал движение в сторону реки Хапицы. «За Ключами начинается кустарник. Достиг тяжёлых песков, которые тянутся километрами. В прошлом это сплошное русло бывшей реки Камчатки. Прохожу сухую речку. Дальше сыпучие пески. На сантиметров десять уходят в них шины велосипеда. Приходится буквально пахать песок. Местами твердая лесная просёлочная дорога. От Ключей до первого домика — тридцать километров». Домик, в котором остановился на ночлег Андерсон — рубленый, с пристройкой. В нём запасы продуктов и воды. В домике печка, нары, стол, списки и свечи.

С утра начался двенадцатикилометровый переход ко второму домику. После обеда — к третьему. «Ища домик, сделал тринадцать километров лишних».

14 сентября Андерсон направился по пескам в сторону реки Хапицы. «Песчаное плато длиной около двух километров, с обеих сторон кустарник. Песчаное плато, мёртвые пески. С мелкого кустарничка поднимаются тетерева». «Прибыл на левый берег Хапицы, — пишет Андерсон дальше. — Берега реки заросли кустарником, лозой, ольхой. Шлюпки не видно. Пеленгую Ключевскую сопку. На берегу следы оленя и медведя. Следую на переправу, где телефонная линия переходит через реку Хапицу».

Хапица — глубокая и быстрая река шириной около пятидесяти метров. На противоположном берегу чернеет лодка, людей нет. Для привлечения внимания поднимаю сигнал: носовой платок на шесте. Время от времени подаю сигналы свистком и голосом. Готовится к дождю. С наступлением темноты развожу костёр. Сигнал держу до полуночи. Затажной дождь идёт всю ночь».

«15.IX.1967 г. Дождь продолжается... 16.IX.1967 г. Продукты уменьшаются. Что делать? В отделе по туризму предупреждали: “Дорог от Ключей до Усть-Камчатска нет. Вы вернётесь обратно или на катере поедете по реке Камчатке от Ключей до Усть-Камчатска. Там непроходимые места”. Так говорил Егоров Е. Я.

Вплавь? А вещи? Продуктов остается на три дня. Для плота материалов нет. Два телефонных столба сгнили, на воде не держатся. Связать плавник и сделать плот? Не будет держать, и быстрое течение унесёт вниз. Леса нет, болото и кусты. Готовлю своё судно. Рублю кустарник и из палок делаю каркас в виде корыта. Зашиваю вход в палатку снаружи и изнутри, переворачиваю верхом вниз, каркас ставлю в палатку, а края привязываю. Если есть на том берегу шлюпка, зачем мучиться на своем плоту? Испробовав на непотопляемость, протягиваю около двухсот метров против течения и переправляюсь на правый берег. На шлюпке перевозжу вещи — шлюпки не было бы, это сделал бы на плоту».

Вечером того же дня Михаил Яковлевич направился к телефонной линии, легко переправляясь через мелкие русла Хапицы. На сильно заросшей просеке — отпечатки медвежьих лап и пробитая копытами лошадей узкая тропа. Передняя часть велосипеда легко раздвигает траву, но педали цепляются и тормозят. Медвежьи тропы пересекают линию в разных направлениях. «Становится не по себе...» — пишет Андерсон.

С наступлением темноты наш герой добрался до так называемой «землянки Чертенова». На счётчике велосипеда — 1 066 километров. «Землянка сырая, воняет тухлостью, жестяная плита полностью поржавела. В землянке нары по обе стороны, около стен. Две поржавевшие лампы керосиновые без керосина. Свечей тоже нет. Продуктов мало, переход длинный. Делю на порции».

Завтрак 17 сентября 1967 г.: семь ложек манки, сваренные в полутора литрах воды, и кусочек хлеба. Остальные продукты Михаил Яковлевич разделил на три дня.

«Следую по тропе в сторону Малой Хапицы. Здесь почему-то землянки называют юртами. Питаюсь рябиной, поставив велосипед на подпорку. Обед: несколько ложек манки, вода, сахар. Завариваю чай на коре лозы. В 17.55 достиг большого оврага с ручьём. На противоположном берегу — землянка “Староверская”. Все землянки похожи одна на другую. Ужин: варево из ягод рябины с несколькими ложками манки. Кусочек хлеба. Продуктов почти нет. Скучный паёк урезаю ещё меньше».

18 сентября приморозило. Трава покрылась инеем. Светит солнце. Андерсон приготовил завтрак: варево из листьев чертополоха, мелко порезанных и сваренных с тремя ложками манки, без соли или сахара, и кусочек превратившегося в сухарь хлеба. «Земля сухая и худая, — пишет он. — Трава сухая и убитая приморозками, высушенная солнцем и ветром, шуршит при движении через неё. В земле видны свежие норы диаметром около десяти сантиметров».

Серьёзное происшествие: на ось заднего колеса намоталась трава, образовав своего рода муфту. Муфта сняла цепь и раздвинула конус. Зубчатое колесо крутится в обе стороны беспрепятственно. Велосипед вышел из строя.

«На реке встречаю дежурных телефонистов на лошадях — Дударко М. М. и Сугомяк А. Р., которые меня переправили через оттоки, назвав эту речку Бикет. Обедая: черемша, сахар, кусочек хлеба и вода из речки. На пути берёзовые рощи, рябина.

В 14.42 достиг землянки Увал (Подувалова). Сухая и уютная. На ужин варево — листья кипрея, мелко порезанные и сваренные с парой ложек манки».

19 сентября 1967 г. Завтрак Михаила Андерсона: «оставшаяся с вечера бурда. Доли-то пол-литра воды и заварено заново. Кусочек хлеба». В этот день Андерсон за несколько ходок перенёс на спине в крутую сопку по скользкой извилистой тропке велосипед и вещи, преодолел девять оврагов с подъёмами, множество мелких ручейков и канавок. Весь день питался свежей рябиной. «На ужин: варево — мелко порезанные жилы листьев чертополоха, сваренные с рябиной, без соли. Продуктов нет, остался сахар».

20 сентября. «Ночью сильный заморозок. Зелень убитая морозом. На завтрак варю рябину в двух литрах воды. Перепилил длинную осину для перехода речки. Во время перекладки с берега на берег бревно унесло течением. Вещи и велосипед переносу вброд. На обед: свежая рябина. На протяжении всего перехода с утра ем ягоды рябины и жую чертополох».

В 17.59 Андерсон прибыл к землянке «Вальчинка» («Вальчики»). На счётчике — 1 098 километров. На ужин — только свежая рябина.

21 сентября 1967 г. «В организме чувствуется слабость. Готовлю обед: чертополох с рябиной. Передвигаюсь с трудом. На пути много рябины. Не доходя до развилки на Камаки и Ларем — много шиповника, не тронутого медведями. Собираю его на ужин».

Ночевал Андерсон в землянке «Камаки», а 22 сентября направился в сторону Усть-Камчатска.

«Питаюсь свежей рябиной, — пишет он. — Иногда глубина воды выше колена. Там, где воды нет, идя по тропе, слышу чавканье под ногами. Велосипед глубоко врезается в тундру. Местами покров растительности на тропе бедный, место землянистое, ноги уходят в тундру и стягивают с ног сапоги. Приходится идти возле тропы, по тундре, дергая велосипед по полметра вперед, рывками. Пошёл дождь, надвигается вечер».

При отсчёте 1 115 километров Андерсон достиг землянки «Ларем». Она уже упразднена, но в ней есть плита, нары, стол. На ужин — варёная рябина.

23 сентября Андерсон добрался до гидрометеорологического пункта на берегу реки Камчатки, недалеко от красивейшего места — Щёк, скал, окружающих реку в месте сужения с обеих сторон. До 26 сентября Андерсон оставался на гидрометпункте. А потом двинулся в путь, переправился на шлюпке к рыбалке № 1 колхоза «Путь Ленина» и заночевал у рыбака Мутовина.

«27.XI.1967 г. Мутовин делает уважение, обвозит на шлюпке вокруг мыса около трёх километров и высаживает на берег. По берегу реки Камчатки следую в сторону Нижнекамчатска. Часто приходится развешивать велосипед и переносить вещи на себе».

28 сентября. «Низкие и широкие, уродливые кустарники лозы цепляются за одежду и велосипед с грузом. Продвигаюсь вперед, но очень медленно».

29 сентября Андерсон с сопки увидел Нижнекамчатск. Но перед ним — болотистое поле, потом тундра. В 16.40 он вышел на правый берег реки Радуги, на левый Андерсона перевёз на лодке дежурный телефонист С. И. Коровин. На счётчике велосипеда — 1 140 километров.

Телефонист С. И. Коровин в лодке
на реке Радуге

Нижнекамчатская церковь
в 1967 г.

В Нижнекамчатске Михаил Яковлевич провёл четыре дня. «На месте бывшего острога собираю музейные экспонаты: топоры, наконечники стрел — кремневые и металлические — керамику, деньги — монеты 1748 года, судовые гвозди и многое другое. В настоящее время это место называется Заимкой. Посёлок упразднён. Пока живут в нём несколько семей. Остальные жители переехали в Усть-Камчатск. Бывшая церковь в последнее время служила как клуб».

4 октября Михаил Андерсон начал последний этап своего нелёгкого путешествия. Тот же телефонист Коровин перевёз его на правый берег, к Хваленке. «Хваленка — упразднённое село, оно заросло травой, без жизни. От времени разрушается, гниёт. Дорога заросла, чуть заметны следы машин в виде выбоин».

В 14.00 того же дня Андерсон достиг Березового Яра. «Село упразднено. Дома пустые и частично разрушены. Населения нет. В одном доме обосновались сенокосчики из колхоза «Путь Ленина». Остаюсь ночевать здесь».

В середине дня 5 октября наш герой добрался до уже не существующей Николаевки. «Маленькое селение, филиал колхоза “Путь Ленина”. Есть школа, поселковый совет. Ночлег предоставил тов. Титов Н. П. в своей квартире».

Семья Поповых оставляет Нижнекамчатск и переезжает в Усть-Камчатск

Погрузка сена. Третий слева — председатель Николаевского сельсовета Н. П. Титов

6 октября 1967 г. Последний день путешествия. «Следую в Усть-Камчатск. Дорога хорошая, можно ехать. Но река Камчатка разрушает дорогу. Чем ближе к Усть-Камчатску, тем дорога все хуже и грязней. В 13.30 прибыл на периферию Усть-Камчатска... Следую на почту и сообщаю в Совет туризма в Петропавловск-Камчатский о завершении туристского маршрута, — заканчивает свой отчёт Михаил Яковлевич Андерсон. — Пройдено полезного пути — 1 011 километров. Поиски дороги, блуждания — 158 километров. Итого — 1 169 километров».

Две первые цели похода туриста Андерсона были выполнены («доказать, что на велосипеде можно пройти от Петропавловска до Усть-Камчатска» и «доказать, что в условиях лета заблудившиеся в тайге люди не могут умереть от голода, пока имеется зелень»). Третья («написать о настоящем туристическом переходе книгу для туристов и детей школьного возраста») — увы, нет. Но вообще-то Андерсон в 1960—1970-е гг. опубликовал в камчатских газетах ряд статей о преимуществе и пользе растительного питания. А вот написанная им на эту тему книга так и не увидела свет, её рукопись канула в неизвестность во время перестроечного хаоса (в фондах Камчатского краевого объединённого музея хранится подготовленная в 1969 г. рукопись М. Я. Андерсона «По следам землепроходцев на Камчатке», учётный номер ГИ 22408. — *Ред.*).

Остается лишь добавить, что во время камчатской одиссеи Михаилу Яковлевичу уже исполнился шестьдесят один год. (М. Я. Андерсон был человеком вполне закалённым и много чего повидавшим. В молодые годы он был судоводителем, стал капитаном дальнего плавания, работал на судах типа «Либерти», в 1950-е гг. трудился капитаном в Камчатрыбфлоте. По имеющимся сведениям, М. Я. Андерсон умер в начале 1970-х гг. — *Ред.*)

ЭТНОГРАФИЯ

Авторы публикуемых ниже заметок — двоюродные братья по матери, уроженцы села Кавалерского Усть-Большерецкого района Камчатской области. Оба члены многодетных камчадалских семей. Село Кавалерское возникло в 1928 г. в результате переселения на новое место жителей Большерецка (Большерецкого острога), упразднённого в связи с частым затоплением из-за паводков. Названо по протоке Кавалерской, возле которой расположено. В 1930 г. в селе был создан колхоз, в дальнейшем ставший совхозом «Большерецкий». В 2010 г. в Кавалерском жили 976 чел. (вместе с селом Карымай).

Эти заметки — наблюдения и воспоминания очевидцев, детьми заставших уже ушедшую камчадалскую жизнь и любовно описавшими её. Они точны и достоверны в мельчайших описаниях повседневности. Живым голосом звучат великолепные камчадалские слова жителей сёл Кавалерское, Большерецкий острог, Начилово, Апача, Елизово. Данная публикация может быть определена как «словарь-воспоминание», поскольку большинство этих слов к моменту написания заметок уже ушли из живой речи, и вспоминаются авторами, спешащими, пока всё ещё живо хотя бы в памяти, донести до нас картины ушедшей камчатской жизни. В небольшом словарице и в дополнениях к нему представлено большинство сфер жизни большерецких камчадалов: охота, рыбная ловля, ездовое собаководство, изготовление традиционных плавсредств — батов, обуви и одежды, приготовление пищи.

Материал подготовлен к публикации Натальей Валентиновной Дивниной, в 2000—2010 гг. научным сотрудником и главным хранителем фондов КГУ ККОМ, ныне ведущим библиотекарем отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.

В. Г. КОЛЛЕГОВ, Б. И. СЕЛИВАНОВ

КАМЧАДАЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

О селе Кавалерском. Организовано в начале 1930-х гг. Его жители переехали из Большерецкого острога, находившегося в районе устья реки Гольцовки. Небольшое село, дворов 30—35, располагалось на протоке Кавалерке реки Большой. Место для жилья оказалось очень удобным. Помимо изобилия рыбы в речках, здесь водился промысловый зверь: медведь, олень, горный баран. В селе был образован колхоз «Имени Первого Мая». Одним из его организаторов стал мой отец. В хозяйстве имелось стадо крупного рогатого скота, лошади, колхозники занимались выращиванием картофеля.

Селяне жили дружно, несмотря на трудности военного и послевоенного времени. Всегда помогали друг другу. В эти годы люди жили бедно, особенно те семьи, где мужья и отцы были на фронте. От голода спасали рыба, которую можно было ловить круглый год, картошка, ягоды (жимолость, брусника, шикша, голубика), охота на медведя. Молока было достаточно. В селе работала начальная школа-четырёхлетка. Моей учительницей была родная тетя Наталья Алексеевна Логинова.

Дома строили из берёзы. Недалеко от Кавалерского на реке Плотниковой стояло село Кирпичное. Там делали кирпич для Октябрьского рыбокомбината. Из него жители сложили в домах печи. Печи, стены домов белились белой глиной, которую брали в ручье Куржачино. Здесь в одном месте на берегу сделали метровый подкоп, нашли слой глины толщиной сантиметров десять. Глину заготавливали впрок. Место её нахождения я помню ещё и сейчас.

После войны в село привезли несколько семей крымских татар. На первых порах во взаимоотношениях с ними возникли большие трудности: переселенцы были злые и недоброжелательные. Однако через два-три года люди между собой помирились и дружили друг с другом. Мы, пацаны, подружались с ребятами этих семей быстрее

всех, даже научились понимать татарский язык. После войны приехали две семьи молдаван. В конце 1940-х и начале 1950-х гг. многие семьи стали уезжать в Усть-Большерецк, Большерецкий совхоз, Октябрьский рыбокомбинат: нужно было учить детей в старших классах. Примерно году в 1955—1956-м село закрылось. Память о нем, моей родине, осталась на всю жизнь.

Изготовление батов. Эта трудоёмкая работа требовала сноровки и знаний. Вначале выбирали подходящее дерево определённой длины и толщины, обычно тополь (для Усть-Большерецкого района). Поиск подходящего дерева занимал много времени. Летом спиленное дерево привозили в деревню, снимали кору, обтёсывали концы ствола, после чего выдалбливали из него щепу топором-долбиком и «скребками» до определённой толщины стенки бата. Иногда тонким сверлом просверливали дырку, чтобы определить необходимую толщину. После выполнения черновой заготовки на костре кипятилось большое количество воды, одновременно в огне нагревались большие камни. Носовую и кормовую часть будущего бата перевязывали веревкой.

По готовности заливали вовнутрь заготовки кипятком и закладывали туда горячие камни. Кроме того, снаружи заготовку обливали горячей водой, сверху закрывали ветошью или травой. Когда заготовка распаривалась, наступал самый ответственный момент. Теперь специально заготовленными подпорками надо было расширить верхнюю часть изделия до нужной ширины и высоты стенки, не допустив при этом трещин или сколов. Когда бат признавался готовым начерно, воду и камни убирали и приступали к чистовой обработке. Работали два-три человека в течение нескольких дней. Готовый бат проверяли на речке «на валкость», то есть на устойчивость на воде.

Плавание на бату требовало от рыбаков и охотников определённой сноровки, умения толкаться шестом и управлять его ходом. В кормовой части обычно стоял опытный «батовщик». Зачастую люди, не умевшие плавать на бату, переворачивались во время хода. В ряде случаев они погибали. Для «хождения» на бату применялись шесты длиной до четырёх метров и деревянные весла.

О собачьих упряжках. Большинство жителей Кавалерского и многие из Усть-Большерецка, Начилова, Апачи и других сёл держали ездовых собак. Зимой на них возили грузы, дрова из леса, сено, корм для собак. Местное начальство зимой, как правило, тоже пользовалось этим видом транспорта. Летом собак держали вдали от села в глухих протоках, на цепи. Учитывая, что рыбы было в изобилии, её один-два раза в неделю привозили на корм собакам. Часть рыбы (обычно горбушу или кету) бросали рядом в протоку, чтобы собаки могли сами достать её.

Во время хода лосося (горбуши) у берегов рек и проток рыли ямы глубиной два метра, обставляли их стены травой и прямо с батов пиками бросали в них рыбу. Когда яма заполнялась, сверху её закрывали толстым слоем травы и засыпали землей. Обычно в одну яму заготавливали от трёх до пяти тысяч штук рыб. Запасали рыбу из расчёта тысяча штук на одну собаку, с запасом, ибо зачастую эти ямы разрывали медведи. В яме рыба закисала, слеживалась. Зимой, когда её перевозили на специальных «дровнях», вонь стояла такая, что её можно было уловить за многие десятки метров.

Кроме «кислой» рыбы готовили юколу из расчёта двести штук на одну собаку. Охотники зимой в своих угодьях, помимо юколы, в специальных деревянных «шайбах» закладывали и морозили осеннего кижуча, которого ловили крючками (мариками).

Каждый хозяин постоянно заботился о своих ездовых собаках, старался отбирать лучших особей, от хороших самок. В вожак выбирали самую лучшую. Имена собакам давались разные. К примеру, мой дядька Иван Николаевич Селиванов во время войны дал своим собакам имена гитлеровских главарей. Его ездовую упряжку составили «Гитлер», «Гейбельс», «Геринг», «Фашист», «Немец» и другие. Эта упряжка считалась одной из лучших в селе.

Как правило, самцов кастрировали. Это делали опытные старожилы (без какого-либо образования). Помимо кастрации, отдельным собакам обрезали хвосты. Эта болезненная операция производилась только летом, для того чтобы собаки были наиболее

трудолюбивые, не гулящие. Тем особям, которые зимой мочились из-под себя, тоже отрезали хвост.

Об охоте. Мой отец, Георгий Михайлович Коллегов, сколько я его помню, всегда занимался охотой и рыбалкой. Своё ремесло он знал очень и очень хорошо. К зимней охоте готовились тщательно. Мать шила из брезента палатку, которую зимой топили сборным камином, состоявшим из шести труб. Кукуль из оленьих шкур — обязательная вещь для охотника. Шили торбаса, бродни, камлейку (белый халат), чижи, рукавицы из оленьих шкур и утеплённого материала. В качестве головного убора шили шапку-ушанку и малахай.

За четыре-пять дней до отъезда мама сушила сухари; в отдельные мешочки складывала сахар, муку, чай (обычно плиточный), соль, сухой лук, картошку, куски соленого медвежьего жира или топленый жир в банке, свечи, чистое тёплое бельё. В более поздние годы (1950-е) брали с собой колбасу, сливочное масло, конфеты, печенье.

Отец готовил капканы на соболя, лисиц, выдру, горностая, петли на зайца. Помимо винтовки, он обязательно брал дробовое ружье. Патроны для него заряжал сам. Помимо готовых патронов, брал необходимый запас пороха, дроби, капсюлей. Раньше эти охотничьи запасы были в большом дефиците, и мы зачастую дробь готовили сами из свинца, который добывали из винтовочных пуль, собранных на военном стрельбище (рядом с Большерецком некогда стояли пехотный и артиллерийский полки).

Накануне перед отъездом отец укладывал в нарту необходимый запас юколы, всё охотничье снаряжение и продукты. Уезжал на собачьей упряжке утром на рассвете. Охотники, как правило, отправлялись на промысел рано утром на рассвете, чтобы никто не мог «перейти» им дорогу.

Уезжали в конце ноября, когда замерзали реки. Обычно охотники отправлялись в угодье по двое, редко по одному. За каждым закреплялись участки, на которых они занимались промыслом зверя. По прибытию на место охотники делали «шайбы» и заготовливали осеннего кижуча на зиму для собственного пропитания и прокорма собак.

Первый выезд на охоту длился полтора-два месяца. К Новому году охотники возвращались домой, чтобы подготовить добытого пушного зверя для сдачи в заготовочный пункт. С охоты отец привозил, помимо пушнины, уток, молодых лебедей, мясо барана или оленя.

Я хорошо помню, как наша семья ожидала его приезда. Обычно это случалось вечером или поздно ночью. Наши домашние собаки давали знать, что отец скоро придет: они лаяли и вели себя необычно. После Нового года в нашем доме в Усть-Большерецке собирались охотники из Кавалерского, Апачи, Явино, Большерецкого совхоза. В долгие зимние вечера они делились своими достижениями, рассказывали, как промыслили соболя, лис и других зверей. Эти охотничьи рассказы были интересны, и мы, пацаны, с удовольствием их слушали.

После Нового года, 10—15 января, охотники разъезжались на свои угодья, теперь уже до 10—15 марта (после 15 марта охота на пушного зверя запрещалась). Охотничье угодье моего отца располагалось в районе сопки Ипельки — реки Толмачевки, здесь сейчас стоит гидроэлектростанция. Охотники строго соблюдали границы промысла, и если кто-то добыл зверя в чужом угодье, то он сообщал об этом хозяину.

Каждый охотник вёл учёт зверя в своём угодье, бил только разрешённое количество, ничего лишнего не брал, оставлял зверей для размножения. Многочисленных оленей и баранов промыслили для собственных нужд и не более. На медведя охотились круглый год, его тоже было много. Самым ценным пушным зверем считался соболь, количество разрешённых к отстрелу соболей устанавливалось в зависимости от их численности.

Камчадалские слова и выражения, которые мы слышали от своих родителей, родственников и знакомых.

Ака-ках — возглас от нечаянного прикосновения к горячему.

Бардовать — баловать.

Бродни — торбаса, но с более длинными голенищами, примерно как длина резиновых болотных сапог. Изготавливались из оленьей и медвежьей шкур. Шили торбаса

и бродни, как правило, женщины-камчадалки, реже мужчины. Работа эта была трудоёмкой. Вначале шкуры оленя или медведя на несколько дней закладывали в бочку с водой или просто в речку, после чего шерсть легко отделялась от шкуры. Шкуру оленя обычно пропитывали (красили) подручными материалами, чаще всего корой ольхи, которую помещали на несколько дней в деревянное корыто с водой. Потом добавляли сажу, древесные угли, использованную воду от точила. Шкура становилась тёмно-красной или тёмно-бордовой, затем её вытягивали для просушки. Потом в специальной деревянной «вялке» шкуру мяли до тех пор, пока она не становилась пригодной и лёгкой для шитья.

Выкунял — поправился после болезни, был бедным, стал справным.

Высподе — внутри.

Вялка (мялка) — деревянное продолговатое корыто. Внутри вялки на определённом расстоянии имелись утолщения. Сверху одним концом по рельефу корыта крепилась деревянная «колотушка» — дубина с утолщениями.

Досадливый — вредный, злой.

Досаждать — злить.

Доспеть — успеть сделать.

Дикоплеший, дикостина — дурачок.

Диковаться, деганиться — издеваться.

Жилковать — изготавливать нити из сушёных жил оленя, медведя.

Жулькать — полоскать.

Затуторить — спрятать куда-нибудь вещи и забыть.

Затвердел — сделал важный, независимый вид.

Зашеровкались (руки) — покрылись цыпками.

Здор (здорки) — варёный олений жир, жирное мясо, мозги.

Изпухратить — испортить.

Иновот, дави — недавно.

Калига — убогий, урод.

Карпежить — заниматься любовью.

Кирижа — блюдо из перемешанной вареной рыбы, жира и шикши.

Лемешина — смесь истёртого табака с золой чаги. Старые камчадалы вместо курения закладывали лемешину за губу.

Мацка — ласковое обращение к молодой женщине, девушке.

Нажирить — бродни и торбаса смазывали медвежьим жиром, иногда топлёным. Поэтому эта обувь не намокала и не протекала.

Накладывать гольцов — фаршировать.

Наянивать — надоедать.

Обезжирить — зимой охотники добывали лисиц, у которых часто имелся большой подкожный слой жира. При снятии шкуры на ней оставалась часть жира, а мех от прикосновения рук лоснился. Такие шкуры госпромхоз не принимал. Чтобы привести мех в надлежащий вид, применялись хлебные отруби, зола и другие средства. По этой причине охотники не любили промыслять лис, но им давали на них план добычи, они должны были его выполнять.

Отерпли (ноги, руки) — затекли.

Охитить — очистить.

Парчонка — лёгкая меховая одежда из одинарной шкуры, удобная для работы.

Пежить — душить.

Пелйговать — долго держать в руках какую-либо вещь, бесцельно играть ею.

Переножить — по свежему снегу на лыжах ходить на зверя (лис, соболя).

Пластать — разделывать (рыбу).

Прелый — нерадивый человек, по своей вине бедный, пребывающий в долгах.

Прикопотки — лёгкие ватные чулки, носимые летом с торбазами.

Пузанки — мелкие гольцы («тысячники»), сваренные вместе с потрохами.

Рыба заюхалилась — подвялилась.

Сельница — деревянное корыто для приготовления рыбного фарша методом битья с помощью толкушки.

Славно стало поегаживать — лёгкое опьянение, наступившее после употребления одной-двух рюмок спиртного.

Сопки захохотали — горы, сопки заволокло тучами перед ненастьем.

Сноравливать — помогать, поддерживать что-либо в удобном положении.

Съездить обиденно — съездить куда-либо в один день.

Тихтер — мука, приготовленная в кипящем медвежьем жиру.

Торкнуть (торнуть) — легко ударить, толкнуть.

Трудунушка — сумочка для хранения иголок, ниток, наперстков.

Турушить — повторять одно и тоже несколько раз.

Утушматился — устал.

Учу-чух — возглас от нечаянного прикосновения к холодному.

Ушлый — хитрый.

Ушурки — выжарки от топлёного жира.

Фиряться — огрызаться.

Ханайка — самка горбуши в брачном наряде.

Чижи — тёплые меховые чулки, обычно носимые зимой вместе с камусными торбазами.

Юхала — немного подвяленная, а потом варёная рыба, употребляемая вместе с медвежьим жиром.

А вот как Александр Карпович Уваров из села Апача учил своего младшего брата с девками «обращача»: «Ты, Ванька, не умеешь с девками обращача. Надо к ним сначала ласкача, обнимача, а потом уже целовача. А ты сразу лезешь целовача».

АРХЕОЛОГИЯ

А. В. ПТАШИНСКИЙ

«ПОГРУЖАЯСЬ В ГЛУБИНЫ ПРОШЛОГО...»

О Николае Николаевиче Дикове (1925—1996) много написано и при жизни и после смерти. Почти сорок лет жизни его выдающиеся открытия и научные результаты связаны с Камчаткой и Чукоткой. Особой заслугой Н. Н. Дикова является обнаружение и исследование нескольких памятников, подобных которым нет на Северо-Востоке до сих пор — Усть-Бельского могильника, Пегтымельских петроглифов, стоянки на острове Врангеля и, конечно, стоянки на берегу Ушковского озера. Для всех археологов, занимающихся древней историей Камчатки, имя Дикова и Ушки связаны неразрывно.

Одним из самых содержательных биографических описаний Н. Н. Дикова является очерк С. П. Рыжова [1]. Он выделяется хотя бы потому, что сам автор неоднократно принимал участие в археологических экспедициях и испытал все «прелести» этой работы.

История жизни Н. Н. Дикова кажется ничем не примечательной, обычной для старшего поколения советских людей. Он родился на Украине в г. Сумы. Во время голода 1931—1932 гг. потерял отца и младшую сестрёнку, через год умерла мама. Воспитывала его сестра матери, которая жила в Ленинграде. Там он отлично учился в обычной и художественной школах. В блокаде он пережил самую тяжёлую, первую зиму, а в августе 1942 г. был эвакуирован в Новосибирскую область. Здесь окончил десятилетку и был призван в Красную Армию. Из-за слабого зрения в действующую армию не попал, служил на тыловых военных предприятиях в Сибири, потом на авторемонтном предприятии в Москве. Там он поступает на заочное отделение исторического факультета Московского государственного университета. Проучившись два года, Николай Николаевич осознал, что историческая наука не даёт ответа на многие вопросы. Некоторое время он колебался, решая, что выбрать — географию или археологию. После раздумий стал студентом Ленинградского государственного университета, который окончил в 1949 г.

Вспоминая это время, Николай Николаевич писал: «Когда я выбирал себе профессию, все эти вопросы об удивительной человеческой сущности, о смысле жизни волновали меня. Мне казалось, что именно археология, изучение человеческого прошлого, поможет мне разобраться в них. Мне казалось тогда, теперь я в этом просто убеждён, что археология больше, чем какая-либо другая наука, способна проникнуть вглубь веков и объяснить “чудо” нашего бытия. Эта наука при глубоком философском подходе к ней способна утолить жажду к подобного рода познанию» [2, с. 9].

Годы учёбы были наполнены не только лекциями, но и экспедициями, руководителями которых были такие выдающиеся учёные, как Б. Б. Пиотровский, А. П. Окладников, М. Е. Массой. Их география очень широка: Южный Туркменистан, Сибирь, Приморский край. Он принимал участие в раскопках урартской крепости Камир-Блур в Армении, в Бурят-Монгольской и Ангарской экспедициях.

Окончив аспирантуру в 1953 г., Н. Н. Диков защищает кандидатскую диссертацию по теме «Бронзовый век Забайкалья». В 1955 г. он принимает судьбоносное решение и, оставив Ленинград, уезжает в Анадырь на должность директора небольшого окружного краеведческого музея. Таким образом, Николай Николаевич навсегда связал свою судьбу с Северо-Востоком, его людьми и историей.

Благодаря энтузиазму Н. Н. Дикова уже в 1958 г. вышел в свет первый выпуск «Записок Чукотского краеведческого музея». Одна из его статей в этом сборнике заканчивается словами: «Современник! Будь молод и, даже изучая прошлое, погружаясь в его глубины, думай о будущем, смотри далеко вперед». Этот призыв несколько не устарел и актуален по-прежнему.

В 1960 г. Н. Н. Дикову предложили возглавить лабораторию истории и этнографии в только что созданном Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте в Магадане. В поле его деятельности оказалась огромная территория: Магаданская и Камчатская области с Чукотским и Корякским национальными округами соответственно. Уже в 1961 г. он организовал первую экспедицию на Камчатку. Её цель была сформулирована следующим образом: исследовать поздние неолитические памятники предков ительменов и коряков и найти более ранние стоянки. Н. Н. Диков был уверен, что они есть и он сможет их найти. Основной маршрут проходил по реке Камчатке, крупнейшей реке полуострова. В результате было обнаружено более пятидесяти стоянок, в том числе и на берегу Ушковского озера.

Раскопки на стоянке Ушки I, 1979 г. (ОФ 33882/16)

На Ушковское озеро, по его словам, Н. Н. Дикова привели сведения о находках древних медных монет на его берегах [3, с. 96]. Возможно, ему были известны и сведения П. Т. Новограбленова: «В двух с половиной километрах от Каменки расположено Ушковское озеро, на берегу которого часто встречаются любопытные орудия каменного века. Мальчик Е. Куликов помог мне набрать для Камчатского музея небольшую коллекцию из наконечников стрел, топориков, скребков и шил, неожиданно оказавшихся у мальчиков Каменки. Ребята бегают на озеро и подбирают “громовые стрелы” для своих игр» [4, с. 23]. Не к этим ли находкам относился упоминаемый Николаем Николаевичем единственный беспаспортный карандашевидный нуклеус (ядрище, с которого скалывались ножевидные пластины), давно хранившийся в Петропавловском музее [4, с. 74]?

Более тридцати лет Н. Н. Диков проводил раскопки комплекса Ушковских памятников. Среди находок на Ушках, характерных для древнеительменской культуры, выделялись изделия значительно более раннего времени. Дальнейшие исследования выявили уникальные культурные слои, возраст которых около одиннадцати и четырнадцати тысяч лет. Площадь исследованной части составляет более 5 000 кв. м. Этот многослойный памятник имеет четкую стратиграфию, которая является опорной не только для Камчатки, но и для сопредельных территорий. Аналогов этому памятнику до сих пор на Северо-Востоке не обнаружено.

На основании многолетних раскопок Н. Н. Диков выделил раннюю и позднюю ушковские палеолитические культуры. Ранняя представлена материалами седьмого слоя, в котором были выявлены остатки больших наземных жилищ с очагами. В этом

слое было обнаружено палеолитическое погребение, засыпанное красной охрой, в котором находились бусы, подвески, резцы и проколки. Наиболее примечательными орудиями этой культуры являются черешковые наконечники. Данный комплекс, возраст которого 13—14 тыс. лет, уникален, ему нет аналогов среди известных палеолитических культур Сибири и Дальнего Востока, он и сейчас привлекает внимание многих исследователей и является предметом активных дискуссий.

Поздняя ушковская палеолитическая культура датируется десятым-двенадцатым тысячелетием. В шестом слое стоянки Ушки I обнаружено около сорока округлых в плане жилищ, в том числе углублённые с коридорообразным входом и очагами, обложенными валунами. В одном из них найдено погребение охотничьей собаки, в двух других — могильные ямы с детскими захоронениями. В очагах сохранились косточки лососевых рыб, фрагменты костей птиц и животных, а вокруг жилищ — кости бизонов и лошадей.

К сожалению, этот уникальный памятник не паспортизирован до сих пор и органы охраны памятников культурного наследия не предпринимают никаких действий для сохранения стоянки, имеющей огромное значение для изучения древней истории Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки.

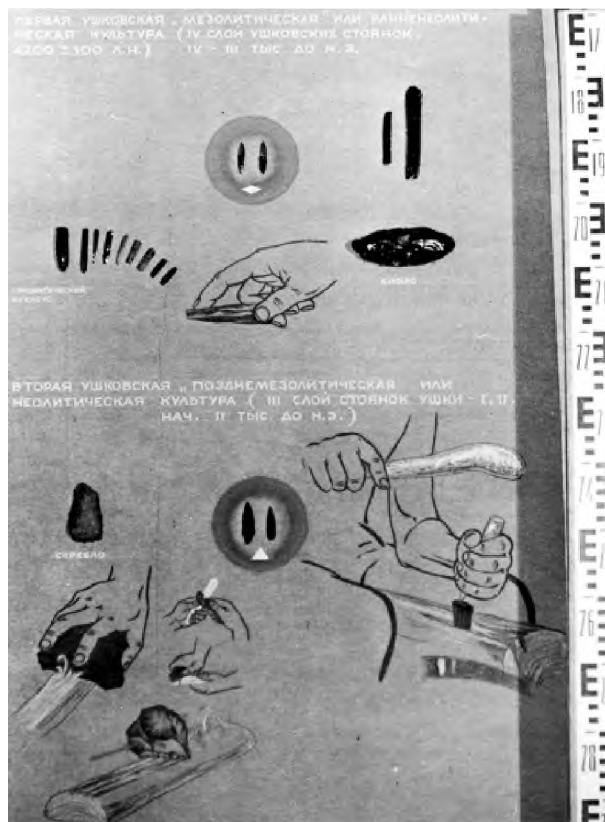
Многие факты из жизни выдающего исследователя древней истории Северо-Востока иллюстрируют материалы и документы, которые хранятся в фондах Камчатского краевого объединённого музея.

В апреле 1984 г. Николай Николаевич передал коллекцию из раскопок Ушковской стоянки для создающейся новой постоянной экспозиции Камчатского областного краеведческого музея. Она записана под номерами ОФ 31230 и ОФ 31231. В её составе предметы, относящиеся к седьмому слою — три черешковых наконечника, два ножа, семнадцать бусинок, четыре сверла-провёртки. К шестому слою относятся клиновидные нуклеусы, лыжевидные сколы, микропластинки, скребки и бифасы. Эти наиболее выразительные предметы до сих пор являются основой раздела экспозиции о древнейшем прошлом Камчатки периода верхнего палеолита и неолита.

Впоследствии фондовая коллекция была дополнена предметами и документами о жизни и деятельности Н. Н. Дикова, переданными М. А. Диковой (Кирьяк) (ОФ 33882 и ОФ 35012). Один уникальный предмет из этой археологической коллекции — плитка с точечным календарём из шестого слоя подробно описана и опубликована (ОФ 35013/26) [5].

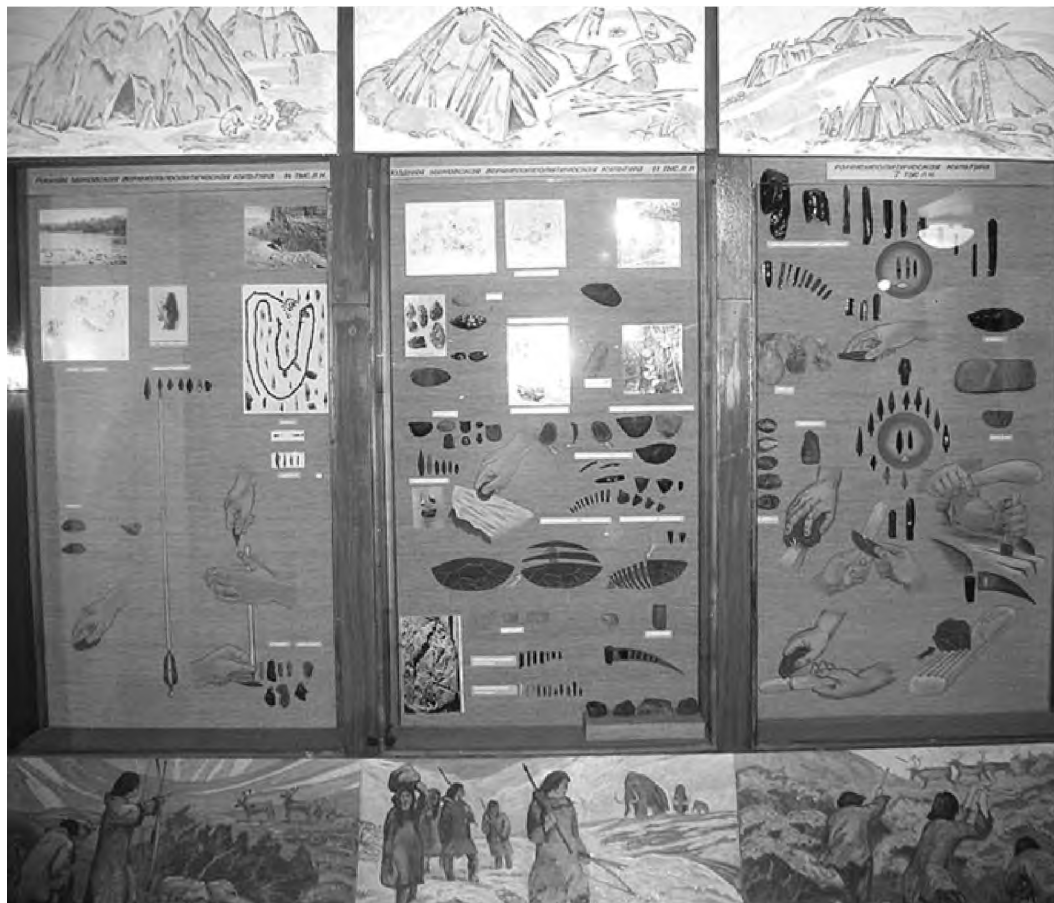
О научном росте Н. Н. Дикова свидетельствуют документы: дипломы кандидата исторических наук МК-ИТ № 000216 от 4 января 1954 г. и доктора исторических наук МИТ № 001364 от 7 июля 1972 г., аттестаты старшего научного сотрудника по специальности «Археология» МСН № 011543 от 11 июля 1963 г. (ОФ 33882/2—4). В 1979 г. он избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1990 г. получил звание профессора.

В фондах музея хранятся нагрудные знаки к диплому о высшем образовании Ленинградского государственного университета, «Жителю блокадного Ленинграда», «Победителю социалистического соревнования 1973 г.», «Активному участнику смотра памятников истории советского общества», настольная медаль «Смотр памятников советского общества» (ОФ 34099—34103).

Стенд в экспозиции Камчатского областного краеведческого музея, посвящённый неолиту Камчатки, 1985 г.

В юбилейные и праздничные дни Николай Николаевич принимал много поздравлений от друзей и коллег. В фондах музея хранятся приветственные открытки и телеграммы разных лет с добрыми пожеланиями, подписанные академиками Г. Б. Еляковым, Н. А. Шиловым, Г. М. Бонгард-Левиным, А. П. Деревянко, Н. Н. Воронцовым и В. И. Молодиным, А. И. Мартыновым, О. А. Шубиной, В. А. Ушкаловым, сотрудниками Магаданского пединститута, Корякского окружного института усовершенствования учителей.

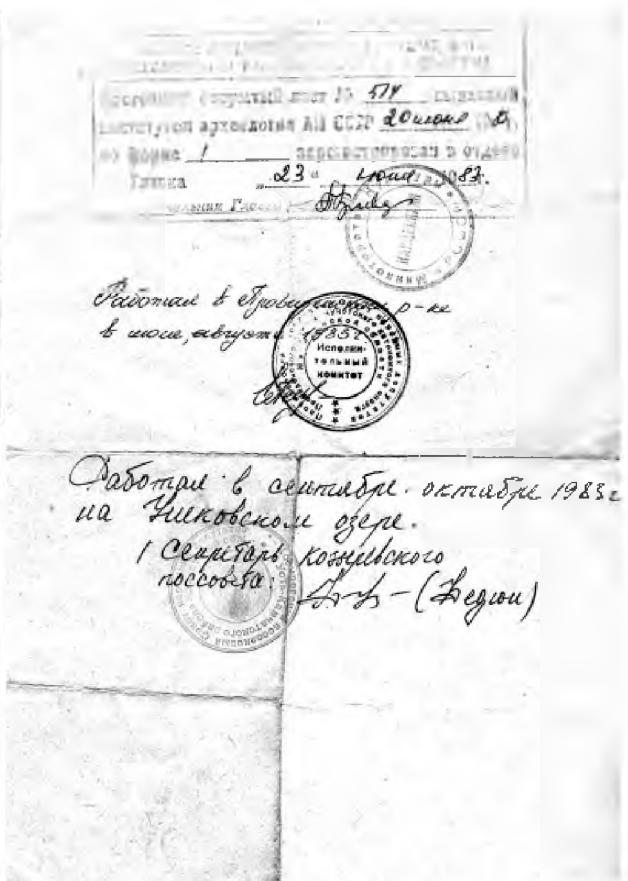
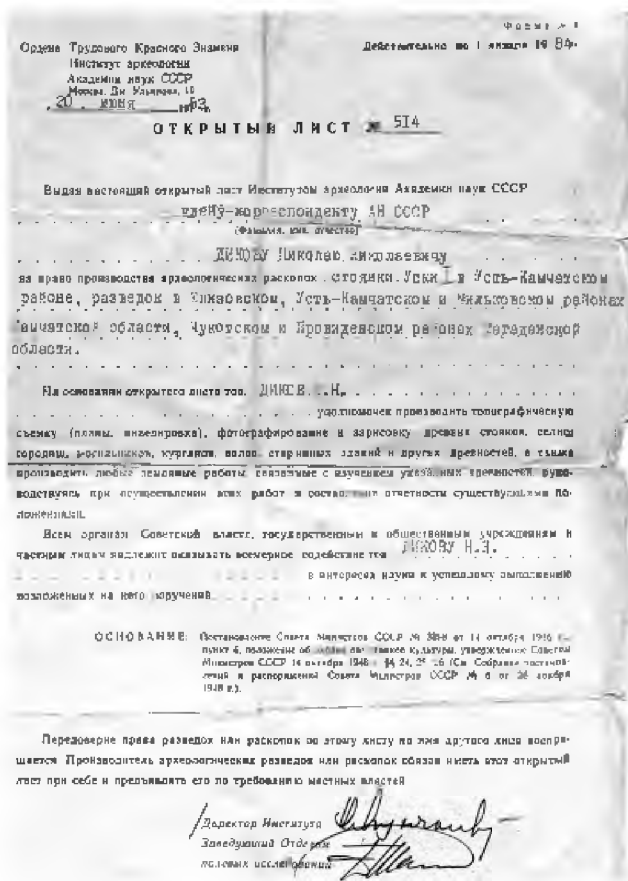
Часть современной экспозиции КГУ ККОМ

Когда на Чукотке выпадал первый снег, и работать становилось невозможно, Н. Н. Диков приезжал на Камчатку. Напряжённость его работы хорошо иллюстрирует открытый лист № 514 от 20 июня 1983 г. (ОФ 3882/1). Он зарегистрирован в Провиденском исполкоме Магаданской области (июль-август) и в Козыревском поссовете Усть-Камчатского района Камчатской области (сентябрь-октябрь).

На фотографиях запечатлены моменты экспедиционных будней на Камчатке, Чукотке, Командорах; активная общественная и научная деятельность. Николай Николаевич являлся членом президиума ДВО РАН, национального комитета историков, Тихоокеанской научной ассоциации, входил в состав диссертационного совета при институте археологии, истории и этнографии ДВО РАН и Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

Личных фотографий немного. Они относятся к редким летним отпускам в 1980-е гг. Среди них только одна домашняя с любимым фокстерьером Зимкой.

Раскопки на Ушках часто посещали журналисты, писатели, учёные, туристы, краеведы, военные и местные жители. Один из них, Федор Греченин, вспоминает о встрече с Николаем Николаевичем в 1971 г.: «Надо отметить, что Диков отнесся к нам, казалось бы, простым путешественникам со стороны, с исключительной добротой и уважением, увлечённо рассказал нам о своей работе. И мы, в свою очередь, благодарим за экскурсию и показали наши находки среза берега реки Никулки — зуб от мамонта и рог бизона» [6, с. 4].

Открытый лист Н. Н. Дикова за 1983 г. (ОФ 33882/15)

Начавшаяся перестройка и расширение контактов с зарубежными коллегами привели к необходимости углубления знаний английского языка. Удостоверение Санкт-Петербургской организации общества «Знание» России от 18 декабря 1992 г. свидетельствует о том, что Н. Н. Диков окончил курсы интенсивного английского языка (ОФ 33882/5).

Среди публикаций Н. Н. Дикова в 1980-е и в начале 1990-х гг. исключительно важное место занимает небольшая, но очень ёмкая работа «Новый концептуальный подход к истории советского общества» (ГИ 30758). В ней подводятся итоги предыдущим публикациям автора и предлагается своё решение проблемы периодизации советской истории на основе материалистической методологии [7, с. 9]. В размышлениях и о древней, и о новейшей истории Н. Н. Диков старался придерживаться строгого логичного требования, которым он считал единство критерия для выделения этапов периодизации истории человечества.

Наиболее полный библиографический список Н. Н. Дикова и литературы о нём на март 1995 г. был составлен Магаданской областной универсальной библиотекой имени А. С. Пушкина. Этот список содержит 245 авторских и отрецензированных работ, 29 статей на иностранных языках (английский, французский), 57 интервью и статей о самом Н. Н. Дикове (ОФ 31454). Другой список печатных работ составлен А. И. Лебединцевым в 2001 г. Он включает в себя 187 наименований на русском и иностранных языках [8]. В фондах музея хранятся несколько книг с автографами Николая Николаевича, в том числе, его первая, изданная в Магадане, — «По следам древних костров».

На протяжении всей жизни он с большим вниманием относился к важным вопросам охраны памятников и популяризации древней истории. Результаты первых экспедиций по Анадырю и Майну, раскопки Уэленского могильника положили начало формированию археологической коллекции Чукотского окружного краеведческого музея, насчитывающей более полутора тысяч предметов. В Магадане Н. Н. Диков создал раздел археологии в музее естественной истории Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ).

В 2000 г. в Магадане состоялась первая конференция, посвящённая его памяти, — Диковские чтения, ставшие регулярными. В 2001 г. в Камчатском областном краеведческом

музее была организована выставка «Памяти Николая Николаевича Дикова». На пяти планшетах и в двух витринах было представлено 75 экспонатов, в основном из фондов музея. Часть наиболее ценных предметов — государственные награды Н. Н. Дикова — была принята на временное хранение. За вклад в развитие науки и подготовку научных кадров Н. Н. Диков был награждён орденами «Знак Почёта» и «Красного Знамени». Его первой наградой была медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Информативность и содержательность выставки были отмечены Д. Л. Бродянским, известным дальневосточным археологом [9, с. 6]. Американский исследователь Д. Йеснер оставил в книге отзывов запись, в которой даёт высокую оценку экспозиции и «замечательным предметам археологии, этнографии и истории Камчатки».

С любимцем Зимкой, 1975 г.
(ОФ 33882/12)

Н. Н. Диков в музее СВКНИИ ДВНЦ АН СССР,
1981 г. (ОФ 33882/14)

К 80-летию учёного была организована международная научная конференция, начавшаяся в Магадане и продолженная в Петропавловске-Камчатском и на Ушках. Время идёт, наука движется вперёд. Это вполне закономерно. Какие-то выводы и предположения Н. Н. Дикова будут уточняться и развиваться, периодизация будет становиться детальнее, культурно-хронологическая картина Северо-Восточной Азии — более насыщенной. Юбилейный год для Ушков совпал с другой, печальной датой — уже пятнадцать лет, как с нами нет Николая Николаевича. Но с каждым годом становится всё яснее: кто бы ни работал на Ушках сейчас или в будущем, достичь результатов, полученных Н. Н. Диковым, не удастся. Для всех исследователей они будут точкой отсчёта, «репером» археологии Северо-Востока России.

Камчатский краевой объединённый музей экспонирует уникальные находки и хранит документы Н. Н. Дикова, а сами Ушки являются настоящим памятником этому выдающемуся учёному и исследователю.

ИСТОЧНИКИ

1. Рыжов С. Мосты познания // Время. События. Люди: Исторические очерки о тружениках Колымы и Чукотки. 1959—1970 гг. — Магадан, 1983. — С. 96—117.
2. Диков Н. Н. По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке. — Магадан, 1960. — С. 9.
3. Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Пятнадцать тысяч лет истории. — Магадан, 1969. — С. 96.

4. *Новограбленов П. Т.* Путешествие к вулкану Анаун в срединном Камчатском хребте в 1929 году // Труды Тихоокеанского комитета. — Ленинград, 1932.

5. *Ларичев В. Е., Кирьяк М. А.* Древнекаменный век Северной Азии: дальневосточное время (лунно-солнечная календарная система ушковской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та арх-ии и этн-ии СО РАН, 2002. — С. 30—138.; *Дикова М. А.* Символика в погребальной обрядности и искусстве ушковского палеолита (Камчатка) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. 1. — М.: ИА РАН, 2008. — С. 57—60.

6. *Греченин Ф.* В поисках древних костров // Камчатская Новая книга. Литературная газета. — 2007. — 28 сент. — № 5.

7. *Гоголева Т. Ю. Н. Н. Диков* как методолог истории // Северная Пацифика. Культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы Международной научной конференции «По следам древних костров...» — Магадан, 2005. — С. 9.

8. Список печатных работ Н. Н. Дикова / Сост. А. И. Лебединцев // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н. Н. Дикова. — Магадан, 2001. — С. 17—33.

9. *Бродянский Д. Л.* Легендарный Николай Николаевич // Северная Пацифика. Культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы Международной научной конференции «По следам древних костров...» — Магадан, 2005. — С. 6.

А. А. ОРЕХОВ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КИТОВОГО УСА ДРЕВНЕЭСКИМОССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КИВАК (ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКАЯ КУЛЬТУРА)

Исследование древнеэскимосских культур, продолжающееся уже более двухсот лет, направлено на решение ряда проблем: этногенеза и культурогенеза, успешной адаптации человека в экстремальных условиях Севера, приморской адаптации и формирования приморской эколого-экономической системы, приморских культур, их модернизаций и трансформаций.

Их решению в значительной степени способствовали исследования отечественных и зарубежных археологов и этнографов: С. И. Руденко (1947), Д. А. Сергеева и С. А. Арутюнова (1969, 1975), Н. Н. Дикова (1977, 1979, 1993), И. И. Крупника (1989), А. А. Орехова (2007, 2008), Э. Нельсона (1890), Г. Коллинза (1964), Г. Гиддингса (1967, 1986), Д. Ларсена и Ф. Райни (1948), Г. Г. Банди (1969), Д. Д. Андерсона (1984), Д. В. Кларка (1984), Д. Дюмона (1987, 1994).

Вместе с тем до настоящего времени значительная часть проблем всё ещё полностью не решена. Поскольку исследовались в основном погребения могильников, характеристика жилищных и околожилищных экономических и бытовых комплексов оставалась недостаточной. Задача системного и массового исследования жилищных комплексов Древнеберингоморской культуры не решена и сейчас, поэтому каждое исследование жилищ является продвижением в этом направлении. В этом отношении играют важную роль работы археологического отряда Северо-Восточного государственного университета (СВГУ).

Археологический отряд СВГУ в течение 2006—2008 гг. проводил аварийно-спасательные работы археологических памятников у лагуны Кивак (Провиденский район Чукотского автономного округа) по заказу департамента культуры администрации округа. Их основной целью было исследование разрушаемого волнами, особенно активно в период осенних штормов, участка побережья протяжённостью около двадцати метров.

Здесь частично (40 %) сохранились остатки жилища I полуземляночного типа. В его обнажении зафиксировано два культурных слоя. Первый расположен на глубине 0,8—1,1 м, его мощность составляет 0,2—0,35 м. Он представляет собой коричневую супесь и характеризуется комплексом культуры Пунук. В осыпи обнажения данного культурного слоя найдены характерные для культуры Пунук предметы, что позволяет их соотнести с упомянутым жилищем.

Второй культурный слой, который характеризует Древнеберингоморскую культуру, зафиксирован на глубине 1,55—1,8 м. Мощность его составляет 0,15—0,45 м.

Данный культурный слой представляет собой тёмно-коричневую супесь, пропитанную жиром (ластоногих?), включающую большое количество полос китового уса различного размера. Вероятно, это пол жилища, заглубленного на 1,25 м от древней дневной поверхности. Можно предположить, что данные полосы китового уса являются выстилкой (покрытием) пола с целью тепло- и гидроизоляции, а также, возможно, с гигиенической целью.

Возраст древнеберингоморского слоя жилища $1\ 850\pm 40$ лет был определён радиоуглеродным анализом по углю. Данный возраст позволяет отнести комплекс к самой ранней стадии развития культуры [4—6, 22].

В осыпи культурных слоёв у жилища, а также в результате раскопок остатков жилища было обнаружено большое количество бытовых предметов и орудий охоты, морского промысла, рыболовства, тундрового и прибрежного (приморского) собирательства, керамики. Они преимущественно изготовлены из костей и рогов животных (преобладают изделия из моржового клыка), кожи, дерева, камня (преобладают сланцево-кремнистые породы), глины и китового уса.

В комплексе жилища Древнеберингоморской культуры чрезвычайно многочисленны изделия из китового уса, преимущественно гренландского кита. Численно они составляют 40 % артефактов без учёта пластин полового настила. До настоящего времени должного внимания изделиям из китового уса не уделялось. Основная их часть была найдена исследователями в осыпи культурного слоя древних поселений [14] и поэтому не имеет точной датировки и культурной интерпретации. Этнографически эскимосские изделия из китового уса также немногочисленны [28]. Видимо, древние традиции были во многом утрачены или китовый ус заменён другими материалами для изготовления изделий.

Полоски и плетёные нити из китового уса широко использовались в комплексе орудий морского промысла для связывания и крепления. Нити использовались в качестве пояска для крепления колка в гнезде поворотных наконечников гарпунов. Полосками крепились полозья саней. Полоз саней с остатками такого крепления обнаружен С. И. Руденко на поселении Сирэник. Также полосками китового уса крепились ледовые пики к деревянному древку и острия основания древка гарпуна.

Активно использовался китовый ус при изготовлении охотничьего инвентаря. Особый интерес представляют впервые обнаруженные фрагменты двухсоставных (из двух половин двойных полос) луков из пластин китового уса (рис. 1, поз. 12—14) с обмоткой полосками из китового уса в верхней, средней и нижней частях. Половины луков скреплялись костяной пластиной в центре (рис. 1, поз. 12).

В комплексе представлены полосы китового уса с заострёнными концами (по этнографическим данным для охоты на волков?). Похожую, но связанную пластину Нельсон определяет как игрушку.

В охотничьем комплексе полоски китового уса использовались в качестве обмотки рукоятей мужских ножей для крепления острия (рис. 2, поз. 4). Также такие полоски применялись для крепления наконечника и оперения древков стрел (рис. 2, поз. 2, 3). Полосками китового уса обматывали простые луки для придания прочности (рис. 2, поз. 8) и сложные луки для соединения пластин и костяных накладок. Плетёные из китового уса верёвки использовали для изготовления морских силков на уток и чаек: к ним привязывали деревянные поплавки. Подобные силки обнаружены С. И. Руденко в обнажении поселения Сирэник. Их крепили по 8—10 штук к одной верёвке, которую натягивали в горловине лагун или в заводях.

Китовый ус использовался и при изготовлении орудий собирательства и домостроительства (для рыхления почвы). Полосками или плетёными верёвками из него крепились костяные или каменные лезвия мотыг или кирок к деревянной или костяной рукояти. В приморском собирательстве, вероятно, применяли лопатки из пластин китового уса для отделения раковин моллюсков от камней.

Китовый ус также широко использовался при изготовлении орудий рыболовства. Из его нитей плели рыболовные сети с боковыми креплениями, также выполненными из пластин китового уса (для ловли лососёвых с размером ячеей 40 на 40 мм, рис. 1, поз. 16). Фрагменты аналогичных сетей с размером ячеей 20 на 20 мм представлены

в фондах Провиденского краеведческого музея (филиал музейного центра «Наследие Чукотки») [7]. Фрагменты подобных сетей найдены С. И. Руденко в осыпи культурного слоя поселения Сирэник. Из таких же нитей изготавливали сети — сачки с размером ячеи 30 на 30 мм с верхним ободом из полос китового уса с обмоткой из полосок китового уса (рис. 1, поз. 15). Такие же сетки — сачки «калю», представлены в фондах Провиденского музея [7]. Из полос китового уса с поперечными переплетениями нитями также из китового уса изготавливали сачки — морды. Конструкции этих орудий рыболовства известны этнографически [28], но делали их из жильных нитей. Плетёные нити китового уса использовались для крепления зубцов (жал) составного рыболовного крючка для зимней рыбалки. Такие рыболовные крючки есть в фондах Провиденского музея. Полосками и нитями китового уса крепились также острия простых и составных острог [14] к деревянному древку.

Широко использовался китовый ус для изготовления бытового инвентаря. Из его пластин делали стенки сосудов диаметром от 25 до 6 см и высотой от 24 до 5 см (рис. 3, поз. 1—3, 5—7). Последние, вероятно, являлись детскими. Стенки сосудов соединялись через прорези прошивкой внахлест двумя полосками из китового уса (рис. 3, поз. 5). Чаще всего сосуды имели деревянные донца и крышки, но известны и донца размерами от 16 на 9 до 10 на 7 см из китового уса (рис. 3, поз. 12). Остатки аналогичных сосудов были найдены в осыпи культурного слоя ряда древнеэскимосских поселений [7, 14]. «Большие сосуды служили для хранения воды, сбора крови, хранения сыпучих материалов, а миниатюрные для хранения мелочей...» [7, с. 111]. Найдены также шесть бордюрных резных украшений для сосудов из китового уса (рис. 3, поз. 4). Встречены также три рукояти сосудов из полос китового уса, оплетённых полосками китового уса (рис. 3, поз. 15).

Из полос китового уса изготавливали также ножи для резки снега (рис. 3, поз. 8). Аналогичные ножи найдены С. И. Руденко на поселении Сирэник [14]. В комплексе представлен также плетёный черпак из полосок китового уса для удаления льда из лунки (рис. 2, поз. 5). Подобные черпаки известны этнографически [28], но изготовлены они из других материалов. В жилище обнаружено четырнадцать связок полос и нитей китового уса (рис. 1, поз. 10), составлявших запас для изготовления орудий. Полоски китового уса использовали для реставрации (связывания через отверстия) деревянного дна сосудов, деревянных и костяных изделий — соединения поломанных деталей.

Встречено большое количество полосок китового уса (58 экз.), которыми, вероятно, скрепляли детали изделий. Пластины китового уса с отверстиями (16 экз.) являлись, вероятно, деталями изделий (рис. 3, поз. 10, 11, 14). Найдены в слое жилища также четыре плетения (игрушки, культовые?) из полос (рис. 3, поз. 13). С. И. Руденко подобные изделия определяет просто как плетёнка. Сходное плетение С. И. Руденко определяет как футляр костяной закрутки [14], которая была обнаружена им при раскопках древнеберингоморского жилища у мыса Чукотского, расположенного в восемнадцати километрах от лагуны Кивак.

В культурном слое жилища и в осыпи обнаружено 45 фигурок рыб (китов?). Исследователи отмечают их ритуальное назначение [14]. Поражает их обилие в комплексе одного жилища. Возможно, помимо ритуального, они имели и утилитарное назначение в качестве приманки при ловле сетями и сачками. Фигурки, вырезанные из тонких пластин китового уса, различаются по форме и размерам. Длина их от 27 до 7,5 см, ширина от 5 до 1 см. Все они обтекаемой формы с одинарным, двойным, реже тройным хвостовым плавником (рис. 1, поз. 1, 3, 4—6, 8). Некоторые с боковыми плавниками (рис. 1, поз. 2, 7). Одна фигурка имеет одиннадцать сквозных отверстий. Возможно, это результат ритуальных действий (более вероятно) или использования как подложки при сверлении. Подобные три фигурки простой формы, определяемые как «рыбы», были обнаружены С. И. Руденко в осыпи культурного слоя древнеберингоморского поселения Сирэник [14]. Одну фигурку с хвостовым и боковыми плавниками нашли при раскопках древнеберингоморского жилища у мыса Чукотского. Условность изображения и большая значимость в экономике охоты на китов позволяют предположить, что это, возможно, их ритуальные фигурки.

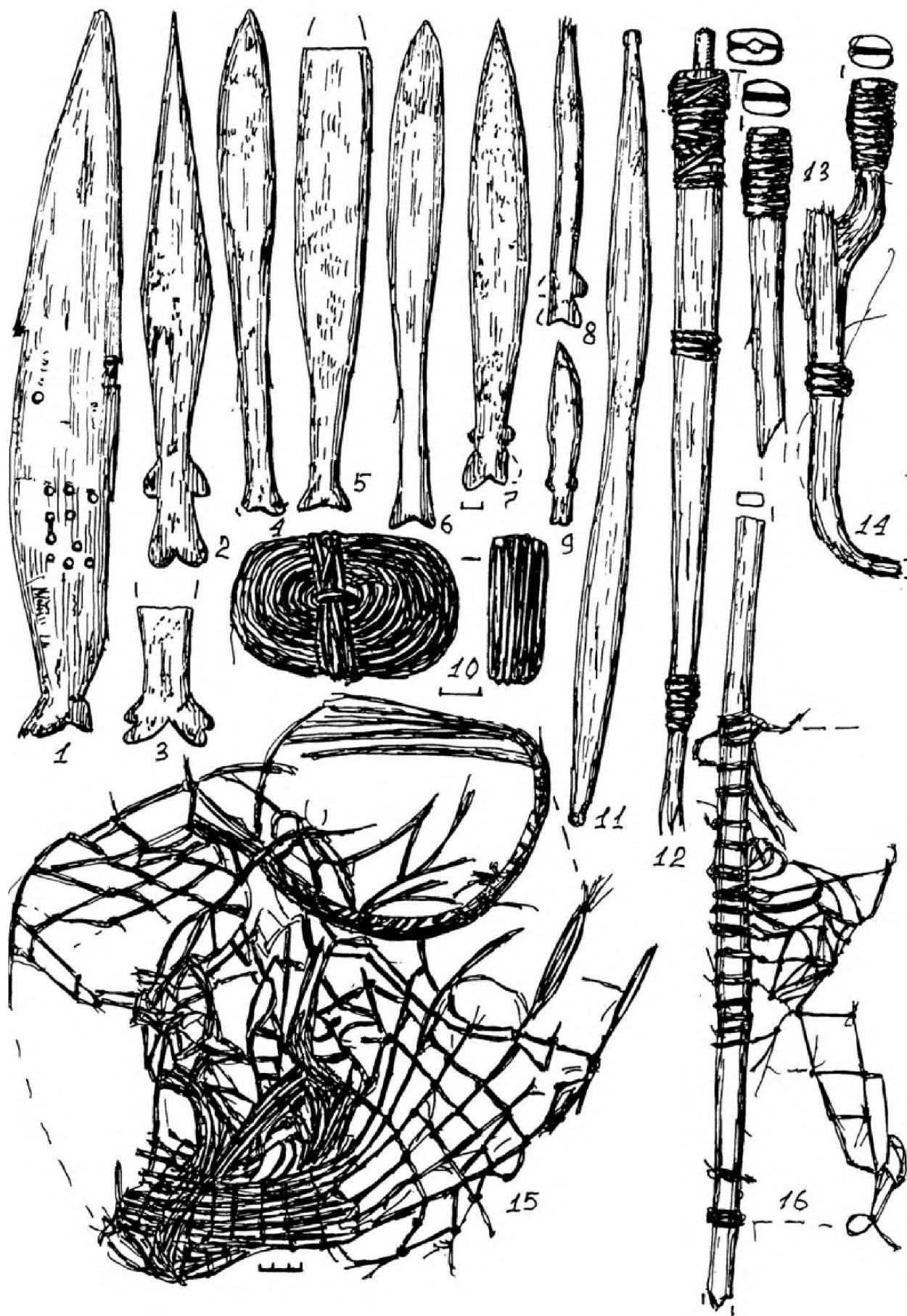

Рис. 1. Подъёмный материал

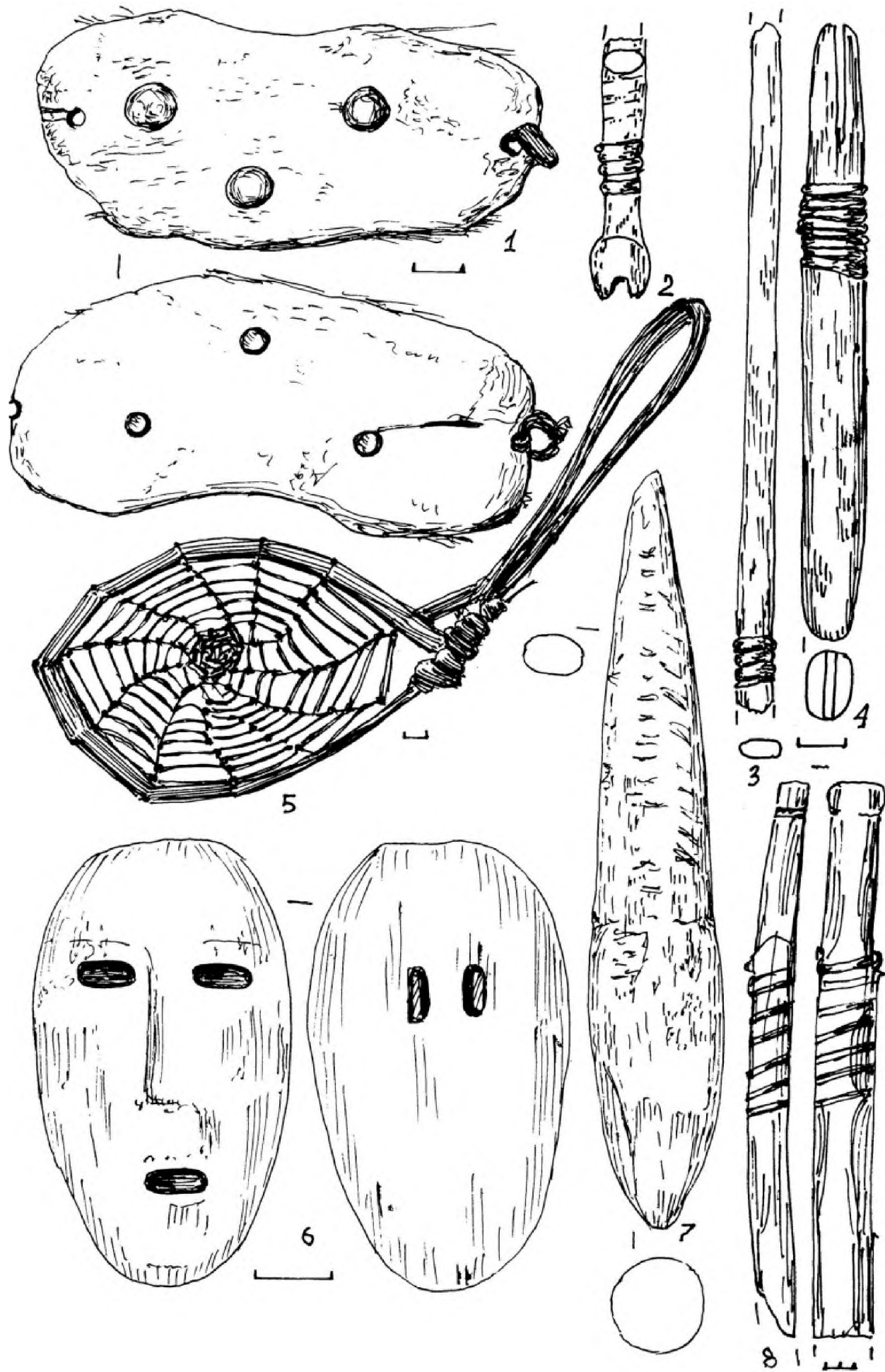

Рис. 2. Подъемный материал

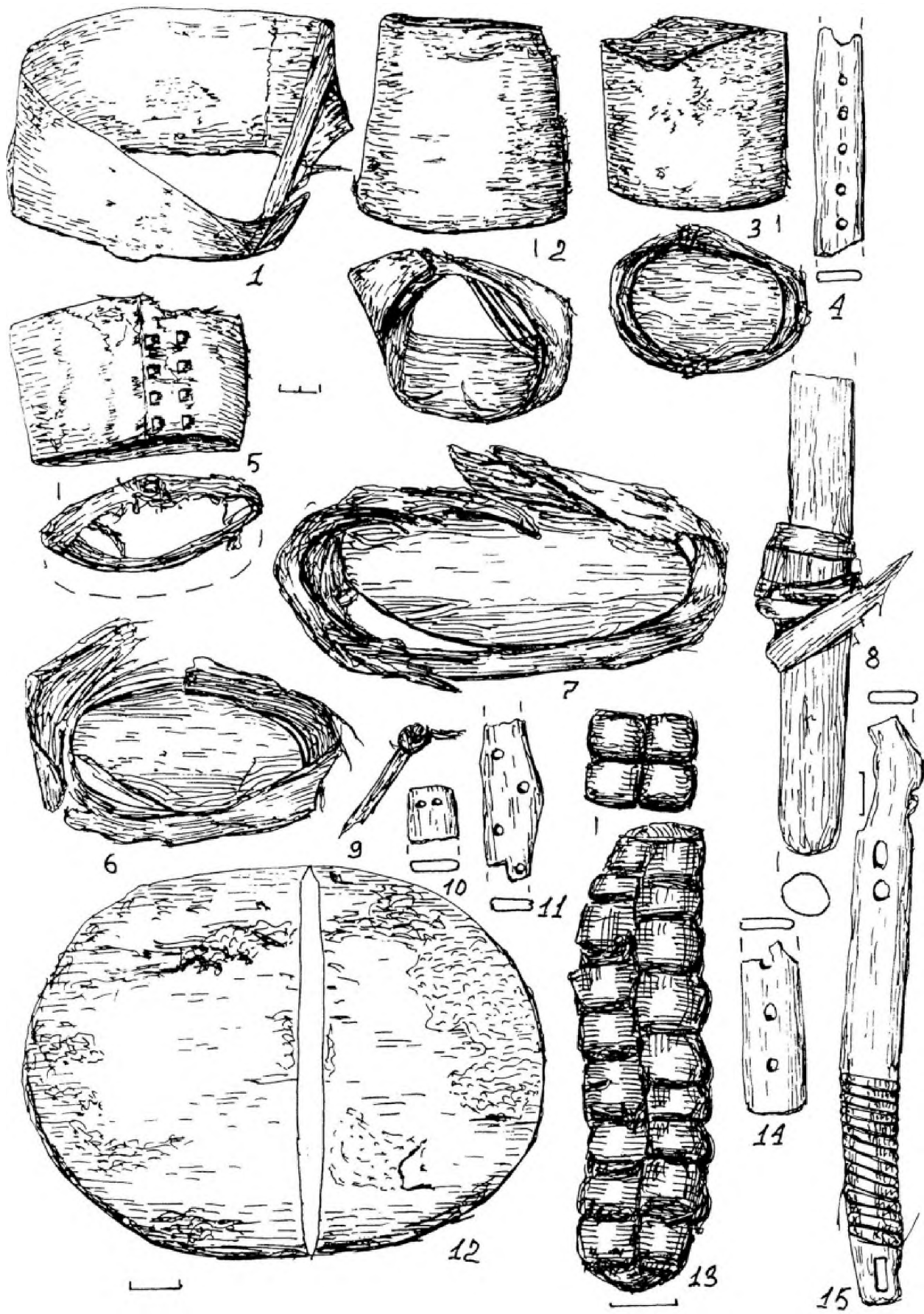

Рис. 3. Подъёмный материал

Из китового уса изготавливали также детские орудия, отличающиеся миниатюрными размерами, и игрушки. Из полос китового уса сделаны детские луки, длина которых от 40 до 20 см, а ширина от 1 до 2 см (рис. 1, поз. 11). Встречено также острие детской остроги из пластины китового уса с четырьмя боковыми зубцами. Из пластин китового уса сделаны два наконечника треугольной формы (3 на 2 и 2,5 на 2 см) детских стрел, которые вставлялись в расщеп деревянного древка. Из пластин китового уса изготовлены пять детских, миниатюрных (15—10 на 1,5—2 см) снежные ножи. Также из пластин китового уса сделаны две детские лопатки с черешком и двумя отверстиями для крепления деревянной рукояти (11—8 на 3—4 см), лопатка с четырьмя прорезями для крепления к деревянной рукояти (6 на 4 см), ложка (12 на 2,5 см). Из пластин китового уса изготовлены также три модели лодок, в одной из которых сделана прорезь для мачты. Возможно, плетения из полос китового уса также являются игрушками.

Китовый ус применялся в изготовлении и использовании средств передвижения. Обнаружено одно опорное кольцо лыжной палки или ледовой пики из полосок и нитей китового уса. Подобные изделия известны этнографически [28], а также обнаружены С. И. Руденко на поселении Сирэник [14]. Из пластин китового уса изготовлены три ледовые подковки для передвижения по льду. Они имеют боковые отверстия для привязывания к обуви нитями из китового уса (в одной подковке сохранились остатки такого крепления) и три костяных шипа из моржового клыка, вставленные в отверстия (рис. 2, поз. 1).

Особенно многочисленны узлы креплений (рис. 3, поз. 9), полоски для крепления и крестообразные связанные детали неопределённых изделий из полос китового уса. Фрагментарность данных изделий не позволяет определить их назначение.

Кивак I — стационарное «зимнее» поселение (поздняя осень — зима — ранняя весна), о чём свидетельствуют орудия зимних видов хозяйственной деятельности.

Стратиграфическая и хронологическая последовательность Древнеберингоморской и Пунук культур на поселении соответствует гипотезе о родственных, но различных носителях этих традиций. При этом морфотипы и технология изготовления изделий из китового уса во многом аналогичны, что может свидетельствовать об их общих истоках или активном взаимодействии. Новые материалы расширяют наши представления и ставят новые вопросы и задачи.

Таким образом, комплекс орудий и изделий из китового уса показывает важное значение этого материала в жизнедеятельности носителей Древнеберингоморской культуры. Анализ данного комплекса как нового источника дал новый интересный материал для реконструкции жизнедеятельности и элементов мировоззрения древнеэскимосского населения. Он позволил дать точную датировку данной традиции.

ИСТОЧНИКИ

1. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). — М.: Наука, 1969. — 204 с.
2. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). — М.: Наука, 1975. — 240 с.
3. Бронштейн М. М., Днепровский К. А., Сухорукова Е. С. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. — Анадырь: Восход, 2007. — 212 с.
4. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. — М.: Наука, 1977. — 391 с.
5. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. — М.: Наука, 1979. — 279 с.
6. Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности. — СПб.: Наука, 1993. — 302 с.
7. Каталог предметов материальной и духовной культуры чукчей и эскимосов Чукотского полуострова (Провиденский краеведческий музей). Служба национальных парков. — Анкоридж, 1999. — 208 с.
8. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.: Л., 1949.
9. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
10. Орехов А. А. Предварительное исследование древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, ЧАО) // Вестник СВГУ. — Вып. 8. — Магадан, 2007. — С. 34—37.

11. *Орехов А. А.* Древнеберингоморский комплекс древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, Чукотский автономный округ) // Берингия — мост дружбы. Материалы международной научной конференции. — Томск, 2008.
12. *Орехов А. А.* Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. — М.: Наука, 1987. — 174 с.
13. *Ринк Хинрик.* Мифы и легенды эскимосов. — М.: Центрполиграф, 2007. — 365 с.
14. *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — Л.: ГУСМП, 1947. — 132 с.
15. *Ackerman Robert E.* The neolithic-bronze age cultures of Asia and the Norton phase of Alaskan prehistory // AA. Vol. 19 (2). 1982. — P. 11—38.
16. *Anderson Douglas D.* Prehistory of North Alaska / Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic Smithsonian Press. Washington DC, 1984. — P. 80—93.
17. *Bandi, Hans-Georg.* Eskimo Prehistory. University of Alaska Press, 1969.
18. *Bogoras W.* The Chukche. N-Y-L. AMNH. 1908.
19. *Clark Donald W.* Prehistory of the Pacific Eskimo Region. Handbook of the American Indians. Vol. 5. Arctic Smithsonian Press. — Washington DC, 1984. — P. 136—147.
20. *Collins H. B.* The Arctic and Subarctic. In: Jennings, Jess D. and Edward Norbeck (Eds.). Prehistoric Man in the New World. — Chicago, 1964.
21. *Dumond D. E.* The Eskimos and Aleuts. Thames and Hudson Ltd., London. 1987. — 180 p.
22. *Dumond D.* The development of human adaptation to the Arctic coast of the North Pacific. Paper presented at the 45th Arctic Science Conference. — Anchorage and Vladivostok, 1994. — 10 p.
23. *Gerlach Craig, Mason Owen K.* Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic // AA. Vol. 29, No. 1. 1992. — P. 54—81.
24. *Giddings, James Louis.* Ancient Man of the Arctic. — New York, 1967.
25. *Giddings J. L., Anderson D. D.* Eskimo and preeskimio settlement around Kotzebue sound, Alaska. Beach ridge archaeology of cape Krusenshtern. NPS. — Washington, 1986. — 386 p. Pl. 174.
26. *Larsen, Helge, Froelich G. Rainy.* Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. AMNH-AP. Vol. 42. — New York, 1948.
27. *Laughlin, William S.* Eskimos and Aleuts: Their Origins and Evolution. Science. Vol. 142. No. 3593. 1963. — P. 633—645.
28. *Nelson E. W.* The Eskimo about Bering Strait // Annual Report of the Bureau of American ethnology. — Washington, 1890. — 518 p.
29. *Workman William B.* Archaeology of the southern Kenai peninsula // AA. Vol. 35, no. 1, pp. 146—159, 1998.
30. *Workman William B., McCartney Allen P.* Coast to coast: prehistoric maritime cultures in the North Pacific // AA. Vol. 35, No. 1, pp. 361—370, 1998.

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО

ИСТОРИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Особенности археологии как науки во многом порождены характером её основных источников, для изучения которых требуются специфические методы и приёмы. Одним из источников служат следы использования и обработки на каменных, костяных, деревянных и иных орудиях древнего человека. Подобные следы являются результатом взаимодействия между материалом орудия и обрабатываемым сырьём, сопровождающимся физико-химическими процессами, приводящими к изменению и материала обработки, и самого орудия. Между формой следов, типом взаимодействующих материалов и видом их взаимодействия существует естественная причинно-следственная связь. Следовательно, на основе знания свойств материала можно определить тип взаимодействия и вид обрабатываемого сырья [1]. Комплексная методика исследования следов износа на древних артефактах получила название экспериментально-трассологического анализа.

Значение таких исследований для постижения древней истории и культуры народов Северо-Восточной Азии проявляется многообразно. Они помогают более полному раскрытию познавательного потенциала археологических источников, определению места конкретного артефакта в древней культуре, максимально достоверной реконструк-

ции особенностей производственной деятельности населения, определению функциональной специализации тех или иных поселенческих объектов.

Основоположником методики трасологического анализа орудий эпохи камня считают профессора С. А. Семёнова, чья монография «Первобытная техника» [2] стала фундаментом развития трасологии в России и за рубежом. Экспериментально-трасологический метод исследования предполагает микроскопическое изучение следов срабатанности на различных изделиях (из камня, кости, бивня) древнего человека. Для выявления подобного рода следов и их анализа в трасологии применяется специальное оборудование (бинокляры, моновидеомикроскопы, металлографические и электронные сканирующие микроскопы) и компьютерные программы. Зафиксировать следы использования в большинстве случаев возможно при 100—400-кратном увеличении, иногда требуется 1 500—2 000 и более кратное увеличение (определение функции орудия, участвовавшего в работе незначительное время). Необходимость точной фиксации и визуализации делает необходимым применение микрофотографии. Особую роль играет работа с коллекцией сравнительных эталонных образцов, создаваемых в результате многочисленных экспериментальных работ.

Экспериментально-трасологическое изучение материалов каменного века региона имеет свою историю и конкретные результаты. Всю почти полувековую историю трасологических исследований материалов Северо-Востока Азии можно условно разделить на два этапа, выделяемых как по степени масштабности, так и по своей глубине (с точки зрения используемой методологии). Первый этап хронологически ограничен концом 1960-х гг. (исследования С. А. Семёнова) — концом 1980-х гг. (исследования Н. А. Кононенко). Второй, берущий начало с 1990-х гг. и продолжающийся по сей день, связан с активизацией применения указанного метода при изучении археологических материалов региона, включением собственно трасологических изысканий в более разноплановые, комплексные исследования древних индустрий Северо-Востока Азиатского континента.

Первый этап. В 1960-е гг. эпизодические исследования выборок артефактов из памятников Северо-Востока Азии проводятся в Институте истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР основателем методики С. А. Семёновым. Они стали возможными благодаря научным контактам исследователя с Н. Н. Диковым и Ю. А. Мочановым.

В конце 1960-х гг. С. А. Семёновым был проведён анализ каменных изделий (более 800 бусин, подвесок и 26 «резцевидных острий») из погребения в VII палеолитическом слое стоянки Ушки I (Центральная Камчатка). Микроскопическое исследование позволило обнаружить на украшениях следы шлифовки, а также износа на одной из плоскостей. Подобный характер следов свидетельствовал о том, что бусины пришивались к одежде, являясь своеобразными остатками одежды погребённого. Кроме того, на всех бусинах возле их отверстий были выявлены следы стёртости от привязки. По мнению Н. Н. Дикова, подобный характер изнашивания говорил о пришивании бусин к одежде плашмя.

«Резцевидные острия» из погребения были определены как сверла малого диаметра [2, с. 61]. В работах Н. Н. Дикова [3] и С. А. Семёнова [2, с. 61] нет подробного описания данных изделий, ничего не сообщается о способах их изготовления. Н. Н. Диков описывает их как «продолговатые стержневидные сколы» из альбитоподобного полупрозрачного камня, некоторые из которых напоминают «приострѐнные с одного конца ножевидные пластинки» [3, с. 28]. Позднее материал этих орудий определялся как халцедон [4]. Древнейшие обитатели стоянки Ушки I использовали в качестве инструментов для обработки каменных украшений (сверл, резцов, резчиков) мелкие пластины, остроконечные и аморфные отщепы и собственно резцы [4, с. 29]. Вероятно, подобную многофункциональность данных орудий допускал и сам Н. Н. Диков, описывая их в своей последней монографии как «халцедоновые резчики из приострѐнных продолговатых отщепов» [5].

Период с конца 1960-х по 1980-е гг. характеризовался активным развитием методики микро- и макроанализа следов в России [6] и за рубежом [7]. Интенсивное распространение трасологических исследований в отечественной археологии заметно

усилилось после образования в ИИМК в 1973 г. экспериментально-трасологической лаборатории под руководством С. А. Семёнова [8]. Возросшая активность способствовала укреплению в региональной археологии практики восприятия следов использования и обработки в качестве особого типа археологических источников. Характеристика разнообразных визуально определимых следов на артефактах из камня и кости приводятся в работах А. П. Окладникова и Н. А. Береговой [9], Н. Н. Дикова [9], Ю. А. Мочанова [10], А. А. Орехова [11], А. И. Лебединцева [12]. Среди следов сработанности исследователями идентифицировались: зашлифованность и залощенность, заглаженность и забитость рабочего края, наличие на нём поперечных следов-рисок, параллельных царапин; присутствие на поверхности орудий выбоин, следов стёртости, борозд и линий.

Особенности следов, характер их расположения на поверхностях каменных орудий начинают использоваться региональными исследователями при определении их назначения. К примеру, при изучении четырёх «скобелеобразных орудий» из песчанистого сланца и базальта (Ушки IV, VI слой) Н. Н. Диков приходит к мнению о предназначении данных инструментов для первичной обработки шкур [13]. Подобная интерпретация обосновывается исследователем спецификой формы данных орудий, характером расположения рабочих краёв и имеющихся на них макроследов использования (заглаженности и залощенности). Изучение опыта трасологических исследований того времени позволило А. А. Орехову предположить, что мелкие фасетки рабочего края отщепов и галечных сколов из материалов ряда поселений лахтинской культуры (Наталия II, Опуха I, Анна II, Лахтина III) являлись не результатом преднамеренной обработки, а следами утилизации. Следовательно, по мысли А. А. Орехова, многочисленные отщепы с подобными следами в действительности являлись в древности орудиями (с предполагаемой функцией резания и скобления) [13, с. 120].

Тем не менее с методологической точки зрения подобные попытки анализа макроследов использования на древних орудиях, в сущности, не являлись экспериментально-трасологическими исследованиями, ввиду отсутствия у региональных археологов необходимого опыта. При наблюдении следов использования и обработки отсутствовала практика использования микроскопического оборудования, не проводились серийные эксперименты, не осуществлялась работы с трасологическими эталонами и т. д. Само определение функций артефактов на основе изучения следов часто происходило в предположительных интонациях, без привлечения строгой доказательной базы. Региональными археологами фиксировались лишь макроследы, которые возникали при использовании каменных и костяных орудий далеко не во всех случаях и не всегда являлись визуально распознаваемыми. При функциональной интерпретации наблюдаемые следы воспринимались исследователями лишь как дополнительный, но не основной источник информации, не предмет целенаправленного анализа. Сама практика выявления и фиксации следов использования и обработки не носила систематический характер.

Можно утверждать, что рассматриваемая практика визуального выявления и интерпретации макроследов во многом перекликались с теорией и практикой макротрасологии как особого направления функциональных исследований [14]. Одним из основателей и активных пропагандистов подобного направления в российской археологии являлась Г. Ф. Коробкова. Целью макротрасологии является идентификация функций древних орудий на основе визуального выявления и анализа макропризнаков износа (макроследов). По мнению Г. Ф. Коробковой, подобная методика должна быть «близка типологам по приёмам исследования» и давать «выход на выделение функционального типа, не прибегая к микроскопу» [14, с. 28]. В соответствии с макротрасологической методикой, руководящими критериями для идентификации функций каменных орудий являются параметры ретуши утилизации, расположение последней относительно рабочего края, угол заострения лезвий, характер кромки, очертания поперечного и продольного сечений, степень заполировки и её топография, специфика выкрошенности, затупленности, затёртости и иные визуальные признаки [14, с. 28—30].

В дальнейшем практика подробного описания морфологии каменных артефактов и фиксации вероятных следов использования (а в некоторых случаях и интерпретации на данной основе функционального назначения) получит среди исследователей Северо-Востока широкое распространение. В рассматриваемый период в научный язык региональной археологии войдут многие термины, используемые при функциональном анализе: пила, скобель, резчик, провертка и другие.

Возобновила трасологические исследования материалов Северо-Восточной Азии в 1989 г. Н. А. Кононенко. Многоплановыми оказались результаты проведённого ею исследования серии микронуклеусов, технических сколов и микропластин VI палеолитического слоя стоянки Ушки I [15]. У двух микронуклеусов выявлены следы крепления при расщеплении — на широких плоскостях нуклеуса фиксировались стёртые участки поверхностей, особенно заметные на краях фасеток обработки. Поверхность истирания имела неправильные контуры, разные размеры, но была приурочена, как правило, к краю, противоположному плоскости скалывания. Характер и расположение стёртого участка на поверхностях косвенно свидетельствовали о способах крепления микронуклеусов в фиксирующих приспособлениях [15, с. 170—171].

Н. А. Кононенко выделила ряд изделий, имеющих следы вторичного использования в различных хозяйственных операциях. Пять микронуклеусов из кремнистого сланца использовались в качестве пилок. Рабочим лезвием у последних являлся киль, подправленный сколами при оформлении нуклеуса. Общим для сработанных лезвий пилок являлась извилистая в плане кромка, к которой приурочены нерегулярные фасетки выкрошенности, накладывающиеся на фасетки обработки, что придавало профилю кромки многоярусный характер. По мнению исследователя, сильная затупленность лезвия, разношенность фасеток, общая пришлифованность или тусклый блеск (более выраженный на выступающих участках сработанной поверхности) свидетельствовали о работе по достаточно твёрдому, слабоабразивному материалу (рогу и/или кости). Ряд микронуклеусов вторично использовались в качестве скребков: рабочей кромкой служил дугообразный край ударной площадки или киль нуклеуса.

Было установлено, что использование микронуклеусов начиналось ещё на стадии заготовок. Исследование десяти преформ показало, что четыре из них использовались в качестве ножей по мясу (на отдельных участках их кия сохранились следы износа в виде лёгкой заполировки), один в качестве пилки, а другие пять — в качестве скребел. Помимо этого следы утилизации были выявлены среди микропластин и технических сколов с микронуклеусов. Из 63 изученных лыжевидных сколов в качестве резцов использовались 25, строгального ножа — 1, скребка — 1 экз. Микропластины использовались в качестве вкладышей скребков (2 экз.), ножей (9 экз.) и пилок (1 экз.). Общим для этих орудий являлся износ в виде едва заметной микровыкрошенности различного характера и заполировки, улавливаемой под микроскопом [15, с. 173—175].

Проведённый трасологический анализ свидетельствовал в пользу более сложного характера представленной в VI слое ушковских стоянок микропластинчатой технологической системы, основные элементы которой оказались соотнесёнными с различными производственными контекстами. Не менее интересными являлись данные о следах закрепляющих приспособлений на поверхностях микронуклеусов. Утилизация клиновидных микронуклеусов (среди которых в широких географических и хронологических рамках встречаются миниатюрные экземпляры, менее 3 см в длину), большая точность, необходимая для отделения с них микропластин, были на практике невозможны без использования техники отжима и определённых закрепляющих приспособлений. Подобные устройства должны были являться с одной стороны лёгкими, простыми в изготовлении (для их создания были доступны дерево, кость, рог), с другой — компактными и эффективными в работе. Принцип жёсткой фиксации микронуклеуса в момент отжима микропластин являлся одним из важнейших технологических условий для успешного срабатывания микроклиновидных форм [16]. Следы крепления на поверхностях микронуклеусов часто являются для трасологов трудноуловимыми из-за используемых при изготовлении закрепляющих устройств слабоабразивных материалов (дерева, кости и кожи). Ввиду практически полного отсутствия

специальных работ по серийному изучению латералей и опорных рёбер клиновидных микронуклеусов, выявление и анализ подобных следов в ходе трасологического исследования приобретает большую методологическую значимость.

В 1989 г. Н. А. Кононенко проводит трасологическое исследование материалов ряда памятников Чукотки. Анализу подверглись каменные изделия из палеолитических (?) местонахождений в долине реки Кымъынанонвываам и ручья Верблюд, а также стоянок Путурак (из раскопок Н. Н. Дикова 1984—1986 гг.) и Среднее озеро V.

Среди кремневых и халцедоновых обломков и отщепов со следами утилизации с памятников Кымъынанонвываам IX, XII и XIII, а также из подъёмных сборов были выделены рубящие орудия [17], скребла, скребки, ножи, пилки, скобели (по дереву), а также комбинированное орудие — пилка-скобель [9, с. 17, 201—203]. Согласно Н. А. Кононенко, рабочая кромка у выделенных орудий имела преимущественно неровный профиль, следы сработанности на ней выглядели как бессистемные нерегулярные фасетки с острыми краями и заломами [9, с. 36].

Своеобразие каменного сырья изученных орудий (яшмовидного кремня невысокого качества), особенности их залегания (отсутствие чёткой стратиграфической привязки, расположение находок неподалеку от выходов сырья), потенциальное воздействие на артефакты ручья и реки способствовали скептическому восприятию гипотезы Н. Н. Дикова об архаичности местонахождений Кымъынанонвываам [18]. Правомерность подобных научных сомнений, вероятно, предполагал и сам Н. Н. Диков [9, с. 36, 143—144].

Полученные данные, вероятно, стоит считать не бесспорными. Указанная специфика каменного сырья и среды залегания артефактов с большой вероятностью могли привести к образованию на поверхностях ряда артефактов специфических псевдоследов использования (заглаженности, зашлифованности, царапин или новых фасеток на «рабочих» краях). Подтвердить или опровергнуть сделанные трасологические определения могло помочь привлечение микроскопического оборудования с более мощным увеличением, а также серийные эксперименты по моделированию процессов формообразования следов утилизации на экспериментальных орудиях из местного сырья, которые в ходе проведённого исследования не делались. Вероятно, сама потребность в проведении трасологического анализа данной коллекции артефактов была вызвана необходимостью в получении дополнительных обоснований их палеолитического возраста.

Рассмотренные трасологические исследования материалов Северо-Восточной Азии позволили региональной археологии впервые приблизиться к более высокому уровню понимания поведения древнего человека — аргументированной реконструкции особенностей хозяйственной жизни древних жителей края, а также некоторых древних технологий. Впервые целенаправленному анализу подвергся никогда не исследовавшийся прежде тип археологических источников — следы использования и обработки на поверхностях каменных изделий.

Характерно, что трасологический метод исследования был впервые применён на материалах палеолита — зачастую наименее понятных с функциональной точки зрения, нередко не имеющих прямых аналогий в этнографии. С другой стороны, данные трасологии активно использовались для дополнительного обоснования уже имеющихся археологических построений.

Микроскопический анализ палеолитических коллекций стоянки Ушки I был нацелен на получение дополнительной информации, способной помочь проблеме корреляции региональных археологических культур, выяснению роли древнего населения Северо-Востока Азии в процессе заселении Американского континента. В частности, обнаружение на каменных бусинах и подвесках VII слоя следов от привязки к одежде воспринималось Н. Н. Диковым как свидетельство существования у носителей ранней ушковской культуры своеобразного прототипа вампума, распространённого у ряда индейских племён Северной Америки [19]. По мнению Дикова, подобное свидетельство являлось очередным подтверждением его концепции об интерпретации данной культуры в качестве палеоиндейской [20].

Результаты трасологического исследования серии костей с макроследами (использования или обработки?) из палеонтологического объекта Бочанут на Нижней Колыме и их сравнение с «подобными» орудиями местонахождения Олд Кроу позволили Ю. А. Мочанову получить дополнительное обоснование реконструируемых исследователем связей палеолитических материалов Якутии и Северной Америки. Тем не менее последние исследования костяных орудий с Олд Кроу показали, что их возраст не превышает 1—3 тыс. лет [21].

При анализе древних изделий из различных пород каменного сырья (кремь, аргиллит, обсидиан) и кости применялась универсальная методика, разработанная С. А. Семёновым. При её использовании зачастую не учитывалась специфика местного сырья, рассматривались не структурные изменения камня, происходящие на поверхности орудия в момент его работы, а преимущественно виды разрушения рабочей поверхности. Поскольку критерии выделения типов такой деформации носили сравнительно общий характер, то их можно было успешно применять по отношению к орудиям, выполненным из различного каменного сырья. Именно эта особенность методики С. А. Семёнова способствовала её активному использованию при анализе археологических материалов широкого географического и хронологического диапазона [22].

В методологическом плане проведённые изыскания не отличались совершенностью. Основным инструментом наблюдения за следами являлся бинокулярный микроскоп, позволявший рассматривать микрообъекты при малом и среднем увеличении. Не использовался металлографический микроскоп, который позволял изучать следы при сильном увеличении. Для фиксации следов утилизации и обработки на орудиях из камня и кости региональные исследователи не применяли макро- или микрофотографию. Результаты трасологических изысканий региональных материалов 1960—1980-х гг. в основном представлялись в виде текста или отдельных графических иллюстраций. Отсутствие фотофиксации следов использования объяснялось сложностью адаптации фотоаппаратуры к имеющемуся микроскопическому оборудованию, а зачастую, и отсутствием понимания необходимости фотографической визуализации. С другой стороны, подобные фотокомплексы в рассматриваемые годы имелись и с успехом применялись лишь в немногих археологических лабораториях (например, в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН). При этом работа по созданию каждой микрофотографии отличалась длительностью и кропотливостью.

Трасологические исследования археологических материалов Северо-Восточной Азии отличались на данном этапе крайней степенью фрагментарности. Характерным являлось отсутствие какой-либо регулярности и, что самое главное, понимания необходимости применения трасологии. Большая часть начатых в рассматриваемый период немногочисленных трасологических исследований в дальнейшем не получили своего прямого продолжения.

Второй этап экспериментально-трасологических исследований в археологии региона. Последние два десятилетия в развитии отечественной науки о древностях отличаются активным применением комплексного подхода при анализе основных источников археологии — изделий из камня, кости, бивня, дерева и т. д. С выходом в свет работ Е. Ю. Гири [23], П. В. Волкова [24], П. Е. Нехорошева [25] окончательное признание в отечественной археологической науке получает технологический метод исследования каменных индустрий. Ряд крупных работ, опубликованных в данный период, посвящён разработке и апробации технологического метода изучения костяных [26] и бивневых [27], а также комплексному анализу каменных индустрий [28]. Благодаря синтезу основных достижений школы С. А. Семёнова [29] и его зарубежных коллег, происходит дальнейшее совершенствование методики экспериментально-трасологического анализа, значительное расширение географии и хронологии исследуемых материалов.

На втором этапе изучению подвергаются материалы археологических памятников каменного века Северо-Востока Якутии (стоянок Жохово и Яна), Магаданской области (древнекорякского поселения на м. Плоский, стоянки в устье ручья Бокал, ряда памятников Токаревской культуры) и Чукотки (стоянок Найван, Эльгыгытгын III—V,

у озера Красное, Чёртов Овраг, поселения Канискак, петроглифов Пегтымеля), а также Камчатки. Хронологический диапазон исследованных материалов растянулся от средней поры позднего палеолита (стоянка Яна, 28,5—27 тыс. л. н.) до железного века (Пегтымельские петроглифы).

В изучаемый период была осуществлена серия микроскопических исследований небольших выборок древних изделий с приморских и континентальных памятников Магаданской области. Проведённые изыскания позволили дополнить имевшуюся к тому моменту информацию о хозяйственной жизни древнего населения края, наметить ряд направлений дальнейшего поиска.

Ярким примером комплексного (трассологического, технологического и типологического) анализа конкретной категории орудийного набора является исследование И. В. Макаровым серии рубящих инструментов памятников Токаревской археологической культуры (по материалам стоянок на острове Спафарьева, мысе Ольском, бухтах Токарева, Батарейной и Находки, островах Завьялова и Недоразумения). Изучаемая выборка состояла из 154 экз. орудий, а также 23 экз. заготовок, фрагментов и обломков подобных орудий. В ходе исследования анализировалось каменное сырьё, использовавшееся древними обитателями стоянок для изготовления тёсел, топоров и долот (дана подробная характеристика типового состава сырья, особенностей его текстуры и др.). Важное место уделено рассмотрению особенностей морфологии и технологии изготовления заготовок и орудий, установлению связей форм исходных каменных отдельностей и различных категорий готовых орудий. Трассологическое исследование комплекса рубящего инструментария позволило И. В. Макарову выделить комплекс следов утилизации. При определении функций изделий им учитывалось несколько критериев: размер орудия, особенности профиля лезвия (симметричность или скошенность), а также данные о характере и распространённости выявленных следов использования. В результате выделена группа изделий для работы по дереву (и, вероятно, кости), а также несколько полифункциональных орудий. На ряде рубящих инструментов прослежены следы износа, характерные для обработки плавникового леса, игравшего важную роль в производственной деятельности приморских жителей. На основе подробной морфо-технологической характеристики И. В. Макаров выделил отдельные типы орудий, установил параллели с археологическими материалами прилегающих территорий [30].

В 1990—2000-е гг. экспериментально-трассологические исследования практически не затронули археологию Камчатки. Исключением является функциональное исследование 24 каменных скребков из материалов ряда памятников древнекорякской культуры (полуострова Камчатки и Тайгоноса), проведённое в 2008 г. японским археологом К. Такаси. Микроскопическое исследование рабочих кромок орудий подтвердило их использование для обработки шкур. На ряде изделий были выявлены следы заполировки от крепления в рукояти из кости или оленьего рога. В ходе исследования К. Такаси активно привлекались данные этнографии, использовалась микроскопия малого (6—20-кратного) и среднего (100-кратного) увеличения, а также микрофотографирование поверхностей изучаемых орудий [31].

В 1980—2000-х гг. усиливаются полевые археологические исследования на Чукотке. Анализ каменных орудий ряда голоценовых памятников позволил получить дополнительные сведения о хозяйственной специализации древнего населения. Микроскопическое изучение каменного острия со стоянки у озера Красное (Восточная Чукотка) позволило Н. А. Кононенко интерпретировать его в качестве орудия для обработки кости [32]. Серия орудий выявлена в ходе исследования коллекции стоянки Найван Л. Г. Чайкиной: концевой скребок для мездрения шкур, ножи для разделки рыбы, концевой скребок по рогу/кости, нож для мяса, резчик/строгальный нож для дерева [33]. Комплекс функционально разнообразных орудий наглядно демонстрировал сложность и многоплановость хозяйственного уклада раннеголоценовых обитателей памятника.

Исследование археологических материалов стоянки Чёртов Овраг (из раскопок 2000 г.) было проведено Е. Ю. Гирей. Изучение скребков и скребел позволило выявить у большей части изделий интенсивный износ, связанный со скоблением и реза-

нием шкур. Подавляющее большинство боковых скрёбел было интерпретировано в качестве вкладышей для двуручных стругов (скребков по шкуре в деревянной рукояти), широко распространённых в древности и хорошо известных этнографически [34]. Е. Ю. Гирей была выделена группа режущих орудий (ножей по мягким материалам). Практически на всех орудиях выявлен специфический тип следов, схожий со следами от работы по шкуре, но располагавшийся не только на краях орудий, но и на выступающих участках поверхностей. Аналогичные следы были получены в ходе экспериментальной длительной транспортировки каменных орудий в кожаном мешке. Е. Ю. Гирей была прослежена последовательность производства шлифованных орудий. На основании новой информации рассматриваемый памятник был интерпретирован как кратковременный лагерь небольшой группы охотников на птиц (преимущественно гуся) [30, с. 389—391].

Комплексное изучение серии каменных шлифованных рубящих орудий с древнеэскимосского поселения Канискак (Дежнёво), проведённое И. В. Макаровым, позволило определить, что данные орудия предназначались для обработки дерева [35].

Результаты исследования археологических материалов стоянок Эльгыгытгын III—V нашли своё отражение в работе М. А. Кирьяк и И. В. Макарова [35]. Микроскопическому изучению подвергалась серия орудий, пластинок и отщепов из кремня и обсидиана. Установлено, что большинство имеющихся в коллекции стоянок каменных пластинок использовалось без преднамеренной обработки. Три обсидиановых пластинки (из материалов Эльгыгытгын III) применялись при обработке деревянных поверхностей, четыре — для резания органического материала (мяса, кожи). На основании характера следов утилизации среди пластинок стоянки Эльгыгытгын IV и их фрагментов были выделены инструменты для работы по дереву, ножи для разделки мяса или рыбы, резец для прорезания паза. Одна пластинка со стоянки Эльгыгытгын V использовалась для обработки мягких материалов. Помимо этого, среди каменных отщепов стоянки Эльгыгытгын III были выделены орудие для работы по кости, пилка и скобель по дереву или кости, среди материалов Эльгыгытгын IV — две скобели для обработки дерева и кости [36].

Особое место среди экспериментально-трассологических изысканий на Северо-Востоке Азии стало комплексное исследование петроглифов Кайкуульского обрыва на реке Пегтымель, проведённое в 2006—2008 гг. Е. Ю. Гирей. Основной целью исследования стало уточнение технологии их выполнения и материала используемых при этом орудий.

Полевые исследования включали наблюдение следов выполнения петроглифов; фотофиксацию следов орудий, которыми были выполнены изображения, фотодокументирование петроглифов; изготовление силиконовых негативных оттисков их поверхности; описание техники выполнения изображений; экспериментальное изучение пикетажа и документирование его результатов. Лабораторные исследования предполагали: изготовление гипсовых слепков с оттисков-матриц; исследование слепков с использованием различных типов освещения и увеличения; фотофиксацию; анализ и систематизированное описание полученных результатов [37].

Анализ поверхностей скальных пород, на которых были выбиты петроглифы, позволил установить, что при их создании использовалось нескольких способов изменения поверхности (пикетаж, пришлифовка и гравировка) [38]. Было проведено свыше пятидесяти экспериментов по выполнению пикетажа поверхностей пегтымельских алевролитов и песчаников с использованием орудий из кварца, шлифованного камня, бронзы и железа. В результате наиболее производительными были признаны орудия из железа и кварца. По итогам экспериментов получены эталоны, соответствующие всем перечисленным группам орудий, и экспериментальные образцы самих орудий со следами утилизации.

Главным итогом изучения петроглифов Пегтымеля стало получение обширного пласта информации по технологии их нанесения. Предположение о массовом использовании каменных (кварцевых или кремневых) орудий при создании здесь наскальных изображений [39] не получило своего подтверждения — характер следов пикетажа указывал в пользу широкого применения инструментов из железа (типа толстой иглы

или шила) [39, с. 202]. Полученные данные свидетельствовали в пользу более молодого возраста всего корпуса петроглифов Пегтымеля [36, с. 115—118].

Не менее важным результатом проведённых работ явилась разработка и апробация специальной методики документирования и анализа следов орудий, которыми были выполнены петроглифы. Они стали началом нового направления в российской археологической науке — трасологии петроглифов. Экспериментально-трасологическое исследование петроглифических изображений сегодня с успехом применяется и на других местонахождениях наскального искусства Евразии [40]. Проведение подобных изысканий имеет исключительную важность для установления хронологии памятников наскального искусства и реконструкции культурно-исторических связей древнего населения в прошлом.

Предварительные результаты комплексного исследования шлифованных резцов из материалов ряда памятников Чукотки (Эквенский могильник, стоянка Уненен) содержатся в работе Е. Ю. Гири.

Второй этап истории экспериментально-трасологических исследований в археологии Северо-Восточной Азии отличался значительно возросшей планомерностью и методологической проработанностью. Впервые трасологическому анализу подвергаются орудия из кости, бивня и дерева. Немаловажно, что именно на материалах археологических памятников Северо-Востока было положено начало разработке новых направлений экспериментальных изысканий — трасологии деревянных изделий и экспериментально-трасологическому исследованию петроглифов. Тем не менее крайняя избирательность трасологических исследований в регионе, вполне очевидная на предыдущем этапе своей истории, продолжала и продолжает проявлять себя вплоть до настоящего момента.

Стремление понять реальное место изделий каменного века в культуре древнего человека, определить их действительную функцию было присуще первобытной археологии едва ли не с момента её зарождения. Важный этап в становлении функциональных исследований связан с разработкой и апробацией комплексного анализа особого типа археологических источников — следов использования и обработки на поверхностях каменных и костяных орудий. Подобный анализ (названный его основателем, отечественным исследователем С. А. Семёновым экспериментально-трасологическим) позволял не просто констатировать наличие сходных или различных форм, предполагая за ними какой-то результат неизвестных нам действий человека, а на вполне смысловом уровне установить реальное древнее поведение, приведшее к образованию данных форм [1, с. 12].

Результаты реализованных исследований наглядно свидетельствуют, что методика С. А. Семёнова, его учеников и последователей Е. Ю. Гири, Г. Н. Коробковой, В. Е. Щелинского и других может быть с успехом применена к археологическим материалам Северо-Восточной Азии. За почти пятьдесят лет своей истории экспериментально-трасологические изыскания в археологии региона привлекались исследователями для решения целого круга научных задач.

Одной из главных целей любого такого исследования является получение обоснованных сведений о функциональном назначении отдельного древнего артефакта, категорий орудий или конкретного археологического памятника. В 1960—2010 гг. объектом целенаправленных функциональных исследований выступал широкий спектр древних артефактов из камня и органических материалов: составляющие контекста производства пластин и микропластин (преформы микронуклеусов, микронуклеусы, микропластины, пластины, пластинки и технические сколы); различные категории орудий (скребки, рубящие орудия, «резцевидные острия», сегменты пластин); украшения (бусы и подвески из камня и кости), каменные отщепы без обработки, а также орудия из кости, бивня и дерева. Результаты проведённых анализов позволили выявить функции многих типов каменных орудий и тем самым существенно дополнить имевшиеся к тому времени научные представления о хозяйстве и образе жизни древнейших обитателей Северо-Восточной Азии, уточнить функциональную интерпретацию ряда археологических объектов.

При этом экспериментально-трасологические изыскания в археологии региона отличались своей крайней неравномерностью. При изучении памятников отдельных эпох внимание исследователей в наименьшей степени было уделено материалам палеолита (в наибольшей — памятникам эпохи палеометалла и железного века). В плане «трасологической изученности» регионов практически не рассмотрены материалы Камчатки [41] и континентальных районов Магаданской области. Вплоть до настоящего времени в региональной археологии имеются информационные лакуны, связанные с отсутствием функциональных определений целых категорий или типов орудий.

Оба рассмотренных этапа трасологических исследований не отличаются своей массовостью и всеохватностью. Для всех проведённых изысканий характерно изучение лишь частичной выборки материалов, не происходило полного изучения даже небольших или слабо насыщенных материалом стоянок. При верификации полученных определений редко привлекались данные экспериментов, за исключением отдельных случаев отсутствовала практика привлечения коллекции сравнительных эталонных образцов. Сам трасологический анализ проводился преимущественно с использованием малого и среднего увеличения, как правило, не привлекались методы фотофиксации. Наименее попадающие под данную характеристику примеры — комплексные исследования материалов стоянки Жохово и Яна — не были завершены в полной мере, большинство же других изысканий в методологическом плане им сильно уступают.

Не менее важной задачей проводимых исследований являлась реконструкция основных особенностей древних технологий (расщепления каменного сырья, изготовления изделий из камня и кости и других). Для большинства изученных категорий орудий предпринимались попытки анализа основных этапов их изготовления. Кроме того, в ходе микроскопических исследований материалов региона была выявлена серия специфических следов, изучение которых позволило получить ряд данных технологического плана. Среди подобных примеров: следы применения отжимной техники скола (погребение на р. Амга, Центральная Якутия), закрепления микронуклеусов (Ушки I, слой IV), шлифовки как специфического способа подготовки лезвия резцов и утоньшения орудий при вставлении в паз (Жохово) и другие. Тем не менее проведённые экспериментально-трасологические исследования часто не имели своей целью реконструкцию конкретных технологических контекстов, ограничиваясь, за редкими исключениями, выявлением функций отдельных орудий.

Помимо указанных целей, трасологические исследования в археологии региона эпизодически привлекались для обоснования хронологии конкретных археологических материалов. В ситуации отсутствия надёжных данных о возрасте памятника информация, выявляемая в ходе экспериментально-трасологических изысканий, могла приобретать значения дополнительного контекста (например, в случае с петроглифами Пегтымея). Кроме того, подобная информация могла выступать в качестве важного аргумента при установлении связи некоторых объектов с деятельностью человека (местонахождения Кымъынанонвываама и Бочанут) или археологических материалов отдельных регионов друг с другом (гипотеза Н. Н. Дикова о каменных бусах и подвесках VII слоя стоянки Ушки I как прототипе индейского вампума).

Вся история экспериментально-трасологических исследований археологических коллекций Северо-Востока Азии наглядно показывает, насколько перспективным является подобное направление научных изысканий. Работа по технологическому и экспериментально-трасологическому изучению каменных и костяных индустрий Северо-Востока Азии ведётся сегодня сотрудниками (Е. Ю. Гиря) и соискателями экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК (И. В. Макаров и А. А. Прут), а также автором данной статьи (лаборатория истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН).

Автор выражает благодарность: Е. Ю. Гирю за предоставленную информацию о проведённых им экспериментально-трасологических исследованиях и научные консультации; С. Б. Слободину за ряд важных сведений об истории трасологических изысканий в регионе.

ИСТОЧНИКИ

1. *Гирия Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. — Ч. 2. — СПб.: Академ Принт, 1997. — С. 12.
2. *Семёнов С. А.* Развитие техники в каменном веке. — Л.: Наука, 1968. — 363 с.
3. *Диков Н. Н.* Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. — М.: Наука, 1967. — С. 16—31.
4. *Диков Н. Н.* Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке и проблема первоначального заселения Американского континента // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. — Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1976. — С. 176.
5. *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). — СПб.: Наука, 1993. — С. 73.
6. *Семёнов С. А.* Развитие техники в каменном веке. — Л.: Наука, 1968. — 363 с.; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племён Средней Азии. — Л.: Наука, 1969. — 216 с.; *Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. — Л.: Наука, 1983. — 255 с.; *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. — Л.: Наука, 1987. — 320 с.
7. *Keeley L.* Experimental Determination of Stone Tool Uses: University of Chicago Press. — Chicago. 1980. — 212 p.; *Vaughan P. C.* Use-wear analysis of flaked stone tools. — Tucson: University of Arizona Press, 1985. — 204 p.
8. *Васильев С. А., Желтова М. Н.* Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК — ГАИМК (основные вехи истории) // Записки ИИМК РАН. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — № 3. — С. 16—50.
9. *Диков Н. Н.* Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки IV // Сибирь и её соседи в древности. — Новосибирск: Наука, 1970. — С. 40—41; *Он же.* Чинийский могильник. — Новосибирск: Наука, 1974. — С. 89.
10. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. — С. 29.
11. *Орехов А. А.* Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. — М.: Наука, 1987. — С. 20, 28, 33, 38, 44, 56, 59, 108.
12. *Лебединцев А. И.* Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. — Л.: Наука, 1990. — С. 31, 39—40, 55, 78, 114, 152, 156.
13. *Диков Н. Н.* Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки IV // Сибирь и её соседи в древности. — Новосибирск: Наука, 1970. — С. 40—41.
14. *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. — Л.: Наука, 1987. — С. 21.
15. *Диков Н. Н., Кононенко Н. А.* Результаты трасологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки I—V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. — С. 170—175.
16. *Табарев А. В.* Расщепление микроклиновидных нуклеусов // Антропоген. Палеоантропология, геархеология, этнология Азии. — Иркутск: Оттиск, 2008. — С. 177.
17. *Диков Н. Н.* Основные результаты археологических разведок на Востоке Чукотского полуострова в 1979—1986 гг. // Древние памятники Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. — С. 26; *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. — СПб.: Наука, 1993. — С. 35.
18. *Воробей И. Е.* О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — С. 4; *Слободин С. Б.* Перспективы археологических исследований ранних комплексов на Северо-Востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 4. — С. 52.
19. *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. — Магадан, 1969. — С. 112.
20. Очерки истории Чукотки с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. — Новосибирск, 1974. — С. 23.
21. *Слободин С. Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — С. 28.
22. *Волков П. В.* Трасологические исследования в археологии Северной Азии. — Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1999. — С. 8.
23. *Гирия Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. — Ч. 2. — СПб.: Академ Принт, 1997. — 198 с.
24. *Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т.* Технология галечного расщепления камня в палеолите. — Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1999. — 213 с.
25. *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита. — СПб.: Европейский Дом, 1999. — 173 с.

26. *Бородовский А. П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, — 1997. — 224 с.; *Жилин М. Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 328 с.
27. *Хлопачев Г. А.* Технология обработки бивня мамонта в эпоху верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Наука, 2006. — 261 с.
28. *Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — 388 с.
29. *Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. — СПб.: ИИМК РАН, 1996. — 80 с.
30. *Макаров И. В.* Рубящие орудия Токаревской культуры Северо-Западного побережья Охотского моря // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. — С. 128—141.
31. *Орехов А. А.* Раннеголоценовые комплексы озера Красное (Восточная Чукотка) // Университет в регионе: материалы науч.-практ. конф. — Магадан, 2007. — С. 166.
32. *Гусев С. В.* Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе (Чукотский полуостров) // II Диковские чтения. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. — С. 359.
33. *Герасимов Д. В., Гиря Е. Ю., Тихонов А. Н.* Поселение Чёртов Овраг на острове Врангеля — вопросы культурной атрибуции и перспективы исследования // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. — М.: ГЕОС, 2003. — С. 85.
34. *Герасимов Д. В., Гиря Е. Ю., Питулько В. В., Тихонов А. Н.* Новые материалы к интерпретации стоянки Чёртов Овраг на о. Врангеля // II Диковские чтения. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. — С. 381—382.
35. *Кирьяк М. А., Макаров И. В.* Новые археологические находки в районе оз. Эльгыгыт-гын // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. — С. 8—21.
36. *Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.* Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. — 2010. — № 1. — С. 107—108.
37. *Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.* Трасологическое исследование петроглифов Пегтымеля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. — Т. III. — М.: Институт археологии РАН, 2008. — С. 12.
38. *Диков Н. Н.* Пегтымельские петроглифы — уникальный памятник древнего искусства // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. — Магадан, 1994. — С. 38.
39. *Дэвлет Е. Г.* Новое в исследовании наскального искусства Северной Евразии // III Северный археологический конгресс. Доклады. — Екатеринбург, 2010. — С. 196.
40. *Гиря Е. Ю.* Изучение материальной культуры древнего населения Севера в контексте современных экспериментально-трасологических исследований // III Северный археологический конгресс. Доклады. — Екатеринбург, 2010. — С. 94—98.
41. *Федорченко А. Ю.* Трасологические исследования в археологии Камчатки: проблемы и перспективы // Идеи, гипотезы, поиск...: сб. ст. — Вып. 17. — Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. — С. 24—25.

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

С. В. ГАВРИЛОВ

НАЧАЛЬНИК УЕЗДА

В фондах КГУ ККОМ хранится комплекс документов, некогда принадлежавших одному из «первых лиц» Камчатки — начальнику Петропавловского уезда Станиславу Матвеевичу Леху. Он руководил уездом, охватывавшим территорию нынешнего Камчатского края, весьма продолжительный срок — с 1905 по 1917 г. На это время выпало немало интересных и важных в истории России и Камчатки событий: русско-японская война, учреждение отдельной Камчатской области с губернским правлением, начавшееся экономическое и социальное развитие территории, крушение двухсотлетней империи. Но, несмотря на это, до недавнего времени о личности С. М. Леха мало что было известно. Входящие в музейный комплекс выписки из церковных книг, учебные ведомости, воинские приказы, личная переписка, рукописи, телеграммы (всего их насчитывается 119 единиц хранения), а также привлечённые со стороны материалы впервые в общих чертах позволяют составить его жизнеописание.

Будущий «начальник Камчатки» С. М. Лех родился 11 февраля (по старому стилю) 1872 г. в Иркутске. Лехи появились в Сибири не по доброй воле: отец семейства, «дворянин римско-католического вероисповедания» Матвей Лех, был сослан сюда за участие в противоправительственных действиях, известных как «Польское восстание». Оно началось в январе 1863 г., завершилось в ноябре 1864 г. За причастность к восстанию власти казнили 128 бунтовщиков, 800 отправили на каторгу, 12 500 выслали из Царства Польского на поселение вглубь Российской Империи, в частности, в Сибирь. Впрочем, уже в апреле 1866 г. император Александр II объявил польским политическим ссыльным амнистию: им значительно сократили сроки каторги или заменили их поселением [1].

В метрической книге Иркутского костела за 1872 г. под шестым номером содержится следующая запись: «Тысяча восемьсот семьдесят второго года, одиннадцатого дня Марта месяца... окрещён младенец по имени Станислав-Валентин настоятелем сей же церкви Христофором Шверницким с совершением всех обрядов таинства, политического ссыльного Матвея и Елены из Бридицких, Лехов, законных супругов сын, родившийся 11 февраля сего года в г. Иркутске в 4 часа утра. Восприемниками были Иван Воюцкий с Каролиною Киселевскою в присутствии Петра Шверницкаго и Елены Мелин» [2].

Настоятель костела отец Христофор Шверницкий (в разных источниках его именуют Христофором Швермицким, Кшиштофом Швермицким, Кшиштофом Шверницким) в Иркутске был известным и уважаемым человеком. В Сибири этот выходец из дворян Августовской губернии Марьямпольского уезда селения Варнупяны Царства Польского тоже очутился как ссыльный: 6 декабря 1846 г. он попал под следствие и военный суд по подозрению, что получил из Пруссии запрещённые в Российской Империи книги. Весной 1852 г. был выслан на жительство в Иркутск «без лишения прав состояния». Через три года получил разрешение вернуться на родину, но решил остаться в сибирской столице. Почти тридцать лет — с 1856 по 1885 г. служил настоятелем Иркутского костела и капелланом при войсках, умер в 1894 г. [3]. Х. Шверницкий стал для семьи Лехов, да и для всей польской иркутской общины, которая стала складываться ещё в начале XIX в., тоже, в основном, из ссыльных, настоящим духовным отцом.

Начальное образование и воспитание Станислав получил, по всей видимости, дома. В одиннадцатилетнем возрасте в 1883 г. он поступил в Иркутскую гимназию, где попал под попечительство классного наставника А. Франковского. Учебный год в гимназии делился на четыре «срока», сейчас бы мы сказали, что на «четверти». В каждом «сроке» первого класса изучались пять дисциплин: русский и латинский языки,

арифметика, география, чистописание. Все они оценивались по четырём критериям: «успехи, внимание, прилежание, поведение».

Запечатанный мелким шрифтом оборот «Свидетельства об успехах и поведении воспитанника» за первый класс гимназии, оттиснутый в иркутской типографии Н. Н. Сеницына в 1882 г., напоминает об основных составляющих успешной учёбы, остающихся актуальными и в наше время:

«1. Хорошие успехи ученика более всего зависят от его *постоянной внимательности в классе*. Чтобы основательно усвоить предмет, ученик должен во время урока вникать в слова наставника и если чего-нибудь не понимает, то просить у него объяснений: иначе посещение классов не имело бы никакого значения. 2. Другое условие хороших успехов — *исправное приготовление уроков дома*. Случается, однако, что при всём своём желании ученик не может хорошо приготовить своих уроков по каким-нибудь вполне уважительным причинам; в таком случае в самом начале урока он должен объявить об этом учителю. 3. Третье условие хороших успехов — *постоянное и своевременное посещение классов*. В случае совершенной невозможности явиться на урок по болезни или другой вполне уважительной причине, уведомление о том должно быть прислано в тот же день для надлежащего со стороны учебного начальства распоряжения. Неисполнение этого правила подвергает ученика ответственности как пропустившего урок самовольно и без уважительной причины» [4].

Любопытна и не совсем привычна для нас и использовавшаяся тогда шкала оценки гимназистов: Вот что значили отметки в графе «Успехи»: 1 — вовсе неудовлетворительно, 2 — не совсем удовлетворительно, 3 — удовлетворительно, 4 — хорошо, 5 — отлично. В графе «Поведение»: 1 — худо, 2 — не совсем одобрительно, 3 — добропорядочно, 4 — хорошо, 5 — отлично.

В первом «сроке» у первоклассника Станислава Леха не ладилось с чистописанием: «успехи — 2, внимание — 3, прилежание — 3, поведение — 3». Но к концу учебного года дело поправилось, появились четвёрки и даже пятерки. За год он пропустил двенадцать уроков, но ни разу не опоздал. Поведение «вне класса» оказалось отличным, за леность и нарушение порядка не наказывался и никуда (например, в кондуит) не записывался. В первом «сроке» из тридцати одного собрата-гимназиста Лех оказался девятым учеником, а к концу четвёртого — поднялся до третьего, правда и число сотоварищей за это время уменьшилось до двадцати пяти. В конце года перед каникулами состоялись переводные письменные экзамены во второй класс, по-тогдашнему «испытания», по обоим языкам и арифметике с оценками «пять», «три» и «три» соответственно [4].

Обучение в гимназии длилось до 1887 г. 15 августа этого года Станислав перевёлся в третий класс Иркутского четырёхклассного городского училища Императора Александра III. В нём он 12 июня 1889 г. окончил обучение, показав при отличном поведении отличные же знания арифметики, геометрии и истории. Оценки «очень хорошо», то есть 4^{1/2}, получил по географии и естествоведению, «хорошо» — по русскому языку, рисованию и черчению. «Кроме того, обучался пению и гимнастике». А вот «ручному труду» и Закону Божьему по православным канонам Станислав как католик не обучался [5].

Через три дня, 15 июня 1889 г., Иркутское окружное по воинской повинности присутствие выдало юноше свидетельство о приписке его к призывному участку. Призывник признавался «подлежащим исполнению воинской повинности в 1893 г.». Он обязывался не позже 1 марта 1893 г. доставить в присутствие сведения о составе семьи, «согласно Высочайшего повеления 23 июля 1874 г.». Означенное «Высочайшее повеление» гласило: «...представить... о составе их семейства сведение, удостоверенное полициею, по месту жительства семейства призываемого, или же начальством того ведомства, в коем находится отец, дед или брат лица, подлежащего призыву. Сведения о составе семейств дворян, потомственных и личных, могут быть, по желанию их, удостоверены, вместо полиции или служебного начальства, предводителем дворянства того уезда, где приписан призываемый» [6].

Дальнейшее образование Станислав Лех продолжил в основанном в 1874 г. Иркутском юнкерском училище. Оно предназначалось для обучения вольноопреде-

ляющихся, в основном из числа казаков, и пополняло офицерскими кадрами казачьи войска Сибири и Дальнего Востока и регулярную армию. В нём могли учиться казаки Забайкальского, Амурского, Уссурийского войск, Иркутской и Красноярской сотен. По штату количество обучавшихся составляло 90 чел.: по 30 юнкеров регулярных войск, урядников пешего казачьего войска и урядников конного войска. Основное количество обучившихся было русскими, небольшая доля воспитанников (4—5 %) приходилась на поляков.

Копія съ Метрической выписки о рожденіи и крещеніи Станислава-Валентина Леха Иркутской Римско-Католической церкви метрическая и шуровая книга о родившемся за 1872 годъ содержащая въ себя подъ № 6 слѣдующее: „тысяча восемьсотъ семьдесятъ второго года, одиннадцатого дня Марта мѣсяца, въ Иркутской Римско-Католической церкви окрещенъ младенецъ по имени Станиславъ-Валентинъ Настоятелемъ сей же церкви Христофоромъ Швермицкимъ съ совершеніемъ всѣхъ обрядовъ таинства, поминкового свѣчнаго Матвѣя и Елены и въ тридцать Летоу законныхъ супруговъ сынъ родившійся 11 февраля сего года въ г. Иркутскѣ въ 4 часа утра; Воспріимникомъ своимъ Иванъ Волоцкий съ Нароимого Ниселевского въ присутствіи Петра Швермицкого и Елены Мещеряковой.“
 Въ вѣрности сей выписки съ подлинникомъ удостовѣрять моимъ подписаніемъ съ примосеченіемъ казенной печати. - г. Иркутскѣ 4 Августа 1882 года Настоятель Иркутской Римско-Католической церкви
 П. Швермицкий

№ 104

См. настоящая книга въ подлинномъ экземпляре въ томъ же числѣ на вѣрности и продолженіи казенной печати
 Франц Франц 1882

Завѣдующій канцеляріею
 Александръ Кукольниковъ

Копия метрической выписки о рождении С. М. Леха (ГИ 13963)

Для зачисления в юнкерское училище в качестве вольноопределяющегося требовалось выдержать «испытания» в объёме ранее пройденной в гимназии или городском училище программе. Испытания, прошедшие под председательством начальника

училища полковника Фёдорова, завершились следующими результатами: Закон Божий — 5, русский язык — 4, арифметика — 3, геометрия — 3, география — 4, история — 4. Общая сумма баллов — 23.

Экзамены принимали: законоучитель — уже знакомый нам священник Х. Шверницкий, преподаватели: русского языка — коллежский советник Бобровников, арифметики и геометрии — кандидат прав Шереметевский и коллежский секретарь Латтман, географии — Генерального штаба капитан Федяй и отставной коллежский советник Перетолчин, истории — снова Генерального штаба капитан Федяй. По результатам испытаний комиссия заключила: «На основании ст. 171 и 173 п. 3 Устава о воинской повинности и правилам для производства испытаний, вышепоименованный Станислав Лех имеет право поступить в военную службу вольноопределяющимся на правах 3-го разряда, а согласно приказу по военному ведомству 1886 г. за № 132 на правах 2-го разряда» [7].

Вольноопределяющимися именовались нижние чины Русской Императорской Армии, добровольно поступавшие на воинскую службу и пользовавшиеся определёнными льготами. Вольноопределяющимся можно было стать только при наличии конкретного образовательного ценза. Так, вольноопределяющийся 2-го разряда с 1886 г. должен был окончить не менее шести классов гимназии или реального училища, или два курса духовной семинарии. Желающие служить вольноопределяющимися сдавали специальный экзамен, программа которого совпадала с шестилетним курсом обучения в учебных заведениях ниже гимназии. Минимальный срок службы вольноопределяющихся 2-го разряда устанавливался равным двум годам и девятилетнему пребыванию в запасе. Для получения же офицерского чина им следовало прослужить не менее трёх лет.

Военным делом Станислав занимался, судя по всему, серьёзно и с удовольствием. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся приказ по училищу № 93 от 2 апреля 1892 г. по строевой части: «По представлению командующего сотней юнкера Леонид Волков, Александр Арсеньев, Анатолий Пель-Горский I, Иннокентий Петров II и Станислав Лех — за основательное знание строевой службы и усердие в ней — производятся: первый — в младшие училищные урядники, остальные — в младшие училищные унтер-офицеры. Объявляя об этом, предписываю означенную перемену внести в алфавитные списки поименованных юнкеров...» [8].

Досуг будущих воинов скрашивался чтением, самостоятельным сочинительством стихов и их переписыванием каллиграфическим почерком в личные тетради-дневники. Эти стихи, чаще незатейливые, но иногда и весьма добротные, видимо, сыграли в юнкерской жизни Станислава заметную роль. Иначе как можно объяснить то, что он сохранял их при себе на протяжении без малого трёх десятков лет. В общей сложности таких стихотворных страниц в фонде С. М. Леха насчитывается 45. В их числе даже целая поэма — «Институтка», посвящённая некоей воспитаннице «большого зданья, скромных девочек приют»: «...Под тёплым кровом института/ В кругу подруг она росла/ (Пусть имя будет ей Анюта.)/ Судьба к ней ласкова была,/ Дала ей рост и гибкость стана...» [9].

До нас дошла фамилия одного из сочинителей-сотоварищей Станислава — Малкин. Вот образец его романтического творчества, написанный в Иркутске в начале 1890 г.:

*Вечная память прошедшему году,
Вечная память разбитым мечтам.
С верой глубокою жду я свободу,
Вновь отдаюсь прихотливым волнам.
Полное море! Житейское море!
Что принесёт твой коварный прибой?
Счастье ль новое, старое горе?
Слёзы отчаянья или покой?
Сладкие ль звуки и шёпот влюблённый —
Сон упоительный, полный огня,
Или, быть может, в пучине бездонной,
Пользуясь силой, поглотит меня.*

А это фрагмент стихотворения Малкина, посвящённого Иркутску:

*Да! Ты красива, столица Сибири,
Дикого севера дочь.
Столько вокруг тебя света и шири
В эту роскошную ночь...*

Талант поэта Малкина оказался многогранен. Во время его пребывания в Благовещенске родились шуточные строки [9]:

*Полно же, Наденька, белым платочком
Слёзки отрите свои.
Будьте, как были, невинным цветочком
Общим кумиром семьи.
Что за охота в беспечное детство
Зоркие портить глаза?
Будет пора, пригодится кокетство,
Вовремя капнет слеза.
Ну, перестаньте ж, за вас мне обидно..
Не о чем вовсе рыдать..
Наденька! Наденька, как вам не стыдно
В эти лета ревновать.*

О творческой зрелости стихослагателя Малкина свидетельствует тот факт, что одно из его произведений, по сути, маленькая ода, было представлено вниманию августейшей особы. Во всяком случае, так следует из авторского примечания: «Читанное в день пятидесятилетнего юбилея Гатчинского Императорского института Государыне Императрице. 1887 г., 23 ноября» [10]. Похоже, что автор был воспитанником этого института.

*Как владычица жизни и света,
Животворной любовью полна,
Молодая предвестница лета,
Согревает природу весна.
Как ея золотая денница
Оживляет повсюду народ,
Так и нас, славной Руси царица
Оживил и согрел Твой приход.
Под державной Твоею рукою
Не боимся житейских мы бурь,
Незнакомы мы с горем, с нуждою
И чиста нашей жизни лазурь.
Ты родную нам мать заменила,
Возвратила семейный очаг,
К просвещению дорогу открыла,
В жизни первый направила шаг.
Для сирот совершила Ты много,
Как царица, как мать их любя,
И с горячей слезой перед Богом
Жарко молимся мы за тебя,
Чтоб Господь даровал Тебе счастье
И хранил Твоих царских детей,
Как хранишь ты сирот от ненастья
Материнской любовью своей.*

Покровительствовала этому учебно-воспитательному заведению сама императрица Мария Федоровна, мать будущего императора Николая II. Обращает на себя дата публичного представления стихотворения: ноябрь 1887 г. Кто же тогда мог подумывать, что ровно через тридцать лет казавшаяся незыблемой Российская Империя рухнет в одночасье, а строки «Чтоб Господь даровал Тебе счастье/ И хранил Твоих царских детей» не станут пророчеством...

Ещё одним развлечением иркутской молодежи были традиционные юнкерские балы. Об одном из них свидетельствует сохранившаяся рукопись неизвестного, не столь профессионального, как Малкин, автора, скорее всего, участника этого события [11]. В стихотворении, написанном по принципу «Что вижу, о том и пою», упоминаются фамилии юнкеров-однокашников Станислава:

*Бал начался чудным вальсом, полетели все стрелой.
Все вертелись, все скакали, и качался пол гнилой.
Там Пель-Горский (старший) отличился,
Он по зале колесил, кавалеров подводил.
Кавалеры не простые — юнкерочки молодые.
Вот Решетников высокий быстро даму подхватил.
И по зале её ловко с быстротою прокрутил.
Всех стройнее, всех изящней в вальсе Мищенко летал.
И без всякого усилья он танцоров побеждал.
Но вот виден в конце залы трёхаршинный кавалер.
Он и строен, и прекрасен в простоте своих манер.
Вот мазурка прогремела, первый Мищенко летит,
Следом пары, и Арсеньев уж плечами шевелит.
Стендер бледный и печальный, с томным блеском чудных глаз
Своей странною улыбкой покори́л невольнo нас.
Но вот слышен голос громкий: «Занимайте своих дам!»
Кавалеры с быстротою: «Закусить не нужно ль Вам?»
Вдруг в середине вихря вальса вылетает Делеско.
И уводит нас, что сделать было не совсем легко.
Но хотя был вечер скромный, он удался юнкерам.
Веселитесь до упаду. Слава! Слава! Юнкерам!!!*

Замечание о качавшемся гнилом поле соответствует действительности: юнкерское училище в то время размещалось в старом, изношенном здании. Капитальные сооружения для него были возведены в начале следующего века.

В начале августа 1892 г. Станиславу был присвоен чин подпрапорщика, не входивший в Табель о рангах. С 1880 г. его до присвоения «Высочайшим» распоряжением офицерского чина получали выпускники пехотных юнкерских училищ. Для подпрапорщиков были установлены специальные знаки различия — погоны, обшитые по краю узким золотым галуном [12]. Теперь юному воину пришло время отправляться на службу. Частью назначения стал 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Эта регулярная воинская часть была сформирована в июле 1849 г. как Иркутский гарнизонный батальон. В октябре 1861 г. её преобразовали в 6-й Восточно-Сибирский линейный батальон, в мае 1880 г. переименовали в 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, а с октября 1883 г. — вновь в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. В конце XX в. батальон был переформирован в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

8 августа 1892 г. начальник училища Генерального штаба полковник Макаревич подписал предписание подпрапорщику С. М. Леху: «Предлагаю Вам немедленно отправиться к месту своего служения в посёлок Новгородский (Посъет). О времени отъезда мне донести» [13].

В этот же день выдана подорожная: «Иркутское юнкерское училище сим свидетельствует, что предъявитель сего подпрапорщик 6-го Восточного-Сибирского стрелкового батальона Станислав Лех имеет право требовать почтовых лошадей за указанные прогоны, по две лошади с проводником» [14].

О том, как бывший юнкер добирался до своего первого места службы, что видел и какие при этом испытывал чувства, а также как началась его офицерская карьера, он сам рассказал в «стихотворном» письме сестрам. Оно озаглавлено «Ответ готов без труда в духу военным» (сохранён стиль оригинала) [15]:

*Ех вы! Сестрицы мои дороги!
Ваши стихи очень слышны?*

Будто бы я птица не человек,
Будто я неехал, а летел.
Я с Иркутска на тройки вкатил,
Я свою судьбу с малолетства порешил,
Я на постройках не стоял, я смотрителей ушью гнал!
Ей ты дуралей! Подавай лошадей!
А то встану накладу и в штрафную книгу запишу.
И так катил день и ночь,
У сутки сто верст прочь.
Сон и голод мне незамечался,
Но кушак на мне увеличался.
Да очень потешно,
Мне на службу было нужно спешно.
Потому что мой такой нрав,
Такую мне Бог молодость дал.
Не ставте мне этого вину,
Когда я на доброе жертвую молодость свою,
Служу Богу и Государю.
Должен знать всякой обязанность свою.
Моё желание исполнилось с Благословением Божиим.

Я приехал во Владивосток,
Где наших братьев целый полк.
Чуден город! Красивый Владивосток!
Со всех сторон народ приток
Благоухающий край,
Граничит обезьян Китай.
На глазах великий Океан,
На нём судна как птицы летят.
На горе, на посту
Стоит наша батарея на мосту.
Что же я могу вам больше сказать,
Когда вам меня не понять.
Я на Востоке перекрестился
И горько и жалосно прослезился...
Но всё это отлично,
Но плакать мне неприлично.
Потому что я на службе состою,
Самостоятельную жизнь веду.
Но что-то мне в душе говорит:
Зачем при мне нет родных,
Не родных не друзей.
Полна моя грудь страстей.
Нескем поговорить
Дабы своё впечатление разделить.
И вот я своё сердце скрепил,
и так в Посьет укатил.

Местность Посьет,
Где женского пола нет,
Нескем развлекаться,
А нужно начальству представляться.
Когда я начальству представился,
Я начальству понравился.
Моё достоинство оценили,
Меня к чину представили.
Я чин скоро получил:

Меня сам Государь своею милостью утвердил.
 Я остался доволен и счастлив.
 С этого времени я подпоручик лихой,
 Я офицер строевой.
 Начальство меня знает,
 Мне команду доверяет.
 Я свою команду соберу,
 Я на ученье отведу
 Храбрых молодцов,
 Стрелков и бойцов.
 Я хорошо своё дело знаю,
 Я с достоинством обучаю,
 Не в пример другим,
 По уставу вызубренным.
 Как себя держать,
 И как ученье солдатам передать.
 Когда солдатики в охранении стоят,
 То мне навстречу «Ура!» кричат.
 Когда солдатики из ученья идут,
 То мне песенку поют:
 «Наш красавец подпоручик молодец,
 Храбрый воин и боец!
 Ну те ж братцы — разом на врага,
 Ура! Ура! Ура-а-а!
 Мы стрелки молодецкие,
 По примеру воинственные.
 Нам не страшен Великий Обезьян
 И мильённый Китай.
 Ну те ж, братцы, разом на врага!
 Ура! Ура! Ура-а-а!!!»

Видимо, общение с поэтом Малкиным не прошло для нашего героя бесследно: ему тоже захотелось попробовать себя в стихосложении. Но и со стилем, и с правописанием, в противовес чистописанию, у недавнего юнкера оказалось не всё в порядке. Однако, благодаря этой неуклюжей попытке, до нас из далёкого 1892 г. дошёл вот такой необычный «биографический очерк».

От времени службы С. М. Леха в Посьете сохранились 22 заказных почтовых конверта (КОКМ ОФ 35183/1—22) из-под писем от родных и знакомых, датированных 1892—1894 гг. и пришедших, в основном, из Иркутска. На конвертах адресат титулуется «Его высокоблагородием» и даже «Его высокородием» (так обращались к старшим офицерам), хотя сам Лех в то время пребывал в более чем скромном чине подпоручика, к которому полагалось обращаться «Ваше благородие». Что и сделал один из корреспондентов — поручик Олейников, лучше всяких «шпаков», то есть гражданских, разбиравшийся в военной иерархии [16].

Переписка с родными: отцом, мамой, сёстрами Гесей, Делой, Цезией (Сезей) и самым младшим членом семьи — братом Людовиком (Луи) представлена 27 письмами (КОКМ ОФ 33175/6—9; КОКМ ОФ 35177/1—4; КОКМ ОФ 35178/1—14) на польском языке. В число корреспондентов Леха в 1894—1896 гг. входили помянутый поручик Олейников, титулярный советник Поприщев и «заведующий канцелярией Управления Заведующего железнодорожными работами нижних чинов» поручик Трифонов из Владивостокской крепости (КОКМ ОФ 35185 — КОКМ ОФ 35189).

Особо отметим письма невесты Леха — Веры Борисовны Новак. Их 19 (ГИ 14092 — ГИ 14097; ГИ 14099 — ГИ 14112). 10 мая 1894 г. Вера писала жениху: «Мы только что приехали в Нагасаки (из Посьета. — С. Г.). Сейчас двадцать часов. Пароход, на котором мы приехали, уходит снова во Владивосток, и я тороплюсь написать пока немного, то есть отвести душу... Простите, что в прошлом письме не поздравила с прошедшим днём ангела. Поздравляю и желаю, чтобы следующий год мы провели

вместе и под одной фамилией... Мама, Надя, Люба, Соня и Коля кланяются...» [17]. Из последней строки следует, что в семье Новак было пятеро детей, столько же, сколько и в семействе Матвея Леха. У его сына Станислава тоже будет пятеро наследников.

А вот фрагмент послания от 8 июня 1894 г.:

«...Недавно появилась кукушка, и я спрашивала, сколько тебе жить — 28 лет, а мне 24 года. Значит, тебе будет 51 год, а мне 42 года, но это глупости. Мне иногда кажется, что я тебя не увижу, то есть не вернусь в Посьет, но это бывает минутами. Сегодня я больна, но дня через четыре буду здорова. Мне предлагают, чтобы я начала делать приданое. Надя читала твоё письмо, смеётся над твоей загадкой и говорит: Ты, Вера, ответь на загадку так: “До свадьбы, но я так не хочу, а хочу вот как: Отгадка. До того времени, когда Стасик будет совсем мой...”

Ах, Стасик, чем дальше, тем у меня больше и сильнее разгорается ревность. Я не знаю почему, но при имени В., я не знаю, что со мной делается. Я её ненавижу и считаю счастливее себя. Она видит тебя почти каждый день и чувствует пожатие руки, а я как нищая читаю письмо с жадностью, точно голодная, давно не видевшая тебя, но я унижаю себя тем, что через семь месяцев я буду купаться в море блаженства, хотя я себя и утешаю этим, но быть спокойной не могу. Мне кажется, что что-нибудь, да будет между мной и В...» [18].

Стоило ли верить глупой кукушке, отмерявшей Станиславу ещё двадцать восемь лет жизни до возраста пятидесяти одного года? Судя по этому предсказанию, его земной путь должен был завершиться в 1922 г. А на самом-то деле оказалось, что ему было отпущено только двадцать шесть лет, всего лишь до весны 1920-го...

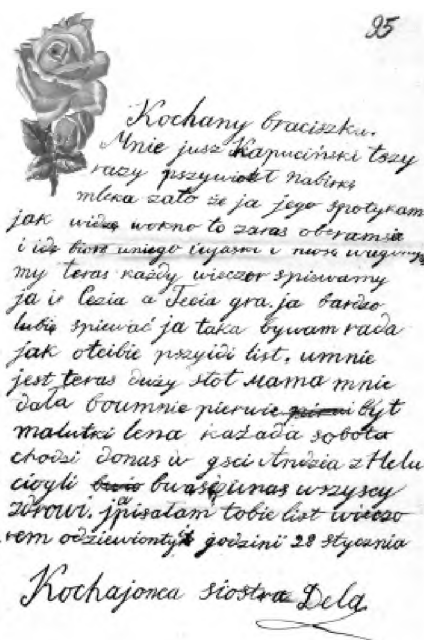
Конверты от переписки С. М. Леха 1892—1894 гг. (КОКМ ОФ 35183/17—20)

Упреждая же возможную ревность жениха, Вера сообщала ему о некоем докторе, видимо, когда-то неудачно претендовавшем на её расположение: «...Тебе какой-то субъект сказал, что В. Б. Вас любит только потому, что ненавидит доктора, но они все, которые так говорят и думают, жестоко ошибаются. Я не потому тебя люблю, что какой-нибудь доктор мне на (неразборчиво) или какой-нибудь другой причине, а я просто тебя полюбила всеми силами своей души, и никакая сила не заставит меня разлюбить тебя, а, напротив, чем дальше, тем я больше и больше люблю своего Стасика, который меня любит очень сильно, и никакие разговоры подобных типов, которыми (неразборчиво) Стасика услужливые языки, не смутят душу сомнением. Дорогой Стасик, когда же будет то время, когда будем все вместе? Мне не верится, что это когда-нибудь

будет. Мне сейчас сильно хочется сесть тебе на колени и целовать тебя, но это только хочется, а исполнить моё желание нет возможности. Я сейчас смотрю на твою карточку и думаю, что ты теперь дома и пишешь или читаешь и думаешь о твоём Верунчике...» [19].

Упомянутая Надя, младшая сестра Веры Борисовны, в то время гимназистка, самостоятельно поддерживала с Лехом уважительно-дружеские отношения, делясь с ним своими новостями, если, конечно, они имелись (ГИ 14107 — ГИ 14111). Вот фрагмент её, выведенного старательной детской рукой, послания: «Дорогой Станислав Матвеевич! По какой причине Вы просите меня не сердиться на Вас за то, что Вы называете меня уменьшённым именем? Ведь и дома Вы меня так же звали. Я, напротив, очень рада этому... Что я могу Вам написать после всех Ваших философствований? Смешно будет, если Вы мне будете писать о различных высоких предметах, как, например: о свободе людей, о жизни, о пользе чтения, а я Вам о своих единицах и двойках, даже чуть не о куклах... Вот, например, я хотела бы поделиться с Вами всеми мыслями и новостями, но, к сожалению, нет ни новых мыслей, ни других новостей...» [20]. Посылала письма Леху и Верина сестра Людмила.

Спустя много лет, в 1908 г., вместе с семьёй Лехов в Петропавловске жила некая «девица Навак» [21, с. 440], видимо, одна из младших сестёр Веры Борисовны.

Фрагменты писем от брата Людовика и сестры Делы
(КОКМ ОФ 35178/7—8)

С. М. Лех, конец XIX в.
(КОКМ ОФ 35212)

Свадьбу молодые сыграли в Посьете 8 января 1895 г. От этого торжества в семейном архиве осталось меню парадного обеда: «Майонез из рыбы, телятина с шампиньонами и горошком, гусь с яблоками. На десерт — мороженое» [22]. «За здоровье молодых поднимаем бокал! Ура!» — со станции Новокиевской спешили поздравить молодых Врук, Пермин и Клименко [23]. «Поздравляем Веру Борисовну, Станислава Матвеевича со счастливым днём бракосочетания с пожеланием всего наилучшего вам, новобрачным», — телеграфировал из Владивостока некто Чернов [24].

16 сентября 1895 г. Вера Борисовна отметила именины. Из Иркутска пришла телеграмма «Поздравляем Верочку с днём ангела. Целуем. Родители, сёстры, братья» [25].

Молодой супруг тем временем служил как в Посьете, так и в командировках в Славянке. 12 июля 1896 г. он, всё ещё подпоручик, в состязательной офицерской стрельбе «выполнил условие на получение обыкновенного приза суммою квадратов действительных выстрелов 264, в чём подписью и приложением казённой печати удостоверяю». Свидетельство, выданное победителю 31 июля 1896 г., подписал начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады [26].

Это свидетельство — последний документ, из которого мы может проследить биографию С. М. Леха в её докамчатский период. Следующее упоминание о нём относится только к 1903 г., когда он был помощником начальника уезда Командорских островов.

Станислав Матвеевич!
и Анна Борисовна!

Поздравляю Вас с замечательным браком и сердечно желаю Вам в жизни много счастья; желаю счастья, что много не может возразить против поздравлений

С искренним пожеланием и совершенным уважением
нашего доброго друга
М. Стенько

Поздравление с днём бракосочетания
(ГИ 14114)

1895г.
8 января.

МЕНЮ.

1) Мясо с жареным картофелем
2) Паштет с шампиньонами
3) Суп с горошкой
4) Утка с яблоками
5) Морозенное.

Меню свадебного обеда 8 января 1895 г.
(ГИ 14113)

24 мая 1902 года северные округа Приморской области, в том числе Петропавловский, переименовали в уезды, во главе которых стояли начальники, несшие как административные, так и полицейские обязанности. Первым начальником Петропавловского уезда в 1903—1904 гг. был А. П. Сильницкий, затем, после его незаконного отстранения от должности, — некоторое время чиновник Павский.

В навигацию 1904 г. Камчатка из-за начавшейся войны с Японией не имела паровозного сообщения с Владивостоком. Казённое продовольствие и снабжение на полуостров доставлялись при посредничестве Камчатского торгово-промышленного общества на американских пароходах из Сан-Франциско. Эти же пароходы изредка доставляли известия о ходе войны, причём в американском изложении. Тем не менее пребывавшие в блокаде камчатцы сумели в 1904 г. дать врагу достойный отпор. Японцы, понеся существенные потери, не смогли в этом сезоне закрепиться на полуострове и не сумели вывезти с него ни одного рыбьего хвоста: побережье охраняли дружинники-ополченцы.

Весной 1905 г. начальником Петропавловского уезда был назначен надворный советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VII класса соответствует армейскому подполковнику) Станислав Матвеевич Лех. Он прибыл в Петропавловск из Владивостока через Иркутск, Якутск, Охотск и Гижигу. Последние военные новости, привезённые им, были аж январскими.

20 апреля 1905 г. С. М. Лех подписал приказ № 2, которым весь Петропавловский уезд объявлялся находящимся на военном положении. Все пребывавшие в запасе офицеры и нижние чины призывались на действительную службу. Им следовало «немедленно представить свои запасные билеты местным сельским властям, в распоряжение коих они и поступят впредь до отправки на сборный пункт». Таковыми пунктами

определялись: по западному берегу Камчатки — Большерецк и Тигиль, по восточному — Усть-Камчатск и Петропавловск.

2 июня 1905 г. в Авачинскую губу зашёл пароход «Цецилия» под германским коммерческим флагом. По давно заведённому порядку начальник уезда С. М. Лех и уездный врач В. Н. Тюшов прибыли на него для выполнения требуемых формальностей по оформлению прихода. «Цецилия» простояла в Петропавловске четыре дня. Перед отходом её капитан под большим секретом поделился с одним горожанином новостью о майском разгроме русского флота: «Флота вашего нет, да и в Петропавловске, как оказывается, так же нет военных судов. Когда мы будем уходить, я брошу вам газеты, из которых вы узнаете о вашем флоте...» Из английских газет, издававшихся в Шанхае, «сперва с недоверием, а потом с полным отчаянием жители Петропавловска узнали ужас Цусимской катастрофы».

25 июля в порт прибыл пароход «Австралия», привезший почту и 29 175 руб. 62 коп. для Петропавловского полицейского управления. Эти деньги вместе с другими хранились в управлении в сейфе. Сейф был опечатан, а ключ от него Лех держал при себе. На этом же пароходе прибыл представитель Министерства внутренних дел, некогда начальник уезда Командорских островов Н. А. Гребницкий, «из рассказов коего стало известно, что “Австралия” на пути из Охотского моря в Петропавловск встретила и была освещена прожектором японского крейсера “Идзуми”».

А вскоре Петропавловск подвергся нападению отряда японских кораблей. 31 июля в Авачинскую губу вошли два лёгких крейсера: «Сума» и упомянутый «Идзуми». Около одиннадцати часов они подошли к Петропавловску и примерно через четверть часа открыли огонь. Лех отправился в управление спасать кассу. Придя туда, он «обнаружил отсутствие ключей, оставшихся дома, вероятно, в прежнем его костюме. Лех вернулся домой, взял ключи, пошёл обратно в управление, но по дороге увидел разорвавшийся близ управления снаряд, вернулся назад и, опасаясь, что в случае его смерти или плена Камчатка останется без руководителя, уехал совсем из города, бросив кассу, в коей всего было около 40 000 руб. на произвол судьбы. Здание управления было действительно повреждено впоследствии снарядами, причём по уходе японцев, съезжавших на берег, оказалось, что касса разбита и 40 000 руб. исчезли. За время бомбардировки помощник начальника уезда Павский, на обязанности коего было хранение и заведование кассой Командорских островов, успел прийти в управление и лично вынести лежавший на кассе управления ящик с кассой Командорских островов».

С. М. Лех и камчатские ополченцы во время русско-японской войны, 1905 г.

После войны следствие о пропаже казённых денег вёл Владивостокский окружной суд. Лех был допрошен по делу, к нему применили «подписку о неотлучке». Велись допросы и других свидетелей событий июля-августа 1905 г. Расследование тянулось на протяжении многих лет и, судя по всему, закончилось ничем [27, с. 23—25].

В Петропавловске японские крейсера простояли несколько дней, после чего ушли. Горожане перебрались в селение Завойко (ныне Елизово. — С. Г.). В Петропавловске остались несколько человек. По их рассказам, японцы обращались с ними хорошо и враждебных чувств не проявляли. В Завойко начальник уезда и местный торговец, он же Петропавловский городской староста, Г. М. Чупятов организовали ополчение из казаков, вооружённых винтовками Бердана. Население города вскоре вернулось обратно и ещё долго жило в полной неизвестности. Но японцы больше не появлялись.

Занятие Петропавловска стало одним из последних эпизодов русско-японской войны. В августе 1905 г. между воюющими странами был заключён мирный договор. О нём на полуострове вновь узнали с опозданием. Только 18 ноября 1905 г. начальник уезда известил старост селений западного берега Камчатки об окончании войны: «Довожу до всеобщего сведения, что прибывший пароход привёз нам известие об окончании войны и о заключении мира. Теперь следует помолиться Богу за ниспослание мира, и чтобы мир был продолжительный, чтобы кровь человеческая более не проливалась» [28].

Свидетельств о жизни Петропавловска в 1905—1913 гг. сохранилось немного. В их числе такие малоизвестные, как книга посетившего его генерала-гидрографа М. С. Латернера «Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на “Шилке”» и изданный камчатской колонией в Шанхае в 1940 г. в память двухсотлетия основания Петропавловска юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940». Ценность этих материалов заключается в том, что их оставили не случайные заезжие, а серьёзные учёные и администраторы, привыкшие к точному и ёмкому описанию фактов и событий.

Вот как выглядел Петропавловск летом 1908 г. по описанию М. С. Латернера: город «...невелик: часа достаточно для ознакомления с ним с внешней стороны. Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем ковш от лагуны, находящейся за городом... Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы. На этом же проспекте есть ещё другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленного общества. Остальные дома как проспекта, так параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь наехавшего люда, не успевшего ещё обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника (С. М. Леха. — С. Г.), стоящий среди десятка старых лип и выстроенный из материала, оставшегося от дома адмирала Завойко. Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битого бутылочного стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов, или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений «распивочно и на вынос» и продажа во всех лавках водочных изделий. Единственная японская лавка и та, кроме готового платья и разной мелочи, торгует и скверным японским пивом. Вывески ремесленников совершенно отсутствуют. Ни гостиницы, ни постоялого двора в городе нет. На склоне Никольской горы, обращённом к лагуне, расположена братская могила. Вблизи её, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловского гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны.

На небольшой площади, вблизи пристани и полицейского управления стоит Камчатский собор, он состоит из двух деревянных церквей...» [21, с. 429—430].

Круг обязанностей начальника Петропавловского уезда был широк. Вот лишь несколько примеров его многочисленных забот. В воскресенье 13 июля 1908 г. в полицейском управлении прошёл пушной аукцион. Продавали пушнину, собранную в качестве ясака с жителей Петропавловского уезда. Этот аукцион стал первым за большой

промежуток времени: в предшествующие годы всю пушнину отправляли для продажи во Владивосток. С. М. Лех устроил его, пользуясь пребыванием в порте нескольких пароходов. Но ожидаемых результатов достичь не удалось: даже первосортная шкура морского бобра оказалась продана довольно дёшево — за 800 руб.

25 июня 1908 г. С. М. Лех докладывал прибывшему в Петропавловск губернатору Приморской области В. Е. Флугу о создавшихся напряжённых взаимоотношениях местных жителей, заселявших устья рек, с чинами рыболовного надзора. Недавно на Камчатку на охранном крейсере «Командор Беринг» прибыл чиновник Министерства государственных имуществ, ведавшего рыболовными угодьями. Он разъяснил, что местные рыбаки могут продавать пойманный ими лосось кому хотят, но только не японским рыбопромышленникам, получившим по русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. официальный доступ к протяжённым берегам полуострова и с каждым годом всё плотнее «заселявшим» их. Однако ввиду неразвитости отечественной рыбопромышленности других покупателей не имелось. В прошлом, 1907 г., Г. М. Чупятов скупил улов у жителей и перепродал его японцам. Заведующий рыбными промыслами запретил эту продажу и хотел арестовать всю рыбу. Уездный начальник содействовать ему в этом отказался [21, с. 445—446], понимая, что средства, вырученные от таковой продажи, являются существенной добавкой к небогатому бюджету местных жителей. Надо сказать, что местное общество пребывало с заведующим рыбными промыслами «не в ладу», не сумев найти с ним общего языка. Вопрос о возможности продажи улова иноземным промышленникам успешно разрешился в следующем рыболовном сезоне.

Внимания требовала располагавшаяся неподалеку от Петропавловска в бухте Раковой колония прокажённых (лепрозорий). В 1908 г. там содержались десять взрослых больных и двое детей десяти-двенадцати лет. Жизнь здесь была тягостной: «больные проводят время в полной праздности, и только один занимается зверовой охотой в ближайших горах. Недавно умер один больной, категорически отказывавшийся даже убирать около себя, говоря: вы меня сюда посадили, так и делайте всё сами. Побегов больных почти не бывает. С больными живёт много лет фельдшер, физически здоровый человек, но почти всегда пьяный». С. М. Лех занимался благоустройством колонии, пользуясь для этого «всяким случаем получить с кого можно, чем можно и сколько можно. Чаще всего, конечно, дают деньгами, но он не отказывается брать строительными материалами, медикаментами и прочим». Вот на такие средства и были построены три домика, в которых располагались больные.

А вот пример работы возглавляемого начальником уезда полицейского управления по прямому назначению: расследованию уголовного преступления. Пятничным утром 19 сентября 1908 г. в складе Камчатского торгово-промышленного общества обнаружилась кража ценной пушнины. Исчезли шкуры двух морских бобров, 136 соболей, 100 горностаев и другие общей стоимостью 15 тыс. руб. Одну из собольих шкурок нашли втопанной в грязь на улице. Осмотр места происшествия показал, что работала группа злоумышленников: замки на дверях целы, подкопа, следов проникновения через слуховые окна нет, только в одном из окон вырезаны два стекла. Их размеры не позволяли пролезть сквозь окна взрослому человеку. Видимо, кто-то из злоумышленников пробрался в склад перед его закрытием. Ночью он взломал сундуки с пушниной и передал её через вырезанные стекла подельникам, отнёсшим похищенное в заранее приготовленное место. Утром, как только склад открылся, преступник незаметно вышел. Проведённый обыск на пароходах, стоявших в порту, ничего не дал. «По поводу этой кражи в городе много толков, и никто не сомневается, что она учинена “мурками” (то есть приезжими. — С. Г.). Отсюда вывод: как можно меньше безработных пускать в край» [21, с. 455—456].

Вообще-то подобное в Петропавловске происходило редко. Из отзывов многих гостей города следует, что местные жители отличались кротким нравом, определенным благочестием, патриархальностью уклада и почитанием властей. Первыми тяжёлыми уголовными преступлениями считаются уже упомянутый взлом сейфа в 1905 г. в полицейском управлении во время эвакуации города и исчезновение из Петропавловского казначейства в ноябре 1912 г. 192 тыс. руб. Характерно, что оба «были произведены

приезжими» [21, с. 457]. Первое известное убийство, причём ребенка, произошло в Петропавловске в ночь на 2 октября 1916 г. «Неизвестными злоумышленниками произведено дерзкое, возмутительное преступление. Убит мальчик — ученик высшего городского училища Терентий Дергач. Труп Дергача найден И. Новограбленным под мостом за Култучным озером. К розыску злоумышленников приняты энергичные меры» [29]. Чем завершились эти розыски, нам неизвестно.

Служебные заботы — заботами, а отдых — отдыхом. Хотя последний тоже требовал определённых хлопот. Для прибывавших в Петропавловск гостей начальник уезда и его супруга устраивали вечеринки. Они проходили традиционно: ужин, карточная игра, неспешные беседы, музицирование. «Каждая вечеринка кончается игрой в “макао”, именуемой здесь “девяткой”. Это, кажется, единственная азартная игра, которую знают в Камчатке». Особенно ценили эти вечера отдыха морские офицеры, получавшие возможность провести несколько часов вне корабля. А вообще-то, гости признавали, что эти собрания «причиняют значительные хлопоты госпоже Лех» [21, с. 439]. (А дел у Веры Борисовны и так хватало. Взять хотя бы заботы о собственном многочисленном семействе. По словам побывавшего в 1910 г. в Петропавловске Г. Крамаренко, у Лехов было пятеро детей: «Из девочек самой старшей лет четырнадцать-пятнадцать, самой младшей лет пять, и один мальчик Валя».)

Дом начальника Петропавловского уезда и сад возле него.
Сейчас на этом месте находится сквер Лаперуза (Ф-4210)

Это, так сказать, дружеские посиделки. А вот как проходили официальные приёмы, в которых начальник уезда принимал участие по должности. В субботу 28 июня по случаю отъезда прямого начальника — губернатора Приморской области В. Е. Флуга, у С. М. Леха состоялся обед. После него все присутствовавшие сфотографировались в саду возле дома. Вечером губернатор дал ответный приём на военном транспорте «Шилка». Стол накрыли на верхней палубе, украшенной флагами и разноцветными электрическими лампами. По окончании приема все присутствовавшие перебрались на ухотивший во Владивосток пароход Камчатского торгово-промышленного общества «Котик». Когда последний тронулся, казаки, выстроенные на Сигнальном мысу, дали несколько ружейных залпов, а городской староста Г. М. Чупятов там же зажёл фейерверк.

А вот ещё одно долгожданное «культурное событие общегородского масштаба». Вечером 13 июня 1908 г. небольшой зал городского училища был битком набит публикой: давался вечер, сбор от которого должен был пойти в пользу учебного

заведения. Большинству местных жителей впервые предстояло увидеть поставленную любителями драматического искусства пьесу Островского «Не всё коту масленица». Ещё вчера по городу расклеили рукописные афиши и разослали приглашительные билеты. Любители драматического искусства сыграли для первого раза неплохо. После спектакля два любителя пения — доктор Квашонкин и купец Одолин — исполнили несколько дуэтов, вызвав настоящий восторг присутствующих. Затем состоялись танцы под звуки граммофона. Сбор за этот, как мы бы сейчас сказали, благотворительный вечер, превзошёл все ожидания. Плата за билеты, чай, конфеты, напитки, карты превысила 400 руб. Один из пришедших дал за билет 100 руб. Кроме этого, декорации, парики и грим, выписанные некоторыми любителями драматургии за свой счёт, тоже были пожертвованы в пользу училища [21, с. 452—453].

Благотворительности не чурался и начальник уезда. Известно, что в 1907 г. он подарил библиотеке городского училища 109 книг, в 1912 г. пожертвовал три рубля в Петропавловскую больницу на приобретение белья, в октябре 1916 г. передал пять фунтов махорки для нужд действующей армии. 1 января 1917 г. «Камчатский листок» в специальной рубрике «Солдату в окопы» в списке лиц, внёсших пожертвование взамен новогодних визитов в пользу раненых воинов и их семейств, вновь упоминает и С. М. Леха [30].

В июле 1908 г. Петропавловское полицейское управление получило с казённой почтой «штаты» будущей Камчатской губернии. Препроводительная бумага требовала от уездного начальника с первым отходящим парходом текущей навигации выслать приамурской краевой администрации «соображения о найдешевейшем для казны способе перемещения в Петропавловск будущих чинов губернской администрации». С. М. Лех, смеялся по этому поводу: «Отвечу — “на добровольце по третьему классу”», подразумевая самые дешёвые места на грузопассажирском пароходе Добровольного флота.

«Штаты» предполагалось ввести в действие со второй половины 1909 г. Новая Камчатская губерния должна была вобрать существовавшие Анадырский, Охотский, Гижигинский и Петропавловский уезды. Последний предполагалось разделить на три части с резиденциями приставов в Петропавловске, Усть-Камчатске и Тигиле.

Будущему губернатору устанавливался годовой оклад в 12 тыс. руб., ещё 2 тыс. предназначались в качестве «квартирных». Губернское правление включало: вице-губернатора, заведующих медицинской и ветеринарной частями, инженера, он же архитектор, правителя канцелярии, двух старших и двух младших делопроизводителей, журналиста, ветеринарного фельдшера, четырёх чиновников для особых поручений. Помимо них, предполагались должности ихтиолога, лесничего, представителя государственного контроля, товарища (заместителя) прокурора. Организовывались казначейство и почтовая контора.

«Штаты» не содержали должностей мировых судей. Их обязанности, а также заботы судебных следователей, по-прежнему должны были нести уездные начальники. По этому поводу С. М. Лех вполне резонно замечал, что вместо ихтиолога, лесничего и контролёра, которым пока не было никакой работы, следовало бы иметь несколько мировых судей. «Неудобства совмещения административной должности с судебной особенно сильно чувствуются в делах казённого управления, где приходится постановлять приговоры по собственным протоколам или в делах, где полиция является в роли частного обвинителя». Впрочем, вскоре стало ясно, что в Петропавловске будет открыт самостоятельный окружной суд.

В 1909 г. произошло ожидавшееся коренное административное переустройство Приамурского края, который был разделён на четыре области: Амурскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую, где введены губернские учреждения. Камчатская область включала шесть уездов: Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Чукотский, Анадырский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники и их помощники [31, с. 109]. Одновременно последовало «Высочайшее повеление» о соединении Камчатки с метрополией радиосвязью и о постройке на полуострове телеграфной линии между Петропавловском и Охотском протяжением в три тысячи километров.

Первым камчатским губернатором назначен доктор медицины статский советник В. В. Перфильев, вице-губернатором — Е. Ф. Бодунген. Вместе с ними в Петропавловск был отправлен и соответствующий штат служащих различных учреждений.

В соответствии со «Списком служащих Министерства внутренних дел по Камчатской области на 1 января 1915 г.», областную администрацию составляли: губернатор Николай Васильевич Мономахов, вице-губернатор Александр Гаврилович Чаплинский, правитель канцелярии Фёдор Фёдорович Сомов, старший делопроизводитель канцелярии Эмиль Эдуардович Михельсон, старший чиновник особых поручений Вячеслав Ростиславович Викентьев, младший чиновник особых поручений Апполон Петрович Журавский, сверхштатный младший чиновник Петр Митрофанович Клочков, младший делопроизводитель Константин Андреевич Ковальчук-Коваль, исполнитель Емельян Филиппович Барыкин.

Полицейскую администрацию области составляли: начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех, его помощник Андрей Михайлович Пименов, секретарь Петропавловского полицейского уезда Иннокентий Михайлович Громов, приставы: первого стана Валентин Павлович Костров, второго — Ефим Сергеевич Михряков, третьего — Людвиг Леонтьевич Шикер; начальники уездов: Гижигинского — Владимир Георгиевич Осмоловский, Охотского — Николай Николаевич Червлянский, Анадырского — Николай Александрович Складенко, Чукотского — барон Эвальд Вильгельмович Клейст, Марковского — Николай Павлович Сокольников [32].

В 1909—1910 гг. начинается активная застройка Петропавловска. В городе возведены больше тридцати казённых зданий для размещения учреждений и расселения их служащих. Областной центр получил радиосвязь с материком. Все строительные материалы и артели рабочих доставлялись пароходами из Владивостока. Число рейсов росло от навигации к навигации. Постройка административных зданий начинается и в разных уездах области. Бурное строительство вызывает необычайное оживление. На Камчатку устремляются рыбопромышленники, коммерсанты, здесь открываются торговые предприятия, быстро растёт число рыбных промыслов [33, с. 119—120]. Население Камчатской области к 1 января 1913 г. насчитывало 34 492, в том числе Петропавловского уезда — 10 681 чел.

В 1909 г. в Петропавловске насчитывалось около шестидесяти жилых построек. С введением губернаторства камчатская столица быстро разрасталась. Среди традиционных небольших камчатских одноэтажных домиков появились вполне солидные двухэтажные здания, правда, исключительно деревянные. К 1913 г. всех домов было уже две сотни. Каменные постройки не строились из-за опасения их разрушения частыми землетрясениями. Ещё одной серьёзной опасностью для скученного деревянного города был огонь. Специальной пожарной охраны и снаряжения, за исключением ручного насоса и двух бочек, при Петропавловском полицейском управлении не имелось. Поэтому у С. М. Лехи возникла мысль учредить добровольную пожарную дружину, что им и было сделано. Численность дружинников быстро достигла сорока, с ними еженедельно производились практические занятия. Кроме того, по желанию губернатора Н. В. Мономахова обращению с пожарными инструментами были обучены двадцать казаков и организован отряд «добровольцев-водоснабжателей» из двадцати живших в городе китайцев. Первую пожарную дружину возглавил К. А. Ковальчук-Коваль. Так на Камчатке возникло Петропавловское «вольно-пожарное» общество. Оно обладало собственным зданием (депо) и земельным участком. В депо ежедневно дежурили начальники отрядов, из него провели электрическую сигнализацию в казармы жандармской команды и казаков. На казённые средства были приобретены ещё одна, более мощная, «пожарная машина» с большим количеством шлангов, лестниц, багров, инструменты и десяток химических огнетушителей. Это хозяйство предназначалось для тушения здания радиостанции. На первых порах после образования камчатской пожарной дружины больших пожаров не было, а те, что случались, «ликвидировались в самом зачатке» [21, с. 462—463].

За заслуги в организации пожарной охраны начальнику Петропавловского уезда С. М. Леху и губернатору Камчатской области Н. В. Момахову в ноябре 1916 г. были вручены серебряные знаки почётных членов Петропавловского пожарного общества.

И все же, несмотря на принятые меры, разгулов огненной стихии избежать не удавалось. Большие пожары бушевали в январе 1911 и в декабре 1913 г., уничтожив радиостанцию и здание почтово-телеграфной конторы, а также жильё служащих.

Об одном из пожаров, случившемся пять дней назад, 7 октября 1916 г. известил городских обывателей «Камчатский листок»: «Около двенадцати часов дня было получено известие, что кем-то пущен пал у подножия Мишенной горы, и каковой может угрожать, если не городу, то, вполне возможно, что ферме. Были приняты меры, как к тушению пала, так и к недопущению разыграться в стихийное бедствие, немедленно были отправлены на место пожара: наличие свободных казаков, жандармы в количестве двадцати человек. Китайское население отправило от себя до пятидесяти человек. Руководство над китайцами на месте пожара было поручено господину Лю Тин Цзинцу, который с возложенной на него задачей справился вполне. Жители селения Сероглазка как один человек высыпали по дороге от Сероглазки на ферму и работали под руководством начальника Петропавловского уезда С. М. Лех. На борьбу с огнём из Сероглазки вышла и Акулина Дьячкова с метлою в компании нескольких мужчин и принимала деятельное участие. Причина пожара до сего времени не выяснена. При сухой траве легко предположить случайность от брошенной папироски или спички» [27, с. 35].

А 12 декабря 1916 г. случился сильный пожар, которым было уничтожено... само здание пожарного общества [21, с. 464].

Осенью 1916 г. власть в области и Петропавловском уезде перешла ко «вторым» лицам. Начальник уезда захворал настолько серьезно, что 29 октября передал полномочия помощнику А. М. Пименову, который теперь именовался «исправляющим должность» начальника уезда. В свою очередь «исправляющим должность помощника начальника уезда» стал Н. В. Гантимуров А 16 ноября 1916 г. губернатор действительный статский советник Н. В. Мономахов на «Индибирке» — последнем пароходе закрывавшейся навигации — уехал в разрешённый министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Накануне в семь часов вечера в собрании драматического общества по случаю отъезда его превосходительства состоялся прощальный обед [27, с. 33]. Во главе области остался вице-губернатор действительный статский советник А. Г. Чаплинский.

Петропавловское уездное полицейское управление продолжило свою обычную деятельность. Так, 12 декабря А. М. Пименов объявил «для всеобщего сведения», что 18-го числа в его здании состоится аукционная продажа тридцати двух шкур морских котиков, присланных старшим смотрителем командорских пушных и рыбных промыслов [34].

10 января 1917 г. ещё болевший С. М. Лех через «Камчатский листок» (№ 740) обратился к горожанам с личной просьбой: «Мною утерян выигрышный билет Третьего выигрышного займа». Нашедшему предлагалось вернуть билет «за хорошее вознаграждение». Тут же Лех предупреждал, что за сокрытие билета будет преследовать судом.

28 января 1917 г. А. М. Пименов известил Петропавловских домохозяев: «Для свалки мусора и вообще нечистот отведено место по дороге в Сероглазку около кладбищенской горы и это место обозначено столбами с соответствующими надписями. Обыватели города Петропавловска все нечистоты и мусор обязаны вывозить на указанное место, в противном случае виновные подлежат законной ответственности, а, между прочим, некоторые из обывателей этого требования не выполняют и валят навоз, мусор и нечистоты на лёд Култучного озера. Напоминая обывателям о выполнении означенного требования, предупреждаю, что за невыполнением означенного требования я строго буду следить всеми имеющимися в моём распоряжении средствами, и виновные будут привлекаться к законной ответственности» [35].

А совсем скоро размеренная и привычная жизнь камчатских обывателей и их руководителей начала стремительно рушиться. 1 марта 1917 г. в Петропавловск по радио пришли ошеломляющие сведения об отречении императора Николая II от престола. Эта новость во всеуслышание была объявлена горожанам после богослужения с паперти Петропавловского собора вице-губернатором А. Г. Чаплинским толь-

ко через три дня. 8 марта в присутствии вице-губернатора, губернской администрации и епископа Камчатского и Петропавловского Нестора прошло общее собрание горожан и представителей окрестных селений. Здесь же по указанию Временного правительства России был избран областной комитет общественной безопасности (областной комитет). Такие же комитеты появились и в уездах.

Областной комитет сделал представление Временному правительству о назначении должностных лиц. Вице-губернатор А. Г. Чаплинский и уездные начальники были переименованы в комиссаров Временного правительства. По свидетельству общественного деятеля А. А. Пурина, областной комитет «занялся хозяйственными вопросами края и разработкой проектов о местном самоуправлении, считая, что до Учредительного собрания административный аппарат области не должен быть изменён. Все мы дружно сотрудничали, и никаких разногласий между нами не возникало».

В середине марта Временное правительство телеграммой предложило заменить вице-губернатора и старую администрацию вновь избранными лицами, «так как правительство считало неудобным в условиях революции оставление их у административного аппарата». Из газеты «Камчатский листок» следует, что 11 марта 1917 г. начальником Петропавловского уезда вновь числился А. М. Пименов, а 19 марта он уже именуется «уездным комиссаром».

Административный аппарат Камчатской области был реформирован в апреле 1917 г. Первым лицом области — областным комиссаром — избрали члена Петропавловского окружного суда, до этого председателя областного комитета К. А. Емельянова. Новым председателем областного комитета стал А. А. Пурин. Одновременно была образована комиссия по созыву Первого Камчатского областного съезда представителей населения для обсуждения и разрешения всех затрагивающих интересы области вопросов. Между прочим, областной комитет разместился в бывшем губернаторском доме, а потом к нему добавилась Камчатская областная продовольственная управа.

По словам А. А. Пурина, «русская революция, как всякая революция, дала волю анархически настроенным элементам. Особенно много их находилось на Камчатке. Легальными и нелегальными путями проникали они сюда, спасаясь от военной службы, растекались по соболиным заповедникам и золотоносным районам, где годами занимались хищничеством и сбытом ценностей через сельских посредников. Когда пришла революция, весь этот элемент выполз из своих нор и появился в разных местах области и в Петропавловске. Отдельные лица начали вести себя вызывающе и выступать против администрации» [33, с. 130—131].

Если в Петропавловске смена власти прошла мирно, то в отдалённых уездах области было беспокойно. Так, в Ново-Мариинске под арестом оказался бывший начальник Анадырского уезда К. Г. Царегородцев. По свидетельству А. А. Пурина, «в конце июня группа хищников, всё время издевавшаяся над К. Г. Царегородцевым, доставила его в Петропавловск для народного суда. Обвинительный материал в нескольких томах был передан прокурору окружного суда. Никакой вины за К. Г. Царегородцевым не значилось. Его обвиняли в том, что он законными мерами боролся с хищничеством и спаиванием инородцев и не допускал обирать их. По освобождении К. Г. Царегородцева последовал призыв к резне, и недовольные выехали во Владивосток...» [33, с. 132].

Может быть, опасение возможной расправы и стало причиной того, что бывший начальник Петропавловского уезда коллежский советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VI класса соответствовал армейскому полковнику) С. М. Лех покинул полуостров ещё до наступления лета 1917 г. Тогда это можно было сделать только одним способом: на пароходе. Но точных данных на этот счёт мы не имеем. Известно, что главный снабженец Камчатки — Добровольный флот — планировал отправку своего первого судна навигации 1917 г. на Камчатку на 24 марта. Следовательно, его заход в Петропавловск можно было ожидать не раньше начала апреля. Второй пароход флот намеревался послать из Владивостока лишь 10 мая. Между 15 и 25 марта в Петропавловске ожидалась шхуна «Бельведер» торгового дома «Гибард, Свенсон и К°». Опубликованное заранее объявление торгового дома обещало:

«Продажа всевозможных товаров. Цены вне конкуренции. Покупка разной пушнины по наивысшей цене».

Косвенным подтверждением поспешного покидания Лехом места долгой службы являются оставленные им многочисленные сугубо личные документы и письма, использованные при написании этого очерка. Столько личных бумаг до нас не дошло ни от губернатора Н. В. Мономахова, ни от вице-губернатора А. Г. Чаплинского.

Во вторник 4 июля в Петропавловск пришёл пароход «Ставрополь». В этот же день отправился во Владивосток пароход «Тверь», на котором в действующую армию отбыл бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. Вместе с ним Камчатку покинул бывший областной инженер И. С. Багинов. В воскресенье 9 июля ушёл пароход «Астрахань», на котором уехали епископ Нестор, а также свыше пятидесяти призывников, направлявшихся в действующую армию. В числе покидавших Камчатку находился и освобождённый от судебного преследования бывший Анадырский уездный начальник К. Г. Царегородцев... [36, 37].

Как сложилась судьба Леха и его семьи после отъезда с Камчатки, мы тоже не знаем. Известно лишь, что наш герой — бывший начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех — прожил недолго. Он погиб, будучи в возрасте сорока восьми с небольшим лет. Об этом скупко сообщает юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940»: «Прослужил на Камчатке с 1903 по 1917 год. Погиб в Николаевске-на-Амуре в 1920 году» [31, с. 17].

В последний день февраля 1920 г. Николаевск-на-Амуре заняли отряды красного партизана-анархиста Я. И. Тряпицына. В их власти город, захлестнутый безбрежным террором против всех слоев населения, пребывал несколько месяцев. С 1 марта по 2 июня 1920 г. «партизаны», а точнее, бандиты, расстреляли, зарезали, утопили и засекали шомполами всех офицеров, большую часть интеллигенции, многих крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Была уничтожена вся японская колония во главе с консулом, а также экспедиционный отряд японских войск. Город был разграблен и сожжён дотла. Количество убитых в Николаевске-на-Амуре русских граждан превышало 6 000, японцев — 700 чел. [32].

Одной из жертв этого террора и стал С. М. Лех. Пострадали и другие камчатцы, пребывавшие в ту пору в Николаевске. Так почти полностью был уничтожен состав Петропавловского окружного суда, переведённого сюда с полуострова в конце 1918 г. [21, с. 459].

ИСТОЧНИКИ

1. Польское восстание (1863) / Википедия. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. ГИ 13963.
3. Христофор Швермицкий. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: http://express.irkutsk.ru/history/people/schvem_x.htm/.
4. ГИ 13961.
5. ГИ 13964.
6. ГИ 13957.
7. ГИ 13965.
8. ГИ 13960.
9. КОКМ ОФ 35194.
10. КОКМ ОФ 36190.
11. КОКМ ОФ 35192/3.
12. Подпрапорщик / Википедия. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
13. ГИ 13959.
14. ГИ 13985.
15. КОКМ ОФ 35192/5.
16. КОКМ ОФ 35183/5.
17. ГИ 14093.
18. ГИ 14103.
19. ГИ 14096.

20. ГИ 14107.
21. Вопросы истории Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. — 472 с.
22. ГИ 14113.
23. КОКМ ОФ 35180/2.
24. КОКМ ОФ 35180/7.
25. КОКМ ОФ 35182.
26. ГИ 13966.
27. *Гаврилов С. В.* Маленькие камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2002. — 302 с.
28. НВФ 2811.
29. Камчатский листок. — 1916 г. — 13 окт. — № 674.
30. ККМГИ 5762. Камчатский листок. — 1917. — 1 янв. — № 734.
31. Камчатка 1740—1940. Юбилейный сборник в память двухсотлетия основания города Петропавловска-на-Камчатке. — Шанхай: Слово, 1940. — 248 с.
32. РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 109.
33. Вопросы истории Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. — 408 с.
34. ККМГИ 5751. Камчатский листок. — 1916. — 14 дек. — № 722.
35. Камчатский листок. — 1917 г. — 28 янв. — № 756.
36. Камчатский листок. — 1917 г. — 7 июля. — № 880.
37. Камчатский листок. — 1917 г. — 11 июля. — № 883.
38. Красный террор в Сибири. Годы 1919—1920. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/29-1-0-1199/>.

С. В. ГРАФСКАЯ

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МОНОМАХОВЫХ

Имя Николая Владимировича Мономахова — губернатора Камчатской области в период с 1912 по 1917 гг. — навсегда вписано в историческую летопись Камчатки. В фондах КГУ ККОМ хранится его мемориальный фонд. Предыстория его формирования началась в 1982 г., когда тогдашнему Камчатскому областному краеведческому музею было передано здание по ул. Ленинской, 20. До 1917 г. здесь располагалась канцелярия губернатора Камчатской области. Летом 1988 г. в ходе исследования чердака бывшей канцелярии сотрудники музея нашли документы и предметы, так или иначе связанные с историей семьи последнего камчатского губернатора дореволюционного периода, действительного статского советника Н. В. Мономахова. В их число вошли визитные карточки, векселя, письма, адресованные как самому Николаю Владимировичу, так и его детям. Помимо документальных источников были найдены и предметы, ныне входящие в коллекцию вещественных источников, — флакон от одеколона, пакет от семян «Виола триколор максима», бутылка из-под масла для смазки швейных машинок фирмы «Зингер», серпантин, коробка от фотоплёнки фирмы «Кодак», бутылка из-под произведённого во Франции вина «Бордо».

В 1990 г. все эти находки были описаны и переданы в фонды музея. В учётной документации музея имеются два акта приёма на постоянное хранение. Первый — № 79 — датируется 14 апреля 1990 г., второй — № 110 — 29 мая 1990 г. В 1993 г. из поступивших предметов был сформирован фонд № 177 под названием «Мономахов Николай Владимирович, губернатор Камчатской области». В его опись внесено 58 единиц постоянного хранения. Временные рамки описи охватывают 1881—1911 гг. Часть данного фонда представлена в тематико-экспозиционном комплексе постоянной экспозиции музея «Город Петропавловск в начале двадцатого века».

Сотрудники музея, краеведы, исследователи Камчатки неоднократно предпринимали попытки проследить жизненный путь Николая Владимировича Мономахова и членов его семьи. Они исследовали документы мемориального фонда, направляли запросы в Саратовский областной музей краеведения и Саратовский городской архив (г. Саратов — историческая родина Николая Владимировича), по крупицам собирали

информацию в опубликованных за пределами Камчатки материалах. В результате исследований стали известны некоторые сведения о службе Николая Владимировича до приезда на Камчатку, о его большой и дружной семье, о последних годах жизни бывшего губернатора и некоторых его родственников. Но всё-таки оставались большие «белые пятна» — ещё незаполненные временные пробелы, загадки в истории семьи Мономаховых. В 2010 г. представилась уникальная возможность разрешить их.

Это стало возможным благодаря знакомству сотрудников музея с правнучкой Николая Владимировича — Оксаной Сергеевной Швец, которая не осталась равнодушной к истории своей семьи и проследила связь трёх её поколений. Оксана Сергеевна обращалась с запросами в Федеральную службу безопасности, исследовала адресные книги г. Санкт-Петербурга, некрологи, опубликованные источники по истории России первой половины XX в. Основываясь на материалах, переданных нашему музею О. С. Швец, попытаемся восполнить эти «белые пятна», а также подтвердить уже известные сведения о Н. В. Мономахове и членах его семьи.

Николай Владимирович Мономахов в 1912 г. сменил на посту своего предшественника — губернатора Камчатской области Василия Власевича Перфильева. Н. В. Мономахов родился в 1863 г. в селе. Никольском Сердобского уезда Саратовской губернии. Его отец — потомственный дворянин, председатель съезда мировых судей. Помимо сына Николая, в семье Мономаховых было ещё шестеро детей. Вот некоторые сведения о родных Николая Владимировича:

Брат *Александр Владимирович* (1865—1919?) в 1909 г. был полковником, командиром 13-го драгунского Военного ордена генерала-фельдмаршала графа Миниха полка. Полк размещался в польском городе Гарволине [1].

Брат *Борис Владимирович* в 1901 г. служил горным инженером на Путиловском заводе [2].

Брат *Алексей Владимирович* (1877—1930) — тоже горный инженер. До эмиграции в 1920 г. он работал в Донбассе. Похоронен во Франции [3]. Сведения об Алексее Владимировиче найдены в уникальном собрании некрологов и траурных объявлений, опубликованных в печати русского зарубежья с 1917 по 1999 гг., которое содержит сведения о более чем пятидесяти тысячах лиц, покинувших Россию. Ценность этого издания заключается, прежде всего, в том, что в нём собраны некрологи не только о выдающихся деятелях русской литературы, науки и искусства, государственных, военных, политических и общественных величинах, но и о малоизвестных лицах, навсегда покинувших родину.

Сестра *Лидия Владимировна*, по мужу Шелепина, всю жизнь прожила в Москве. Её муж в годы гражданской войны служил офицером Русской Армии.

Приёмная сестра *Зинаида Владимировна* (Квашнина-Самарина) тоже жила в Москве.

О младшем брате *Петре Владимировиче* сведения, к сожалению, не сохранились.

Чин действительного статского советника (по Табели о рангах соответствовавшего воинскому чину генерал-майора) Николай Владимирович получил в 1910 г., когда служил вице-губернатором Приморской области. Опыт административной работы он начал приобретать ещё в 1906 г., когда был назначен на должность вице-губернатора Вологодской губернии. Его деятельность как руководителя можно проследить по официальному отчёту губернатора Камчатской области за 1912—1913 гг., другим сохранившимся документам. Но это тема отдельного исследования. В нашем же очерке будут затронуты только судьбы самого Н. В. Мономахова и его отдельных потомков.

Николай Владимирович был главой большого семейства. Вместе с супругой Софьей Михайловной он воспитывал восьмерых детей: четырёх сыновей — Николая, Владимира, Михаила, Александра и четырёх дочерей — Наталью, Марию, Елену и Екатерину. Из семейной переписки, хранящейся в фондах музея, чувствуется их неподдельная забота, сопереживание друг другу. В 1916 г. Николай Владимирович Мономахов с семьёй уезжает с полуострова. Долгое время их следы были потеряны...

О судьбе бывшего губернатора Камчатки после революционных бурь 1917 г. мы узнаём из официальной справки Службы регистрации и архивных фондов по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. «Мономахов Николай Владимирович — потом-

ственный дворянин, русский, беспартийный, гражданин СССР. До ареста находился на иждивении детей, проживал в г. Ленинграде по адресу Набережная реки Мойки, д. 82, кв. 29. Был арестован 9 марта 1935 г. управлением НКВД по Ленинградской области. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 17.03.1935 Мономахов Николай Владимирович как социально опасный элемент вместе с семьёй в числе четырёх человек: жена Мономахова Софья Михайловна, 1869 года рождения, сын Мономахов Александр Николаевич, 1906 года рождения, сноха (жена сына Александра) Мономахова Антонина Васильевна, 1900 года рождения, внучка Журавская Эсфирь Аполлоновна, 1917 года рождения, осуждены к ссылке в Тургай (Казахстан) сроком на пять лет. Выбыли к месту ссылки 19 марта 1935 г.»

Семья Н. В. Мономахова в имении Никольском, 1906 г. Сидят (слева направо): сестра Н. В. Мономахова Зинаида, его жена Софья Михайловна; стоит дочь Мария. С правого края сидят (справа налево) дочери Наталья и Екатерина. Остальные — двоюродные родственники

Старшие дочери Н. В. Мономахова:
слева Наталья, справа Мария

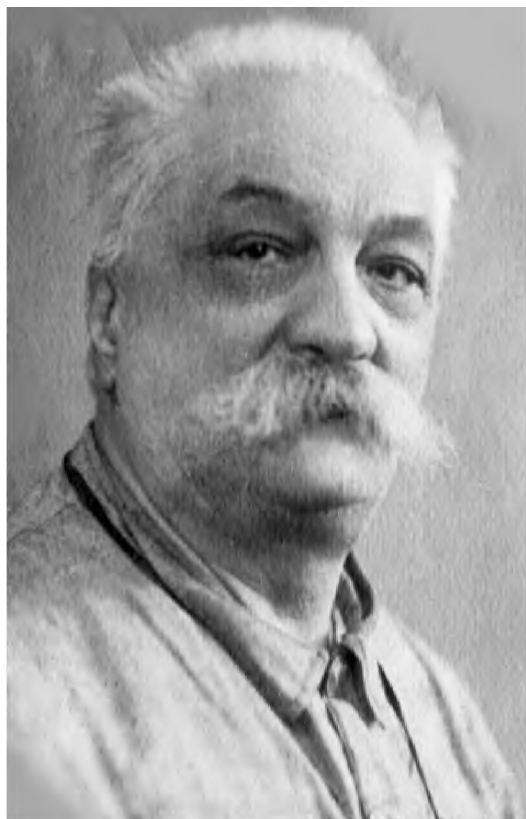

Наталья Николаевна Журавская,
урождённая Мономахова

Из протокола допроса Николая Владимировича за 10 марта 1935 г., узнаём, что ко времени ареста его сын Николай Николаевич работал техником по двигателям внутреннего сгорания в Гурьевском рыбтресте. Дочь Екатерина Николаевна — агроном по

специальным растениям — жила в Краснодаре. Сын Михаил Николаевич пребывал в лагере в городе с символическим названием «Свободный». Сын Александр Николаевич работал в Ленинградском кукольном театре.

Династию Мономаховых продолжила Эсфирь Аполлоновна Журавская, внучка Николая Владимировича, сосланная вместе с дедом в ссылку. Эсфирь — дочь известной на Камчатке поэтессы Натальи Николаевны Мономаховой и чиновника по особым поручениям при губернаторе Аполлона Петровича Журавского. Вместе Наталья Николаевна и Аполлон Петрович прожили недолго. Предположительно, они поженились в середине 1910-х гг. В 1917 г. у них родилась дочь Эсфирь, а уже 17 октября 1920 г. Аполлон Петрович был убит в Урге как «белый офицер». После смерти матери в 1924 г. Эсфирь воспитывалась в семье деда Н. В. Мономахова. В 1935 г. вместе с дедом, бабушкой и семьёй их младшего сына Александра, Эсфирь была сослана в ссылку в Тургай. Здесь Эсфирь Аполлоновна знакомится с Олегом Борисовичем Пальниковым, сосланным туда вместе со своим отцом — кадровым военным. В 1936 г. молодым разрешают вернуться в Ленинград. В 1938 г. в семье Пальниковых родилась дочь Оксана. Но и этой семье судьба не напророчила долгих лет счастливой жизни. Великая Отечественная война обрывает жизнь отца семейства: Олег Борисович Пальников погиб 21 декабря 1941 г. в боях под городом Колпино. Его похоронили там же в братской могиле.

Бывший губернатор Камчатской области в 1912—1916 гг. Николай Владимирович Мономахов, Ленинград, 1932 г.

Во время ссылки. Казахстан, 1936 г. Слева направо сидят: Александр Николаевич Мономахов, его дочь Ирина, жена Антонина Васильевна. Стоят: Эсфирь Аполлоновна (племянница Александра Николаевича) и её муж Олег Борисович Пальников (родители Оксаны Сергеевны Швец)

Забегая немного вперед, скажем, что в 2010 г. при содействии Колпинского совета ветеранов и военкомата Оксане Сергеевне Швец удалось добиться, чтобы имя её отца Олега Борисовича Пальникова было вписано в число воинов, захороненных в Колпинском мемориале.

Эсфирь Аполлоновна с дочерью первый год Великой Отечественной войны пережили в блокадном Ленинграде. В июне 1942 г. их эвакуировали в Красноярск, где в то

время пребывал брат Натальи Николаевны Михаил Николаевич Мономахов (он был артистом балета). После войны судьба забрасывает Михаила Николаевича, Эсфирь Аполлоновну и её дочь Оксану на Украину во Львов. До самой смерти в 1953 г. Михаил Николаевич работал в Львовском театре оперы и балета. Он похоронен на мемориальном Лычаковском кладбище.

В 1953 г. Эсфирь Аполлоновна вышла замуж за очень хорошего человека, друга Михаила Николаевича по гимназии, Сергея Федоровича Пистолькорса. Сергей Федорович удочерил дочь Эсфирь Аполлоновны Оксану и перевёз семью в Винницу.

Михаил Николаевич Мономахов,
артист балета, 1941 г.

Мария Николаевна, урождённая
Мономахова, 1938 г.

Аполлон Петрович Журавский,
1910 г.

А. П. Журавский, адъютант генерала
Крымова, 14 апреля 1918 г.

Теперь нам осталось связать прошлое и настоящее. Оксана Сергеевна Швец, дочь Эсфирь Аполлоновны Журавской, внучка Натальи Николаевны Мономаховой и правнучка губернатора Камчатской области Николая Владимировича Мономахова скромно написала о себе: «...проживаю в г. Винница, Украина. Закончила физико-математический факультет Винницкого педагогического института. Жизнь посвятила педагогике, работая преподавателем физики в Винницком политехническом техникуме. Дочь Татьяна — экономист, сын Алексей — инженер, внучка Катя — врач». От себя хочу добавить, что род Мономаховых по линии Николая Владимировича существует и в наше время, а благодаря О. С. Швец сегодня мы можем прикоснуться к истории этой семьи. Династические же ветви по линии братьев и сестёр Николая Владимировича, наверное, тоже существуют, но нам о них пока ничего не известно.

Оксана Сергеевна Швец, правнучка Н. В. Мономахова

Завершить историю семьи Мономаховых хотелось бы последним, но очень важным фактом. Постановлением прокуратуры г. Ленинграда от 30 августа 1989 г. Николай Владимирович Мономахов был посмертно реабилитирован.

ИСТОЧНИКИ

1. Справочник офицерских чинов Российской Императорской Армии за 1909 г. — С. 576.
2. Адресная книга Санкт-Петербурга за 1901 г.
3. Не забытые могилы (Российское зарубежье: некрологи 1917—1979) / Российская государственная библиотека. Сост. В. Н. Чуваков. — Т. 1—6. — М.: Пашков дом, 1999—2005.

В фондах КГУ ККОМ хранится комплекс документов первооткрывательницы Долины гейзеров Татьяны Ивановны Устиновой (1913—2009). Комплекс включает 59 единиц хранения, преимущественно материалы о служебной деятельности Т. И. Устиновой и фотографии. Здесь же находится записка «Камчатские пионеры» (учётный номер ККМГИ 30192), рассказывающая о встрече Т. И. Устиновой с М. И. Моревой, приехавшей на Камчатку в 1910 г. Этот документ, публикуемый впервые, является интереснейшим источником по истории освоения Камчатки в начале XX в., характеризующим взаимоотношения коренного населения и переселенцев. Он представляет собой рукопись на трёх листах большого формата с читающимся с большим трудом, особенно на сгибах, текстом. В документе описано одно из сильнейших на Камчатке землетрясений в XX в., сопровождавшееся цунами (по современной оценке его магнитуда составила 8,5 баллов). Оно произошло 3 февраля 1923 г. около 16.02. В Петропавловске и Усть-Камчатске колебания почвы продолжались свыше получаса, в сёлах Островной, Калыгире (Халактырке), Жупаново и Семячике они длились почти три дня, постепенно слабая. В районе Калыгира в течение десяти минут обнажилось дно бухты: морская вода вначале отступила от берега на две версты, затем обрушилась на берег. В результате цунами изменилось русло реки Халактырки. В бухте Ольге землетрясение продолжалось непрерывно около двух недель. Сильнейшие толчки наблюдались в Кроноках и Козыревске [1].

Записка «Камчатские пионеры» подготовлена к публикации Н. В. Дивниной в 2010 г., в бытность главным хранителем и научным сотрудником КГУ ККОМ.

Т. И. УСТИНОВА

КАМЧАТСКИЕ ПИОНЕРЫ

В сентябре 1945 г., возвращаясь из гор через Семячинский перевал, мы попали на Семячинские горячие ключи, расположенные в восемнадцати километрах от первой базы Жупановского рыбокомбината.

Ключи эти пользуются чрезвычайной популярностью у камчатского населения, об их чудодейственном влиянии существуют целые легенды. Жупановский рыбный комбинат выстроил здесь обширный барак для ...ших (текст не читается) излечения, который часто не вмещает потока больных. Обычно посещаются ключи работниками Жупановского комбината и близлежащих посёлков. Хотя слава о них и идёт гораздо дальше, но практические транспортные возможности обычно исключают проезд издалека.

Нам пришлось задержаться на ключах несколько дней. Народу в это время было немного. Среди них оказалась одна очень интересная старуха Мария Ивановна Морева, жительница села Халактырки. Она прибыла на ключи летом с громадной язвой на ноге, не поддававшейся никакому лечению, но ко времени нашего пребывания нога почти зажила, Мария Ивановна была, естественно, радостно настроена и общительна. Рассказы Марии Ивановны весьма интересны; скоро уже не придется на Камчатке слышать подобные из первых рук.

В 1910 г. Мария Ивановна молоденькой восемнадцатилетней женщиной со своим мужем прибыла на Камчатку из окрестностей Барнаула. От какого-то родственника они имели сведения о Камчатке, как о стране, текущей молоком и медом. Пленились, тронулись и приехали. Хронологию Мария Ивановна путает отчаянно, таким образом, последовательность событий не вполне достоверна.

Из приехавшего на Камчатку из разных мест народа создалось нечто вроде охотничьей артели. Всего их было с жёнами и детьми человек семьдесят. Они имели всё необходимое для организации независимого хозяйства — охотничье снаряжение, одежду, инструменты, домашнюю утварь, собак, лодки, оружие. Военный корабль [2] доставил их к назначенному им месту жительства, устью реки Жупановой, где сейчас расположены две-три базы Жупановского рыбокомбината и колхоз «Декабрист», в то время там не было ничего. Шлюпка военного корабля вывезла на берег женщин с детьми. Имущество артели нагрузили на большой вельбот, на меньший сели

мужчины и стали грести к берегу, таща на буксире своё хозяйство. Береговой ветер стал понемногу относить их в море. Женщины с плачем метались по берегу. С корабля была послана вослед шлюпка, которая прибуksировала к берегу незадачливых колонистов.

Корабль ушёл. Они остались в новых местах. Расставили палатки. Мужчины ушли на «Копыто» — скалу справа у устья реки и сейчас же убили там двух снежных баранов. В настоящее время вокруг «Копыта» расположены постройки комбината, никаких баранов нет и в помине.

Наступила зима. Поселенцам пришлось довольно туго. Глубокие снега, ходить можно только на лыжах. Собаки у них были, но об управлении ими, собачьей упряжи, нартах, они не имели ни малейшего представления. Мяса было вдоволь — с осени медведи, всё время бараны, глухари. Но как подступиться к пушному промыслу, особенно к соболю — они тоже не знали. На всё приходилось затрачивать массу времени, сил, а многое и не получалось вовсе.

Однажды несколько мужчин были в лесу на охоте и увидели старика-камчадала, ехавшего на собаках мимо их посёлка к *N* (северу). Как выяснилось потом, это был дед — Крупенин, который вез продукты охотившимся севернее камчадалам. Охотники бросились к деду, тот пустился наутёк, не слушая окриков, они за ним. Они хотели получить от него инструкции, как ездить на собаках, как изготавливать им упряжь, узнать о приёмах охоты на соболя и другие практические сведения. Бедный старик перепугался, так как приезжие, «материковские» люди, «мурки» по-местному, доброй славой на Камчатке не пользовались, вероятно, заслуженно. «Я думаю, что мурье за мной гонится?» — рассказывал он впоследствии. Погоня закончилась тем, что перепуганного старика привели в посёлок. Сначала он нервничал, плохо понимал, что от него хотят, особенно после того, как один из хозяев «пошутил», схватил винчестер и крикнул: «Говори, старик, не ломайся, а то тебя пристрелю».

Однако скоро удалось выяснить, что агрессивные действия колонистов были вынужденными, зла они своему гостю не желают, а наоборот, просят его помощи. Целую ночь просидели они со стариком, и тот им подробно объяснил, как и где ставить капканы на соболя, как шить собакам алыки (собачьи хомутики со шлеей), делать нарты, управлять упряжкой и многое другое. На другой день дед уехал, так как торопился к охотникам, сидящим без провизии. Едучи туда следующий раз, он уже сам заехал в гости и своим старым знакомым, привёз спирту, и дружба была установлена. Мария Ивановна и сейчас тепло вспоминает этого деда, выучившего их тогда и многому научившего.

Артель просуществовала недолго. Женщин угнетало оторванное от всего мира существование, и они добились отъезда в Петропавловск, откуда разбрелись в разные стороны. Многие сохранили связь, продолжали вместе охотиться. Артель расположилась на берегу лимана, в устье Жупановой, где теперь находится посёлок колхоза «Декабрист».

Приехавшим всё было внове, ко всему надо было привыкать. Например, они ничего не знали о приливах и отливах на море. Ловили неводом рыбу, невод бросили на песке и ушли. Пошёл прилив. Вода подняла шлюпку, стала трепать невод. Шлюпка понемногу отошла от берега. В посёлке в это время остались одни женщины, все мужчины, за исключением двух, ушли в лес. Один мужчина поплыл за лодкой, женщины бросились оттащить невод. Делали это бестолково, кричали, мешали друг другу, все были перепуганы, так как думали, что начинается наводнение. Мужчина, бросившийся за лодкой, разделся на бегу и поплыл в бельё. Подплыл к лодке... (текст не читается), не мог достать до её высокого края, руки обрывались, оставляя полосы на свежеекрашенных бортах. Он озаяб, запутался в бельё, стал захлебываться. Другой мужчина обвязал себя верёвкой по мышке и поплыл за ним. Конец верёвки дал в руки женщинам — когда крикну, тащите. Однако спаситель перепугался и велел тащить его раньше, чем доплыл к утопавшему. Тот утонул. Шлюпку и тело потом выбросило море.

Моревы были в числе осваивавших впервые Семячинский лиман — место теперешнего колхоза «Красный партизан». Здесь они построили первые землянки, били

соболей. Жили и на Берцовой, тоже пионерами. Медведей в то время было много. Убивали медведя преимущественно для собак, просто походя, возле дома, это даже не считалось охотой. Женщины сначала их страшно боялись, потом привыкли.

Одну зиму в маленькой землянке у Семячинского лимана жил и охотился охотник Андрей Васильевич Колесников. Жил он один. Однажды на охоте он ранил медведя и пошёл за ним. Раненый зверь залёг, пропустил его мимо себя вперед и напал сзади. Ударом лапы задрал ему кожу с затылка на лицо, оторвал левое ухо, порвал когтями спину, плечи, грудь, поломал ребра. Затем перестал его терзать, обнюхал, охотник не шевелился. Зверь изорвал на нём одежду, в щепки изгрыз лыжи, несколько раз к нему возвращался, обнюхивал, но больше не прыгал.

Потом притащил и навалил на него два бревна, и, уходя, всей тяжестью наступил ему лапой на грудь в месте солнечного сплетения. Бедняга едва не заорал. Этот крик был бы для него последним — медведь его и прикончил бы. Когда зверь ушёл, Колесников нашёл в себе силы дотащиться до своей землянки, к счастью, было недалеко. Натянул на место кожу на голове, кое-как приладил ухо вверх ногами; у него осталась от уха одна мочка, которая росла на уровне верхней части уха, и залез в кукуль.

Через несколько дней на лиман попали петропавловские охотники — Морев и другие. Колесникова они нашли в землянке, в кукуле, без сознания. Раны загноились, он обессилел от потери крови, был без воды и еды. Охотники уложили его на нарту и отправились искать горячие ключи, о которых слышали, что они находятся где-то поблизости. Где — никто не знал. С большим трудом разыскали эти самые Семячинские ключи, на которых мы встретились с Марией Ивановной, расширили и углубили русло одного из ручьев, уложили туда Колесникова прямо в кукуле. Колесников меньше месяца провёл на ключах и ушёл оттуда совершенно здоровым на лыжах в Петропавловск. Мы видели его в 1942 г. на мысе Козлова в бригаде охотников на сивучей. Это была последняя его охота. Зимой в Петропавловске он умер. Колесников был интересный старик (неграмотный — зачеркнуто), чрезвычайно здраво и трезво смотрящий на жизнь. Неисправимый пьяница, он, по его собственным словам, « всю жизнь работал на неё (то есть водку) одну ». Жил бобылём. Где-то в Сибири у него была семья. На охоте он всё собирался послать им денег, но, приезжая в город, сейчас же всё пропивал. Так и не собрался за сорок лет.

Была как-то такая история. Вернулись с охоты мужчины, привезённую пушнину развесили по всей избе. Через несколько дней уехали обратно. Дома осталась одна Мария Ивановна с маленьким сынишкой и мальчонка-подросток, сосед. Приехал знакомый камчадал. Побыл у Марии Ивановны и ушёл в соседскую избу. Вскоре прибегают испуганный мальчишка. «Тетка Марья, он тебя убить хочет, меня подговаривает помочь!» Мария Ивановна заперла изнутри избу, всю ночь провела с дробовкой. Утром вернулись мужчины. Солидно избитый гость-камчадал сознался, что хотел убить Мореву и забрать пушнину, каялся, просил простить. Его отпустили, наказав больше не являться. Соседский мальчишка потом храбрился: «Если б он тебя пошел убивать, я бы его самого стрелил». Может быть, и в самом деле «стрелил» бы.

Во время страшного землетрясения 1923 г. Мария Ивановна жила в Халактырке. Когда затрясло и закачало, все выбежали из дому. На Халактырском озере лёд вспучился, напором его изломало, в центре озера нагромоздило ледяные горы. Испуганные зрители убежали к морю. «Нам бы в сопки, а мы к морю, дурачье». Оказалось, что за ледяным припайком, какой обычно зимой образуется на побережье, моря нет — вода ушла вне пределов видимости, обнажив дно. Тогда уже, ужаснувшись, убежали в горы, чтоб не быть смытыми возвратившейся водой.

Незадолго до землетрясения Моревы уехали с Семячинского лимана. В их домике поселился охотник с женой и четырьмя детьми. Когда началось землетрясение, дом захлестнула волна, намочив и обморозив обитателей. Хозяин схватил детишек, притащил их на чердак и там, мокрых, засунул в кукуль — вниз маленькую девочку, сверху двух мальчиков побольше. Жена оставалась внизу в доме. У неё обмерзли... ей повиноваться... (текст не читается) из рук грудного ребенка, который утонул тут же в комнате. Втащив на чердак жену и укутав её там, охотник на лыжах пошёл

к располагавшемуся неподалеку партизанскому отряду (это был 1923 г., год гражданской войны на Камчатке) просить помощи. Один из партизан в резиновых высоких сапогах ощупью нашёл на полу в воде трупик ребёнка.

Когда стали извлекать из кукуля впопыхах засунутых туда детишек, оказалось, что маленькая девочка задохнулась. Жена сильно обморозилась.

ИСТОЧНИКИ И ПОЯСНЕНИЯ

1. Наиболее известные исторические землетрясения Камчатки и их последствия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.emsd.ru/kamchtop.html/>.

2. Переселенцы были доставлены на место военным транспортом «Колыма». С собой они везли 42 ездовые и одну охотничью собаку, скот, большое количество разнообразного груза, в том числе оконные рамы. Высадка на берег происходила в двадцатых числах июня 1910 г. (до 25 июня по старому стилю). О ней рассказал Г. Крамаренко в книге «В Камчатку! От Петербурга до Камчатка и в Японию: путешествие одиннадцатилетнего школьника, описанное им самим», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1910 г. (с. 69). Г. Крамаренко указал число колонистов: пять мужчин, пять женщин и три ребенка.

В. И. БОРИСОВ

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ

Отношение к прошлому, к памятникам истории, к сельским погостам, к ушедшим близким и соотечественникам характеризует степень духовности общества. На территории Камчатского края находятся десятки исторических памятников и захоронений. К сожалению, сегодня они чаще пребывают в ненадлежащем состоянии. Заброшена могила известного фельдшера, одного из организаторов системы здравоохранения на полуострове А. С. Лукашевского, утрачено место последнего пристанища героя обороны Петропавловска в 1854 г. князя А. П. Максудова, практически недоступно для общественности захоронение одного из организаторов обороны Камчатки в 1904 г. М. И. Сотникова и павших вместе с ним камчадалов...

Сегодня мы вспомним об ещё одном захоронении, почти не известном, да и недоступном обычному камчатскому жителю. Это могила командира войсковой части № 47127 гвардии полковника Витольда Адольфовича Попко.

Его вдова Мария Михайловна Попко сообщила о муже: «Попко Витольд Адольфович родился в г. Ленинграде 25 января 1917 г. в семье рабочего Путиловского завода. Отец был членом ВКП(б) с апреля 1917 г. — красногвардеец, умер во время блокады Ленинграда от голода в 1942 г. Мать — домохозяйка, пережила блокаду Ленинграда и умерла в 1975 г. Детские годы прошли в Ленинграде. Окончил среднюю школу, поступил в фабрично-заводское училище, окончил его, и ему предложили пойти в военное училище. В 1938 г. окончил Ленинградское пехотное училище, был командиром взвода, начальником полковой школы. Воевал до августа 1944 г. в 7-й гвардейской дивизии в должностях начальника штаба полка, командира полка, начальника оперативного отдела.

В августе 1944 г. был вызван в ЦК ВКП(б) и направлен в правительственную командировку во Вторую Польскую Армию. Там он командовал 28-м пехотным полком 9-й Польской пехотной дивизии, в декабре 1944 г. получил звание полковника (в двадцать семь лет). В начале 1945 г. 9-я Польская пехотная дивизия попала в окружение, командир попал в плен, муж принял командование дивизией и вывел её из окружения. Войну закончил в Праге 10 мая 1945 г.

После войны как самая боевая дивизия была направлена на борьбу с бандеровскими бандами, где успешно справилась и с этой задачей, «обеспечив спокойную жизнь польского народа». В 1946 г. польское правительство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой оставить мужа и ряд офицеров в Польской Армии. ЦК дал согласие. Но мы отказались принять подданство (Польши. — В. Б.).

В ноябре 1946 г. вернулись на Родину. Муж получил назначение в Туркестанский военный округ старшим инспектором Управления боевой подготовки. В 1948 г. по его просьбе направили работать в войсках, Главное Управление кадров Министерства обороны предложило Дальневосточный военный округ. С августа 1948 г. был командиром войсковой части 42127 в Нижнекамчатске. С 1945 г. занимал генеральские должности, в сентябре 1951 г. материал на присвоение звания генерал-майора был направлен из Дальневосточного округа министру обороны (получение генеральского звания ожидалось к 23 февраля 1952 г. — В. Б.).

Погиб 18 ноября 1951 г. (в тридцать четыре года), возвращаясь с заседания бюро райкома на собаках. Имел боевые награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны первой степени и медаль, высокие польские награды: орден Крест Грунвальда, серебряный Крест Виртути Милитари, золотой Крест Заслуги, Знак Грунвальда и медали» [1].

Лейтенант В. А. Попко после окончания Ленинградского пехотного училища, 1938 г. (КОКМ ОФ 34824)

Начальник штаба 143-го Западного стрелкового полка капитан В. А. Попко на любимой лошади Клюкве, 1942 г. (КОКМ ОФ 34825)

Капитан В. А. Попко читает приказ об отправке на передовую, 1942 г. (КОКМ ОФ 34826)

Журнал «Солдат польский» в восьмом номере за 20 февраля 1972 г. опубликовал заметку (приводим перевод с польского), дополняющую изложенное выше: «Пишет Мария Попко из Ленинграда: “Уважаемый пан Эдмунд Гинальский (в годы войны полковник Войска Польского, автор книг о его боевом пути. — В. Б.)! Будучи в Москве осенью 1971 г. у полковника Герасименко, узнала, что в 1964 г. Вы написали книгу о 28-м полку 9-й дивизии пехоты. Если бы пан видел, сколько слёз я пролила над этой книгой! Передо мной снова прошло всё то, что было пережито двадцать шесть лет назад... Мне трудно писать, так я вся переполнена воспоминаниями пережитого. Дорогой пан Эдмунд, я очень Вам благодарна за то, что своей книгой увековечили память о моём муже... Книгу я должна вернуть полковнику Герасименко, так как она с Вашим автографом. Если Вы имеете один экземпляр «Были мы за Эльбой», очень прошу Вас прислать его мне. В Ленинграде живут: Новосад, Слепцов, Горощеня, Соснора — командир 26-го пехотного полка. Когда они узнают об этой книге, они тоже захотят её иметь”.

Мария Попко была женой гвардии полковника Витольда Попко — командира 28-го пехотного полка с сентября 1944 г. Его полк помог выйти из окружения целой 9-й дивизии пехоты, которая была зажата в кольцо армией Хорнера в районе Будзищина. В боях раненный командир 9-й дивизии пехоты полковник Лаский был взят в плен. Тотчас же генерал Кароль Сверчевский назначил гвардии полковника Попко командиром 9-й дивизии, которой он командовал до осени 1946 г. Вернулся в Советскую Армию и служил до трагической смерти в 1951 г. (дорожное происшествие) в Советской Армии.

Был, как описывает полковник Эдмунд Гинальский, отважным, любимым командиром и уважаемым польскими солдатами. За боевые заслуги, храбрость и отвагу полковник Попко был награждён высокими наградами... Мария Попко делила с мужем военную службу (походы), о которой ей напомнила указанная книга» [2].

Следует добавить, что за успешное выполнение боевых задач в годы Великой Отечественной войны 9-я Польская пехотная дивизия была награждена орденом Красного Знамени и ей присвоено почётное наименование «Дрезденской». В 1948 г. знамя дивизии украсила вторая награда — польский орден «Крест Грунвальда».

Полковник Войска Польского В. А. Попко с супругой и сослуживцами на отдыхе. Германия, 13 мая 1945 г.
(КОКМ ОФ 33324/25)

Полковник В. А. Попко проводит инспекцию
(КОКМ ОФ 34827)

Войсковая часть № 42127 дислоцировалась в Нижнекамчатске. В разное время этот населённый пункт имел административный статус острога, города, села и оставил значительный след в истории полуострова XVIII—XIX вв. Нижнекамчатск стоял на левом высоком берегу реки Радуги, левого притока реки Камчатки. С восточной стороны селение ограничивало Красиковское озеро, соединяющееся с рекой Радугой

протокой. Одной из первых задач, которую предстояло решить военным, стало строительство моста через протоку. На месте расположения части предстояло соорудить казармы, склады, штаб, бытовые помещения, проложить дороги. Всё это было сделано в короткие сроки.

Командир войсковой части № 42127 Советской Армии В. А. Попко с офицерами (КОКМ ОФ 34830)

Сведения, полученные из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации по запросу № 8-585032 от 17 ноября 1994 г., позволяют восстановить историю войсковой части № 47127. После начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., был сформирован 105-й отдельный резервный батальон 137-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта. Его командиром был назначен капитан Говоров, военкомом — капитан Коновалов. Батальон первоначально разместился в селе Елизово Петропавловского района Камчатской области. Об этом свидетельствует приказ Дальневосточного фронта № 0413 от 10 октября 1941 г.

Батальон был сформирован из 854 военнослужащих 223-го строительного батальона. С апреля 1942 г. часть именовалась 5-м отдельным стрелковым батальоном 137-го стрелкового корпуса. В августе 1942 г. она размещалась в районе реки 2-й Береговой (Дальний совхоз) Петропавловского района, что известно из приказа по 101-й стрелковой дивизии № 0253 от 19 августа 1942 г. С июня 1944 г. местом постоянной дислокации части становится село Хвалёнка Усть-Камчатского района Камчатской области. В мае 1945 г. личный состав за исключением командования и офицеров штаба был переведён в 302-й стрелковый полк. «Основой формирования батальона на новом месте явились кадры 1-го стрелкового батальона 302-го стрелкового полка» [3].

После участия в Курильской десантной операции августа 1945 г. 302-й стрелковый полк прибыл на место постоянной дислокации в Хвалёнку. Село находилось на правом берегу реки Камчатки на отрогах Восточного хребта. Отсюда хорошо просматривалось низовье реки Камчатки и побережье Тихого океана. По побережью Тихого океана находились укрепления Камчатского оборонительного района. По словам участника Курильского десанта М. А. Кириченко, только на участке от реки Горбуши до села Крутоберегово за короткий срок были возведены 34 дзота. Вскоре было принято решение о передислокации войсковой части в Нижнекамчатск, на три километра выше места прежнего расположения [4].

М. М. Попко годы спустя вспоминала о жизни в Хвалёнке и Нижнекамчатске: «Приехали мы в 1948 г... жили в землянках с коптилками (примитивный осветительный прибор, в котором горели керосин или соляр. — В. Б.), как на фронте. Потом строили дома в Нижнекамчатске для офицеров, казармы для солдат. Всё было

построено, хорошие дома, казармы, столовые, клубы и было электричество, и вот 18 ноября 1951 г. оборвалась жизнь Витольда, и он остался навечно лежать в той земле, где её «культивировал». Да, жизнь жестоко обошлась с ним.

В летние месяцы посещали Ключи, как говорится, ездили в курортную зону. Любовались вулканами. В ноябре месяце (1951 г. — В. Б.) вздохнула Ключевская сопка (среди коренных жителей низовья реки Камчатки — камчадалов — существует поверье, что она «гремит» к несчастью. Так, до этого она «гремела» весной 1941 г. — В. Б.), как раз в то время Витольд Адольфович последнюю предпогребальную ночь находился в доме. Это подземный грохот испугал всех, как прощальный погребальный артиллерийский залп прогремел над камчатской землей. На следующий день с артиллерийским салютом он был похоронен в Нижнекамчатске...

Красивые места, много раз ездили на рыбалку, охоту — богатый край. А как богаты ваши леса ягодами, грибами! Да и медвежатина вкусная, не говоря уже о красной рыбе, икре и чавыче...

Витольду Адольфовичу пророчили большое будущее, карьеру. Это был мужественный, храбрый человек с ясным умом. В двадцать семь лет он уже имел звание полковника, последние семь лет был на генеральской должности» [5].

Решением Камчатского облисполкома от 29 марта 1968 г. селение Нижнекамчатск Усть-Камчатского района было исключено из списка населённых пунктов Камчатской области [6]. Первые годы после официального закрытия жизнь здесь ещё теплилась: остались некоторые семьи, другие, перебравшиеся в окрестные посёлки, летом возделывали оставшиеся огороды, приезжали на рыбалку, жили здесь по несколько недель.

Сейчас здесь всё заброшено: дороги и тропы заросли высокой травой и тальником, не сохранились даже остатки домов и заборов. От прошлой жизни осталась только деревянная церковь без ограды да заброшенный сельский погост на склоне горы Климовки, где сегодня больше берёз, чем крестов. На погосте можно увидеть остатки старой часовни, около десятка почерневших от времени крестов, среди которых выделяется высокая металлическая пирамида, увенчанная пятиконечной звездой. Это захоронение обнесено металлической оградой со следами облупившейся краски. Здесь и лежит герой Великой Отечественной войны, бывший командир войсковой части № 47127 гвардии полковник Витольд Адольфович Попко.

Гвардии полковник Витольд Адольфович Попко, 1949 г. (КОКМ ОФ 34829)

Мария Михайловна Попко, 1977 г. (КОКМ ОФ 33324/18)

Какое-то время за могилой присматривали его сослуживцы и местные жители, в их числе уроженец Нижнекамчатска Петр Витальевич Портнягин. После закрытия села люди переехали в другие места. П. В. Портнягин перебрался в село Крутоберегово, где через несколько лет погиб. С течением времени могила осталась без присмотра. Люди появлялись в этих местах всё реже и реже. Кто-то из них сообщил вдове полковника о незавидном состоянии места захоронения.

В 1973 г. в адрес председателя Усть-Камчатского райисполкома пришло письмо от М. М. Попко, в котором, в частности, говорилось: «Получила письмо из Усть-Камчатска, так как я периодически интересуюсь, в каком состоянии находится могила моего мужа. И вот ужас! Мне сообщили, что она провалилась, и памятник покосился... Прошу простить меня, но у меня нет другого выхода, убедительно прошу Вас дать указание, чтобы могилку мужа привели в надлежащий порядок... И такая ужасная судьба — смерть была уготована ему на Камчатке... Хотя никто из нас не знает, где и когда ждёт роковой час... Да, его нет, но его дела вошли в историю. Пять книг вышли в свет в Польше. Сейчас готовится новая книга об истории 9-й пехотной Дрезденской Краснознаменной дивизии Войска Польского, о её командире Попко Витольде Адольфовиче...

Я двадцать лет работаю в системе Министерства обороны и знаю, что за могилами воинов следят местные власти. Прошу Вас откликнуться на мой зов и дать указание привести в порядок могилу такого заслуженного человека, жизнь которого оборвалась на вашей земле. Я ничего не в силах сделать, так как десятки тысяч километров разделяют нас. Надеюсь на Вашу помощь...» [7].

7 июля 1973 г. в Нижнекамчатск отправились школьники — члены кружка «Красные следопыты» устькамчатского Дома пионеров Наташа Аникеева, Наташа Аксёнова, Саша Воликов, Оля Паутова, Серёжа Постников, Тихонов, Женя Савина. Они привели в порядок могилу, о чем написали М. М. Попко: «Мы очистили траву, ржавчину, покрасили ограду и скамейки нитроэмалью бирюзового цвета, памятник — железным суриком. На могилке посадили ирис, незабудки и ягоду княженику...» [8].

Так между следопытами и Марией Михайловной установилась долгая дружеская переписка, из которой теперь мы можем почерпнуть дополнительные сведения о её и Витольда Адольфовича жизни. 22 мая 1975 г. М. М. Попко писала в Усть-Камчатск о своих впечатлениях про недавнее празднование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «Эти предпраздничные и праздничные дни были переполнены встречами с фронтовыми друзьями. 8, 9, 10, 11 мая была встреча с бывшими гвардейцами 10-й армии, в которой муж находился до августа 1944 г., до отъезда в правительственную командировку в Польскую армию. Всё это происходило в очень торжественной обстановке. Сколько было радости! Многих не видела с 1944 г. Узнавали друг друга по фамилиям при регистрации. Много было расспросов, воспоминаний о Витольде Адольфовиче, о жизни, о Камчатке...

Да, сколько горя и слёз принесла война! Трудно найти семью, чтобы в её дом не постучалось горе. Во время блокады Ленинграда от голодной смерти умер отец Витольда, член партии с апреля 1917 г., красногвардеец. Мать пережила блокаду. Здоровье моих родителей тоже подорвала война, они погибли вскоре после войны. Мой младший братик ушёл в армию добровольцем в шестнадцать лет и погиб в 1943 г. в восемнадцать лет, в Запорожской области. За братской могилой, где похоронены 61 человек и много неизвестных, ухаживают пионеры и комсомольцы...

Второй братик был тяжело ранен четыре раза, к счастью, остался жив, но война всем участникам подорвала здоровье. По счастливой случайности, мы с мужем остались живы после такой кровопролитной войны, но судьба жестоко обошлась с нами, и его жизнь оборвалась 18 ноября 1951 г. в тридцать четыре года. Это был очень мужественный, храбрый человек. О его делах рассказывается в книгах, которые вышли в Польше в 1960-х гг...» [9].

Спустя месяц с небольшим, 26 июня 1975 г., Мария Михайловна отправила устькамчатским следопытам очередное письмо, из которого следует, что регулярное посещение ребятами могилы В. А. Попко и приведение её в порядок стало доброй традицией клуба. «С ответом на первое письмо задержалась, так как немного приболела.

Врачи уложили в постель — сердце пошаливает, всё пережитое сказывается. Сейчас получше, поправляюсь. Если бы знали дорогие, как я вам благодарна за вашу поездку, за приведённую в порядок могилку моего мужа, за ваше фото. Спасибо, мои милые, дорогие!!!

К моей благодарности присоединяются мать Витольда Адольфовича — Вероника Станиславовна и брат Ричард Адольфович... Сколько слёз пролито из-за того, что нас разделяет расстояние около девяти тысяч километров. С 1952 г. я не вижу ваши края, хотя часть моего сердца находится на Камчатке...

Сейчас я должна получить книгу о 10-й гвардейской армии, которую издал Воениздат Министерства обороны СССР. Там описаны некоторые операции, когда Витольд был в 7-й гвардейской в 1943—1944 гг. есть групповая фотография... Эту книгу «Незабываемые дороги» я вам пришлю к 1 сентября... Напишу письмо заведующему райотделом народного образования и директору школы, поблагодарю за то, что организовали вашу поездку к могилке» [5].

18 августа 1975 г. М. М. Попко вновь сообщила о своих новостях и бедах, поделилась планами: «...3-го августа вернулась из санатория Министерства обороны СССР из города Пятигорска... По приезду меня ждала печальная весть — умерла мать Витольда Адольфовича, но мне сообщили, чтобы не срывать лечение. Её сожгли в крематории, а урна ждала моего возвращения, и вот 12 августа захоронили. Тяжело... В июле от маршала М. И. Казакова получили книгу «Незабываемые дороги», а по возвращении домой она появилась в продаже, и я купила для вас. В этой книге мало боевых эпизодов, так как она издавалась о целой армии. Сейчас собираю материал, фото для новой книги...» [10].

Некоторые подробности из жизни А. В. Попко на Камчатке и его гибели рассказывали местные жители. Жительница посёлка Усть-Камчатск Лидия Николаевна Кольмина, родившаяся в 1927 г., вспоминала, что В. А. Попко, когда бывал в посёлке, заезжал к ним в гости. В то время она жила в семье дяди, работавшего механиком на рыбокомбинате. Полковник разрешал ей кататься на своём породистом жеребце. Лидия несколько раз по несколько километров ездила на нём по морскому берегу [11].

Родившийся в Нижнекамчатске в 1937 г. Валентин Тарасович Фелонюк сообщил, что 18 ноября 1951 г. стояла пасмурная погода, было сыкотно. Валентин помнил, что сказал матери: «Сегодня кто-нибудь влетит на речке». Мать ответила: «Типун тебе на язык». А к концу дня стало известно, что утонул В. А. Попко. «Когда его хоронили, была вся воинская часть и все сельские жители, солдаты несли гроб на руках из его дома и дорогу не чистили, а утаптывали снег. У него был отличный жеребец и большая породистая собака. Сначала не стало жеребца, а за несколько дней до его гибели сдохла и собака» [12].

Уроженец Нижнекамчатска 1941 г. Анатолий Михайлович Тарабыкин рассказывал, что В. А. Попко погиб, возвращаясь с заседания Усть-Камчатского райкома партии на нарте. Ею управлял каюр Янузаков. В двух километрах от Нижнекамчатска в реку Камчатку впадает небольшая протока, вытекающая из Крестовского озера. В месте впадения образовалась небольшая полынья, куда и провалилась упряжка. Каюр ножом обрезал средник, собаки выскочили из полыньи, каюр тоже успел выпрыгнуть на лед. Полковник сидел на нарте, поверх шинели укрытый тулупом. Ноги в валенках находились на полозьях нарт, между копыльями. Так его и достали из-под льда, «только пуговицы блестели на солнце». «Потом каюр долго прятался» [13].

Спустя почти полвека с момента гибели В. А. Попко в одном из сёл Камчатской долины автор встретился с тем самым каюром, везшим полковника в тот злополучный вечер. С его слов, он уже ничего не помнит, ведь прошло столько лет... Разговора не получилось...

Шефство школьников-следопытов над могилой В. А. Попко продолжилось. Об очередной поездке к ней, состоявшейся летом 1983 г., сообщила районная газета: «Более десяти лет учащиеся Усть-Камчатской средней школы № 3 ухаживают за его могилой. 24 июня к могиле В. А. Попко была организована экскурсия, в которой приняли участие более восьмидесяти ребят из пришкольного пионерского лагеря

средней школы № 3, пришкольной площадки средней школы № 2, детских комнат “Юнга” и “Бригантина”. Руководитель краеведческого кружка Р. А. Криницкая рассказала ребятам о жизни В. А. Попко и познакомила с письмами его жены Марии Михайловны, которые хранятся в краеведческом музее. Учащиеся средней школы № 3 привели в порядок могилу — убрали опавшую листву, сухую траву и ветки, покрасили памятник» [14].

Члены турклуба «Меридиан» у могилы В. А. Попко.
Июль 1983 г. (КОКМ ОФ 33324/17)

Могилы В. А. Попко, сентябрь
2009 г. Фото В. И. Борисова

Об этой поездке ребята тоже сообщили Марии Михайловне. В ответном письме она, среди прочего, вспомнила о торжественном приёме ветеранов Войска Польского, состоявшемся в 1975 г. в посольстве Польской Народной Республики в Москве, встречах в Центральном музее Советской Армии, фотографировании ветеранов у Знамени Победы «по соединениям» [15].

В сентябре 2009 г. во время посещения бывшего Нижнекамчатска автору отродно было увидеть, что за могилой В. А. Попко снова кто-то ухаживает, убирает траву. Спасибо этому человеку. Но сейчас памятник опять требует покраски, на нём необходимо заменить фотографию...

ИСТОЧНИКИ

1. КОКМ ОФ 33324/1.
2. КОКМ ОФ 33324/13.
3. Письмо Центрального архива Министерства обороны № 8-585032 в Усть-Камчатский райвоенкомат от 17.11.1994.
4. Кириченко Михаил Акимович // Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 55.
5. КОКМ ОФ 33324/3.
6. Камчатская область. Справочник по административно-территориальному устройству. — Петропавловск-Камчатский, 1976. — 32 с.
7. КОКМ ОФ 33324/12.
8. КОКМ ОФ 33324/6.
9. КОКМ ОФ 33324/8.
10. КОКМ ОФ 33324/11.
11. Кольмина Лидия Николаевна // Воспоминания старожилов долины реки Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 51.
12. Фелонюк Валентин Тарасович // Воспоминания старожилов долины реки Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 119.
13. Тарабыкин Анатолий Михайлович // Воспоминания старожилов долины реки Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 117.
14. Никто не забыт // Ленинский путь. — 1983. — 14 июля.
15. КОКМ ОФ 33324/10.

ДАР МУЗЕЮ
(памяти Е. В. Гропянова)

Евгений Валерианович Гропянов (1942—2010) — издатель, писатель, журналист, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Русского Географического общества, лауреат премии им. С. П. Крашенинникова, автор повестей и романов «Атаман», «Чёрный монах», «За переливы», «В Камчатку», «Ступай и исполни». С 1995 по 2006 г. был главным редактором книжного издательства «Камчатский печатный двор», с 2006 г. до конца жизни — директор издательства холдинговой компании «Новая книга». В 2002—2010 гг. Евгений Валерианович возглавлял Камчатское региональное отделение общественной организации «Союз писателей России», был руководителем и преподавателем школы юных литературных дарований при Доме писателей им. Н. В. Санеева.

В фондах КГУ ККОМ сохранился переданный Евгением Валериановичем макет составленной им книги-справочника «Писатели Камчатки»: компьютерный текст, рукописные авторские и редакторские правки. В одной из статей рассказывается о его жизни.

ББК 91.4:83
Г86

Справочник «Писатели Камчатки» посвящен Камчатскому региональному отделению Союза писателей Российской Федерации (1974—2004). Кроме того, в справочнике даны материалы об авторе знаменитого труда «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникове и первом камчатском члене Союза писателей СССР А. А. Харитановском.

От автора

Камчатская писательская организация Союза писателей России была создана 25 ноября 1974 года. Ее основателями стали Василий Антонович Золотов (его избрали ответственным секретарем), Владимир Александрович Варно, Игорь Георгиевич Краченко, Владимир Владимирович Косыгин (Койнто), Леонид Михайлович Пасенюк, Роман Исаакович Райгородский. Камчатка — страна приливов и отливов человеческого, таким же приливом подвержена и писательская организация: писатели приезжали, становились на учет, зарабатывали северный стаж, возвращались на материк, иные эмигрировали. Однако численность организации, в основном, была 8-12 человек. Из создателей организации на сегодняшний день остался только В. В. Койнто. Умерли В. А. Золотов (Рязань), В. А. Варно (Камчатка), Р. И. Райгородский (Монтерей, США), И. Г. Краченко живет в Санкт-Петербурге, Л. М. Пасенюк — в Краснодаре. На первые шесть лет в Союз писателей были приняты Н. В. Санеев, Г. Г. Порохов, Е. И. Сигарев, В. П. Кудлин, Е. В. Гропянов. В 1970-е годы приехали на Камчатку Е. А. Коптев, Н. Д. Рыжик, Н. Д. Сидоров. В последующие годы в Союз писателей были приняты Б. П. Алекс, Г. П. Девяткин, А. А. Овчинников, Ю. А. Пшовкин, А. Г. Власов, Н. Т. Стариков, Ю. Ф. Манухин, Р. А. Корнев, А. Ф. Неберекетин, Н. Н. Селиванова, М. Я. Жилин, Ю. А. Алотов, В. П. Мартыненко, С. И. Вахрин, В. И. Чехов, И. Г. Вечков, Ю. С. Ганин, В. М. Киришицкий.

У на Камчатке
члены I
Зайон в течение четверти века

2004 г.
статья
Н. В. Санеев
книжка-справочник

В 1974—1976 годы организацию возглавлял В. А. Золотов, в 1976—2001 — Н. В. Санеев, в 2001 году председателем правления избран Е. В. Гропянов. Справочник открывается статьей известного историка Б. П. Полевого о выдающемся русском ученом, писателе и переводчике академике С. П. Крашенинникове, чье творчество тесно связано с Камчаткой. Его «Описание земли Камчатки» не только труд научный, но и сочинение, которое является жемчужиной русской литературы. Верится, что в недалеком будущем на Камчатке будет свой праздник — День выхода из печати «Описания земли Камчатки», который будет отмечаться так же широко и торжественно, как День славянской письменности. И лучшим памятником С. П. Крашенинникову будет памятник его книге. А. А. Харитановский был первым на Камчатке, кого приняли в Союз

ISBN

© Е. В. Гропянов, 2004.

3

Первые страницы макета книги «Писатели Камчатки», 2004 г. (КГОМ ОФ 36829/15)

Родился Евгений Валерианович 24 октября 1942 г. в селе Авдотьино Шиловского района Рязанской области, в семье инженера. В 1951 г. семья Гропяновых переехала на Камчатку. В Петропавловске Евгений Валерианович окончил школу № 2 им. Л. Н. Толстого, затем историко-филологический факультет Камчатского государственного педагогического института. «Во время учёбы в институте начал писать по-настоящему, вместе с Валентином Пустовитом выпускал рукописный литературный журнал» [1, с. 72]. После окончания института два года работал в газете «Камчатский автомобилист», а в ноябре 1968 г. был приглашён на редакторскую работу в Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства (Дальиздат). Именно с этого момента жизнь Евгения Валериановича неразрывно связана с камчатским книгоизданием.

В 1973 г. он — уже заведующий Камчатским отделением Дальиздата. Детищем издательства стал литературно-художественный ежегодник «Камчатка», выходив-

ший с 1977 по 1995 г. В нём печатались повести, рассказы, стихи, краеведческие статьи, литературоведческие изыскания камчатских авторов, в том числе и начинающих. Для некоторых из них публикации в «Камчатке» становились отправной точкой начала настоящей работы в литературе, путёвкой для вступления в Союз писателей.

July		June 1989							July 1989						
		Mo	Tu	We	Th	Fr	Sa	Su	Mo	Tu	We	Th	Fr	Sa	Su
10	Monday	11	Tuesday	12	Wednesday	13	Thursday	1							
9.00	1) Доклад о работе типографии	1) Тренинг в школе журналистов	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	1) Работа в шт. 6.00-9.00	
10.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	2) Работа в шт. 10.00-13.00	
11.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	3) Работа в шт. 11.00-13.00	
12.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	4) Работа в шт. 12.00-13.00	
13.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	5) Работа в шт. 13.00-14.00	

Страница ежедневника заведующего Камчатским отделением Дальиздата Е. В. Гропянова за июль 1989 г. (КГОМ ОФ 36829/2)

Евгений Валерианович Гропянов

В 1995 г., когда рухнул Дальиздат, его Камчатское отделение было ликвидировано. Камчатская областная типография была преобразована в акционерное общество «Камчатский печатный двор», которое возглавил Андрей Юрьевич Хмельёв. В декабре 1996 г. при печатном дворе было открыто издательство. Вся работа по преобразованию велась при непосредственном участии Е. В. Гропянова, который был главным редактором издательства и занимал этот пост вплоть до самой ликвидации Камчатского печатного двора в 2006 г. [2].

«Камчатский печатный двор» по праву стал преемником издательского дела на полуострове. Вся книжная продукция проходила через цеха двора и его предшественников, начиная с 1912 г. Это старейшее камчатское полиграфическое предприятие отсчитывает свою историю от типографии, которую на личные средства осенью 1912 г. в Петропавловск привёз житель города Петр Михайлович Клочков. В начале 1918 г. типографию у П. М. Клочкова за 10 тыс. руб. «керенскими» приобрёл Камчатский областной Совет. К концу 1930-х гг. отдельные тиражи различных изданий Камчатской областной типографии, в основном газет, достигали двух десятков тысяч экземпляров. Подготовка и печатание книг началось только в 1957 г., когда при областной газете «Камчатская правда» была создана «Книжная редакция». За короткое время эта редакция выпустила десятки книг и брошюр, ежегодно повышая количество изданий на двадцать, а то и тридцать наименований [3].

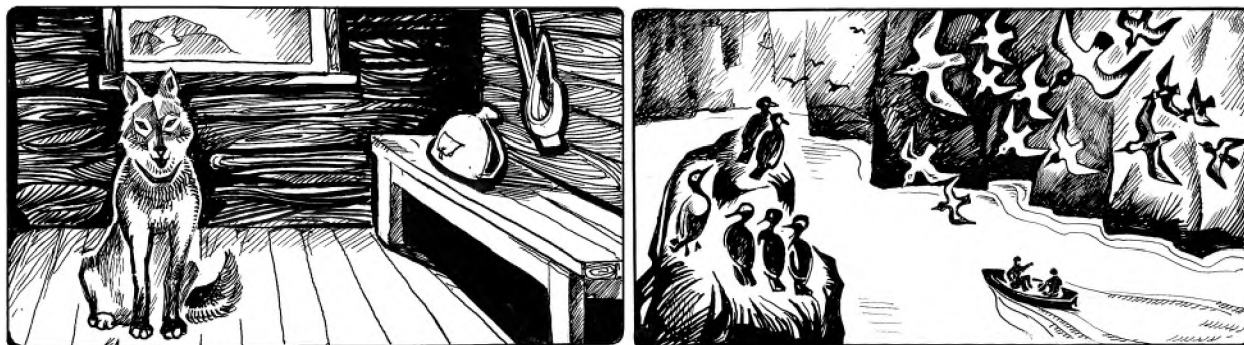
В 1963 г. на базе редакции появляется Камчатское отделение Дальиздата, просуществовавшее до 1995 г., после чего Камчатская областная типография, как уже известно, преобразуется в «Камчатский печатный двор».

В последнее десятилетие XX в. «Камчатский печатный двор» был полностью переоборудован: исчезли ручной и горячий набор, цеха для вёрстки газет, книг, плакатов, их место заняли компьютеры, новые машины для офсетной печати, газетная ротация «Ньюслайн». Здесь выпускалось около тридцати наименований газет, цветная этикеточная и бланочная продукция, альбомы, книги в переплёте и мягкой обложке [4].

В «Камчатском печатном дворе» выходили красочные альбомы камчатских живописцев: народного художника России Федора Григорьевича Дьякова «Жизнь моя — земля Камчатская», Виталия Шохина «По земле отцов», Вадима Санакоева «Каталог», Феликса Тебиева «Исповедь», графика Сергея Степанова «Обнажение сути».

Художественная литература, выпущенная «Двором», представлена книгами Г. Девяткина «Камчатские рассказы», И. Белозерцева «Судьбы причалы», А. Дорошенко «Разорила меня непогода», сборником произведений слушателей школы юных

литературных дарований «Подснежники» и «Советская, 4», сборником пародий и эпиграмм «Светёлочник» (составитель и один из авторов Н. В. Санеев). Так же изданы сочинения в трёх томах Г. Поротова, стихи юных камчатских поэтов Е. Козиной и Т. Рудьковой, поэтический сборник ветерана войны Р. Ривкина, книга А. Пирагиса «Петропавловск-Камчатский. Улицы рассказывают», сборники научных трудов Института экологии и природопользования...

Иллюстрации художника П. К. Деревянко к литературно-краеведческому ежегоднику «Норд-Ост» за 1977 г. (КОКМ ОФ 36827/1, 7)

К отмечавшемуся в 1997 г. трёхсотлетию присоединения Камчатки к России изданы книги В. Мартыненко «Презрев угрюмый рок», Е. Гропянова «Атаман», Б. Полевого «Новое об открытии Камчатки».

Важным событием в издательской жизни стал выход в свет давно ожидаемого перевода на русский язык основного труда адъюнкта натуральной истории Российской Академии наук Георга Вильгельма Стеллера «Описание земли Камчатки», оригинал которого был издан в Германии в 1774 г. Такое издание, на подготовку которого понадобилось два года, было осуществлено в России впервые. Публикация полного перевода книги Г. В. Стеллера по предложению Камчатского областного краеведческого музея была включена оргкомитетом по подготовке мероприятий, посвящённых трёхсотлетию присоединения Камчатки к России, в издательскую программу. Большая работа по подготовке перевода книги Г. В. Стеллера к изданию выполнена «Камчатским печатным двором». Организацией работы по комментированию перевода книги Г. В. Стеллера занимался директор Камчатского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук А. К. Пономаренко [5, с. 4].

С интересом была встречена читателями «Неизвестная Камчатка» — новый краеведческий журнал, наполненный уникальными материалами, раскрывавшими историю и природу нашего полуострова с самых неожиданных сторон.

Акционерное общество «Камчатский печатный двор» существовало до 2006 г., затем, после смены владельца, было ликвидировано.

В 1999 г. по инициативе Е. В. Гропянова в «Камчатском печатном дворе» появился архив изданий книжной продукции. Он ежегодно пополнялся экземплярами новых, только что вышедших книг, фотоснимками, рисунками и фоторепродукциями из старых книг и журналов, вёрстками статей, имеющих историческое значение, материалами журнала «Неизвестная Камчатка», сведениями об авторах публикаций, ценными данными на электронных носителях [6]. Е. В. Гропянов, понимавший большую ценность этих материалов для будущих поколений читателей и исследователей, кропотливо собирал их, архив хранился в его же кабинете. После ликвидации «Камчатского печатного двора» Евгений Валерианович решил для сохранности передать архив Камчатскому краевому объединённому музею. Коллекция собранных им документов поступила в музей в июне 2007 г.

В число переданных вошли тексты, подготовленные для «Неизвестной Камчатки», рабочие материалы, из которых видны основные этапы подготовки издания книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», фотографии и графические рисунки, подготовленные для иллюстрирования книжной продукции. В «гропяновском» архиве отложились документы, характеризующие производственную деятельность издательства, а также — показывающие жизнь коллектива изнутри. Передавая докумен-

ты в музей, Е. В. Гропянов оставил в коллекции и часть своих документов личного характера (письма, открытки, рукописи). Здесь также имеется небольшой комплекс документов, показывающий Е. В. Гропянова как преподавателя школы юных литературных дарований.

Широко представлен блок документов на бумажной основе. Сюда вошли личные документы Е. В. Гропянова, материалы, отражающие его редакторскую деятельность, производственная документация издательства, оригинал-макеты, спуски, фотовыводы журнала «Неизвестная Камчатка», сборников материалов ежегодных Крашенинниковских чтений, сборников произведений юных литераторов «Светелочник-2», литературно-краеведческих альманахов «Камчатка», «Серебряные крылья», литературного приложения к газете «Вести» «Три брата».

По представленным рукописям, внесённым в них авторским и редакторским правкам, макетам и вёрсткам можно проследить процесс «рождения» книги. Здесь работы известных авторов — Г. Поротова «Избранное» (том I), В. Мартыненко «Презрев угрюмый рок», самого Е. Гропянова «Атаман», В. Евдокимова «Печальный табарган», В. Акшинского «Для победы ничего не жалко», В. Косыгина (Коянто) «Олени бежали к морю», Л. Пасенюка «Тихое чудо в океане — Командоры», полный перевод книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки». Не менее ценны и оригиналы детских стихов и рисунков для книги «Солнышки» (составитель Г. Морозова), работы В. Малюковича «Ленаты счастья» и «Прекрасная Калимароклянав», В. Варно «Мои океанские вахты», камчатских поэтов В. Кирпищикова, А. Санькова, Е. Козиной, краеведов С. Гаврилова, В. Борисова, А. Пирагиса, сборники научных трудов и многое другое.

Заповеди менеджера
Заповедь первая.
 Не свалийте вину на клиентов, это счастье для их жизни.

Заповедь вторая.
 Шури заповедь первую.

Заповедь третья.
 Книжки не стоят так дешево и не ценятся так дорого как вешиваются. Это сказал великий Сервантес. Прочитайте "Дон Кихота" — полезная книга.

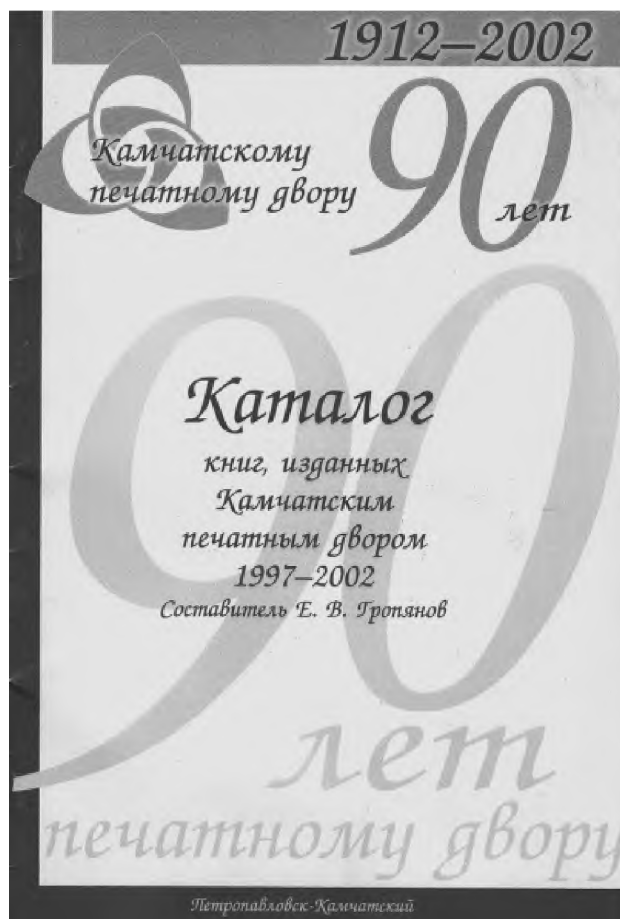
Заповедь четвертая
и последняя.
 Если есть что показать — покажите.

Заповедь пятая.
 Чужбана. От этого еще никто не пострадал.

Заповедь шестая.
 Волка ноги кормят, менеджера — тоже.

Заповедь седьмая,
и восьмая
 Джек джек, чтобы узнать.

«Заповеди менеджера», написанные рукой Е. В. Гропянова (КГОМ ОФ 36829/5)

Обложка каталога книг, изданных «Камчатским печатным двором» (КГОМ ОФ 36829/14)

В июне 2007 г. Евгений Валерианович, в числе прочего, передал в дар коллекцию печатных форм, подготовленную для альбома Ф. Дьякова «Жизнь моя — земля Камчатская». Они показывают одну из промежуточных стадий подготовки издания.

Изначально требуемые тексты и репродукции были подготовлены на компьютере, затем в зеркальном отображении перенесены на печатные формы. Готовые формы вырезаются, укладываются так, чтобы соответствовать определённому формату, и проецируются на фотопластину, которую затем проявляют и промывают, удаляя «лишнее» покрытие. На пластине остается изображение в виде гравюры (контурных линий). Это изображение переносится на форму печатного барабана. Затем форма внутри контурных линий заполняется краской нужного цвета, которая при распечатке переносится на бумагу. Цветное изображение «накатывается» на бумагу несколькими приёмами: сначала жёлтые участки, затем зелёные и далее. А это значит, что для каждого изображения требуется изготовить нескольких печатных форм. Так выполняется «цветоделение» [7].

За сорок с лишним лет редакторской деятельности через руки писателя прошли сотни рукописей камчатских авторов. Книги, подготовленные им к печати, ныне составляют основу литературного наследия Камчатки. Евгений Валерианович внёс значительный вклад в развитие литературно-краеведческой науки о Камчатке, и документы, которые находятся на хранении в Камчатском краевом объединённом музее, несут отпечаток этого вклада.

Умер Евгений Валерианович Гропянов 5 декабря 2010 г. на шестьдесят девятом году жизни. Его уход стал невосполнимым ударом по камчатской культуре...

ИСТОЧНИКИ

1. *Гропянов Е. В.* Писатели Камчатки. Союз писателей России. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. — 217 с.
2. КГОМ 36829/15.
3. КГОМ 36829/14.
4. КГОМ 36829/74.
5. *Георг Вильгельм Стеллер.* Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. — 287 с.
6. КГОМ 36829/40.
7. КГОМ 36829/14.

Камчатка

Камчатский печатный двор — ^{наиболее} старейшее
предприятие в Камчатской области.
Оно и самое старое, возникло в 1912 году. На Камчатке
издательство не было до 1957 года, поэтому все издатель-
ство представляется осуществляемая многолетней. Первое книжное
издательство появилось в 1914 году, это был «Обзор Камчатского
благородия за 1912 г». Это была временная книжка Влад
обзорник стихов э. Комарова «Мои песни», это он был издан
в 1915 году. Это сказать, что возникла первая печать в Камчатке,
сводный, единственный, красивый уезд, который
недавно затевает печать стихи.

Вступая к вам, я хочу сказать заранее себе возрос:
а есть ли в Камчатке поэзия о Камчатке?
К сожалению, я не знаю никаких поэтов, может
быть не так давно возрос. В таком случае я могу сказать,
что Камчатка богата поэзией, — и поэты, и журналисты,
кто только внимательно ее рассматривает.

В связи с развитием ^{издательского} ~~издательского~~ ^{издательского} ~~издательского~~ ^{издательского} ~~издательского~~
искусства ^{необходимо} ~~необходимо~~ ^{необходимо} ~~необходимо~~ ^{необходимо} ~~необходимо~~
Техники издательства и открыть себе издательство. Одна из
важнейших задач — это подготовка и выпуск книг
к 300-летию ^{русского} ~~русского~~ ^{русского} ~~русского~~ ^{русского} ~~русского~~
издательства Камчатка в России. Книжки,
русские книги, пожелания издательства не только в
России, но и в Камчатке, и в ~~Самаре~~, и в ~~Камчатке~~.
В издательстве хочу сказать журналистам издательство издательство
издательство ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
в издательстве издательство ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
издательство с ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
издательство издательство к его ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
В рамках этой программы ^{Тимофей} ~~Тимофей ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
издательство издательство ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
Тимофей ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
составление ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
Наши издательство издательство издательство ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
Тимофей ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
с издательство издательство издательство ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~
издательство издательство издательство ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~ ^{Тимофей} ~~Тимофей~~~~

Рукопись выступления с обзором истории «Камчатского печатного двора» и его деятельности, составленная Е. В. Гропяновым 2 марта 2002 г. (КГОМ ОФ 36829/11)

МУЗЕЙ КАМЧАТКИ

Т. В. ВОЛКОВА

КОРЯКСКИЙ ОКРУЖНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОРЯКСКОГО ОКРУГА

(из истории становления Корякского окружного краеведческого музея)

История Корякского окружного краеведческого музея ведёт начало от музейного пункта Пенжинской культбазы и связана с работой Акционерного Камчатского общества (АКО), начавшего работать на Камчатке в 1928 г. АКО [1] было создано как «единая хозяйственная организация, объединяющая все отрасли округа». Управлял отделением АКО в Корякском национальном округе Н. Н. Билибин. В 1932 г. ему было поручено создать музейный пункт на Пенжинской культбазе.

Остро ощущавшаяся в 1930-е гг. неизученность природных богатств региона, социальных, экономических и культурных особенностей его населения диктовала необходимость организации краеведческих обществ и музеев на местах. Появление музея на Севере было вызвано к жизни практикой социалистических преобразований.

В архиве Дальнего Востока сохранились документы заседания Президиума Корякского окрисполкома от 12 мая 1932 г. Третьим пунктом в нём значится «план работы и временное Положение краеведческой части. Комит. Севера с заключением Окрплана (Билибин, Ильзин)» [2].

С момента возникновения музейный пункт приступил к изучению хозяйства, общественного строя и культуры коряков. Без этого было невозможно правильно сориентироваться в окружающей, новой для работников пункта этнокультурной среде [36, 58]. Большое внимание обращалось на то, что «северные народы создали своеобразную культуру... и помощь этим народам должна заключаться в содействии... укреплению и развитию их культуры, которая является частью общечеловеческой культуры, созданной человеком в зависимости от сочетания природных и иных условий существования» [37, 58].

По словам Н. Н. Билибина, музейный пункт имел «редкие этнографические экземпляры и разрозненные археологические предметы» и занимал четвертую часть Красной яранги, располагавшейся в юрте [1].

Краеведческие музеи, ячейки общества краеведения, культбазы в национальных районах края включились во всеобщую кампанию по ликвидации неграмотности и малограмотности в составе «культурмии» и оказали значительное содействие в её проведении. Неграмотных среди коренных народов Дальнего Востока в 1937 г. было 64 % от численности населения.

С 1935 г. центром Корякского национального округа становится село Палана Тигильского района. В него переводятся все государственные институты, включая музейный пункт. Единственный документ за 1940 г., имеющийся в Корякском краевом государственном архиве, удостоверяет, что в Палане существовал краеведческий музей. Его заведующий Е. А. Пушкарев 30 октября 1940 г. обращался к исполкому Корякского окрсвета с просьбой «дать разрешение на отстрел животных: тарбагана, нерпы и других для изготовления тушек и чучел животных» [1] «...для изучения волосяного покрова и для отражения богатства пушниной» [5].

Из воспоминаний В. Н. Арефьева о музейном пункте: «Это была комната, в которой по стенам висели шкуры животных, а вдоль стен тянулись полаты, на которых были наложены каменные наконечники и какие-то кости. В одной стороне лежала различная корякская одежда, деревянные блюда и что-то ещё, чего я не помню» [48].

«Конечно, это был не такой музей, который мы представляем сейчас, — рассказывает заслуженный учитель СССР Р. А. Мешалкина, — может, его вообще нельзя было бы назвать музеем в полном понимании этого слова, но приходиться туда было интересно. Имени заведующего я уже не помню, но помню, как интересно он рассказывал нам о камнях, которые у него там были» [57].

Объективные трудности усложняли работу Паланского музея. В ветхой избушке были нарушены все правила хранения собранных экспонатов. Заведующий музеем Е. А. Пушкарёв не имел специального образования, а был назначен сюда после окончания Тигильского педагогического училища.

После начала Великой Отечественной войны директор музея работал на разгрузке и погрузке пароходов, разделявал и солил рыбу, проводил подписные компании на Государственные военные займы, участвовал в сборе тёплых вещей для фронта, ездил по сёлам и табунам со сводками Совинформбюро. «Они (директор музея и директор клуба. — Т. В.) и немое кино переводили, и выставки своих и детских рисунков устраивали, и в импровизированных концертах лихо отплясывали “барыню”, накинув платки на голову» [59]. В 1943 г. Е. А. Пушкарёв ушёл на фронт и не вернулся, а музей был закрыт.

Следующая дата, подтверждающая существование окружного краеведческого музея, точно известна. 1 июля 1949 г. в соответствии с решением Корякского окрисполкома № 43 от 7 апреля 1949 г. Хабаровский крайисполком отпустил для него средства. Окрисполком обязал заведующего культурно-просветительским отделом Сновидова до 1 июля решить вопрос о выделении для музея помещения, представить на утверждение Корякского окрисполкома основные мероприятия по работе и подобрать кандидатуру директора. Все райисполкомы и их культурно-просветительские отделы обязывались организовать сбор экспонатов по природным богатствам, хозяйству и культуре народов округа [4].

Музею были выделены 12 тыс. руб. для покупки здания. Летом 1949 г. землеустроительная экспедиция под руководством Попова собрала для музея гербарий растительного мира округа [6]. Первыми экспонатами нового музея стали археологические находки, собранные в устье реки Паланы при строительстве консервного завода. Камчатский областной музей отправил 35 предметов быта местных народностей и 90 экземпляров краеведческой литературы. В окружной газете «Корякский большевик» появились статьи об организации музея. 3 августа 1950 г. решением окрисполкома № 103 музею выделены 2 тыс. руб. для благоустройства усадьбы [7].

Из статистического отчёта за 1952 г. следует, что музей имел «общую площадь 25 кв. м... 220 дней открыт для посетителей... фактически работающих — 1 — директор... количество книг в библиотеке музея 160... 129 экспонатов основного хранения... и все они находятся в экспозиции».

Одно из первых зданий Корякского окружного краеведческого музея

В 1950-х гг. наметились тенденции децентрализации, деидеологизации во всех областях жизни страны — политической, экономической, культурной и прочих. Они шли неровно, сопровождалась периодическими возвратами к авторитарным принципам управления. Из телеграммы за 10 октября 1953 г.: «Главной задачей учреждений культуры в настоящее время является широкая массовая разъяснительная работа по доведению постановления сентябрьского пленума ЦК КПСС до каждого трудящегося. В связи с этим культпросветучреждения должны проводить читки, беседы, доклады, организовывать фотовитрины, монтажи» [9].

13 августа 1959 г. директором Корякского краеведческого музея стал Арсений Васильевич Семёнов [8]. Он считал, что музей — это научно-исследовательское учреждение, а экспозиционная работа должна служить для наглядного ознакомления с округом в антропологическом, эволюционно-историческом отношениях и его животным и растительным миром. А. В. Семёнов создает при музее университет культуры. «Университеты культуры — это новая, рождённая современностью форма приобщения широких народных масс к познанию общественно-политических наук, русского языка и литературы». С первых же дней он начинает заниматься этнографическим изучением округа и археологическими раскопками.

В 1959—1960 гг. А. В. Семёнов провёл археологическое обследование севернее устья реки Паланы и по побережью Пенжинской губы общей протяжённостью до трёхсот километров (от бывшего селения Хаимчик до села Манилы). За сезон 1960 г. им найдено свыше трёхсот древних предметов. Судя по собранным материалам, древние обитатели корякской земли были морскими зверобоями, рыбаками, охотниками и собирателями моллюсков и дикоросов.

В марте 1963 г. А. В. Семёнов участвовал в первой творческой конференции по развитию национального искусства народов Севера и Дальнего Востока в Хабаровске, где его доклад получил высокую оценку [52].

Сохранился протокол заседания Корякского окрисполкома № 15 от 19 октября 1962 г., где слушалось сообщение А. В. Семёнова «О работе окружного краеведческого музея» [10]. Окрисполком отметил, что за последние два года музей провел некоторую работу по археологическому и этнографическому обследованию народностей округа, изучил ряд стойбищ и поселений в Пенжинском, Тигильском, Карагинском и Олюторском районах. Однако в работе музея «по-прежнему имеются серьёзные недостатки. В целом музей не добился, чтобы наиболее полно представить экспонаты, характеризующие культуру и быт местного коренного населения, и крайне мало обобщается их жизнь, не создаются по ним необходимые сборники или брошюры. Слабая работа окружного музея связана со слабой связью дирекции музея (Семёнов) с активом, населением и особенно со старожилками и учащимися школ округа» [11].

2 марта 1963 г. окрисполком принял решение № 27 «О передаче Корякского краеведческого музея на общественные начала». Позже власти отмечали, что подготовка и передача музея прошли удовлетворительно. Подыскан общественный директор, подобран совет, способный выполнить все функции по руководству музеем. Учительский коллектив Паланской средней школы выразил желание вести на общественных началах всю работу в музее.

Но 26 июня 1963 г. по докладу В. Д. Беккерова появляется новое решение окрисполкома № 138 «Об окружном краеведческом музее»: «Практика показала, что созданный общественный совет не обеспечивает нормальную работу окружного краеведческого музея. Музей не только не пополняется новыми экспонатами, но и существующие раньше времени приходят в негодность. Для посетителей музей открывается очень редко». Исходя из вышеизложенного решено восстановить платную должность директора окружного музея [12, 31], что и было сделано 11 июля 1963 г. Но в течение ряда лет, до приезда Ю. В. Баженова, её занимают временные люди, не оставившие в жизни музея какого-либо заметного следа.

Время с 1940 по 1969 г. в истории Корякского музея нельзя оценивать только критически. Несмотря на все издержки партийного руководства, его деятельность характеризуется формированием разносторонних образовательно-воспитательных форм работы с аудиторией с целью более глубокого изучения истории родного края.

В 1969 г. окружному музею, тогда филиалу областного краеведческого музея, очень повезло. Приказом отдела культуры окрисполкома от 3 сентября 1969 г. № 59 его заведующим с 21 августа 1969 г. назначен выпускник исторического факультета Московского государственного университета Юрий Вячеславович Баженов.

Арсений Васильевич Семёнов

Юрий Вячеславович Баженов

«...Поначалу музей ютился в окружном Доме культуры, сгоревшем ныне (1999 г. — Т. В.) в одной комнате с агиткультбригадой, которую возглавлял В. В. Косыгин (Коянто)» [52, 59]. Потом ему выделили домик посреди болота между новым зданием типографии и нынешним кинотеатром «Палана» [52, 60]. Все ремонтные работы решили завершить до 15 сентября 1970 г., чтобы открыть музей к сорокалетию образования округа [13].

Приняв окружной музей, Ю. В. Баженов отправился в командировку по округу и привёз первые экспонаты для будущей этнографической коллекции. Целями первой поездки было знакомство с людьми и местностью, изучение собирательских возможностей.

В районных газетах появляется статья Ю. В. Баженова «Наш краеведческий», в которой он говорит о том, что «музею нужны подлинные памятники исторических событий и явлений, происходивших на территории округа, реликвии боевых и трудовых подвигов людей Корякского края» [49]. Директор предпринимает попытки разузнать судьбу и, по возможности, вернуть экспонаты, переданные на общественных началах паланским сельскохозяйственной и средней школам.

Ю. В. Баженов ежегодно выезжает в этнографические и археологические экспедиции. В 1970 г. он отправляется в село Воямполку Тигильского района. Из его отчёта: «Село Воямполка представляло интерес и в связи с тем, что здесь произошло слияние нескольких культур: русской, ительменской, эвенской и корякской. Нам удалось собрать более сотни этнографических предметов, характеризующих различные стороны жизни и быта. Эти этнографические материалы помогают понять те перемены, которые произошли в жизни жителей села» [50].

Работа музея совершенствуется, но в ней ещё имеется много недостатков: «а) крайне слабая материальная и техническая база музея: само помещение, которое не удовлетворяет ни техническим, ни эстетическим нормам; б) слабая экспозиционная работа: из-за отсутствия средств и специалистов...; в) слабая постановка собирательской работы из-за отсутствия материальных средств на командировочные расходы и приобретение

экспонатов; г) кадры музея. Их количество, а главное — образовательный уровень оставляют желать много лучшего... Два человека при настоящих требованиях постановки музейного дела не в состоянии обеспечить весь объём работы» [23, 42].

Здание Корякского окружного краеведческого музея в 1972 г.

В 1976 г. музей перебирается в сравнительно новое (построенное в 1968 г.) здание на улице Депутатской общей площадью 280 кв. м. Здесь размещаются зал постоянной этнографической экспозиции и три зала временных выставок. «Появилась возможность проведения массовых мероприятий в его стенах» [6—7, 18].

Из отчёта о работе Корякского окружного музея: «В летний полевой сезон 1977 г. провести археологическую разведку в районе устья реки Анадырка, старого селения коряков-паланцев Кахтаны и в устье реки Кинкиль. Сроки работы в этих пунктах определялись с 22 июля по 20 августа».

Следует добавить, что Корякский музей был филиалом областного музея, и, конечно, лучшие экспонаты уходили туда. Это хорошо видно из докладной заведующего отделом культуры окрисполкома В. Житника в управление культуры Камчатского облисполкома Н. Е. Мускатиной и в окрисполком А. Н. Слободчикову [14].

С получением окружным музеем посылки от Д. И. Лазаренко с несколькими бумажными денежными знаками началось формирование коллекции нумизматики [20, 29]. Коллекция фотографий и письменных источников открывается документами ансамбля «Мэнго». Организованный в 1965 г. А. В. Гилем, уже в 1970 г. коллектив начинает гастролировать по стране, а в 1971 г. выезжает за рубеж в Монголию. В фонды музея передаются первые афиши, фотографии, грамоты и сувениры [43].

3 февраля 1973 г. Ю. В. Баженов получил письмо от Б. П. Черницкого, в котором тот писал: «Уважаемые товарищи, при сносе старого дома в Краснодаре в 1954 г. на чердаке дома мною была найдена книжка, вернее, журнал под заглавием “Мир Божий”, изданная в 1903 г. В книге напечатан роман, заглавие которого следующее: “Восемь племён. Роман из древней жизни Крайнего Северо-Востока”. В романе участвуют коряки, чукчи и многие другие племена Северо-Востока, всего восемь народностей». Так в научной библиотеке музея появляется очень редкая книга учёного-этнографа В. Г. Богораз-Тана.

В 1978 г., будучи в Ленинграде, Ю. В. Баженов знакомится с бывшим сотрудником библиотеки имени В. И. Ленина, блокадницей Ириной Павловной Фрейтаг, рассказав-

шей, что от её матери, Татьяны Александровны Молл, остались книги на корякском и чукотском языках. Она пообещала прислать их в музей, но первая посылка пришла только в мае 1980 г., когда Ю. В. Баженова уже не стало [21, 28].

Ю. В. Баженов «много ездил по сёлам округа, занимался археологическими раскопками, записывал со слов стариков обычаи и традиции жизни коряков, их предания, был очевидцем ритуала погребения, многих традиционных корякских праздников. Все увиденное и услышанное находило отражение в его научных докладах, с которыми он выступал на Крашенинниковских чтениях, в лекциях и статьях» [45].

В июле-августе 1979 г. Ю. В. Баженов и археологическая коллекция музея принимали участие в работе XIV Тихоокеанского научного конгресса [1—3, 16].

Директор музея мечтал об устройстве полноценного природного комплекса. Но, понимая, что без чучел птиц и животных это невозможно, он обратился в музей Зоологического института АН СССР к М. А. Заславскому: «Наш музей молод и фактически до настоящего времени не имеет отдела природы. Сейчас музей располагает шкурами соболя, горностая, лисицы, выдры и другими. Если Вы согласитесь изготовить чучела, сообщите Ваши условия». 7 августа 1974 г. Ю. В. Баженов получил ответ, что разрешено «в виде исключения произвести изготовление чучел для музея» [20, 77—78].

Ю. В. Баженов переписывался с директорами музеев Севера, известными учёными и североведами, обсуждал волновавшие его вопросы, консультировался, обменивался материалами и документами [20, 90]. Человек науки, он сделал музей не хранилищем, а центром научно-практической работы по исследованию истории жизни коряков. Свидетельством тому служат нынешние экспозиции, редчайшие этнографические и археологические находки, научная библиотека, которую он комплектовал, выписывая книги почтой или приобретая их во время командировок и отпуска [5—7, 45]. Жизнь его трагически оборвалась в 1980 г...

Новый постоянный директор в музее появился только в 1983 г. Им стала выпускница Бурятского государственного педагогического института Галина Савельевна Белоусова [15, 21]. Из её письма археологу Н. Н. Дикову: «Я пришла после педагогической работы. Но чтобы у Вас не сложилось мнение, что пришёл случайный человек — очень люблю краеведение. Сейчас я упорно учусь, пересматриваю литературу музея... Камчатка, кажется, будет второй родиной... а моя отцовская фамилия Баженова. Только я из Бурятии, а Ю. В. Баженов из Москвы... Но я приняла эстафету. Маленький музей, но большое дело, нужное всем» [21].

Из отчётов и статей этого времени очень хорошо видно, как собирательская и экспедиционная деятельность музея постепенно отходит на задний план, но всё же, хоть и медленно, но продолжается. В 1987 г. для организации экспозиции, посвящённой 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, по районам округа рассылаются письма с предложением изготовить макеты и образцы продукции с последующей безвозмездной их передачей в фонды музея. Это делалось в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 428 от 2 июня 1965 г. «О музейном фонде СССР».

К письмам прилагался перечень предметов с конкретным указанием учреждения или предприятия, например: «чучело горного барана — госпромхоз “Тигильский”», «образцы рыбной продукции (тара с наклейками) — Усть-Хайрюзовский рыбоконсервный завод», «макет МРС-80 — колхоз имени XX партсъезда» и прочие, всего 22 наименования [33]. В августе 1987 г. эти предметы стали поступать в музей.

В результате командировок сотрудников музея А. Д. Ефименко в Олюторский и У. А. Коротковой в Тигильский районы приобретены наиболее характерные образцы национальной одежды, деревянной утвари, художественные изделия из рогов барана и оленя. Семья девятидесятилетнего Семёна Ильича Капитона сохранила христианские иконы из меди на деревянной основе и передала их в музей на сохранение. «Заслуживают внимания старинные пуговицы с изображением орла царского времени на кожаном ремне для ножен. Кроме того, собраны материалы в виде записей рассказов старожил, выкроек и других вспомогательных материалов, магнитофонных записей сказок, национальных мелодий, воспоминаний, фотографий. Прочитаны четыре лекции» [24].

Сотрудники музея переписываются с жителями округа, областным музеем, людьми, посещавшими округ по различным причинам, книжными магазинами, реставрационными мастерскими, археологами и этнографами, архивами. На помощь в организации экспозиции из Петропавловска прибыли сотрудники областного краеведческого музея: художник-оформитель Е. Дубнов, художники-экспозиционеры В. Пензик и Е. Ефимов и заведующая отделом советского периода К. Величко. Они помогли не только составить план будущей экспозиции и разработать тематико-экспозиционный план, но и полностью оформили и разместили экспонаты в этнографическом зале [23, 48].

К моменту открытия музея в декабре 1970 г. были развернуты следующие экспозиции: «Исследователи Камчатки», «Историческое прошлое народов Камчатки», «Гражданская война на территории округа и установление советской власти», «Большая судьба маленького народа», «Сегодняшний день округа» [23, 49]. Всего экспонировалось 347 предметов археологии и этнографии. За 1971 г. этот зал посетило всего сто человек. Были проведены две экскурсии. В музее работали три человека, в том числе два научных сотрудника [23, 51].

В 1972 г. работники музея приступили к оформлению второго зала отдела природы. Этим занимались молодые художники А. И. Пироженко и В. В. Крупина [4—5, 18]. Они приехали на Камчатку после окончания Днепропетровского художественного института, чтобы посмотреть страну, набраться впечатлений. И... остались в округе на всю жизнь. «На общественных началах, по-дружески помогали Юре (Баженову. — Т. В.)», — вспоминала член Союза художников СССР В. В. Крупина [36].

Они выполнили два художественных панно: «Лебеди на Паланском озере» и сцену охоты на медведя. Кроме того, начали воплощать одну из первых идей Ю. В. Баженова: готовиться к работе над диорамой под условным названием «Нымыланы села Лесная». После приезда в Палану Ю. В. Баженов в первой командировке побывал в этом селе Тигильского района. Увиденное там укрепило его в мысли, что такой срез истории и быта береговых коряков следует сохранить для потомков. И он снова обратился к своим друзьям-художникам, предложив им посетить село и составить своё мнение о предстоящей работе. Художники проделали путь от Паланы до национального села, изучая быт и культуру коряков, особенности их поведения. В. В. Крупина рассказывала, как много лет подряд они бывали в Лесном, расположенном в красивейшем месте, завораживавшим ярким национальным колоритом, привлекавшим здешним трудолюбивым и добрым народом.

Диорама открылась в 1981 г. Она показывала часть хозяйственного уклада осёдлых (береговых) коряков, живших летом на берегу моря. Здесь представлены 32 фигуры реальных людей, живших в данной местности, животные и птицы, хозяйственные постройки, рыба, сушившаяся на вешалах, утварь и прочее.

«Диорама представляет собой этнографическую и историческую ценность, — сказал на её открытии известный этнограф И. И. Гурвич. — Повествуя языком пластики, художники показали жизнь коряков в период заготовки уйка (мелкой морской рыбки. — Т. В.)» [24, 56].

Диорама органично вписалась в этнографический комплекс музея и стала его центральным связующим звеном. Экспозиция этнографического зала проработала до июля 1999 г., пока не была уничтожена огнём. Она прослужила нескольким поколениям паланцев и жителей округа.

Из книги отзывов: «Спасибо за краеведческую экспозицию. Благодаря ей мы познакомились с национальными традициями коряков и эвенков. Наглядность и хорошее описание экспонатов помогли нам понять своеобразие культуры северного народа. Спасибо экскурсоводу за интересную лекцию по культуре и быту жителей округа... Группа студентов ДВГУ, г. Владивосток, всего 10 человек» [42, 14].

Кроме этнографического зала, окружной музей имеет три выставочных. Выставки проводятся с 1985 г. Конец 1980-х гг. явился очень важным периодом в жизни отечественных музеев. В эти годы формируется идея о специфике образования в музее, в том числе краеведческого. На смену политизированной модели приходит информативная, согласно которой музей рассматривается как средство распространения знаний, имеющих научный характер и предметную основу. Теперь проводится

много выставок, и они разнообразны. Но работа над ними ведётся только внутри музея, выставляются экспонаты или из фондов музея, или из частных коллекций [27, 61]. К ним относятся выставка камчатских фотолюбителей, в том числе А. В. Ключникова «Камчатка — страна гористая, печальная, влажная...», передвижная фотовыставка «Закрытые сёла Корякского округа в 1930—1940-е гг.» (1985 г.), выставки прикладного искусства народных мастеров округа (1987 г.), «Археологическая коллекция со стоянки Анадырка» (1990 г.), «Верования народов Камчатки» (1992 г.) [25, 26, 41].

Этнографический зал с диорамой «Нымыланы села Лесная»

О разных сторонах культурно-просветительской деятельности музея можно судить по отчётам, которые начинают составляться с 1974 г. Очевидно, что задачи культурно-просветительской деятельности начали решаться музеем только со времени открытия его для посетителей. На протяжении 1970—1971 гг. музей с работой не справлялся. Причин этому было много: затянувшийся ремонт, продолжавшееся оформление экспозиций и монтаж оборудования. С 1972 г. картина резко меняется: только за первые восемь месяцев отмечены 800 посетителей, далее их число только растёт [5—7, 18].

При этом в каждом годовом отчёте указывалась конкретная цифра — сколько за год побывало лиц коренной национальности, учеников, студентов педагогического и сельского профессионального училищ. Учащиеся составили почти половину всех посетителей. Как видно, музей выполнял свою прямую обязанность — культурно-просветительскую.

Из отчёта за 1983—1984 гг.: «В 1983 г. свою работу филиал-музей проводил по выполнению решений XXVI съезда КПСС, постановления ЦК КПСС от 10 августа 1982 г. «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. За 1984 г. проведено 52 экскурсии по истории округа и этнографии, в том числе 28 — для учащихся средней школы и Паланского ССПТУ, 24 — для рабочих и служащих предприятий, студентов и гостей окружного центра. Всего посетителей было 2 259 чел.; из них 954 — учащихся школ, ССПТУ; 1 305 — рабочие, служащие, студенты. Корякский музей перешёл на скользящий график работы в воскресные и праздничные дни. Это дало возможность увеличить число дней в году открытых для посетителей до 288. В музее в текущем году практиковалось проведение лекций, бесед, ленинских уроков, встреч с ветеранами партии, уроки наставничества и профориентации» [23, 53].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 августа 1982 г. «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев» научно-просветительская деятельность подменяется научно-пропагандистской. Очень наглядно просматривается усиление пропагандистской работы музейными средствами и в социалистических обязательствах коллектива музея: «Всеми формами и средствами музейной работы разъяснять глубокие решения партии и правительства, предсъездовских документов и документов XXVII съезда КПСС» [23, 53].

В стенах музея усиливается работа по направлению «Музей и дети», охватывая детсадовцев, школьников, воспитанников училищ, ведётся работа с допризывной молодежью. Расширяется программа «Музей и производство», открывается «факультет краеведения» с программой, рассчитанной на два года. До настоящего времени успешно осуществляется программа «Музей и родители»: в свободное время в музей приходят целыми семьями.

Деятельность музея предусматривает взаимодействие с творческими людьми, коллекционерами, краеведами и другими музеями [28]. Налажена переписка, если судить по текущему архиву, со всей страной. Например, в 1983 г. музей истории Корсунь-Шевченковской битвы прислал буклет, путеводитель, значки и землю города Корсунь-Шевченковска. Корякский музей отправил в ответ значок «50 лет Корякскому автономному округу» и газету «Корякский коммунист» [21].

В 1984 г. журнал «Уральский следопыт» предложил откликнуться размышлением или сведениями об интересной музейной коллекции или увлечённом собирателе. В редакцию ушла статья о выставке коллекционеров значков и марок Паланы, приуроченной к 113-й годовщине В. И. Ленина. В выставку вошла коллекция марок журналиста В. В. Давыдова «Ленинская программа мира в действии», юриста Е. Ф. Панасевича «Ленин и теперь живее всех живых», коллекция значков и марок мастера Паланского профтехучилища О. С. Карацева «Ленин и время» и многих других [21]. В 1987 г. музей участвовал в выставке «Народные мастера Камчатки», проходившей в Ленинграде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции [22, 29].

Возрастание интереса к национальным вопросам, происхождению, истории развития и культуре малочисленных народов СССР потребовало более глубокой, целенаправленной работы. К 1989 г. при музее уже пять лет действовала фольклорная группа «Легенда» из старожил и местной интеллигенции. Фольклорная группа проводила вечера воспоминаний, круглые столы вместе с газетой «Корякский коммунист». На заседаниях обсуждались проекты платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», вопросы экономики, возрождения языка и культуры северных народов [24].

В 1991 г. в музее открылся кружок «Юный краевед». Им руководила А. А. Ефименко. Задачей кружка стало изучение родного края с помощью этнографических и археологических экспедиций. Ребята принимали участие во многих делах музея, в том числе в археологической экспедиции 1993 г. на древнюю стоянку справа от устья реки Анадырки, проведённой силами сотрудников областного и окружного музеев [24]. Силами кружковцев проводились краеведческие уроки для младших школьников. На них рассказывалось и показывалось то, что ребята узнали и нашли в экспедициях.

В 1994 г. совместно с областным краеведческим музеем проведена экспедиция на стоянку Галгаваям. В результате раскопок в областной музей для дальнейшей обработки, консервации и описания было передано 587 предметов [24].

В конце 1997 г. в музей пришли сразу три новых сотрудника: главный хранитель фондов Т. В. Волкова, старший научный сотрудник К. Кинкейд и научный сотрудник Е. Е. Михасёв (Лаптев). Теперь работа оживилась по всем направлениям. Начинается оформление макета буклета музея, разрабатываются долгосрочные программы на 1997—2007 гг. «Старожилы округа» и «Ветераны округа» [26, 46—47].

В стенах музея проходит научно-практическая конференция к 100-летию Джезуповской экспедиции (2001 г.). Приглашены и участвуют в её работе этнограф Эрих Кастен (Германия), профессор Колумбийского университета Алекс Кинг (США), В. Р. Дедык.

Таким образом, как и предполагалось в планах Ю. В. Баженова, процесс комплектования и экспонирования стал единым целым. Комплекуются редчайшие этнографические и археологические, художественные и коллекции декоративно-прикладного искусства, научная библиотека. В 1969 г. было собрано 323 предмета [18, 23]. По состоянию на 1 января 2000 г. насчитывалось уже 11,5 тыс. экспонатов [11, 27].

В 1991 г. в ходе кардинальных изменений в политической и экономической жизни страны Камчатка разделилась на два равноправных субъекта Российской Федерации: Камчатскую область и Корякский автономный округ (КАО). Корякский окружной

краеведческий музей получает статус самостоятельного учреждения [17]. Но изменившийся статус музея ничего не изменил в состоянии его материальной базы. «Ремонт в самом музее, а так же вне его, невозможен в связи с аварийным состоянием и истечением срока его эксплуатации», — гласит отчёт за 1991 г. [24]. В 1997 г. из-за ухудшающихся условий хранения, опасности возгорания из-за неисправности электрооборудования и умышленного поджога здания извне пришлось передать на депозитарное хранение в отдел по делам архивов Администрации КАО часть основного фонда [11, 30].

Время с 1999 по начало 2002 г. для Корякского окружного краеведческого музея оказалось тяжёлым. Оно вместило в себя три пожара и срочный переезд во временно приспособленные помещения здания комбината бытового обслуживания в связи с аварийной ситуацией.

После трёх лет писания директором музея докладных записок [31], составления выписок из протоколов заседаний работников музея [3—10, 31], обращений в Думу и к губернатору КАО [32], обивания порогов начальников разных рангов музею передали здание в центре Паланы — бывшую молочную кухню. Оно имело два больших зала площадью по 90 кв. м, один из которых поделён пополам, три кабинета и несколько маленьких подсобок. Места для хранения фондов не хватало. Чтобы разместиться на предоставленной площади, пришлось обратиться в Комитет по управлению государственным имуществом за разрешением на «перепланировку внутренних помещений для эффективного размещения персонала и фондов музея», а также «заложить фасадные окна для использования их в экспозиционных целях ввиду нехватки демонстрационных площадей» [32, 34]. К ноябрю 2002 г. были отремонтированы кабинет под научную библиотеку, кабинет главного хранителя и одно из фондовых хранилищ, помещение под второе хранилище и зал временных выставок.

При переезде в новый музей диорама «Нымыланы Лесновского берега», сильно повреждённая пожаром, оставалась на месте. Может быть, вопрос о её восстановлении не поднимался бы ещё очень долго, если бы здание старого музея не потребовалось селу. Сотрудники не знали, как подступиться к диораме. Нужно было не только освободить её от копоти, но и отреставрировать задник, фигуры и рельеф, восстановить освещение и остекление. А самое главное — диораму нужно было перевезти и разместить на новое место.

Руководить этими работами пригласили В. В. Крупину как одного из главных создателей диорамы и плотника В. С. Снегура, установившего первый подиум под неё ещё в старом музее. Именно он мог разобрать диораму. Фотограф А. В. Ключников должен был фотографировать её по фрагментам. Через Камчатское отделение Союза художников России были приобретены необходимые художественные материалы: краски, кисти, гипс, эпоксидная смола и прочее [32].

Разбирать диораму оказалось невероятно сложно. Её задник крепился прямо к стене. При площади около 30 кв. м он не проходил ни в один проём. Пришлось разрезать его на три части. В нижней части задника находилась лепнина профиля. Так как диорама стояла не остеклённая, после пожара закопчённая лепнина начала крошиться и отваливаться. При первоначальном монтаже фигуры людей и предметы устанавливались как единый монолит. Мысли о том, что диораму когда-нибудь придется переносить, никогда не возникал. А вот теперь это стало явью. Разноуровневый профиль сделан из смеси гипса, алебастра, цемента, «эпоксидки» и клея ПВА. При распиливании он начинал разламываться на куски. Фигурки людей и предметов оказывались на разломах. Вот здесь и был нужен фотограф. Он снимал не только местонахождение, но и профиль разлома или разреза. Все куски нумеровались и укладывались на горизонтальные поверхности для перевозки.

Более года диорама в таком виде находилась в большом зале нового музея. В это время ремонтировался малый зал. Одновременно сотрудники музея вместе с В. В. Крупиной занимались реставрацией. Вот так уникальная экспозиция о жизни береговых коряков приобрела вторую жизнь в новом историко-этнографическом комплексе. Диорама «Нымыланы Лесновского берега» после реставрации открыта в декабре 2003 г.

Этнографический зал начал работу с показа временной экспозиции «Язык — душа народа». После ремонта здесь разместились комплексы «Археологическая карта расселения народностей на Камчатке», «Морские и речные обитатели округа», «Рыбалка, как средство жизни», «Оленеводство — основа жизни», «Предметы быта народов округа», «Археологические находки мыса Тэви», «Минералогия». В них органично вписываются диорамы «Нымыланы Лесновского берега» и «Одежда народов округа». Подготовлены также настольные комплексы «Первая колониальная экспедиция 1930—1932 гг.», «Дмитрий Кабалевский», «Резьба по кости», «Декоративно-прикладное искусство народов Севера».

В поддержку экспозициям установлен настоящий каяк, обтянутый лахтачьими шкурами. В нём помещена фигура рыбака в осенней кухлянке.

В фойе находится скульптурный портрет Семёна Дежнёва работы А. И. Пироженко, вернувшийся в 1980 г. с международной выставки в Дании и приобретённый музеем [44]. Для археологической экспозиции использованы подъёмные материалы с мыса Тэви. Раскопки здесь производились по открытым листам под руководством директора областного краеведческого музея А. К. Пономаренко.

Перевод музея в новое здание, восстановление диорамы и открытие этнографического зала стали не только крупными событиями в культурной жизни округа, но явились и показателем того, что жизнь в Корякии налаживается и теперь жителей и руководителей волнуют не только вопросы выживания.

Основными направлениями деятельности музея остаются, как и прежде, комплектование музейной коллекции, формированием которой он занимается в течение всего своего существования, изучение памятников материальной и духовной культуры, создание правильно построенных экспозиций, в которых научно и художественно объединялись предметы, документы и тексты.

Бедой музеев в небольших населённых пунктах является то, что, как бы не были интересны основные экспозиции, больше двух-трёх раз жители их осматривать не будут. Конечно, есть ещё приезжие и дети, чье любопытство приводит их в залы музея чаще. Но, по большому счёту, наш этнографический зал простаивает. Значит, одним из средств привлечения посетителей и обеспечения посещаемости музея становится зал временных выставок, где они сменяются через два-три месяца. Поэтому выставочная деятельность музеев региона по-прежнему является одной из самых значительных форм музейной коммуникации, традиционной формой образовательно-воспитательного процесса, сохранившей историческую устойчивость [53].

Выставочная деятельность обновлённого музея началась в декабре 2002 г. С 2003 г. формируются различные циклы выставок:

— этнографические — фотовыставка А. Ключникова «Из этнографического цикла. Традиционные занятия», из фондов музея и личных коллекций жителей округа «Быт и культура народов округа», комплексные «Под радугой Севера» [37, 40];

— биографические — «Искусство мастера» — к 65-летию Р. Жукова, заслуженного артиста Украины, балетмейстера ансамбля «Мэнго», включавшая фотографии, фотокопии, книги, личные предметы из фондов музея и семейного архива [38]; фотовыставка «Женщина на войне», завершавшая годовую работу над личным архивом участницы Великой Отечественной войны А. Ф. Сытник, переданном музею её пасынком В. В. Сновидовым [37]; «Резцом и кистью» — живописи и скульптуры члена Союза художников России, заслуженного художника России В. В. Крупиной [39];

— тематические — «Прекрасная старость» — посвящённая Дню аборигена и состоявшая из фотопортретов Р. Соломина [38] и галереи акварельных портретов сказителей и сказительниц округа из коллекции Г. Киселёва [39]; «Живая природа глазами художника», включавшая предметы декоративно-прикладного искусства: скульптуры малых форм из дерева и камня, резьба по кости и рогу, работ из оленьей кожи и меха, рыбьей кожи, живописных работ, собранных в этнографических экспедициях [41].

В 2004 г. закончился ремонт фойе. Открыт центральный вход в музей. В фойе располагаются информационные стенды, музейный киоск, небольшая напольная экспозиция «Из истории Корякского окружного краеведческого музея». Фойе часто использу-

ется как дополнительный выставочный зал. Так, здесь проходила юбилейная выставка к пятилетию ансамбля «Ангт» [40].

Ещё в 1997 г. сотрудники музея Т. В. Волкова и В. В. Сычевская разработали исследовательскую программу «Старожил округа», включавшую несколько подпрограмм: «Ветераны Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», «Труженики тыла», «Матери-героини округа», «Герои пятилеток» и другие. Собирались материалы о людях, не только рождённых в округе, но и приехавших сюда в разные годы, велась переписка с сельскими советами, выполнялся архивный поиск. Результаты этой работы нашли отражение в выставке «Полный кавалер ордена Славы Н. И. Яганов», вечере встречи с родственниками героя, с которыми сотрудники музея вели переговоры о передаче подлинных документов и сохранившихся орденов и медалей в фонды. В газете «Народовластие» имеется ежеквартальная рубрика «Из фондов музея» [51]. На окружном телевидении выходят сюжеты в рубрике «Твой герой, округ».

Открытие выставки шитых картин Н. Задорожной, 2005 г.

Культурно-просветительная деятельность музея экспозициями и выставками музейных предметов не ограничивается. Она также включает в себя образовательно-воспитательную программу «Корякия — Родина моя», состоящую из разновозрастных циклов экскурсий по залам музея. Разработанная сотрудниками музея совместно с учителями средней школы и преподавателями педагогического и профессионального училищ, она работает уже четыре года.

Больше всего экскурсий для всех групп детей проходит в этнографическом зале. Все экскурсии учитывают современную ориентацию на сохранение природы и здоровья, культа предков, национальных традиций природопользования, жизненного семейного уклада и проводятся в форме игр, где используются русские, корякские и ительменские сказки и загадки.

По программе «Корякия — Родина моя» в экспозициях представлены материалы об освоения Камчатки, традиционных занятиях малочисленных народов Севера. Настоящий каяк с фигурой коряка-рыбака и картина В. Санакоева «Чагарское поле» усиливают восприятие экспозиций. История заселения Камчатки хорошо прослеживается по «Археологической карте расселения народностей на Камчатке». Коллекция музея иллюстрирует исторические процессы, протекавшие от каменного века до

современности. Некоторые экспонаты можно не только посмотреть, но потрогать руками и сравнить между собой.

Летом для детей проводятся не только традиционные экскурсии по залам музея, но и выездные до родовой рыбалки Стариковской [47]. Предметы быта и орудия труда, которые ребята видели в музее, здесь вдруг оживают, ими можно воспользоваться, понять их действие. Это детям очень нравится: ведь когда находишь ответы на поставленные вопросы, экскурсия становится увлекательным занятием. Музей по всем программам тесно сотрудничает с детским домом «Эчган» и территориальным центром помощи семье и детям.

Для старшеклассников и студентов училищ принцип построения экскурсий меняется. Больше внимания уделяется подлинным документам, анализу событий. Экскурсантов знакомят с различными точками зрения на один и тот же вопрос, их приглашают участвовать в дискуссиях, диспутах, круглых столах, конференциях, реконструкциях обрядов.

Жители округа и приезжие на материалах экспозиций знакомятся с историей и культурой коренных народностей, узнают, как округ своей работой помогал стране выстоять в период Великой Отечественной войны, узнают об интересных людях, видят жизнь округа глазами фотографов и художников. Темы экспозиций раскрывают трудовые подвиги жителей Корякии. Традицией стало создание выставок из цикла «Помнит мир спасённый», «Твои люди, округ», ко Дню пожилого человека, Дню аборигена. Музей продолжает формировать и дополнять личные архивы ветеранов и участников тыла, старожилов. Проводятся встречи, беседы, чаепития, на которые приглашается молодежь и дети.

В конце XX в. музейными работниками, общественностью Дальнего Востока с особой остротой ставится вопрос о предназначении, цели и смысле деятельности, о социальных функциях музея. Изменения в образовательной и культурно-просветительной политике стали результатом возрастающей открытости обществу и новой роли музея как культурного центра и инструмента социальной адаптации.

К прежним целям, заключавшимся в создании источниковой базы для научных исследований и пропаганды ценностей культуры народностей Севера, добавляется ориентация на саму традиционную культуру. Более того, в условиях быстрого экономического развития районов расселения народностей Севера, когда требуется скорейшее решение острых социально-культурных проблем, роль музея состоит в том, чтобы создать почву для взаимопроникновения прогрессивных элементов традиционной и современной культур. Фонды и экспозиции формируются с учётом реального полиэтнического культурного комплекса, органично развивающегося на протяжении длительного исторического периода. Ориентируясь на сферу культурных контактов, музей выступает связующим звеном между продолжающим бытовать комплексом черт традиционной культуры и массивом инноваций.

С другой стороны, интенсивность интеграционных процессов предполагает значительное увеличение количества культурных ценностей, усваиваемых народностями Севера, и их непосредственное участие в создании новых, нетрадиционных форм ценностей. Обращение к «маленькой энциклопедии» [18, 55], как часто называют музеи в автономных округах, становится традиционным как для приезжего, так и коренного жителя.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в условиях научно-технической революции и интенсивных миграционных процессов усиливается или, по крайней мере, сохраняется культурная дифференциация населения, создавая в нём слои, в разной степени освоившие городскую культуру и в разной степени отошедшие от культурных традиций своего народа [19, 55]. Следует также иметь в виду, что по развитию социальной инфраструктуры районы Крайнего Севера значительно отстают от наиболее развитых регионов страны. Наиболее отстающим элементом уровня жизни здесь является социально-культурная база [21, 60].

Для музея происходящее означает изменение состава аудитории, разделение запросов различных категорий посетителей, переход к комплексным исследованиям местной культуры, поиск форм интенсивного воздействия на культурные процессы. И хотя

многие из приведённых характеристик присущи развитию и других регионов, особую остроту они приобретают именно в районах Крайнего Севера.

Программа эколого-краеведческого образования «Мы и мир» для детей и взрослых музейными возможностями отражает проблему экологического мира коренного северянина с естественной средой обитания, способствует предотвращению конфликтов в этой области.

Сотрудники музея совместно со студентами педагогического и профессионального училищ проводят возрождение корякских обрядов для школьников и детей детских садов (обряд «Возвращение солнца», 2007 г.). Тем самым, музей превращается в важнейший фактор сохранения и возрождения культуры народностей Севера.

На современном этапе качественно нового осмысления прошлого закономерное обращение ко всему комплексу культурного наследия народностей Севера, нахождение в нём точек опоры для дальнейшего движения вперед. Поэтому сотрудниками музея разработан проект этнодеревни, который находится на стадии организации территории и сбора строений. Задачи этнодеревни огромной важности: своевременно, научно, доступно реконструировать генетический код культурной памяти северных народностей, отразить сложные процессы взаимовлияния и взаимообогащения традиционной и современной культур.

Таким образом, непреходящая ценность Корякского окружного краеведческого музея заключается в том, что он, как никакое другое научное учреждение, является наиболее приемлемым центром концентрации музейного капитала и наиболее доступным проводником знаний о родном крае в широкие массы многонационального населения округа. В конечном счёте, музей совместно с родственными ему учреждениями и общественными организациями призван стать важнейшим средством создания новой культуры народностей Севера, сочетающей в себе достижения современности с многовековыми традициями.

ИСТОЧНИКИ

1. Учёный архив РГО, ф. Р-2413, оп. 4, д. 899, л. 68—69.
2. Там же, ф. 1-1866, оп. 1, д. 8, л. 53.
3. РГИА ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 1014, л. 12, 13, 15, 17.
4. ГАКАО, ф. 1, оп. 10, д. 7, л. 161—162.
5. Там же, д. 6, л. 255—256.
6. Там же, д. 35, л. 166.
7. Там же, д. 126, л. 426—429.
8. Там же, ф. 11, оп. 1, д. 229, л. 27.
9. Там же, д. 3, л. 145.
10. Там же, д. 232, л. 6.
11. Там же, л. 12.
12. Там же, д. 234, л. 30, л. 31—32.
13. Там же, ф. 1, оп. 10, д. 141, л. 406—416.
14. Там же, ф. 194, оп. 1, д. 19а, л. 4.
15. Там же, д. 38.
16. Там же, ф. 191, оп. 1, д. 17а, л. 1—3.
17. Там же, ф. 11, оп. 1, д. 301, л. 8, 100.
18. Корякский окружной краеведческий музей (КОКМ), статистический отчёт за 1973 г. — С. 4—7.
19. КОКМ, текущий архив, д. 2. Отчёты об экспедициях Корякского краеведческого музея. Июль-август 1970 г.
20. Там же, д. 2. Переписка корякского музея (1971—1977 гг.). — С. 29, 77—78, 90.
21. Там же, д. 3. Переписка с организациями и частными лицами по краеведческой работе музея. — С. 28, 109—112, 124, 128—129.
22. Там же, д. 4. Переписка по административно-хозяйственным вопросам, заявки на оборудование, литературу. — С. 29.
23. Там же, д. 6. Годовые отчёты о работе музея. — С. 3, 12, 18, 37, 42, 48—55.
24. Там же, д. 7. Отчёты (1989—1997 гг.). — С. 70, 79, 96, 99—103, 108.
25. Там же, д. 7/12. Отчёты 1985—1988 гг. — С. 78, 95.
26. Там же, д. 7/13. Отчёты 1989—2001 гг. — С. 26, 41, 46—47, 68, 75.
27. Там же, д. 10. Статистические отчёты 1996—2002 гг. — С. 11.

28. КОКМ, текущий архив, д. 11. Рукописи статей, выступления в газете и по радио (1983—1986 гг.) — С. 80.
29. Там же, текущий архив, д. 14. Акты приёма-сдачи временного хранения 1997 г.
30. Там же, действующий архив, д. 23. Исходящая информация 2000—2002 гг. — С. 11.
31. Там же, д. 23/4. Исходящая информация 1997—1999 гг. — С. 3, 5—6, 10.
32. Там же, д. 23/5. Исходящая информация 2000—2002 гг. — С. 32—34, 62, 76—77, 89, 96, 98, 100, 113, 135.
33. Там же, текущий архив, д. 24. Переписка (1986—1988 гг.). — С. 40—41.
34. Там же, д. 27. Заседания методического совета (2002—2005 гг.). — С. 11.
35. Там же, акты приёма-сдачи временного хранения 1997 г. — С. 2, 22.
36. Там же, Из выступления В. В. Крупиной на юбилейной выставке в КОКМ 5.12.2005.
37. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2003 г.
38. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2004 г.
39. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2005 г.
40. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2006 г.
41. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2007 г.
42. Там же, книга отзывов 1986—1991 гг. — С. 14.
43. Там же, КП 9, книга КП № 1.
44. Там же, КП 1899, книга КП № 3.
45. Там же, КП 4372, книга КП № 5. Переписка Л. А. Баженова и КОКМ. — С. 5—7.
46. Там же, CD-архив, виртуальный фонд документов, д. 14. Музеи.
47. Там же, методическая разработка выездной экскурсии «Родовые рыбалки», 2006 г.
48. *Арефьев В. Н.* Мы строили социализм // *Корякский коммунист.* — 1965. — 14 нояб.
49. *Баженов Ю. В.* Наш краеведческий // *Путь Ильича.* — 1969. — 25 дек.
50. *Баженов Ю. В.* Этнографическая поездка по сёлам Тигильского района // *Корякский коммунист.* — 1970.
51. *Волкова Т. В.* Полный Кавалер Ордена Славы Н. И. Яганов // *Народовластие.* — 2005. — 12 янв.
52. *Косыгин В. В.* Возрождение // *Свет в тундре.* — Петропавловск-Камчатский, 1970. — С. 55—59, 60.
53. *Корнева Л. В.* Выставочная деятельность — одна из основных форм музейной коммуникации // *Музейная коммуникация: Материалы научно-практической конференции музейных работников.* Самара, 24—28 сентября 2001 г. — М., 2002. — С. 249.
54. *Корнева Л. В.* Роль региональных музеев в коммуникации исторических знаний // *Сб. науч. трудов.* — Хабаровск: ХГПУ, 2004. — С. 182.
55. *Культура народностей Севера: традиции и современность.* — Новосибирск, 1986. — С. 18—19.
56. *Луковцев В. С.* Минувя тысячелетия: О социалистическом развитии народностей Севера. — М., 1982. — С. 24.
57. *Мешалкина Р. А.* Как это было // *Корякский коммунист.* — 1969. — 14 янв.
58. *Советский Север.* — 1935. — № 1. — С. 36—37.
59. *Тке К. А.* Я многое помню // *Корякский коммунист.* — 1980. — 11 дек.

ПРИРОДА

В. И. ФИЛЬ

ИЗ ЗАМЕТОК ОХОТОВОЕДА

Гаички. Однажды, когда из-за постоянных снегопадов вынужденно «бездельничал» на нашей базе, что стояла у слияния рек Рассошины и Левой, нашёл я себе любопытнейшее занятие. Около избы постоянно вертелись мелкие пичужки — гаички, поползни, синицы московки, а порой налетали стайки длиннохвостых ополлоновок.

Перед окном я построил им кормушку и, чтобы постоянно её не чистить от падающего снега, возвёл над столиком крышу. Получилась эдакая сказочная избушка на «курьей ноге», но без боковых стенок. В тот год был хороший ход оленя. Мы добыли несколько животных — их сало и служило основным видом подкормки. Вставал утром, растапливал печь. Затем выходил к кормушке с горстью корма. Иногда давал кусочки мяса, горстку раздавленных кедровых орешков или семечек подсолнуха. Птицы быстро привыкли к ежедневной подкормке и нередко вместе с рассветом начинали стучать в стёкла окна — торопили.

Уже через несколько дней некоторые гаички и синицы-московки пытались брать корм прямо из рук. Когда выходил — садились на голову, плечи. Корма было много, начал подкармливать птичек два-три раза в день. Чрезвычайно интересно было наблюдать за их поведением на столике кормушки. Среди гаичек чётко просматривалась определённая иерархия. Вне этой системы были только пара московок и поползни. Последние вели между собой и другими посетителями кормушки непримиримую войну. Московки являли собой изумительную пару. Они никого не боялись, но и сами не гоняли других, умели давать отпор даже наглým поползням. На гаичек вообще не обращали внимания.

Очередность кормёжки птиц была четко определена. Прилетала гаичка, склевывала один-другой кусочек, проглатывала. Затем хватала кусочек побольше и улетала в лес прятать его в укромном месте под корой лиственницы, берёзы или насладиться едой в одиночестве, без «помощи» конкурентов. За улетевшей птичкой порой отправлялись и другие, на мой взгляд, совершенно не бескорыстно — высмотреть ухоронку, а после отлёта хозяина, воспользоваться добычей. Особенно любили гаички следить за поползнями, поскольку те и кусочки хватали покрупнее и старались взять их по два-три.

Более чётко система взаимоотношений между птицами стала прослеживаться, когда я вместо нарубленного на кусочки корма, эпизодически стал выкладывать подкормку целым куском. Теперь птички были вынуждены затрачивать много времени на то, чтобы урвать свою добычу. Появилась очередь — одна птица кормится, другие ждут, иногда даже пытаются оттеснить ее. Но все начеку в ожидании поползня. Тот прилетает издали — сразу же нападает на гаичку в кормушке, бросается на птичек из «очереди» и только потом сам приступает к трапезе. Когда у кормушки стали ошиваться сразу четыре поползня, гаичкам совсем стало бедно.

Крупные с длинными, шилообразными клювами поползни вообще перестали подпускать к корму мелким гаичкам. Пришлось разделить кормёжку. Для гаичек прибил фанерку прямо на подоконник. Давал им только дроблёный корм. Поползням выкладывал корм целым куском на кормушку, что было в четырёх-пяти шагах от окна. Поначалу эти «истребители» пытались оккупировать кормушку под окном. Однако стуком пальцев по стеклу я отгонял их несколько раз, и они оставили гаичек в покое. Только московки кормились там, где им хотелось — с гаичками или поползнями, соблюдая воистину «швейцарский» нейтралитет. Лишь однажды мне пришлось вблизи увидеть, как поползень пытался пугнуть московку. Та присела, «напыжилась», издала довольно сильное для такой крохи шипение. Поползень отскочил в сторону и больше к ней не лез.

Теперь оставалось проследить, каким образом выстроена иерархия среди гаичек. Когда долго наблюдаешь за птичками, начинаешь узнавать отдельных из них. По каким-то особенностям в окраске, отсутствию пера в хвосте или крыле или иным особенностям, дефектам и прочему. Но не всех — ведь птиц десятка три. Как тут познакомишься? Тут я вспомнил своё детское увлечение и соорудил западню. Поставил западок на кормушку. Сначала попались все поползни и московки. Пометил их и выпустил. Затем пришла очередь гаичек. Легко метить, когда птиц немного. Ставь на щёчке разные значки — крестики, черточки, кружки. С гаичками пришлось применить систему римских цифр, которые при помощи тонкой щепочки и зелёнки наносились в определённом порядке сначала на одной щёчке, затем на другой, потом пришлось комбинировать цифры на обеих. Беда в том, что щёчки маленькие и более четырёх знаков на одной не уместается.

Метил птичек в порядке их поимки и стал сразу же выпускать, надеясь, что пойманные, некоторое время будут сторожиться. Как бы не так! Они тут же снова полезли в ловушку и почти в той же очередности, что и первый раз. Пришлось всех пойманных и помеченных птиц сажать в большую коробку и прикрывать их какой-то тряпкой. В темноте птички сидели спокойно и даже не бились друг с другом. Часа через два-три все гаички были пойманы, помечены. На свободе остались две-три, которые к кормушкам не подлетали, видимо, специализировались на поисках ухоронок своих товаров. Где-то часа за два до захода солнца всех птичек выпустил. Они вновь начали заниматься своими делами у кормушек.

В следующие дни наблюдать за птичками стало не только удовольствием, но и своего рода исследовательской работой. Характерно, что наиболее активные, агрессивные птички оказались пойманными и помеченными первыми номерами. Они больше времени проводили у кормушек, и, понятно, им доставалась «львиная» доля добычи. В группе птиц второго десятка были особи, подчинявшиеся первым — доминантам. Однако они иногда пытались огрызаться, и нередко, если доминантная птица кормилась с одной стороны кормушки, то синички второй группы осмеливались схватить кусочек пищи на другой её половине. Третья — самая многочисленная из помеченных групп. Птицы из неё вообще старались не подлетать к столу, когда на нем кормились другие из первой и второй групп. Каким образом гаички распределялись по ступеням иерархической лестницы, не знаю. Может, всё зависит от возраста, пола, отведённой им или взятой на себя роли в общей стайке. Здесь нужны экспериментальные исследования орнитологов, может быть, специализирующихся в этологии — науке о поведении животных.

В один из дней у нас появился необычный «хищник». Какая-то пичуга чуть больше воробья вдруг вывернулась из-за дома и схватила гаичку. Затащила свою жертву на склон увала и приколола на сухой сучок под кроной ели. Совсем так, как поступают белки, когда сушат свою добычу — грибы. Я уже собрался брать ружье и разделываться с нашкодившим гостем. Оказалось, достаточно бросить снежок, и птица юркнула в ветви ели, а потом улетела к дальним ёлкам. В течение двух дней гаички иногда бросались врассыпную кто куда. Однажды утром, я еще не выходил, сильный удар в стекло заставил выглянуть в окно. Под ним лежала незнакомая мне птичка, та, которая охотилась на гаичек. Привёз я её замороженной в Петропавловск и коллега Николай Герасимов, специализировавшийся в орнитологии, определил её как сорокопуга, не помню точно какого вида. До этого я знал только жулана, но их на Камчатке нет. Те, тоже любители развешивать свою добычу на «просушку», то повесят мышку, то крупного жука, обычно накалывая свой трофей на колючки акации, барбариса, боярышника или иного дерева.

Изредка вблизи появлялись самые настоящие красногрудые красавцы снегири и их менее яркие длиннохвостые собратья. Однако к кормушке они ни разу не подлетели. Предпочитали что-то собирать на берёзах или пытаться доставать семена на выросшей недалеко от нашей базы куртине обыкновенного лопуха, иначе репейника. Как-то я привёз сюда несколько корешков этого растения в надежде вырастить его. Семена репейника отличный корм многим птицам, а корневища служат для получения средства ухода за волосами. Однако семена у нашего куста были мелкими, часто

поражёнными какими-то вредителями, но соцветия исправно оправдывали своё название — цеплялись за одежду.

Недели через две прекратились снегопады, продула пурга, усилились морозы — снег уплотнился. Пошёл снегоход, не проваливаясь в снег по самый капот. В дальних избушках появилась работа, где я и провёл десяток дней. Вернулся, когда уже заканчивался охотничий сезон.

На базе столкнулся с крайне неприятным для себя обстоятельством. Утром, когда пошёл насыпать птичкам корм, на кормушке нашёл двух мёртвых гаичек. Ещё одна лежала под окном, а впоследствии нашёл еще пяток их трупиков под стрехой крыши, в разных закоулках на чердаке дома и бани.

Что же произошло? Неумеренным кормлением я приучил птичек получать свой корм без работы, связанной с поиском пищи в лесу. Оказалось, что они мгновенно к этому привыкли и не могли возвратиться к прежнему образу жизни. Характерно ещё и то, что когда я вновь начал подкармливать птичек, но уже понемногу и только один раз в сутки, обычно под вечер, они вновь стали здесь появляться более или менее регулярно. Это были в основном те, которых пометил за пределами первых двух десятков. С первыми номерами вновь прилетали лишь пять-шесть птичек. Поползни и синицы-московки перенесли моё отсутствие вполне нормально, без потерь.

К весне гаички и поползни перестали прилетать. Московки прилетали иногда даже летом. Нередко залетали на кормушки и своим веселым «чик» выражали то ли приветствие, то ли недовольство отсутствию корма. Они и загнездились рядом, в ближайшем ельнике. По весне своим своеобразным кличем, который кто-то из отечественных писателей-натуралистов передавал слогами «зен-зи-вер», напоминали о средней полосе России, о том, что закончилась очередная зима, а впереди для птиц хлопотливая пора выращивания и воспитания потомства.

В ситуации с подкормкой птичек сработало правило, гласившее, что «очень хорошо — тоже нехорошо». Не всякая благотворительность приносит пользу. Многое зависит от того, как она проявляется, в разумных ли пределах и не носит ли целенаправленный характер. По-видимому, не случайно одна английская поговорка говорит, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках. И это касается не только гаичек, но и других птиц, зверей, а также и человека...

Землеройка-икроед. После тяжёлого дневного перехода я сидел на берегу протоки реки Рассошины и топил баньку. Было не по-декабрьски тепло. Циклон вынес от Тихого океана массы тёплого воздуха. Над еловой гривой к юго-западу догорала заря, развесив над горами и лесами клочья огненно-ярких облаков. Завораживающая тишина прерывалась только всплесками кижучей в протоке. Они отгоняли от нерестовых лунок соперников и гольцов. Изредка доносились попискивания гаичек, которые, запозднившись, спешили растаскивать корм, выложенный в кормушку под окном зимовья.

Усталость брала своё. Не хотелось уходить в избушку. Продолжал сидеть на поленице сухих лиственничных дров. Подбрасывал чурки в каменку, сделанную из двухсотлитровой бочки, и, закулив сигарету, слушал... тишину. Протока не замёрзала. Лишь у берегов её были небольшие закраины льда. Вдруг из-под снега на лёд, в двух-трёх метрах от меня, выскочил симпатичный зверёк — землеройка, или как его зовут охотники на Камчатке — остроноска. Зверёк быстро бегал, обследуя небольшой участок на льду. Проверил каждую щепочку, принесенные ветром ольховые шишки или другие мусоринки. Несколько раз поднимался на задние лапки, пытаюсь уловить запахи, которые от берега доносил тёплый, лёгкий ветерок. Смешно шевелил длинным усатым рыльцем.

Вновь принохивался, взглядываясь в мою сторону. Вероятно, свет от огня в каменке, запах дыма сигареты не внушали ему особых опасений. Лишь треск дров в печке заставлял землеройку прятаться под берег, в снег, но тут же она вновь выскакивала на лёд и начинала бегать вдоль закраины. Мне казалось, что зверек хочет переправиться на другой берег, но боится намокнуть. Наконец решилась и спрыгнула в воду. Однако вместо того чтобы плыть к противоположному берегу протоки, землеройка достаточно долго рыскала по воде взад-вперёд и вдруг, ориентируясь на какие-то

свои приметы, остановилась и, резко встряхнувшись — нырнула. Пробыла под водой несколько секунд, вынырнула. Выскочила на берег и спряталась в снегу.

Темнело. Только из каменки через дверь баньки от пламени разгоревшихся дров на льду освещался небольшой участок. Землеройка снова появилась на льду. Посидела на освещённом месте, «умылась», нырнула. Затем вылезла и, уже не убегая, начала есть что-то прямо на льду. Быстро съела и вновь — в воду. Я зажёл «летучую мышшь», подвесил ее на ветку вблизи того места, где находилась землеройка. Зверёк спрятался лишь на то время, пока я двигался. Затем снова вылез из-под берега, обегал уже хорошо освещённый участок льда и продолжил кормёжку. За время менее получаса я насчитал, что она достала из воды двадцать восемь бокоплавов и личинок ручейников. Если кто помнит, бокоплавы достаточно крупные и общий объём их составил не меньше половины объёма самого охотника. Возможно, часть добычи была спрятана под берегом, но не меньше половины было съедено.

Обмен веществ у этого зверька настолько интенсивен, что за сутки он может съесть пищи столько же, сколько весит сам. Оставь его после этого на сутки без еды, и он погибнет от голода. Сколько же всевозможных беспозвоночных: червей, различных личинок, жуков, слизняков и иной мелочи съедают землеройки, перерабатывая биомассу живности, обитающей в верхнем почвенном горизонте. Превращают её в материал, доступный для усвоения растительностью.

Некоторые исследователи считают, что землеройки общаются между собой в ультразвуковом диапазоне. Человек очень редко может услышать их писк и то, когда зверька прищемили или случилось что-нибудь подобное. Предполагают даже возможность ультразвуковой локации пространства. Кроме того, у них чрезвычайно развита система получения информации органами осязания, а также посредством обоняния.

Зверьки осёдлы, но иногда предпринимают и незначительные миграции. Ежесуточные перемещения в пределах собственного участка вверх-вниз, к воде и обратно — обычны. Однако если где-то скопилось достаточно пищи, зверьки обнаруживают её и порой в громадных количествах скапливаются вокруг. Однажды нам пришлось хранить несколько оленьих туш, выпотрошенных, но в шкуре, чтобы меньше выветривалось мясо, прямо на тундре перед избушкой.

Вертолёт долго не было. Замороженные туши были защищены от птиц ветками, а подходу хищных зверей мешал запах дыма от избушки и свежие следы человека поблизости. Все туши были поставлены «на попа» в один гурт. Одна лежала брюшиной к земле. Как-то решили и её подтащить к куче остальных. Начали поднимать и только оторвали её от смерзшегося снега, как обнаружили, что она внутри — пустая. Из неё буквально хлынули наружу многие десятки, если не сотни, землероек. Мускульного мяса в туше оставалось всего несколько килограммов у хребта. Значит, могут зверьки извещать друг друга о наличии пищи? Или каждый в отдельности получает информацию в индивидуальном порядке? Про аппетит я уже и не говорю.

Иногда приходилось изучать численность мышевидных, отлавливая их так называемыми ловчими цилиндрами в канавках. Случалось оставить без наблюдения ловчую канавку дня на два-три. Тогда в цилиндрах или полиэтиленовых пакетах, как правило, находили одну землеройку и останки от двух-трёх полёвок. Иногда встречались останки и других землероек. Невероятно, но эти ненасытные насекомоядные могут не только убивать всевозможных беспозвоночных, а умудряются справляться и с полёвками. Как им это удаётся, остается только догадываться — наблюдать не пришлось. Позднее научились в цилиндры наливать воду, и такие случаи самопоедания прекратились.

Однажды приятель рассказал, что как-то после бани заснул в избушке, не спрятавшись под одеяло. Ночью проснулся от укуса за ступню. Говорил, что достаточно чувствительного. Проснулся, начал рассматривать ногу, оказалась, что вся омертвевшая кожа по периферии ступни чисто обгрызена — не надо даже пемзой обрабатывать. Из-под постели высовывалась остроноска и, увидев движение, пряталась. Она обгрызла, больше некому, — завершил свой рассказ приятель. Я добавил, что надоело грызть мертвечину, а ты не дал закусить более живым, более вкусным. Надо после

бани меньше в стакан заглядывать, чтобы не оказываться самому в роли закуски. Обиделся, пару дней бухтел. Рассказал жене, что землеройка погрызла знакомому ноги. Она после этого их боялась больше медведя, стала прятаться во вкладыши от спальника. Напрасно — за десятки лет жизни в поле ни одна землеройка не забралась под одеяло...

Истратил я весь пар в своей баньке. Высох, оделся, вышел. Землеройка всё также ныряла и таскала добычу под берег. Фонарь в баньке висел перед окном снаружи. Светло и мне, и зверьку. Смотрю, получилась какая-то дорожка розоватого цвета от края льдины до места, куда землеройка скрывалась, под берегом. Взял фонарь, пригляделся внимательно: дорожка вымазана содержимым икринок, нашёл даже две-три оболочки. Придвинул фонарь и вновь пронаблюдал, теперь уже чем она там под водой занимается. Нырнула, как зеркальный шарик к краю нерестового бугра. Там — под сравнительно крупные камешки, а через несколько секунд — обратно. Полная пасть икринок, даже не закрывается.

Вот тебе и звереныш-икроед. У нас вроде бы нет водяной землеройки — куторы. Какая-то из самых обыкновенных бурозубок — наземных — так словчила. Как смогла под водой найти этот корм, ведь никакие органы чувств не должны были помочь ей там разыскать икру, а тем более спрятанную под галькой? Наверное, случайность — повезло. Или подсмотрела, как это делают мелкие рыбёшки. Ведь есть какие-то маленькие рыбки, которые великолепно прячутся от гольцов, хариусов между камнями на галечниковом дне плёсов.

Надо думать, что такой способ питания для землероек — явление случайное. В противном случае это было бы известно ихтиологам. А наша расхитительница икры не сможет обучить своё потомство этому благоприобретённому для себя способу добывания пищи. Недолго живут эти зверьки на белом свете, редкие доживают до одного года, так что к очередному нересту лососей она не приведёт сюда детенышей, не покажет им своё искусство. Это хорошо. Слишком много у нас развелось «икроедов», даже обыкновенные кряковые утки и лебеди порой небезуспешно разрывают нерестовые бугры кижуча. С ними проще, отпугнёшь их два-три раза, больше не прилетят. Как бы ещё научиться отваживать двуногих «икроедов» от нерестилиц лососей. Но здесь, видимо, одним-двумя отпугиваниями не отделаешься, надо предпринимать что-то радикальное...

Лесной будильник. В трёхстах-четырёхстах шагах от зимовья на реке Половинной вверх по её течению стоял огромный лиственничный пенёк — «остолоп». Засохла когда-то давно состарившаяся лиственница. В отверстия на месте обломившихся нижних сучьев проникла какая-то гниль, здесь же поселились грибы-трутовики. Со временем обломилась макушка и внутрь ствола стала проникать влага. Пространство между корой и древесиной заселили всевозможные короеды, лубоеды, наделали свои ходы и гнездовые камеры. Личинки выгрызли всё съедобное. Кора отмерла, но оставалась на дереве и защищала ствол от дальнейшего разрушения снаружи.

Дятлы «насервели» свои отверстия в погоне за живностью. Образовалась внутренняя вентиляционная система, по которой циркулировал свежий воздух. Древесина полностью высохла и звенела от удара обухом топора. Внутренняя часть ствола — сердцевина — сгнила и от уровня нижних ветвей обсыпалась вниз. Однако влага внутрь ствола уже не попадала. Верхняя часть дупла была плотно закупорена кусками свернувшейся и обломившейся коры.

В период гнездования дятлы избрали себе один из вершинных отщепов в качестве музыкального инструмента. Весёлые, звонкие трели брачной или какой-то иной их песни разносились по округе, передавая сведения о том, что это место занято, и другим птицам не следует сюда приближаться, дабы не получить нагоняй от «хозяина» территории. Однажды, откликаясь на трель своего соседа дятла, я провёл сухой палкой по краю крыши импровизированного гаража для снегохода. Пластина шифера откликнулась такой звонкой и громкой трелью, что мой музыкальный сосед надолго замолк и прилетел справиться, кто тут наводит лесные беспорядки. Никого не нашёл, чтобы устроить взбучку очередному претенденту на избранную им территорию. Меня он серьёзно в расчёт не принимал и правильно делал — каждому своё.

Вероятно, сила звучания листа шифера не давала покоя красноголовому красавцу, и он стал регулярно «обстукивать» мою избушку. То раздолбит кору на одном из брёвен в венце сруба, то простучит стропила и слеги крепежа крыши. Однажды угадал и ранним утром, на восходе солнца, выдал такую звонкую и громкую трель, что заставил меня подхватиться с койки ни свет ни заря. Осторожно выглянул в окошко задней стенки избушки и увидел, как мой сосед, вцепившись коготками в лист шифера, выдаёт грохот своей очередной трели в округу. Отгремел, испугался сам себя, отскочил на ближайшее дерево, долго выглядывал из-за ствола на необычный предмет. Подлетел вновь, и следующая трель заставила самку покинуть дупло и посмотреть, чем тут занимается её бестолковый супруг. Вышел из избушки. Спугнул беспокойных соседей. Они улетели с недовольным «киканьем» к прежнему месту своих музыкальных упражнений и гнезду.

Долго мой сосед подбирался к этому несвойственному для тайги «музыкальному» инструменту. У нас на Камчатке обитает несколько видов дятлов, наиболее часто встречаются большой и малый пёстрые. Летом они живут парами, выводят своих птенцов, а зимой объединяются в стайках с гаичками, синицами-московками, пронырливыми поползнями. Обычно в каждой из таких стаяк держится пара больших пёстрых дятлов. Изредка сюда же присоединяется и пара малых. Какова их роль в стайках синичек сказать сложно, но, вероятно, птицы чем-то друг другу помогают. По крайней мере, больше глаз — скорее заметишь опасность. Какую либо иную роль крупных дятлов, ну хотя бы в качестве вожаков в стайках, выявить не удалось. Все они — сами по себе, но предпочитают держаться вместе. Для таких наблюдений, а тем более соответствующих выводов, нужна уже иная школа — орнитологическая.

Крыша гаража изначально была закрыта досками и рубероидом. Однажды пришёл медведь и ободрал большую его часть: чем-то он его привлек. Попутно «разграбил» снегоход. Вытащил из него бензобак и поролоновое сиденье. В полиэтиленовом бензобаке прогрыз дыру, и убедившись, что кроме бензинового запаха там ничего нет, утащил в лес и бросил. С сиденьем разбирался долго. Таскал его с места на место и в каждом новом оставлял кучу мелких кусочков пористой резины. Вероятно, тренировался или «намекал», как в будущем он «разберётся» и с самим хозяином этой сидухи, если тот не уберется отсюда вместе со своими избушками, снегоходами и прочим оборудованием. Так ли он «рассуждал» или иначе, точный «перевод» его «мыслей» на язык человека делать не рискну.

Впоследствии перед летом приходилось снегоход разбирать самому и новый бензобак с оставшейся половинкой сидения прятать на лабаз. На крышу постелил несколько листов шифера, но и этот материал не давал покоя какому-то из соседних медведей. А зверь, судя по следам, был достаточно крупный и пора бы ему перестать пакостить у избушки. Тем не менее он решил окончательно выяснить свои «отношения» с навесом. Сдернул листы на землю, правда, раздавил только один, в других когтями напробивал дырок. Попробовал некоторые углы «на зуб». На этом успокоился.

Пришлось мне заниматься ремонтом. Один из листов не упал на землю, а остался висеть на проволоке, которой я пришил его к доскам из-за нехватки гвоздей. Вот этот то лист и облюбывал мой красноголовый сосед. А ведь и верно: дятел, чтобы выдать свою трель, должен ухватиться лапками за вертикальную поверхность и в неё же опереться хвостом. Затем с такой силой и скоростью отстучать по щепке клювом, что движения головы в этот момент трудно увидеть. Так он и сделал уже на несвойственном материале, чему помогли и дырки оставшиеся от когтей медведя. Этот вариант «музыки» ему настолько понравился, что на заре очередных дней, особенно когда погода была солнечная, умудрялся будить нас даже зимой.

Летом, когда от гнезда доносились голоса голодных птенцов, и то раз-другой в день прилетал к шиферине, где своей песней утверждал права владения округой. Другие дятлы отзывались издали, но приближаться сюда не рисковали. Лишь иногда привлечённые «выдающейся» песней, когда дятлиха высиживала яйца и надолго не покидала своего гнезда, к более свободному от дел самцу пытались подлетать другие, наверное, холостые самочки. Мне представляется, что это были именно они, так как с самцами-соперниками наш певец тут же затевал сначала «песенный» турнир, а затем бросался

в атаку. Прилетевший соперник обычно быстро покидал чужую территорию. К самкам дятел относился благосклонно, по крайней мере, в драку не вступал. С ними обычно разбиралась уже хозяйка участка. Гнала долго и как можно дальше от, наверное, склонного «пошалить на стороне» супруга.

Новый вариант «песни» дятла у нашей избушки, вероятно, каким-то образом отпугнул и медведя. По крайней мере, поднятые с земли листы шифера он больше с гаража не сбрасывал. Позднее я сам наставил на тропах-подходах своих меток-затёсов, и звери стали обходить наши сооружения вокруг. Сосед-дятел и очередным летом чётко выполнял свои функции нашего будильника. На третий год, наверное, уже новый владелец окружающей территории не смог освоить лист шифера в качестве «музыкального» инструмента. Хоть где-то и было сказано, что «не болит голова у дятла», и его мозги в полости черепной коробки устроены на специальных подвесках, но не живут эти птицы долго.

Как-то услышал по местному радио о конкурсе на самый необычный будильник. Вспомнился и тот наш, красношапочный красавец — лесной будильник. Жаль стало, что нельзя таким обзавестись здесь, дома. Вот тогда бы наш приз обязательно оказался первым. Но уже хорошо и то, что воспоминания подтолкнули «взяться за перо».

Хромой ворон. Редко кто из охотников, исследователей экологии тех или иных видов животных, а особенно когда приходится годами работать на одном и том же месте, не становится «сообщником» пары воронов, которым исконно «принадлежит» участок окрестных территорий. Другие птицы из семейства врановых менее подходят к образованию своеобразного содружества с человеком. Сороки для подобного менее симпатичны. Слишком уж они «говорливы», бестолковы и чаще становятся на сторону объекта охоты во взаимоотношениях между человеком и преследуемой им дичью. В то же время, судя по поведению, из сороки, выкормленной человеком с самого раннего детства, буквально с первых дней после вылупления из яйца, вполне мог бы получиться неплохой помощник.

Другие птицы, в частности крупные хищники, более осторожны, в природе они «добровольно» на близкий контакт с человеком не идут. К тому же интеллект их уступает вороньему. Да и отношения между вольной хищной птицей и человеком далеки от взаимопонимания. Хотя надо отдать должное и орлам, и ястребам, и даже соколам, что они вполне могут использовать многие «выгоды» от самого факта нахождения человека вблизи их места жительства.

Наиболее привлекателен человеку для «сотрудничества» обыкновенный ворон, в то время как его близкая родственница ворона для этой цели подходит меньше. Всё дело в том, что ворон очень привязан к месту своего обитания, где держится на протяжении всей жизни, естественно, если условия зимовки не заставляют эту птицу мигрировать в более тёплые края. Ворона же летом живёт в отдалённых от поселений человека местах, как правило, вблизи нерестовых рек или гнездовой чаек, крачек, уток и других. Зимой перебирается в посёлки и города, где умудряется находить свой корм на помойках в жесткой конкуренции с собаками, кошками, крысами, а порой и теми, кому молва присвоила аббревиатурное наименование «бомж».

У моей избушки, что стояла в устье ключа Орлового на берегу реки Рассошины с самого начала семидесятых годов прошлого века, постоянно обитала пара воронов. Первое время мне не удавалось их отличать от других пар этих птиц, которые изредка забирались сюда в качестве незваных гостей. Зимой «хозяева» территории как-то ещё мирились с пришельцами, возможно, это были даже какие-то их «родственники». В бесснежный период пришельцам грозила трёпка, причём нападали на пришельцев обе птицы из пары и гнали их до каких-то только им известных границ в воздушном пространстве над «своими» территориями.

С некоторого времени одна из птиц оказалась узнаваемой как в полёте, так и при посадке на дереве. Дело в том, что она повредила себе одну лапку. В полёте нога не полностью поджималась к брюшку, а если птица сидела на ветке, то она делала это, как бы наклонившись в правую сторону. Птица попала в капкан, мне пришлось её освобождать, но ворон никак не связал этот факт с тем, что нанесённая ему травма

тоже результат моей деятельности. По крайней мере, чувство «признательности» за освобождение из ловушки доминировало над страхом или неприязнью. После такого контакта с птицами они стали более «ручными». Если сидели на вершине дерева, то нередко даже не слетали с него, когда я проходил по тропе буквально под ними. Вероятно, у мудрых птиц запечатлелось в «сознании», что я не желаю им вреда. В то же время, стоило мне идти по своим тропам с кем-либо из «посторонних» людей, птицы слетали с деревьев далеко, как говорят охотники, «на выстрел не подпускали», даже в полёте. На мои выстрелы реагировали быстро, но обычно не связывали это с опасностью для себя. Как правило, подлетали и пытались выяснить — не добыл ли чего и, как следствие, — не удастся ли чем-нибудь разжиться к своему обеду. Такое получалось достаточно часто.

Порой даже увидев меня на рыбалке, когда я осенью или в начале зимы, вооружившись спиннингом или обыкновенной удочкой, пытался достать из реки пару-тройку хариусов, микижу или даже кижуча, подлетали, усаживались на вершине сухого тополя за рекой и терпеливо ждали — не перепадёт ли и им кусочек на ужин. Частенько перепадало. Попадался иногда и довольно крупный голец, тогда я разрезал его на куски и бросал их на каменистую косу, которая отгораживала устье ключа от собственно русла реки.

Первое время птицы сторожились и в моём присутствии угощение не брали. Года через два-три стоило мне вытащить какую-нибудь добычу крупнее хариуса, вороны начинали переговариваться между собой, а может быть, просто поторапливали меня — мол, не забудь нас, подлетали и садились на косо. Бросал туда кусочки рыбы. Птицы брали угощение и вновь забирались на сушину, чтобы там съесть его. Иногда одна из птиц могла клевать рыбу прямо на косо, но другая всегда находилась на дереве. Вероятно, постоянная бдительность — одно из составляющих условий, чтобы прожить, как говорят про воронов, триста лет.

В какой то момент ворон с повреждённой лапкой остался один. Другой птицы не стало. Стоило выйти из избушки, как он начинал кружиться надо мною или садился на вершину тополя и оглашал округу заунывным карканьем, в сочетании звуков которого практически отсутствовал звук «р». Получалось, чуть ли не стонущее «ка-а-а». Подумалось — не попала ли вторая птица в капкан и не просит ли ворон помощи? Прокатился по путикам на снегоходе. Там вороньей пары не оказалось. В один из сеансов связи мой сосед по участку рассказал о случившейся с воронами трагедии. Когда птицы перелетали через большую тундру, откуда-то из поднебесья «ударил» крик. Сбил одного ворона, затем догнал добычу, схватил её и уже вместе с ней опустил на землю. Сосед не смог подойти и посмотреть, что делал сокол со своей жертвой.

Бывает такое, что соколы, а иногда и ястребы-тетеревятники хватают ворон. Вероятно, это происходит в то время, когда мало другой более лакомой добычи, например, куропаток или уток. Месяца три наш сосед летал один, а ближе к весне обзавёлся парой, вероятно, нашёл себе её среди молодых, холостых и одиноких птиц. Новая сожительница первое время сторожилась моего приближения, но постепенно привыкла. В те годы на участке было довольно много диких северных оленей и эпизодически нам удавалось их добывать. Иногда приходилось избавляться от какого-нибудь настырного медведя, который нарушал «правила» общежития в лесу, становился слишком нахальным, что могло быть опасным. Во всех случаях отстрела крупных зверей воронам доставался немалый куш от добычи. Быстро птицы в своём сознании связали обилие пищи и мои выстрелы и затем при перемещениях по участку редко на длительное время выпускали меня из-под собственного контроля. Разве что при поездках в пургу или в ночное время. Интересно, что они переставали меня сопровождать, когда я на снегоходе уезжал далеко вниз вдоль реки, вероятно, за границу их территории.

Видно, что чувство собственности над своей территорией и таёжные законы нерушимости границ соблюдались чётко. Нам бы научиться так хозяйствовать на своих территориях. А что? Может быть, когда-нибудь и научимся, иначе придется растерять и территории, и все ресурсы на них. Беспорядок прямой путь к беззакониям, а беззакония — обычная дорога к очередной разрухе.

«Цветной» снег. Много ли в нашем языке слов, которые можно совместить с понятием снегопад для характеристики явления или каких-либо особых его качеств? У охотников бытуют понятия «пухляк», «крупа», «мокрый», с ветром — «пурга» и прочие. Есть ещё для характеристики снегопада определения «завальный» или «насыпной». Можно добавить ещё пять-десять. Вот у эскимосов Чукотки и их ближайших соседей на североамериканском континенте есть около сотни слов, относящихся к снегу. Все они имеют своё чёткое значение. У нас на Камчатке к характеристике снежного покрова порой можно прибавить «чёрный», «жёлтый», «красный», но это уже последствия деятельности вулканов.

Изредка просыпаешься утром, а вся поверхность снега за окном избушки закрыта чёрной или красной коркой, как будто рука неведомого художника загримировала все голландской сажей, охрой, свинцовым или железным суриком. Лишь кое-где остаются белые пятна. Необычно смотрится такая картина. Ощущение — будто рассматриваешь округу и видишь её на негативе фотопленки. Только след случайно поднятого зайца сияет необыкновенной белизной да указывает на то, что зверек мчится в неведомом направлении, словно спасаясь от волшебного преследователя, который бесшумно оставляет свои необычные следы сразу же за хвостом убегающего зверька.

Охотник после «цветного» снегопада тоже не сразу станет на лыжи. Бесполезно — они совершенно не скользят. Дождётся свежего нормального снежка или ветра, чтобы сдуло с поверхности это цветное покрывало. А ведь верно — в таких условиях далеко не уйдёшь, да лучше и не ходить. Ненароком надышишься неизвестно чем и будешь потом гадать, от чего вдруг скрутило болью желудок, жжёт слизистые в носу, глазах, да и во рту появляется привкус металла. Сердце начнёт пошаливать или замучает кашель — задумаешься о вреде курения. А ведь понятно, многие тонны соединений ртути, мышьяка, а порой и других не менее «полезных» для человека выбрасывают недра земли с вулканическими пеплами. Но как-то наши экологические службы не жаждут делиться своими знаниями. Неужели «свободный» рынок проник и в эту сферу мониторинга, по принципу «заплати — скажем».

Может быть, власти считают, что необязательно людям знать, какую напасть может принести с собой «красный» или там «чёрный» снегопад. Здесь, видимо, преследуется принцип: «меньше знаешь — крепче спишь». Ну, совсем так, как это было после взрыва реактора в Чернобыле. Или после выброса восьмидесяти тонн ртути в толбачинском прорыве, не считая миллионов тонн хлора, фтора, серы и прочего. До сих пор нам не объяснили, почему в одночасье по восточному побережью полуострова вдруг пожухла листва на берёзах среди лета какой-то странной полосой шириной километра в три-четыре, длиной от Петропавловска на север до Кроноцкого залива и далее. Что это — вулканический выброс или ставшая позднее известной утечка ядовитых веществ из арсеналов наших ракетчиков? Может быть, именно после этого перешли крупные медведи в северной половине Елизовского района?

Надо отдать должное властям, они позаботились о медведе. Вот даже запретили весеннюю охоту на него по всей территории. Правда, считают, что крупных медведей истребили охотники за трофеями. Что сказать? Им виднее.

Как тут не быть благодарным тем ветрам, которые разнесли в стороны Берингова и Охотского морей «цветные» снега после выбросов пепла из вулканов Шивелуча и Ключевской сопки. Вполне оказались достаточными обыкновенные снегопады с пургами, чтобы показать «кузькину мать» властям, автомобилистам и просто пешеходам. Не хватало бы тут только красного, жёлтого или хотя бы чёрного снега. Разве чтобы лучше замаскировать и продезинфицировать каким-нибудь ядом помойки да прочие результаты жизнедеятельности нашего города. Ох, как это пригодилось бы к весне, а особенно мусороборочным и санитарным службам города!

Лисица и верша. На озерке — старице одной из протоков реки Рассошины, образовавшемся от притока воды из нескольких ключиков с незамерзающей водой и родников, было нерестилище лососей. Летом сюда заходили десятка три-четыре нерок, или, как их ещё зовут на Камчатке, — красниц, которые выметывали свою икру в средней части водоёма. Осенью и в начале зимы здесь же нерестились кижучи, столь почитаемые местным населением для приготовления традиционных рыбных котлет. Одни копали

свои нерестовые лунки в самом устье ключа, соединявшего озерко с руслом реки, другие поднимались к родникам. К концу периодов размножения рыбы озерко регулярно посещали медведи, лисицы, соболи. Каждый мечтал заполучить свою добычу, поймав уже отнерестившуюся рыбину, потерявшую прежнюю резвость и способность быстро прятаться в промоины под берегом или на глубине, под навесом склонившихся над водой ив.

Приход кижучей на нерестилище привлекал к себе не только четвероногих хищников. Регулярно, но довольно редко прилетали сюда белоплечие орланы, как всегда в сопровождении суетливых сорок и нахальных ворон. Что интересно, эти нахлебники крупных орлов вели себя до удивления спокойно, я бы даже сказал сдержанно, до тех пор пока орланы не поймали свою добычу и не вытащили её на берег. С этого момента все начинали дружно атаковать своих «кормильцев», порой вынуждая их бросать недоеденную рыбу и улетать в более спокойные места. Тогда наступала очередь сорок и ворон. Суматоха ворон и сорок, видимо, тоже привлекала к себе соболей и лисиц. Они по ночам тщательно обследовали все места, где днём кормились птицы.

Не меньше других к нересту готовились и целые стаи мелких гольцов, которые спешили наполнить свои ненасытные глотки икрой крупных лососей, пока те не спрятали её, засыпав нерестовые лунки галькой. Гольцы также нерестились здесь же, но немного позднее и избирали себе мелководные участки по руслу ключей впадающих в озеро. Гольцы после нереста не погибали, как другие проходные лососи, а, отложив икру, уходили на основное русло реки. Мы ловили гольцов на приманку для соболя. Сначала пытались делать это с помощью мелкоячеистой сетки, но это оказалось делом неинтересным. Да и запутавшиеся в сетку кижучи своими отросшими зубами мгновенно превратили её в лохмотья. Затем научились добывать гольцов удочкой, получая от этого и удовольствие, и свежую прибавку к своему столу, особенно в дни, когда по каким-то причинам в полынье реки не удавалось поймать хариуса.

В какой-то момент вблизи нерестилища надумали устроить живоловушку на соболя. Это был обычный конический сруб в виде усечённой пирамиды с высотой и длиной стенки основания в полтора метра. Крышка размером метр на метр имела в центре круглое отверстие около двадцати сантиметров в диаметре. В отверстие крышки вставлялась палка-лесенка. Приходившие соболи спускались в сруб, ели там рыбу. Растаскивали её по окружающим угольям и прятали в свои ухоронки — «заначки». Видимо, на «чёрный день». С началом охотничьего сезона палка-лесенка убиралась, и ловушка начинала работать в автоматическом режиме. Оставалось только регулярно проверять её и собирать добычу.

Кижуч соболям не нравился, а гольцы исчезали из ловушки мгновенно. Приходилось подновлять запас привады каждые три-пять дней. На ловлю их требовалось много времени, а оно в течение охотничьего сезона обычно было в дефиците. В конце концов надумали поставить стационарную ловушку на гольцов и сплели обычную вершу из прутьев ивы. Отверстие входного конуса оставили очень маленьким, около пяти сантиметров в диаметре, чтобы туда не могли забираться кижучи. Кроме добычи привады у нас была ещё одна задача — попытаться хоть как-то защитить икру кижучей от истребления её гольцами. Ведь чем больше на нерестилище рыбы, тем больше придёт сюда зверей, объектов нашего промысла — соболей, лисиц, росомех, горностаев, а иногда рыбой соблазнялась даже рысь. Здоровенный кот изредка приходил к озерку и пытался даже хватать рыбу на мелководье, обычно в годы, когда в округе было мало зайцев.

Установили вершу в русле ключа, перегородив его на половину ширины. Кижучи, которые поднимались к озерку, совались раз-другой к входу в вершу, а так как пролезть не удавалось, то, обойдя заборчик, они двигались далее вверх. Гольцы же, поднимаясь под берегом, дружно попадали в ловушку. Конечно, часть их также, миновав ловушку, шла вверх к нерестилищам. Иногда за три-четыре дня в вершу набивалось гольцов до десятка килограммов. Наша новая соболия ловушка была обеспечена запасом свежей, привлекательной для соболя подкормки.

Иногда в вершу забирались некрупные хариусы — тоже, оказывается, любители икры, мелкие микижи и даже кунджи. После нереста гольцов вершу снимали и остав-

ляли на берегу до следующего года. Вытащенную из воды рыболовецкую снасть тщательно обследовали лисицы, соболи и даже медведи, но не ломали её, так как входное отверстие было открытым. Звери могли спокойно обследовать ловушку даже изнутри. Особенно «любили» навещать вершу лисицы. Они после снегопадов выкапывали её из снега, выгребали весь снег изнутри, залезали в неё и пытались даже грызть отдельные прутья. В один из дней, когда по следам лисицы увидел, как она ведёт себя у верши, понял, что подобное сооружение может стать одной из ловушек для поимки этого чуткого, осторожного и умного зверя. Некоторое время ранее один из коллег рассказал о подобном сооружении для добычи лисиц и способе его применения. Сначала мало верилось, что такой способ можно применить и он окажется результативным.

Начались новые опыты. Из ровных побегов ивы толщиной у комля три-четыре сантиметра и длиной в два с половиной метра при помощи проволоки сплели конус с диаметром основания сантиметров восемьдесят. В вершине конуса комли веток ивы сходились вплотную, у основания отстояли друг от друга сантиметров на десять. Ловушка устанавливалась основанием на землю и закреплялась в этом положении. Внутри конуса, напомилавшего собой основу для чума или каркас индейского вигвама, эпизодически бросали несколько рыбок, часть подвешивали на поперечном прутике. Ещё в тёплое время лисицы начинали посещать ловушку и забирать приманку. Они свободно пролезали между кольями у основания ловушки и также выходили обратно. После того как снежный покров достигал полуметровой высоты, конус укладывали набок и плотно набивали снегом попеременно с заранее приготовленными чурочками, обломками ивовых веток, ветошью. В вершину конуса закладывали рыбу. Ловушку вновь устанавливали и закрепляли в вертикальном положении.

Лисицы после очередного снегопада вновь подходили к ловушке, даже пытались снаружи подниматься к её макушке, чтобы достать рыбу, но никак не могли «сообразить», как им надо ловиться в таком сооружении. Одна лисица «догадалась», что приманку надо доставать изнутри конуса. Она начала копать нору вверх — к приманке. Постепенно добралась до рыбы, оторвала её, съела, а вот выбраться не удалось. Узкое пространство конуса не позволяло ей сначала развернуться, а ниже нора оказалась забитой уплотнённым снегом и чурочками. Попыталась она грызть жерди, из которых была сделана ловушка, но до утра не успела выбраться наружу и стала нашей добычей.

Только после двух охотничьих сезонов, наконец, и до нас «дошло», как сделать такую ловушку более уловистой. Всё оказалось очень просто: в нижней части конуса не следует снег перемешивать с разными чурочками, достаточно только в верхней половине, а по всему объёму снега надо перемешать его с одной-двумя пригоршнями кусочков мелко нарубленной рыбы — тех же гольцов или даже снулого кижуча. Одно условие осталось неизменным: такую ловушку необходимо осматривать ежедневно. Если надолго оставить пойманного зверя в ней, то он всё-таки перегрызёт жерди и выберется наружу.

В ловушке, изготовленной таким же образом из стальных прутьев, лисицы никак не хотели соблазняться приманкой. Одна простояла у нас три охотничьих сезона и только один не сеголеток, а достаточно взрослый лисовин забрался в эту ловушку и стал нашей добычей. Вероятно, и среди лисиц попадаются «тупые» или до беспредельности «обнаглевшие» особи.

Лукавая росомаха. К небольшой проходной избушке, что стояла на реке Рассоши-не километрах в двух-двух с половиной выше её слияния слевой «знакомая» росомаха приходила с интервалом раз в неделю, плюс-минус пару дней. Это был очень крупный самец. След её напоминал медвежий, а передняя правая нога оставляла совершенно медвежий, «косолапый», отпечаток. Район обитания зверя был велик. Я встречал её следы на пятнадцать километров ниже по реке от избушки и в двадцати-двадцати пяти выше. Вообще этот зверь от иных отличается необыкновенной подвижностью и способностью к огромным суточным переходам. Ведь не случайно среди местных охотников бытовала присказка: «Росомаха позавтракала в Козыревске, а ужинать идёт в Ключи».

В те годы мне наряду с разработкой «копытной» тематики вменили в обязанность изучать ещё и белку с целью прогнозирования её «урожаев». Понятно, что в попытке «объять необъятное» начальство стремилось нагрузить всех, как можно, а порой и невозможно, больше. «Как же, у других по десятку видов в качестве объектов исследования, а у тебя только три: дикий северный олень, лось и снежный баран». Вот и пришлось на окраине одного из самых северных еловых массивов на полуострове, в бассейне реки Еловки, построить небольшую избу. Совершенно в стороне от основных оленьих мест обитания.

В центре массива ельников, в окружении могучих елей и отдельных лиственниц, располагалась небольшая «тундра», куда во время осенней миграции выходили на дневку некрупные табунки северных оленей. Чаще всего олени появлялись здесь, когда год был «рябинный», и они после сбора ягод останавливались полакомиться ягелем — различными видами лишайников. Перед зимовкой на долах Срединного хребта оленям, видимо, не «хотелось» отвыкать, как считал я тогда, от одного из основных компонентов их зимнего питания.

От избушки до тундры ходу было час-полтора, в зависимости от состояния и глубины выпавшего снега. Обрато, вниз — быстрее. Ежедневно ходил на тундру, высматривал там оленей, просчитывал их количество. Определял, сколько там взрослых самцов, самок и телят нынешнего года рождения — сеголеток, если удавалось отличить, то и телят в возрасте полтора лет. То есть занимался сбором данных по половой и возрастной структуре популяции. Эти данные позволяли оценивать темпы прироста, сохранность молодняка и многое иное, что в свою очередь давало возможность определять параметры хозяйственного использования оленей в ближайшей перспективе.

На тропе между избушкой и тундрой установил сотню беличьих древесных капканов. Существует такой индикационный признак, как добыча зверьков на определённое количество ловушко-суток. Число попавшихся животных на сотню ловушко-суток в сравнении из года в год позволяет оценивать плотность их населения, численность и перспективы промысла. Капканчики крепились к дереву, а спусковой механизм настораживался кусочками грибов — маслят, рыбы, обычно гольцов, чтобы вместе с белками попадались горностаи. Серия древесных капканов оказалась неудачная — с очень слабыми пружинами. Зверьков сразу не убивало. Вероятно, некоторые пищали, другие вообще вырывались из ловушек.

Первыми «проверяющими» у ловушек оказались соболи. Они шли на крик или писк попавшей в капкан жертвы, вытаскивали добычу и обычно тут же расправлялись с ней, оставляя только хвостики. Через некоторое время повадилась ходить россомаха. Именно та, приметная, с медвежьей косолапостью на правую ногу. Она из всех ловушек вытаскивала и приманку, и добычу. Пришлось переключиться только на одни грибы, накручивать дополнительные пружины в капканах, но уже было поздно — мои «вредители» вполне освоились. Оставалось отмечать уловистость ловушек только по следам. Мне иногда доставалась добыча, попадавшая в капканчики между утренней проверкой и вечерней, по возврату домой с тундры. Соболи тоже быстро переориентировались — вытаскивали белок из капканов среди белого дня. Добычу было не очень жалко: шкурки белок стоили копейки, но истреблялся необходимый фактический материал — черепа, желудки. Соболей ловить было нечем. Да и в те годы я ещё не умел этого делать должным образом.

К концу первой декады ноября наступили приличные морозы, улегся устойчивый снежный покров. Решил добыть оленя. Завезённая тушёнка приелась, как и рыба, а жить в угодьях нужно ещё больше месяца. Необходимые разрешения имелись. Вышел на тундру. В тот день там оказались только три животных — самка с двумя телятами — этого и прошлого года рождения. Младшая — самка. Старший — бычок. Он и стал моей добычей. Вроде много, но решил, что за месяц справлюсь, зато самка останется жить дальше.

Как и положено обмерял трофей, собрал необходимые пробы для лабораторных исследований. Разделал тушу на части, как это принято у охотников. Сколько можно унести в рюкзаке — отложил. Остатки развесил по веткам на наклонном

стволе каменной берёзы. Здесь же на подходе набросал всякого мусора из рюкзака, гильзу и иные «отпугивающие» предметы. Под мясом повесил бинокль, в дерево забил несколько древесных капканов — были в резерве. Остатки дня и ночь потерпит, а завтра часть унесу, другую вывешу на проволоку — никто не достанет. Надежды юношей питают, да уже далеко не юношей-то был. Мог бы и лучше соображать.

Наутро по тропе сквозь ельник к тундре шёл параллельно свежим следам росомахи. Ещё издалека увидел, что мои запасы с дерева исчезли. Видимо, гостя пришла ещё с вечера. Наверное, призывом для неё служил звук выстрела. Отсутствовал даже бинокль. Следы только росомашьи, да в месте, где был кишечник, восседал ворон и подбирал некоторое оставшееся после работы росомахи. А она трудилась всю ночь и с немалым упорством. Хорошо натоптанные тропы расходились во все стороны.

Первым делом двинулся, конечно, по следу, где остался потаск от ремешка бинокля. С ним зверь много не лукавил. В первой же ухоронке, под ближайшим кустом кедрового стланика, нашёл торчащий из снега кончик ремня. Потом подался по самой набитой тропе. Здесь росомаха несла заднее стегно — наиболее крупный кусок мяса. Вес его был весьма приличный, но зверь не тащил мясо, а именно нёс его в зубах, стараясь поднять так, чтобы не оставалось следов. Правда, это ему не всегда удавалось — тяжеловата была ноша. Пропажа обнаружилась в одиннадцатой ухоронке, а всего их было сделано тринадцать. Немного не сообразил зверь, что, раскапывая ухоронку, он оставлял рядом с ней отпечаток своей ноши. Изъял.

Таким же образом росомаха растащила и спрятала остальное мясо. Можно было только удивляться способности зверя маскировать свои тайники. Однако, каждый из них, помимо всего прочего, тщательно «метился» экскрементами и мочой. Всё собрал с трудом, «поисковыми работами» пришлось заниматься больше половины дня. Мешало и то, что снег установился ещё неглубокий. На кочкарной тундре было много проплешин. В лесу поиски шли быстрее. К вечеру унёс часть мяса к своей избушке — там никакая росомаха уже не достанет.

На четырёхметровой высоте был устроен лабаз. Столбы ошкурены, а под самым верхом обиты кровельным железом для защиты от проникновения мышевидных грызунов. Более того, в качестве сундука на лабазе использовалась двухсотлитровая бочка с плотной крышкой. Оставшиеся два стегна подвесил на проволоке, но на значительно большей высоте. Чтобы с земли не достать, и от ствола до мяса было метра по полтора. Проволоку ведь не перегрызёт.

Всё же сумела достать один кусок из двух оставшихся. Зверь поднимался по стволу берёзы и прыгал сверху на подвешенную ногу оленя. Пытался отгрызть мясо ниже того места, где оно было привязано проволокой. Толстая берцовая кость не поддавалась даже таким «жерновам», как росомашьи челюсти. В конце концов то ли раскачиванием, то ли собственным весом ей удалось оторвать проволоку у места её привязки к берёзе. На сей раз воришка не стала прятать своей добычи. Просто решила утащить её как можно дальше. Ещё километрах в двух от тундры я увидел свежий росомаший след и волок от её добычи. Зверь не нашёл ничего лучшего, как тащить её вниз по тропе. В одном месте у ключа росомаха остановилась и, видимо, перед тем как заняться своими маскировочными ухищрениями, решила подкрепиться и съела изрядную долю. Я шёл ей навстречу, но мы не встретились. Росомаха услышала меня издалека и бросила свою ношу у незамерзающего ключа. Проволока была вместе с мясом. Однако весь кусок был изгажен, вымазан грязью. Не стал больше его убирать. Привязал крепче к какому-то корню и оставил в качестве приманки — пусть грызёт. Второе стегно осталось нетронутым — притащил его домой, хватило до самого окончания работ.

У избушки стояла пара выдровых капканов. Решил я всё же попытаться наказать похитителя своих припасов. У привязанной ноги оленя в старой ухоронке поставил капканы, тщательно их замаскировал. Пришла росомаха, как лисица, подкопалась под каждый капкан, вывернула их на поверхность снега. В довершение всего оставила знаки своего полного «уважения» к охотнику в виде экскрементов на ловушках. Как ни маскировал целостность снежного покрова над ловушкой, запах при помощи

хвои или полыни, бесполезно: зверь всегда находил её и очередной раз «высказывал» своё отношение к моему «мастерству» охотника.

В завершение всех неприятностей россомаха остановилась на житьё где-то вблизи моей избушки. Раньше она появлялась здесь через несколько дней, теперь же ежедневно. Четко проверяла путик, вытаскивая всё, что оставалось после соболей, и, видимо, прятала и перепрятывала содержимое своих ухоронок. Может быть, и сама позабыла, что где было запрятано, а теперь разыскивала. Однако почему-то кусок мяса, привязанный на тропе, не трогала, хотя подходила совсем близко и выворачивала поставленный здесь капкан.

Решил применить что-либо новенькое, конечно, из арсенала хорошо забытого старого. На тундре вблизи берёзы, на которой я ранее «прятал» свою добычу, стояла небольшая лиственница, у комля сантиметров пятнадцать в диаметре. Это деревце служило сигнальной точкой для медведей. Они, проходя мимо по тропе, оставляли на нём свои метки. Одни срывали кору зубами, прислонившись к дереву спиной и вытянувшись во весь рост в высоту. Этим способом в округу отправлялись известия о размерах и мощи претендента на окружающие уголья. Другие, поднявшись на дыбы, терлись о кору дерева головой, оставляя пахучие метки. Кора на деревце до высоты почти трёх метров во многих местах была повреждена когтями и клыками медведей. К подтёкам смолы прилипли волосы разных особей, больших и поменьше. Повреждённое дерево подсыхало, что и мне и было нужно.

На высоте около трёх метров срубил его. Затем при помощи ножа, топора, клиньев расколол пополам вдоль ствола почти на всю длину. Края скола обтесал, немного закруглив каждую половину деревца. Вершинки половинок развёл друг от друга с помощью растяжек на полметра и почти в самом верху вставил поперечину, которая, расклинив половинки ствола, служила своего рода инструментом насторожки. Поперечина состояла из двух половин, которые стыковались при помощи порожка, своего рода челака, для плашки или кулёмки. Пришлось делать импровизированную лесенку из остатков ствола лиственницы для того, чтобы обработать и насторожить ловушку.

Рядом со своим сооружением вбил в ещё не сильно промёрзшую землю длинную жердь, очищенную от коры, чтобы по ней не могла вверх залезть россомаха. На макушку привязал остатки от оленьей ноги. Приманка висела строго над ловушкой. Не помню точно, как называются такого рода ловушки. Они бывают у разных народов и в привычном нам звучании определяются как «сжим», «щемиха», «рожон». То, что делал я, кажется, в староверческом русском варианте называлось «рожон». Как тут не припомнишь детство, когда бабушка на несвоевременную или «необоснованную» просьбу выдать чего-нибудь вкусенького, отвечала: «Рожна не дам». Так и мне казалось, что эта ловушка вполне оправдывает своё наименование и «ни рожна ею не поймаешь».

Тем не менее через неделю «справедливость восторжествовала». Мой косолапый «россомах» — здоровеннейший самец висел в ловушке, сжатый с боков половинками расщеплённого ствола деревца. Видимо, как и предполагалось — полез по дереву к приманке. Ухватился за «половинчатую» распорку, та разъединилась посередине, как и положено. Зверь застрял в расщепе, затем его постепенно сжало за счёт некоторой «пружинистости» половинок ловушки. Оба верхние концы были отгрызены, но, видимо, зверь не «догадался» подниматься вверх или пытаться разжать импровизированную пружину. При её силе, россомахе это вполне бы удалось. К моему приходу добыча уже остыла.

Не знаю, насколько гуманно или негуманно я поступил со своим расхитителем припасов, но шкура его до сих пор в качестве трофейного коврика напоминает мне о том очень давнем случае. Вероятно, какой-то лесной или россомаший бог остался недовольным, что мне удалось изловить зверя, который когда-то уже побывал в капкане, вырвался, приобрёл за счёт этого отличительный признак — косолапость. Через несколько лет мне пришлось уже из другой избушки приехать к прежнему моему жилью на снегоходе. Что-то понадобилось из вещей, хранившихся на лабазе. Избушки на месте не оказалось. Лежала лишь груда разбросанных брёвен.

Пойма реки Рассошины в этом месте была сжата по обоим берегам скалами. Перед тем как река стала, прошёл раннезимний паводок. Река понесла на себе льдины,

бревна из заломов и громадное количество воды, накопившейся выше многочисленных ледовых плотин. Потеплело, и всё это хлынуло валом вниз. Чуть выше вал ударился в скалу и, развернувшись, пошёл по старице, на берегу которой стояла избушка. Судя по следам на деревьях, здесь вода поднималась почти на два метра, и ударом большой льдины зимовье разрушило. Все-таки мой лесной «хранитель» оказался сильнее росомашьего. А одна из ошибок при строительстве таёжного жилья стала уроком на всю оставшуюся жизнь.

Озеро Гагар. На географической карте Камчатки оно имеет название, вынесенное в заголовок. В быту население именует его «Гагарым». Сравнительное крупное до трёх километров длиной и до одного шириной, оно не имеет ни стока, ни впадающих в него ключей. Подпитывается, видимо, за счёт донных родников и подтока воды из примыкающих к северной оконечности болот. Берега окаймлены зарослями осок, куртинами тростника, подходящих к самой воде листовницами и на восточном берегу зарослями осинников, березняков появившихся на месте старых, неоднократно пройденных палами лесосек.

Расположено в бассейне реки Козыревки, недалеко от моста через неё на трассе Мильково — Крапивная. Стремление собрать как можно больший материал по лосю осенью привело меня с моими добровольными помощниками в эти места. Толчком послужил рассказ кого-то из отдохавших на озере, что здесь в середине сентября им не давали спать по ночам «стоны» лосих. Они готовились в это время к великому таинству продления рода и так своеобразно призывали партнеров самцов-рогачей.

К нашему приезду уже в самом конце сентября вокальные упражнения лосих поутихли. Недалеко от избушки бродила пара самок, а по их следам неотступно следовали рогачи. За одной — пара, за другой — один. Ещё подальше от своих мам держались два прошлогодка и попадались следы сеголетка — телёнка этого года рождения. Молодые звери были самцами, так как телёнок взрослые самцы не отгоняют от самок.

Мы надеялись добыть прошлогодка, неважно какого пола, самца или самку, они до двух лет растут схоже. В начале охотничьего сезона хотели получить размерные и весовые характеристики животных именно такого возраста. Колесили по дорогам, отмечая следы животных, их переходов, места днёвок в тех или иных лесных массивах. В конце концов, пришли к выводу, что добыть зверя можно только случайно. Более того, встретивший нас егерь службы охотнадзора по Мильковскому району, рассказал, что у озера недавно побывала группа охотников из города Вилючинска — на джипах, с водными мотоциклами и прочей ревущей техникой. Они всё здесь разогнали. Действительно, вблизи избушки, правда, в специально отведённом месте, остались груды осколков от расстрелянных пивных бутылок, различных мишеней, пустых гильз. Воистину неистребимы традиции «особенностей русской национальной охоты».

Домик у озера, построенный работниками лесного ведомства, на удивление, поддерживается в полном порядке. Сюда приезжают в основном отдохнуть на природу. Ягодников поблизости почти нет: не восстановились после пожаров. Осинники зарастают разнотравьем, среди которого много видов из семейства бобовых. В целом это прекрасные уголья для лосей, но нигде не удалось увидеть, чтобы эти звери вышли на открытые пространства травянистых болот с клюквенниками или подошли к берегам озера. Звери уже давно «обучены» и сторонятся открытых пространств. Это первый признак, что живётся им здесь весьма беспокойно. Не случайно они с началом зимы покидают эти места и устремляются к предгорьям, ельникам, где находят хоть какие-то убежища от преследования человека.

Наше пребывание на озере совпало со временем, когда пролётные водоплавающие птицы начали сбиваться в крупные стаи перед откочёвкой ближе к югу. По ночам постоянно над озером кружились табунки гусей, радовали нас своими криками. На зеркале озера дневали крупные стаи уток разных видов. Когда с восточного берега, где было мелководье, дул ветерок, утки начинали кормиться. Вероятно, волны на мелководье поднимали со дна различную живность. Здесь собирались стайки чирков, которые шныряли по поверхности, подхватывая все съедобное. Следом за ними на большей глубине держались другие благородные утки — кряковые, свиязи, шилохвости.

Они, не ныряя, становились «на попа» у поверхности воды и доставали со дна личинок ручейника, бокоплава — некую миниатюрную копию креветки, и прочую живность. Далее за благородными видами уток кормились стайки гоголей и чернети, а всю общую «колонну» птиц замыкали чайки. Все птицы держались группой, вытянутой почти от берега до середины озера. Внутри группы соблюдалась чёткая иерархия: каждый вид в своей стайке.

Приятели подобрали где-то в кустах небольшую сетку, но с достаточно крупной ячейей. Поставили, надеясь к утру обеспечить себя завтраком из свежих карасей — не вышло. Местные караси свободно гуляли сквозь такую сеть. Зато недалеко от домика нашли не снятую кем-то вершу или вентерь. В него на приманку из хлеба собралось десятка три карасиков с детскую ладошку. Прелесть карася даже не в размерах. В сильно прожаренной мелочи почти не угадывались косточки. Вкус, конечно, что надо, но... мало. Мы даже после пожалели, что не попробовали пожарить карасиков, как корюшку или мойву, целиком. А вдруг?

С озера Гагар уезжали очарованные его красотой с надеждой когда-нибудь вновь побывать здесь и увидеть у берега кормящегося водными растениями лося. Вновь услышать призывные «стоны» лосих и «уханье» их брачных партнеров — рогачей, а главное, дожждаться, когда подрастут карасики и просто посидеть с удочкой на берегу, полюбоваться утренней и вечерней зорями и послушать тишину осеннего леса, прерываемую лишь «вздохами» листвы осин под лёгкими порывами ветерка. Как мало для этого надо — всего лишь чтобы и все другие посетители этих мест просто любили и берегли здесь всякую живность, хотя бы не пугали бессмысленной стрельбой.

Днями вновь пришлось услышать о происшествии в окрестностях озера. Приехали охотники и организовали охоту на лося. В качестве вспомогательного средства для неё использовали параплан, оборудованный двигателем и пропеллером. Если раньше мы слышали о случаях применения для охоты на лосей мотодельтаплана, то теперь местные умельцы пошли дальше. «Мотопараплан» использовался не только для поиска объекта охоты, но с него теперь научились стрелять. Вероятно, крутанул ветерок, и браконьер со своим летательным аппаратом рухнул вниз. Рассказывают, что незадачливый «умелец» остался жив, но ружье его от удара приобрело форму дуги. Что же дальше?

Применение техники для поиска, преследования и отстрела зверей признается правонарушением. Всё это запрещено. Если бы местная милиция была бы заинтересована в раскрытии этого нарушения закона об охоте, найти, вычислить и привлечь к ответственности тех, кто занимается подобным, не составило бы труда. Слишком невелик круг лиц, имеющих доступ к мотодельтапланам, мотопарапланам и прочему. Да и свет слухами полнится. Видимо, некогда.

Приятель, рассказавший мне эту историю, узнав о ней «строго конфиденциально», всё же порадовался: «Есть кто-то повыше над всякими там парапланами, дельтапланами, что пытается защитить лосей от браконьеров». Кто его знает, может быть, и есть, тогда стоит ему обратить внимание и на те вертолётки, что сутками носятся над лесами по долине реки Камчатки, да и не только там, в поисках «охотничьих» трофеев. «Опустить» бы всех этих, высоко летающих браконьеров на землю, да так, чтобы и у них ружья загнулись бы дугой, а мозги «выпрямились» до осознания элементарной законопослушности. Где ты, лосиный Бог? Ау! Помогите! Надежды на «правоохранников» нет никакой.

Месяц из жизни соболюшки. Миграция соболя сложилась таким образом, что зверьки задерживались в массиве кедрового стланика по правому борту долины реки Половинной. Там оставались запасы кедровых шишек, которые кедровки не смогли разнести по округе. За кедровником на увалах созрел отличный урожай плодов бузинолистной рябины, а на противоположном более пологом и мало облесенном борту долины Половинной размножились мышевидные. Это были полёвки-экономки. Соболю — охотник. Даже наличие обильного корма в виде кедровых орехов и ягод рябины не отвлекает его от возможности «погонять полёвок». Зверьки из массива кедровых стлаников регулярно выходили на противоположный берег речки и здесь устраивали настоящие побоища этим грызунам.

Поперёк их хода шла лыжня, вдоль которой в удобных местах были выставлены капканы в дуплах старых ив, лиственничных «остолопах». Ещё весной в нижней части ствола лиственницы было прорублено дупло и оставлен капкан с «эвакуатором», чтобы впоследствии попавшийся зверек не оставался здесь, а, выскочив из дупла, зависал на проволоке. Дупло оказалось полностью завалено гнилушками, трухой и кусками каких-то грибов, возможно, что даже целебной лиственничной губой, которую в прошлом заготавливали, как и березовую чагу. Соболь тщательно перерыл эти остатки прелой древесины, вероятно, в поисках оставшихся кувшинчиков сотов из гнёзд шмелей.

Однажды пришлось натолкнуться на такое разрушенное гнездо шмелей, где в сотах сохранилось даже несколько капель меда. Мед оказался пахучим, немного кисловатым, но не казался менее вкусным, чем натуральный пчелиный. Вероятно, и соболи неплохо разбираются во вкусе меда, иначе этот продукт не мог бы служить одной из основ для пахучих приманок.

Стали разбирать завал трухи из дупла, чтобы освободить и насторожить капкан, и тут где-то внутри дерева раздалось стрекотание. Передать его можно быстро повторяющимися слогами «чи-чи-чи-чи...» В отверстие, когда-то раздолбленное дятлом, высунулась голова соболюшки, затем она вылезла наружу, спрыгнула и ускакала в сторону стлаников. На всякий случай капкан в дупле насторожили. К следующему проходу по этому путику дупло вновь оказалось завалено кусками трухлявой древесины. Зверёк в капкан не попался. Первый проход по путику дал ошеломляющий результат по своей добычливости. После такого начала охоты в первом от избушки дупле капкан снова настороживать не стали. И вновь зверёк проводил нас своим «чи-чи-чи», но на этот раз не стал убегать, а остался внутри ствола в одном из своих, видимо, очень удобных убежищ. Необходимость ловить одну поселившуюся вблизи нашего зимовья соболюшку не возникла. Результативность работы на трёх путиках оказалась столь высока, что пришлось через десяток дней после прихода вертолётки вывозить с собой в посёлок часть замороженных тушек зверьков и обрабатывать их на месте.

Эта соболюшка так и продолжала жить по соседству, а её следы послужили для наблюдений за суточным ритмом деятельности соболя-самки. В последующие дни после возврата из посёлка, когда планы добычи оказались выполненными, пришлось ждать дополнительный лимит. Зверьков было много, и численность вполне позволяла добывать значительно больше, чем это определял «лимит».

Нам разрешили дополнительно добыть ещё по шестьдесят штук. На реке Половинной в капканы стали чаще попадаться самки. Вот тут-то и помогли неоднократные тропления следов той самочки-соболюшки, что жила рядом с нами. Переходить на другие путики не хотелось, зверьков было много здесь, осталось лишь суметь отлавливать самцов. Это оказалось не очень сложно. Прежде наблюдалась такая картина: самцы переходили пойму Половинной по своим маршрутам, а самки по другим. Вероятно, внутри покрытой стланиками гривы сложилась своеобразная пространственная структура собравшейся здесь группы соболей. Понятно, что на путях самок мы капканы не устанавливали. Во второй половине сезона, когда часть самцов была отловлена, что-то произошло, и самки стали ходить теми же маршрутами, которыми раньше перемещались самцы. Ловить их не хотелось, ведь большинство к весне принесёт потомство.

Несколько дней ожидания позволили проследить по следам, как провела свой «рабочий день», а вернее ночь, наша «соседка». Каждое утро, перед тем как чем-либо заняться, один из нас отправлялся «проведать» её. Соболюшка, если сидела в своём убежище, ещё на подходе оповещала своим стрекотом. Часто при этом высывалась, наблюдая за нашими действиями. На охоту зверёк выходил не каждую ночь. Иногда после удачной охоты или похода в стланики, она сутки или двое-трое, особенно в сильные морозы, отсиживалась в своём убежище. За весь период наших наблюдений, а это почти месяц, лишь четыре раза соболюшка не приходила на дневку «домой». Три раза отсутствовала сутки, и один раз двое. Видимо, условия охоты сложились для неё наиболее оптимально. Поэтому она и предпочитала находиться именно здесь. Если

появлялся свежий след выхода зверька и его возврата обратно, кто-нибудь из нас отправлялся тропить его.

В стланиках проследить следы обычно не удавалось. Но иногда она отправлялась вниз по пойме речки, доходила до незамерзающей мочажины, вероятно, на каком-то термальном проявлении. Там лазила по грязи. Сложилось впечатление, что пыталась искать каких-то беспозвоночных или даже зелень. Затем возвращалась обратно. Нам повезло, что охотничий участок соболушки лежал вне пределов путика, а капканы, которые стояли вблизи, мы своевременно сняли. В противном случае она, конечно, попала бы в ловушку, а мы лишились бы объекта для наблюдений почти месячной длительности.

Чаще всего зверёк бегал на охоту к ближайшей колонии полёвок-экономок. Здесь разыгрывался обычный сюжет с прыжками, пугающими обитателей колонии, затем, после нескольких затаиваний, следовали один-два точно нацеленных прыжка, закопашка в снег и верхний слой дёрна, и наша охотница уже с добычей здесь же принималась за еду. Чаще всего зверек ограничивался добычей одной полёвки, но однажды добыл и вторую, съесть целиком которую не смог, а остатки принёс «домой» и закопал в труху в нижнем дупле дерева. Когда на этой колонии никого поймать не удавалось, то соболушка отправлялась далее по березняку искать другую добычу. Под корнями берёз или в зарослях кустарников ловила уже красных или красно-серых полёвок. В любом случае, если охота оказывалась удачной с самого начала, то длина следа не превышала двух километров. На такое же расстояние охотница ходила и в случае прокладки маршрута вниз по пойме речки. Проследить, сколько она преодолела километров при посещении стлаников, конечно, не удалось — не полезешь же за ней под полеглими ветвями кедрового стланика. Когда на колонии экономок не получалась охота, то за счёт поисков добычи в березняке общая длина ее маршрута увеличивалась до трёх-четырёх километров. И только однажды из всех семи троплений объект нашего внимания прошёл чуть более пяти километров.

Один раз соболушка отлеживалась в дупле трое суток. Дважды пришлось отметить, что наблюдаемая нами самка выходила на охоту два раза в сутки — вечером и утром, хотя в обоих случаях её первый выход на кормёжку завершился успешной охотой на полёвку вблизи гнезда. Один раз самка вышла повторно не на охоту, а за ягодами голубики на склоне ближнего ключа. В дупле, где мы намеривались поставить капкан, соболушка устроила свою «уборную». Она регулярно оставляла здесь свои экскременты, а они могли характеризовать питание зверька не хуже, чем тропление по следам. Из всех собранных девятнадцати остатков пищеварения нашего зверька только в двух случаях в содержимом явно преобладали остатки от ягод рябины и в одном — боярышника и также в одном перья малого или большого пёстрого дятла. В четырёх случаях — скорлупки от орехов кедрового стланика, и во всех — остатки от полёвок. Мы не пытались определить, сколько было остатков от экономок или других — рыжих полёвок. Это возможно, но не обязательно.

Казалось бы, что может дать такой анализ потребления кормов одним зверьком, тем более самкой соболя? Оказалось, по оценке содержимого желудков других добытых соболей картина питания оказалась хотя и не идентичной, но весьма похожей. Во всех случаях проб на питание по содержимому пятидесяти одного желудка были встречены остатки волосяного покрова полевок. Только в 22 % отмечены остатки ягод, в 44 % — кедровые орехи, в 4 % — перья птиц. В одном случае были обнаружены косточки рыбы — чуть менее 2 %. Различия в потреблении тех или иных объектов питания, вполне возможно, объясняются тем, что большая часть добытых соболей обитала в стланиках. А самка, от которой мы собирали экскременты, почти постоянно дневала на противоположной стороне реки Половинной в трёхстах метрах от стлаников, к ним ходила редко и, по всей вероятности, независимо от результатов охоты на полёвок.

Только в одном случае наша охотница вернулась с охоты на полёвок впустую. В этот день она нашла свою прежнюю или чужую ухоронку и около неё съела полёвку-экономку. В другой день после неудачной охоты соболушка пересекла пойму Половинной и отправилась в стланики. Трижды она натыкалась на старые лунки,

где ночевали глухари, дважды — куропатки, но ни одного случая охоты на этих птиц отметить не пришлось. У остолопа с убежищем соболушки мы воткнули в снег несколько ветвей с плодами рябины и боярышника. Этим «угощением» она соблазнилась лишь однажды и то почти через неделю, когда, вероятно, снегири выклевали все семена в ягодах. Тогда наша соседка воспользовалась только некоторым количеством оставшейся мякоти ягод на веточках да десятком-двумя ягодами боярышника, хотя перед этим подходила несколько раз и тщательно обследовала выставленную приваду. Кстати, здесь же после еды и выложила свою метку, вероятно, как знак «признательности».

На следы других соболей она реагировала каждый раз по-разному. Иногда сразу же уходила от свежего следа. Другой раз могла пройти по нему несколько метров, оставляя сбежку. Порой долго крутилась у этих следов. Вероятно, характер её поведения зависел от того, что нёс запах в каждом отдельном случае. К сожалению, мы не смогли систематизировать отношения нашего объекта к следам в зависимости от размера, пола зверька оставившего его и прочего.

В своё время один из наиболее опытных охотников-соболятников Камчатки А. Ф. Криворотенко, наш коллега, высказал мысль: «Прежде чем ловить соболя, необходимо определиться с характером его поведения в той или иной конкретной местности, питанием, системой перемещений и прочим. Затем уже приступать к добыче в соответствии с тем, что узнал». Всё верно. Наши наблюдения имели в том случае вполне целевое назначение. Большая часть соболей, мигрировавших от Срединного хребта к востоку, к пойме реки Еловки, на достаточно длительное время останавливалась в гриве кедрового стланика на правом берегу реки Половинной. Там имелись орехи. В то же время за гривой имелся хороший урожай рябины. В пойме речки на кустах боярышника сохранялись плоды, даже после интенсивного объедания их медведями. А мышевидные сконцентрировались на левом борту реки Половинной, где более распространены аласы и луговые пространства. И в тот определённый сезон охоты там была очень высокая численность полевки-экономки.

Соболи, остановившиеся в увале, поросшем стланиками, регулярно пересекали пойму реки и выходили к местам охоты на экономку. В такой ситуации «определиться» смог бы даже школьник. Осталось лишь проследить за местами переходов соболей через долину речки и выставить здесь ловушки. Поскольку места пересечения долины в основном были привязаны к кустарниковым зарослям вдоль ключей-притоков Половинной, здесь и ставились капканы. Не боясь неоднократных повторений, скажем, что в то время, когда для отлова соболя применялись капканы, захватывающие зверька за конечность, наилучшей приманкой становились зверьки уже попавшие в ловушку. Мы выставляли свои ловушки под свалом левого борта долины с таким расчётом, чтобы места установки ловушек были хорошо видны зверькам, перемещавшимся с правого борта через пойму речки, когда они направлялись на охоту за экономками.

В одном месте у «муравейника» или специально насыпанных куч снега выставлялось сразу до пяти ловушек, каждая недалеко друг от друга. Зверьки выходили к ловушкам, будучи голодными, сразу же после дневки. Это способствовало и тому, чтобы они сильнее реагировали даже на пищевую приманку. Хотя мы использовали в основном пахучую с запахом меда и аниса в начале сезона, а когда начались морозы — мясную, рыбную с добавкой спиртовой вытяжки кабаргового мускуса. В качестве зрительной приманки применяли перья глухарки. Некоторые приманочные «ухоронки» устанавливали вообще без приманки, но и в них зверьки попадали почти так же, как и в ловушки у приманок.

Однако не только характер ежедневных перемещений соболей от стлаников к местам охоты на мышевидных помогли нам в добыче большого количества зверьков. Наблюдения за движением одной и той же самки позволили переместить линию самоловов и тем самым продолжить добычу с условием, что в ловушки попадались преимущественно самцы. Это стало возможно, когда, сравнивая суточный ход крупных самцов и самок, мы определили, что в среднем самцы от своих убежищ уходят по прямой почти в два раза дальше самок. Линия капканов была перемещена на полкилометра

далее от реки, и в ловушки почти перестали попадаться самки. Таким образом, до 20 декабря здесь было отловлено семьдесят шесть зверьков, из которых только шестнадцать оказались самками. Из них — десяток сеголеток и шесть взрослых. Остальные пятнадцать соболей поймали на двух путиках — на переходе от избушки у реки Половинной к базе на ключе Орловом, а также вблизи последнего. На тех путиках самцов и самок было поймано почти одинаково — восемь и семь.

На овсах. Ближе к осени всё чаще и чаще на дорогах к нашему садово-огородному товариществу стали встречаться следы медведей. В окрестностях бродили самка с двумя сеголетками, пара отогнанных от семейной группы довольно подросших «третьяков» и крупный самец. Неоднократно председатель взывал к моей «совести профессионала» заняться отстрелом. Частенько добравшимся к своей даче на машине уже в темноте или на утренней зорьке приходилось встречаться с медведями. Звери пока не проявляли агрессии по отношению к людям, уходили в сторону от дороги при встрече с автомашиной. На территорию товарищества не заходили. Для поездки в охотуправление за специальным разрешением на отстрел пока не имелось достаточных оснований.

Как-то сосед рассказал, что при переезде через полосу леса вдоль небольшого ключа перед его машиной перешли дорогу два «барсука». Видимо «барсучиха» в виде медведицы прошла ранее или же наоборот не вышла из кустарников, когда её потомство ещё в дневное время перебиралось через открытое место. Это становилось уже опасным. Кто-нибудь zalюбуется на малышей и выйдет пообщаться. Вот тогда-то предсказать поведение мамыши я бы не взялся. Последней каплей стало сообщение председателя, что медведь напугал двух подростков, возвращавшихся поздно вечером с дачи в посёлок. Правда, зверь лишь «поорал» на них, но включил им такую скорость, которой могут позавидовать всевозможные рекордсмены. Примчались ребяташки до посёлка куда быстрее, чем на автомашине по нашим кружным да ухабистым дорогам.

Пришлось выяснять в чём дело. Всё оказалось до чрезвычайности просто. В перелеске шириной метров триста от товарищества до основной автодороги на кустах боярышника черноплодного начали созревать плоды необыкновенно обильного урожая. Медведи занялись, чем им и положено — кормились вкусными сытными ягодами. Звери лазали на деревья, обламывали ветви и объедали ягоды здесь же под кустами. Вот так они обращаются со своими «огородами». Хорошо, что на местах слома веток боярышника отрастают молодые побеги и через несколько лет они вновь приносят очередной урожай плодов. Таким же образом когда-то в Забайкалье ездили «ломать облепиху». Там также по зимним морозам обрубали, обламывали ветви, грузили их на сани, а дома уже обивали ягоду. Считалось, что этому плодovому дереву обламывание ветвей не приносит значительного ущерба. Видимо, так было и здесь. На местах слома ветви выбрасывается много новых побегов, и через два-три года они, как правило, обильно плодоносят.

Вблизи автодороги кто-то из рыбопромышленников вывалил не одну автомашину потрошёной горбуши. Тот год отличался настолько большими заходами этой рыбы, что областное руководство разрешило добывать её всем. Производственной базы для полной переработки рыбы не хватило, и многие ограничились лишь «промыслом икры». Не тогда ли начался тот невероятный впоследствии бум именно добычи «икры»? Лесные придорожные массивы от Усть-Большерецка до Петропавловска были завалены многими десятками, если не сотнями тонн выброшенной рыбы. Вороны прикормились на таких выбросах и на ночёвку в предгорья летали громадными стаями.

Что может быть лучше для медведя, чем обилие разнообразных кормов? Вот они и бродили от одного лесного массива с урожаем боярышника к другому, забредали к «рыбной помойке», затем мимо лесопилки шли отведать запахов к ферме крупного рогатого скота — не удастся ли чем и тут поживиться? Возвращались напрямую к местам днёвок через посеы кормовой смеси для скота. Вот тут звери и обнаружили, что на полях имеются куртины практически чистых посевов овса. В стадии молочно-восковой зрелости этот злак очень привлекает медведя в европейской части нашей страны. Вероятно, и наши косолапые распробовали новое для себя лакомство.

В нескольких местах метёлки овса были изрядно «обсосаны» медведями. На поле выходили пара наших «третьяков» и самка с медвежатами. Взрослый, крупный самец держался в перелеске у боярышника и более других тяготел к рыбе, выброшенной у дороги. Вполне возможно, что он отгонял от неё «третьяков» и даже самку с сеголетками.

Как-то однажды к раннему ужину жена приготовила очередную еду полностью из «даров» дачного участка — сплошные овощи. Ну, как тут не вспомнить монтера Мечникова, «измученного нарзаном». Что-то такое и я высказал в отношении «измученности овощами». Последовал простой ответ — «стулья против денег». То есть — «едешь на охоту, добываешь мясо, будут тебе и отбивные, и котлеты, и даже колбаса». Взял карабин с обоймой патронов, завёл автомашину и вперёд — на охоту.

Выехал на дорогу между полем и перелеском, остановился на возвышении. Заглушил двигатель и устроился отдыхать, ожидая удачи. Спинка сиденья отброшена, окно в дверце открыто, дымок от сигареты плывёт вперед по дороге. Справа в полосе леса слышен треск. «Медведь ломает хореум. Что-то рановато, солнце ещё даже не село за горизонт, проходящий по горным вершинам хребтов, окаймляющим нашу местность. Идти в чащобу бессмысленно, да и не известно, кто там. Может быть, медведица с медвежатами, а её стрелять не хочется. Достаточно хорошо поугагать — уйдёт. Крупный самец — тот более осторожен, его в светлое время вблизи дорог не встречали». Так или приблизительно так я рассуждал в ответ на треск сучьев. Звуки ломающихся веток боярышника то исчезали, то возникали вновь, но доносились вроде бы из одного места.

Впереди по ходу машины метрах в двухстах в посевах овса появляется медведь. Наверное, там, у кормёжки, и отсыпался. Поднялся на дыбы, осмотрелся, двинулся в сторону дороги. Вышел на неё. Вместо того, чтобы перейти в лес, направился в мою сторону. Вылез из автомашины и я. Снял колпачки с оптического прицела, передернул затвор. Сигарета в зубах, а дым также тянет в сторону медведя.

Зверь чихнул несколько раз, вновь поднялся на задние лапы. Обнюхался, осмотрелся и вновь двинулся в мою сторону. Такого «бесстыдства» от любого медведя ожидать приходится крайне редко. Зверь чётко определился, что перед ним человек, запах сигареты и автомашины он явно учуял, но, абсолютно не остерегаясь этого, вновь движется ко мне. Наблюдаю в прицел, медведь идёт по волнистой линии от одного края дороги к другому. Волос на холке вздыблен, смотрит как бы «искоса», но вот останавливается метрах в шестидесяти и начинает всматриваться в мою сторону «в упор». Это уже не ладно. Зверь абсолютно не боится человека с автомашиной.

Возможно, что кто-нибудь уже от машины подкармливал его чем-нибудь вкусным, а такая привычка зверя может привести к беде. Медведь поворачивает голову, прислушиваясь к треску ломаемых ветвей боярышника. Мне осталось лишь нажать на курок винтовки. Вторая пуля туда же — по шее. Движения прекратились, уши распущены, можно подходить. Один из «третьяков» оказался довольно крупной самкой: ни подтащить, ни перевернуть одному, а тем более всё с тем же «родным помощником» — извечным радикулитом. Поехал к мужикам на лесопилку за помощью.

На повороте увидел, что к моей добыче от дач подошла машина. Вернулся. Вот тут-то и «заловил» меня один из соседей по нашему товариществу: «Что же ты бросил медведя, нас испугался?» Чувствуется школа работника из каких-то внутренних органов. Узнав о причине «побега», сосед предложил помощь в погрузке и даже обработке зверя, но позже, после того, как отвезёт своих гостей домой. Видимо, не терпелось мужику испытать свой «сверхсуперный» охотничий нож на настоящем охотничьем трофее. Что же может быть более «настоящим», чем медведь? Погрузили в машину, отвёз на дачу. Позднее ободрали шкуру, осталось только проверить мясо на трихинеллёз. В предвкушении свеженины разошлись по домам.

Утром, после проверки первой серии проб мяса, я уже начал хвастаться перед своими коллегами, какая будет вкусная колбаса из медвежатины. Но очередная серия проб из подъязычной мышцы выявила клятую трихинеллу. Придётся везти мясо в какую-либо кочегарку сжигать или закапывать поглубже в землю. Бросать нельзя: цикл развития инвазии (от латинского *invasio*, нападение, вторжение —

проникновение в организм паразитов животного происхождения с последующим развитием патологического процесса) пойдёт своим чередом. Тут-то и набросились на мои помыслы коллеги. «Да ты что, при такой малой инвазированности да уничтожать продукт! Переварим, если надо, даже в автоклаве, и ещё как съедим!»

Выбрасывать не пришлось. Правда, ни я, ни мой добровольный помощник, ни соседи по даче не рискнули более чем по одному разу приготовить медвежатину, проварив её в течение трёх-четырёх часов. Кстати, так поступают большинство охотников, не имеющие возможности проверить мясо на заражённость трихинеллёзом. Они варят медвежатину часа четыре, а затем обжаривают. Сразу жарить котлеты нельзя, а уж про колбасу, особенно сырокопчёную, да и вареную тоже, — забудь.

В нашем охотуправлении за добычу медведя даже не пожурили. Тем более что я составил соответствующий акт о так называемом «вынужденном отстреле». Действительно, сколько приходится в черте городов, посёлков отстреливать, как правило, прикормившихся на помойках медведей, которые, потеряв боязнь перед человеком, становятся опасными, калечат, а порой даже убивают людей. Не ждать же свершившегося факта нападения. Видимо, в таких случаях превентивные меры вполне оправданы. И ещё подтвердилось одно правило: «Не дели шкуру неубитого медведя», хотя зверь и был уже добыт.

На Лево́й. На вершине скалы, подмытой водами реки Лево́й, стояла могучая лиственница, обхвата в три у комля. В своей молодости дерево было свидетелем перехода здесь первого отряда землепроходцев из бассейна реки Тигиль в бассейн Камчатки. Тогда-то и обломилась у него макушка. Причиной тому были штормовой ветер или не по времени выпавший мокрый, налипающий снег. Получивший травму будущий великан не справился с подготовкой своего ствола к зимовке, и первые сильные морозы разорвали кору. Морозобойная трещина протянулась от комля на десяток метров в высоту.

Однако дерево не погибло. Верхние ветви образовали четыре новых ствола, каждый из них поднялся ещё на десяток-полтора метров над землей. Издалека дерево напоминало собой канделябр на четыре свечи. Нижние ветви новых стволов с годами обсохли, как это обычно бывает у лиственниц. Под собственной тяжестью они, подгнив у оснований, обломились и упали вниз. Часть из них заклинилась в рогатке между стволами. Белоплечие орланы натаскали сюда других ветвей и построили гнездо. Судя по высоте, мощи и количеству заложенного в него материала, ему было далеко за сотню лет.

В ясные солнечные дни, после восхода, лучи солнца попадали на дерево таким образом, что трещина, залитая в течение многих десятков лет собственным лекарством — смолой, начинала светиться янтарно-золотистым блеском. Вероятно, при ветровом раскачивании в трещине часто повреждался слой луба, и свежие капли, вытекающая наружу, вершили своё целебное дело.

Однажды в охотничье предсезонье решил я собрать корней родиолы розовой на каменистой россыпи под скалой — про запас. Ничто так лучше не бодрит, чем свежесваренный чай на её корнях, в быту называемых «золотым корнем», особенно, если естественный запах розы «оживить» ложечкой хорошего коньяку.

Перебрался через реку на резиновой лодке. В заводи под скалой посмотрел, не спустились ли уже перед зимовкой крупные хариусы. Нет — ещё рано. В изголовке россыпи нашёл целую плантацию родиолы. Выбрал пару наиболее мощных и старых кустов, корни которых по центру уже начали отмирать. Хватило заполнить большой карман рюкзака, а это с лихвой достанет на всю зиму. Выше по щелям скалы, поднимаясь почти до её половины, тоже вроде прижилась родиола. Однако, когда внимательно посмотрел, оказалось, что это не она, а очень похожий очиток полярный. Близкий родственник, но, как говорят, «Федот, да не тот». Венчики родиолы яркие, близки по цвету к окраске календулы. У очитка больше фиолетового или сиреневого цвета, почти как у лука.

В это время прилетели три белоплечих орлана и недалеко от меня совершили несколько пируэтов, как бы предупреждая меня — нельзя близко подходить к гнезду. Птицы уже давно покинули гнездо, птенец «стал на крыло». Демонстрация «защиты»

гнезда произошла, скорее, по привычке, на всякий случай. К этому времени орланы перебрались куда-то, в другие кормные места, но здесь изредка появлялись, наверное, проверяли подходы зимнего кижуча на нерестилища.

Однажды под деревом вынужденно ночевали мои коллеги. Подъехали они к этому месту на тяжёлой автомашине-вездеходе, разгрузились. Стащили свой скарб вниз к реке и постепенно перенесли его к базовой избушке. Часть груза осталась наверху, его переправой решили заняться позднее. Через день-другой пошли за остальными вещами. Однако пока поднялись на увал, перетащили груз к берегу, вода в реке неожиданно быстро поднялась, почти на полметра. Брод оказался слишком глубоким. Решили переправлять вещи на импровизированном плоту. Устроили его из надувного матраца и нескольких лёгких жердей для жёсткости конструкции.

Из-за нежелания идти за клубком шпагата на базу в качестве «каната» применили нейлоновую леску для спиннинга с миллиметровым сечением. Для какой рыбалки предназначался такой «канат», не знаю. Чавыча в эти реки не заходила, да и в других местах к тому времени она измельчала. Редко, кто ловил рыбину более десяти килограммов. Плот «отчалил», ведомый спиннинговой катушкой. В этот момент донёсся крик охотника, который оставался на увале и увидел, что сверху по реке надвигается полутора-двухметровый ледово-снего-водяной вал. С неожиданно большой скоростью он катился вниз по руслу реки. «Паромщики» всё бросили и метнулись к материковому берегу, за пределы низкой, заливаемой в паводки поймы.

Успели. Перед глазами изумлённых и прилично напуганных наблюдателей прокатился вал воды, перемешанный со льдом, снегом, стволами деревьев и всяческим пойменным мусором. Движение вала сопровождалось грохотом льдин и обломков деревьев. Вода в одно мгновение поднялась почти на два метра. «Плот» с грузом «ушёл» вниз, с ним некоторые, к счастью, вещи не первой необходимости для охоты. Приятель рассказывал, что непонятно как промчался двадцать-тридцать метров до берегового обрыва, вскочил на него и уж совершенно непостижимым образом умудрился всё это сделать, не выпустив из рук спиннинга — этой «лебёдки» для плота. Успел даже вокруг какого-то пенька захлестнуть леску, которая спустя несколько секунд лопнула от перегрузки со звоном гитарной струны.

Ребята, оставшиеся на противоположном от базы берегу, были вынуждены заночевать. Вода не позволяла переправиться, хотя и значительно упала. Тот, что оставался у избушки, сумел им перебросить несколько разных банок и котелок для чая. Переночевали у костра и даже с некоторым комфортом. Среди ещё не переправленных вещей, оказался один спальный мешок.

Страшное явление эти прорывы воды. В начале зимы, когда в верховьях рек вода переохлаждается, начинает образовываться донный лёд. Постепенно нарастает он на камнях, топляках, на спокойных плесах. В ясные солнечные дни вода немного нагревается, донный лёд всплывает и плотной шугой идёт по реке. Кое-где на перекатах и крутых поворотах русла образуются заторы. Ночные морозы способствуют тому, что эти заторы превращаются в настоящие плотины. Постепенно нарастает их высота и количество сдерживаемой ими воды. Подтапливаются низкие берега поймы, острова. Запасы сдерживаемой морозами воды растут. В какой-то момент какая-либо из плотин не выдерживает напора, разрушается, и пошёл по реке вал. Если снеговых заторов на реке много, то высота передовой волны вала на такой реке, как Рассошина, может достигать четырёх метров. Мне недалеко вверх от её слияния слевой, где пойма резко сужалась, стиснутая с обеих сторон скальными стенками, приходилось наблюдать льдину, выброшенную на уступ скалы именно на высоте чуть более трёх метров от обычного уреза воды. Летом проходил здесь со своей пятиметровой удочкой, и удалось проверить высоту уступа.

Не трудно догадаться, что ожидает любое живое существо, неожиданно попавшее под такой вал воды. Известны довольно нередкие случаи гибели людей в подобной обстановке. Хорошо, хоть не каждый год на реках это случается. В те годы, когда сразу наступают сильные морозы, река замерзает без образования «зажоров», плотин. Если морозы слабые, но постоянные, вода «успевает» промывать в плотинах необходимые ей водотоки. Обычно раннезимние наводнения свойственны тем годам,

когда сильные морозы чередуются с недолговременными потеплениями. Тогда жди беды, и при переходах по поймам рек следует ушки держать на макушке, в самом прямом значении этой поговорки. Особенно во второй половине дня. Здесь зрение не поможет, когда увидишь — убежать будет поздно, а порой не удастся даже заскочить на дерево. Только слух предупредит о надвигающейся опасности с верховий реки. Когда река замёрзнет на плесах, возможны наледи, подтопления низких участков поймы, но это явления уже не катастрофического характера.

Вспоминая о прежней работе в горах, я немного увлекся и решил «взять стенку». По косо уходящей вверх трещине, добрался почти до края обрыва, а далее — ни туда и ни сюда. Спускаться обратно, а тем более смотреть вниз — страшно. Вверх — не за что ухватиться. Кое-как из трещины вывернул живое корневище берёзы, уходящее куда-то вглубь скалы. Отрубил ножом нижний край его. Попробовал своим весом на прочность, а там дотянулся к кустам уже на пологой поверхности увала. Долго «отходил», поняв, что совершил безрассудность с далеко неоправданным риском.

Поднялся к листовнице. Кострище, которое в прошлом году оставили ребята после ночёвки вблизи дерева, ещё оставалось не размытым дождями и даже не закрытым травой. Зато из его середины торчал громадный, совершенно сухой сук, уткнувшийся в грунт с такой силой, что мне не удалось его вытащить из земли. Какой-то из оставшихся ещё нескольких, уже сухих, но не упавших, всё же свалился. Повезло ребятам, что это случилось в их отсутствие. Чаще всего такие сучья падают либо в сильный ветер, либо когда внизу разжигают костёр. Насколько же все-таки приходится быть внимательным в лесу, когда ночуешь в случайных местах. А может быть, сук обломился в тот момент, когда на него уселась вся семья орланов?

Недалеко от этого места лежали останки от растерзанного мелкими зверьками или воронами птенца орлана. Сам ли он упал, когда пытался обучаться летать, или погиб ещё в гнезде, как это довольно часто бывает у хищных птиц? Выживает из двух-трёх один наиболее активный птенец. Он перехватывает у родителей почти весь корм, а другой или другие в таком случае просто гибнут от голода. Что случилось в нашем случае, не знаю: сухие остатки скелета и перья не помогли мне хоть что-то понять. По крайней мере, вблизи не было видно ни остатков его пищи, ни результатов пищеварения, хотя вокруг гнезда всё было отмечено белыми полосами и кляксами такой деятельности.

Пока я возился под гнездом орланов, хозяйева улетели через небольшой распадок, вниз по реке, и уселись там, вблизи гнезда другого рыбного хищника — скопы. Этой птицы, одной из самых красивых, конечно, исключая взрослого белоплечего орлана, поблизости не было. Вероятно, уже отправилась со своим семейством в южные края. Летом скопа не позволила бы своим соседям так вольготно сидеть вблизи своего дома. Тогда интересно было наблюдать, как скопа защищала территорию с воздушным пространством вокруг гнезда от приближения незваных гостей. Стоило орлану направиться в сторону гнезда скопы, она взлетала, резко взмывала вверх и стремительным броском направлялась на незваного гостя. Более мощный и крупный орлан обычно уступал, отворачивал в сторону, явно соблюдая нерушимость установившихся границ. В то же время сама скопа нередко пролетала вблизи гнезда орланов, но обычно значительно ниже его. Громадные соседи почему-то не обращали на это внимания, лишь иногда клеточкой напоминали — мол, не надо забываться. Что позволило скопе и орланам угнездиться практически рядом? Вероятно, летнее обилие рыбы и разные «интересы» в плане объектов добычи.

У основания листовницы обнаружил громадный наплыв, застывший и уже почерневший от времени комков смолы. Куском обгоревшего полена и ножом отбил его от ствола. Потом, когда вернулся домой, расплавил смолу в кипящей воде. Отцедил от приставших к смоле кусков коры и другого мусора и получил то, что в Сибири называют «жвачкой» или «серой». Какие там «диролы» и «стиморолы» могут сравниться по своему дезинфицирующему, освежающему, а возможно, и целебному воздействию на зубы с этим натуральным продуктом нашей листовницы! По крайней мере, за годы, проведённые в лесу, никогда не требовались ни зубные пасты, ни освежающие препараты, ни что-то иное для сохранения зубов. Смола листовницы, изначально

целебное средство для самого дерева, также служила и мне. К сожалению, этот целебный препарат для профилактики и, возможно, лечения некоторых заболеваний зубов у нас на Камчатке не так популярен, как, например, в Восточной или Западной Сибири.

Домашнее нерестилище. К своей центральной избушке, что была построена на реке Рассошине, у впадения в неё ключа Орлового, текущего от одноименной сопки, мы добирались в тот год с большими сложностями. Вертолёт заполучить не удалось, пришлось своими силами на стальном бату. Двигатель помогал нам всего километров пять, а после по мелководью заводить пришлось его только эпизодически. Основными движителями стали собственные ноги с бурлацкой бечевой через плечо да шест, с которым весьма неплохо управлялась моя жена. Стальной бат, конечно, не то транспортное средство, на котором можно ходить под шестом, для этого существуют более лёгкие лодки-долблёнки, но всё же...

За день сумели пройти километров двадцать, не дотянув до места полкилометра. Остановились в устье протоки, на берегу которой в изголовке её стояла наша избушка-землянка. Остаток пути до неё пришлось проделать пешком. Дело шло к вечеру. Здесь я не был уже лет пять. В те годы работал от других избушек, расположенных вблизи тундры. Первым открытием в землянке было то, что в неё сквозь прогнившую кровлю крыши провалился медведь. Падая вниз, он своротил «кухонный» стол, а вышел из избушки по всем правилам «медвежьих» повадок — вынес наружу непредусмотрительно закрытую на лето дверь. Однако полиэтиленовая пленка была, комары к тому времени готовились к зимовке, а растопленная железная печка создала некоторый комфорт.

На другом столе какие-то придурки оставили следы воплощения своей самодостаточности, вырезав ножами фамилии и имена. И дневниковые записи, где на первой же странице описывались «нормы эксплуатации рыбных запасов на этом нерестилище» из расчёта получения определённого количества икры и самой рыбы на прокорм собакам. Лет десять назад я строил с напарником эту избушку и пару лет пытался охотиться здесь же на соболей. Местные, ключевские, охотники сюда не добирались. Далеко, мало рыбы для ездовых собак, а главное — численность соболя здесь менялась непредсказуемо. Через каждые два-три сезона охотники оставались без добычи. Соболю практически на протяжении всего периода охоты умудрялся оставаться где-то за пределами досягаемости его из этой избушки. К концу зимы, когда заканчивались сроки охоты, зверьки вновь появлялись здесь в большом количестве. Это обстоятельство было причиной того, что штатные охотники на здешний участок не претендовали.

Река в те годы была богата рыбой. Почти по всему её руслу летом на плёсах нерестилась нерка. Некоторые протоки освоила кета. Достаточно много было и летнего кижуча. Не случайно, ниже слияния рек Рассошины слевой в прежние времена, когда ещё была деревня Еловка, здесь размещались рыбные «заколы», или, как в Сибири их называют, «заездки» — стационарные устройства, перегораживающие реку с целью добычи поднимающегося лосося. Здесь до наших дней сохранились «останки» юкольников. Аборигены были природными ресурсоведами и, хотя осваивали запасы рыбы ныне запрещёнными способами, режим воспроизводства лососей не разрушали. Видимо, строго соблюдались нормы и сроки изъятия. Возьмёшь лишнее — через год-другой останешься без еды.

Те пять-семь лет, когда я в этих местах не появлялся, здесь работали случайные люди, имевшие собак. Они ежегодно на ближайших нерестовых ключах, проточках, озерах выкалывали острой почти всего приходящего на нерест так называемого «зимнего» кижуча. Вероятно, осуществлялось это и в виде промысла, в том числе и для заготовки икры, о чём свидетельствовали нескольких мешков соли, грохотка и прочие приспособлений для такого дела.

На небольшом озере, что подпитывалось родниками и незамерзающим ключиком, прежде нерестилось до полутора сотен рыб. Сейчас стало приходиться два-три десятка. В какой-то мере низким подходам рыбы способствовал её вылов в низовьях реки левой, местными защитниками отечества. После того как Ключевской охотовед госохотнадзора Ю. М. Козлов сумел ликвидировать на реке Еловке рыбо-икорный

«мини-завод», военные с «двадцатки» убрали отсюда КПП, и браконьерство сократилось, но не надолго. Мы, устроив здесь опытный участок, перекрыли доступ браконьерам к нерестилищам. Постепенно год от года нерестилища кижуча стали восстанавливаться. К концу времени моей работы здесь вновь число рыб, приходящих на нерест на домашнем нерестилище, достигло полутора-двухсот особей.

В один из сезонов в изголовке протоки, на которой стояла избушка, упал тополь. Он «отбил» струю речного потока к основному руслу, и к моменту ледостава протока перестала забиваться шугой. Вода в ней теперь резко не меняла уровень, теперь сюда не попадали льдины, ранее ежегодно перепахивавшие дно ложа протоки. Ранее в протоке кижучи долго не задерживались, к ледоставу они стремились пройти к озерам, незамерзающим ключам и отнереститься там. Теперь картина изменилась. Большая часть кижуча заканчивала нерест именно в протоке. Безусловно, часть рыб прямо шла и к родникам. Однако уже через пару лет резко увеличилось количество молоди вблизи нашей избушки, а через три-четыре года — и количество взрослых рыб, пришедших на нерест.

К тому времени я как-то растерял свой азарт к рыбалке. Впрочем, это случилось давно ещё на реке Быстрой, что в Елизовском районе, когда пришлось «вынудить» очень крупную чавычу взять семужью блесну. Борьба с тридцатикилограммовой чавычей мало напоминала собой рыбалку. Ощущение, что на конце лески какой-то тяжеловесный агрегат, чуть ли не трактор, и он буксирует за собой незадачливого рыбака. Однако рыба совершила ошибку — вышла на пережат, её перевернуло на бок и сопротивление ослабло. Один из коллег применил для завершения борьбы карабин. Надоело ему ждать результата получасового «издевательства» рыбы над человеком. Всё. Нет, это не таймень и даже далеко не печорская сёмга. Хороший ленок, средняя или крупная микижа на блесне спиннинга более интересная добыча. Впрочем, каждому своё.

За два десятка лет, что мне пришлось эпизодически или постоянно провести на участке, заметил, сколько же любителей икры лососей, кроме человека, промышленляют на нерестилищах. Один из основных — мелкий ручьевого голец, как-то знакомый охотник назвал его «вашкажич». Всё лето эти рыбки обитают где-то по разным проточкам на реке. К нересту все тут как тут, ждут старших братьев кижучей. У каждой нерестовой лунки собираются десятки. Бедные родители будущих кижучат! Каким только ухищрениями маленьких икроедов им приходится противостоять!

В конце концов, отнерестятся, зароят икру галькой, только тогда она станет недоступной гольцам. Иногда крупные медведи, что приходят на нерестилища уже перед залеганием, могут повредить нерестовые бугры. Они просто растаптывают их, когда охотятся на малоподвижных, уже отнерестившихся кижучей.

На мелководье, где вода течёт сравнительно медленно и покрывает нерестовые бугры кижучей лишь на двадцать-тридцать сантиметров, до икры пытаются добираться обыкновенные кряковые утки. Если галечник, закрывающий лунку, мелкий, это им удается. На нижнем нерестилище, что от моей избушки в получасе пешего хода, более всех разрушали нерестовые лунки кижучей лебеди. Вероятно, не случайно камчадалы не любят этих птиц. Прежде стреляли их, порой помногу, но, как правило, сами их не ели, а кормили собак. Мне пришлось в своё время убить несколько лебедей. Впервые это было просто интересно: как же, «царская пища». Другой раз с коллегой оказались с дефицитом продуктов, а вертолёту мешала прилететь непогода. В общем, для еды мясо лебедя вряд ли можно назвать привлекательным. Жёсткое, невкусное, а у нас на Камчатке к тому же припахивает рыбой. Кстати, также пахнут рыбой зимующие у нерестилищ кряковые утки. Нет, я не призываю полностью освободиться от поедателей икры на нерестилищах. Но лишний раз пугнуть здесь уток и лебедей не повредит. От вездесущих гольцов тоже избавиться сложно, да и нужно ли. Вероятно, во взаимосвязи «икроедов» и лососей есть какой-то смысл.

Несколько десятков лет назад на Байкале объявили беспощадную борьбу «икроедам» и «рыбоедам». Взались истреблять всех, кто был «уличён» в поедании омуля. Практически истребили баклана, пеликана, множество различных чаек, скоп и орланов. Вначале численность омуля стала увеличиваться. Потом отметили резкий спад.

Сами омули разделились на две «расы» — светлую и тёмную. Оказалось, светлые — это особи, интенсивно заражённые гельминтами. Раньше они выделялись на тёмном фоне дна или глубины и их в первую очередь вылавливали всевозможные потребители рыбы. Тем самым поддерживался режим защиты популяции омуля от глистных заболеваний. Теперь же рыба дохла сама по себе. Сократили и численность байкальской нерпы. Она тоже вылавливала омулей, но надо полагать, чаще хватала, менее подвижных, заболевших рыб.

В балансе живых организмов озера произошёл некоторый сдвиг. Истребили рыбоядных птиц, питавшихся в основном бычками-подкаменщиками. Те размножились и всей массой взялись истреблять омулевую икру. Ловить подкаменщиков сетями оказалось трудно, эта рыба, попав в сеть, наматывала её метрами на свои колючки.

Не помогли чешские рыбопроизводные заводы. К тому же и чехи оказались любителями омуля. Наши же заключили такие контракты на отлов рыбы для рыбозаводов, что расторгнуть их грозило международным скандалом и многими санкциями экономического характера. Чехи ребята серьёзные, не зря же они в своё время помогали большевикам осуществлять октябрьский переворот. Своего они не упустят, впрочем, как и многие иные в подобных случаях. Да и при заключении всевозможных контрактов умеют находить «подходы» к своим партнерам. Насколько бескорыстно или «обоюдовыгодно», не мне судить. Впрочем, наши камчатские опыты разведения нерки не напоминают ли те — «байкальские», хотя здесь и не чехи. Не знаю, как сейчас с омулем на Байкале, вернее всего, не лучшим образом. А вот у нас проблемы с нерестилищами очевидны. И в целом они — следствие деятельности двуногих «икроедов».

Создается впечатление, что число их с каждым годом увеличивается. Достаточно выйти на любой рынок. Икры — море разливанное. На любой вкус. Особенно удивляет наличие на рынках личностей, которые торгуют именно икрой, полученной на нерестилищах. Икрой, специально приготовленной в качестве приманки для ловли гольца. Никто, ни представители организаций, охраняющих рыбные ресурсы, ни даже сотрудники милиции не пытались хоть как-то предотвращать подобное. Разрывать цепочки преступного бизнеса необходимо на любых его этапах. Не только на реках, в океане, на нерестилищах, но в процессе переработки продукции и её реализации. Иначе нам не справиться с оскудением ресурсов лосося даже такими способами, как общегосударственными сокращениями квот на вылов.

Недавно по радиосвязи мне пришлось слышать, как охотник соседнего с бывшим «моим» участком, переговариваясь с кем-то: требовал завезти бочки. Причём, как я понял, достаточно много. Что можно заготавливать в бочках на охоте? Солить мясо, рыбу, икру? Да нет же там всего этого в таких количествах, следовательно, дело направлено на полное уничтожение всего оставшегося, а как же дальше? Искать новый участок. Неужели есть ещё и другие такие же, как их сейчас называют «охотпользователи»? Вероятно, мыслят они сегодняшним днём, не задумываясь над тем, как будут жить их дети.

Видимо, только настоящий хозяин участка — фактический пользователь его ресурсов на длительный срок, благополучие жизни которого зависит от охоты, рыбалки, сбора «дикоросов» способен разумно использовать все ресурсы в щадящем режиме. Защищать участок от хищников-браконьеров, а порой заниматься и тем, что называется помощью в воспроизводстве ресурсов. У нас опыт улучшения нерестилища кижуча произошёл случайно — упало поперёк протоки дерево. Мы только лишь закрепили его, чтобы не снесло в половодье. Но ведь имеются в мировом опыте разведения лососей какие-то положительные наработки, когда разводят их не на специализированных заводах, а путём увеличения нерестовых площадей или каким-либо ещё образом. Вот задачи для ихтиологов. Однако для этого надо на участках иметь настоящих хозяев территорий, акваторий, а не непонятных «юридических лиц».

Шаромский вариант. На середине реки стоит в воде конь, почти по самое брюхо. Стоит, не шелохнётся. В седле мужик. В его руках марик на трёхметровом древке. Есть такое древнее рыболовное приспособление у камчадалов, совмещающее в себе

достоинства остроги и крюка. Удар — рыбина на крючке. Несколько секунд, и она в торбе конского вьюка. Снова ждут. Конь настораживает уши, поворачивает голову. Смотрит туда и рыболов. Новый бросок, и очередная рыбина в торбе. В зависимости от интенсивности хода рыбы, через час, другой, торбы наполняются. Рыбак вместе с конём отправлялся на косу у одного из рукавов реки Кенсол.

Там в мелких зарослях ив пасется другой конь. Загудел где-то поблизости двигатель вертолёта или лодочного мотора. Савраска в быстром темпе отправляется под тополь и укладывается там на траву, маскируясь в тени от листвы дерева или кустарников. Звук двигателя затих вдалеке. Конь вновь поднимается, выходит на продуваемую поляну и продолжает собирать свой корм.

Подъехал рыбак. Саврасый встречает его радостным ржанием. Получает свою горсточку соли или кусочек сахару. Ближе к вечеру хозяин перегружает рыбу в жёсткие торбы, перекладывает её крапивой, грузит на коня, взнуздывает его. Подвязывает коротко повод к луке седла и отправляет в ночь домой. Его сопровождает опытная лайка-медвежатница с типичной камчатской кличкой — Вулкан. По пути охранит и от медведя и предупредит о близости лихого человека.

Саврасый точно находит наиболее близкий маршрут к селу, свой дом и уже во дворе вызывает лёгким ржанием хозяйку. Та снимает поклажу, ставит Савраску на отдых, насыпает в торбу пару килограммов овса, угощает другими лакомствами. Под утро коня вновь взнуздывают и отправляют вместе с Вулканом на реку к хозяину.

Ни один посторонний человек не может поймать Савраску на его маршруте. Обученный, он не даёт в чужие руки. Избжать встречи с медведем помогают прекрасные слух, обоняние, зрение и, если так можно сказать, сотрудничество с лайкой. Это ли не образец полного взаимопонимания между человеком и его древнейшими спутниками по жизни лошадью и собакой?

Вот только одна беда. Трудно сказать, кто заставил немолодого уже камчадала дядю Васю проявить чудеса тренинга в обращении с Саврасым и Вулканом. Почему человека оторвали от земли? Прежде был он прекрасным скотоводом. Сейчас этим стало заниматься невыгодно.

Сейчас на реках вблизи села Шаромы лососи на нересте — редкость. Говорят, теперь и дядя Вася со своими конями пробирается горными тропами через Срединный хребет на реки западного побережья полуострова для того, чтобы привезти два вьюка икры. Теперь Савраска даже с помощью Вулкана не сможет осуществить челночные рейсы река — дом. Слишком далеко. А что будет с дядей Васей и другими жителями посёлка, если и на западном побережье реки оскудеют от рыбы?

Не пора ли поучиться на собственных ошибках и, если это не поздно, мужиков, когда-то земледельцев, скотоводов, охотников и рыбаков, вновь вернуть на землю? Иначе придётся всех перевозить в города, а на реках строить рыбозаводы. А та — «заводская» рыба — далеко не то же самое, что «натуральная», природная.

БЛАГОДАРНОСТЬ МУЗЕЯ

СПИСОК ДАРИТЕЛЕЙ КАМЧАТСКОГО КРАЕВОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ за 2004—2010 гг.

Дарение является одним из наиболее важных и успешных методов комплектования музейных коллекций. С 2004 по 2010 г. в наш музей на постоянное хранение поступило более двух тысяч предметов, документов, фотографий, книг. Это — дарения 268 частных лиц и 44 организаций, проживающих и действующих как на Камчатке, так и за её пределами.

Краевое государственное учреждение «Камчатский краевой объединённый музей» выражает всем своим дарителям искреннюю благодарность и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

С 2004 по 2010 г. нашими дарителями стали следующие частные лица:

Абакумова Е. И.	Воронцов И. Ю.
Абельцева М. Н. (с. Мильково)	Востриков Н. Л.
Абоимов А. А. (г. Елизово)	Вудсон Лиза (США)
Агушкина С. В. (с. Мильково)	Выростков Н. А.
Алехин О. А.	Гаврилов С. В.
Арсоба Ежи (г. Щецин, Польша)	Гаврилов Н. А. (КАО)
Астахова З. Д. (с. Усть-Хайрюзово)	Гаврилова Н. К.
Атласова Ф. И. (с. Мильково)	Герасименко В. И.
Баев Н. И. (с. Мильково)	Гиль Е. Т.
Балабанова Н. Р.	Горбач А. А.
Баташев Л. Т.	Горовой П. Г. (г. Владивосток)
Беклемищев А. В.	Горчаков Г. М. (с. Мильково)
Безуглов А. А.	Горшкова Т. Н.
Белова М. И.	Графская С. В.
Белашов А. И.	Гропянов Е. В.
Берге Анна Мэри София (США)	Гунчинков А. Ф. (с. Мильково)
Бёкель Кристоф (Германия)	Гусев И. Ф. (г. Вилючинск)
Берестова Н. С.	Гуторов О. П.
Бирюков М. И. (с. Хаилино)	Дегай Т.
Боброва М. Н.	Дедукалова Т. И. (с. Мильково)
Бобровских Д. Н.	Дергузова Т. К.
Бобряков Л. П.	Дивнина Н. В.
Богомоллов В. М.	Диденко Е. И. (с. Мильково)
Большаков Б. В.	Долгов В. В.
Бонк А. А.	Дорошко Б. Я. (г. Армавир)
Борисов В. И.	Дроздов О. С. (с. Мильково)
Брагин А. А. (с. Мильково)	Дудин К. В.
Бугаев В. Ф.	Дудко Н. Д. (с. Мильково)
Будько М. В.	Дусенко А. Ф. (с. Мильково)
Бузова В. И. (с. Мильково)	Дьяков Ф. Г.
Буймистрова Г. И.	Дьяков А. Ф.
Бянкин Н. В.	Дыбовская Мария (г. Варшава, Польша)
Вайнштейн И. В.	Евдокимов В. М.
Васильев Д. А. (с. Мильково)	Елфимов А. Г. (г. Тобольск)
Варно Г. В.	Ефимова О. В.
Векслер О. И.	Ефимов Г. В.
Верещага Е. М.	Жданова В. Ф.
Ви Л. В.	Жилин М. Я.
Виноградова В. Л.	Завойко Ю. Н. (Украина)
Витер И. В.	Завражный Ю. Ю.
Войцеховский В. К. (с. Мильково)	Загинайло Л. В.
Ворошилов М. А. (с. Мильково)	Закарян Е. Д.
Ворошилова К. В. (с. Мильково)	Запарин В. Н. (с. Мильково)
Запороцкий М. И. (пос. Центральные Коряки)	Звоник Е. П. (с. Мильково)

Зинченко А. И. (с. Мильково)
 Зорина Л. И. (г. Курган)
 Зуев А. С. (г. Новосибирск)
Иванова Б. С.
 Иванова В. С. (с. Мильково)
 Иванова М. В.
 Иванов И. В. (с. Мильково)
 Игнатий, архиепископ
 Петропавловский и Камчатский
 Ионова В. К.
 Итин М. В. (г. Москва)
Калашников Н. И. (с. Мильково)
 Калинина Т. Н. (с. Мильково)
 Камчатый П. (г. Санкт-Петербург)
 Какорда В. А. (г. Севастополь)
 Кардашевский В. С.
 Карев В. А. (с. Мильково)
 Карпов В. И. (с. Мильково)
 Катаев М. Ф.
 Киселёва Н. С.
 Кныш И. П. (с. Мильково)
 Коваль О. О.
 Ковалёв О. А.
 Кожан С. П.
 Кожемяко О. Н. (КАО)
 Колесников В. А. (с. Мильково)
 Конышева Н. А.
 Комлева Н. М.
 Корбух И. Л.
 Корнев Р. А.
 Корнева Л. А.
 Корчмит В. А.
 Костромин И. А. (с. Мильково)
 Котова Д. С. (с. Мильково)
 Корытова М. А. (с. Мильково)
 Косыгин (Коянто) В. В. (пос. Палана)
 Кравченко В. Т.
 Кравченко А. В. (с. Мильково)
 Красильников А. В. (с. Мильково)
 Крикорьян Ю. Г. (с. Мильково)
 Крылов А. А. (с. Мильково)
 Крысина Е. А. (с. Мильково)
 Кудзин К. К.
 Кузнецова Т. В.
 Кузякина Т. И.
 Кулакова М. П. (г. Елизово)
 Курохтин В. Ю.
 Кучинский Антоний (Польша)
Леонова Г. М.
 Лисаков А. Ю.
 Литвинова Е. А. (с. Мильково)
 Лозовских П. В.
 Лукашов А. А. (г. Москва)
 Лямбрек Н. В. (с. Мильково)
Магдалинов А. С. (с. Мильково)
 Мадсен Марта (США)
 Майданюк Н. Ф. (с. Мильково)
 Макаров Б. А.
 Максименко Л. А. (с. Мильково)
 Маликова Е. В.
 Малютина И. В.
 Манухин Ю. П.
 Медяник В. А. (с. Мильково)

Меджидова-Абашилова Х. М.
 Мезенцев В. Г. (с. Мильково)
 Меньшиков В. И.
 Меркулова О. А. (с. Мильково)
 Микконен В. Г.
 Мирошниченко Н. А. (с. Мильково)
 Михайлова В. З. (с. Мильково)
 Моисеев Р. С.
 Монахов И. Ф. (с. Мильково)
 Морозова Н. А. (с. Мильково)
 Мороховец М. А.
Науменко Т. В.
 Науменко Е. А.
 Наделяев А. Д. (с. Мильково)
 Намжилова Г. Б.
 Неверова Е. Г.
 Нечаев В. И.
 Нечаев А. М. (г. Москва)
 Никольский В. М.
 Никитин Р. А.
Овчаренко Л. В. (г. Елизово)
 Овчинникова А. А. (г. Москва)
 Острык Н. А.
Павлишин Г. Д. (г. Хабаровск)
 Перепеличный М. Е. (с. Мильково)
 Петров Ю. А.
 Печень А. М.
 Пинигин Н. А. (с. Мильково)
 Пискун Н. М.
 Писковецкая Г. С.
 Пирагис А. П.
 Плотникова Е. М. (с. Мильково)
 Плотникова Т. В. (с. Мильково)
 Плотников А. С. (с. Мильково)
 Побережная Н. А.
 Повышева О. А.
 Поддубная Е. В. (пос. Пионерский)
 Пономарёва Т. Н. (с. Мильково)
 Пономарёва А. А. (с. Мильково)
 Поплеваина М. П. (с. Мильково)
 Попов В. И.
 Поротова Л. Г.
 Пташинский А. В.
 Пустовит В. П.
 Пятко А. В. (г. Елизово)
Райгородецкий Г. Р. (США)
 Решетникова Ф. И. (с. Мильково)
 Рогачёв В. А.
 Рождественский О. Ю. (с. Мильково)
 Романов В. П.
 Ружейников В. В. (г. Москва)
 Рыжкова Л. П. (г. Елизово)
 Ряховский Н. В.
Санеева М. Д.
 Самарская Г. П.
 Сафронов А. К. (с. Мильково)
 Сахаров Ф. К.
 Свидрев А. А. (с. Мильково)
 Сергеева Л. И. (с. Мильково)
 Севостьянов К. М. (г. Москва)
 Сиротин Г. Д.
 Скибина Е. В.
 Слободчикова Н. П. (с. Мильково)

Слабука В. В.
 Сметанин А. Н.
 Смышляев А. А.
 Стадник Л. П. (с. Паратунка)
 Стародубов В. В. (с. Мильково)
 Струначев Г. Я.
 Суртаева Д. Г. (с. Мильково)
 Суслов Н. И. (с. Мильково)
 Сушко В. А.
Татаренкова Н. А. (с. Никольское)
 Тимошенко А. В.
 Тихонова А. П.
 Токмаков Н. П.
 Токранов А. М.
 Толман В. И. (с. Мильково)
 Толман И. И. (с. Мильково)
 Трофимов Е. Е. (г. Хабаровск)
Ульянова Н. Л. (с. Мильково)
 Ульянкова З. В.
 Усов Н. Л. (с. Мильково)
 Ушаков Н. Я. (с. Мильково)
Федотов С. А.
 Федоренко Л. В.
 Фёдоров М. Ф. (с. Мильково)
 Фёдоров С. А. (с. Мильково)
 Федорович В. Н. (с. Мильково)
 Фербеков А. И. (г. Санкт-Петербург)
 Филимонов А. В. (с. Мильково)
 Филиппов А. Г.
 Фокин В. Г.
 Фролова А. Н.
 Фролова А. Н. (г. Магадан)
Хазеев Р. Ф.
 Харитоновна М. П.
 Хлевой А. А. (с. Мильково)
 Хольм Ганс Христиан (г. Хорсенс, Дания)
 Хороших В. А. (г. Рыльск)
Чайкин Ф. В. (с. Мильково)
 Челноков Ф. Г.
 Чернягина О. А.
 Черноногова А. М.
 Чечулин Е. И.
 Чика Тангику (г. Токио, Япония)
 Чуян Г. Н.
Шамшин В. А.
 Шведова Т. Н. (с. Мильково)
 Шишкина Р. И. (с. Мильково)
 Шишкина Т. М. (с. Мильково)
 Шостка Е. П.
 Шустовский Алесь (Беларуссия)
Щеглова М. Я.
Эрих Кастен (Германия)
Ютака Ватанабэ (г. Саппоро, Япония)
Яковлева Н. Л. (с. Мильково)
 Якубов В. В. (г. Владивосток)

Организации:

Администрация г. Петропавловска-Камчатского
 Администрация Камчатского края
 Быстринский районный этнографический музей
 Городская дума г. Петропавловска-Камчатского
 Дальневосточное отделение Российской академии наук
 Детская художественная школа г. Петропавловска-Камчатского
 Детский музей села Мильково
 Дирекция по охране государственных заказников и объектов животного мира
 в Камчатской области
 Институт Вулканологии и сейсмологии ДВО РАН
 Камчатский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
 Камчатское отделение Русского Географического общества
 Камчатское отделение Тихоокеанского института географии ДВО РАН
 Камчатское региональное отделение партии «Единая Россия»
 КГУ «Камчатский краевой художественный музей»
 ОАО «Камчатский печатный двор»
 Камчатский областной комитет государственной статистики (Камчатстат)
 Камчатский государственный университет им. В. Беринга
 Камчатский государственный технический университет
 Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова
 Камчатский пограничный отряд
 Камчатский филиал геофизической службы РАН
 Камчатский центр народного творчества
 Камчатское отделение Центробанка России
 Министерство культуры Камчатского края (до 2007 г. — Управление культуры
 Администрации Камчатской области)
 Муниципальное дошкольное образовательное учреждение детский сад № 35

Общественная организация «Камчатская лига независимых экспертов»
Общественная организация «Добровольное общество любителей книги “Книголюб”»
ООО «Дальсвязь»
Отдел культуры, спорта и молодёжной политики посёлка городского типа Усть-Камчатска.
Офис истории и археологии штата Аляска, США
ООО «Архпроект»
Отдел по ветеринарному и фитосанитарному надзору на государственной границе и транспорте Управления федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Камчатскому краю
Петропавловская и Камчатская епархия Русской Православной Церкви
Петропавловск-Камчатский морской торговый порт
Польское этнографическое общество
Приморский государственный объединённый музей имени В. К. Арсеньева
Редакционно-издательский отдел Камчатского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО)
Рыболовецкое предприятие ЗАО «Акрос»
Станция юных туристов г. Петропавловска-Камчатского
Управление труда и социального развития Администрации Камчатского края
Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Камчатского края
Управление ФСБ России по Камчатскому краю
Филиал Дальневосточного государственного университета в г. Петропавловске-Камчатском
Холдинговая компания «Новая книга»

СПАСИБО ВАМ!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бережевская Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник отдела научно-просветительской работы КГУ «Камчатский краевой объединённый музей» (КГУ ККОМ). Родилась на Камчатке в старинном селе Мильково. Окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета. Область научных интересов — история заселения и освоения Камчатки. Принимала участие в традиционных Крашенинниковских чтениях. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Борисов Виктор Иванович, историк, краевед, действительный член Русского Географического общества, главный редактор газеты «Абориген Камчатки». Родился на полуострове. Выпускник исторического факультета Камчатского государственного педагогического института. Область научного интереса — история населённых пунктов Камчатки. Автор пяти книг, сценариев двух фильмов о полуострове. Составитель серии сборников «Пойдём ныне по своему Отечеству...» Публиковался в ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», журнале «Неизвестная Камчатка», автор многочисленных статей в периодических изданиях. Член Союза журналистов России. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Быкасов Валерий Егорович, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. На Камчатке с 1942 г. Специалист в области природного районирования, ландшафтоведения, экологии. За время исследований обошёл пешком почти весь полуостров. Публиковался в журналах «Вопросы географии Камчатки», «Известия РГО», «Известия РАН», «Вестник ДВО РАН». Автор свыше ста научных и более двухсот популярных статей по экологии, экономике, природопользованию. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Волкова Татьяна Васильевна, директор КГУ «Корякский окружной краеведческий музей». Окончила Владивостокский гидрометеорологический техникум, Биробиджанское культпросветучилище (библиотечное отделение), Хабаровский государственный институт культуры (специализация «музейное краеведение»). В Корякском автономном округе (КАО) работает с 1997 г. Автор ряда историко-краеведческих статей, победитель грантовых конкурсов. Отмечена благодарностью губернатора КАО, награждена грамотами Министерства культуры Российской Федерации, Законодательного собрания Камчатского края. Живёт в пос. Палане.

Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела фондовой работы КГУ ККОМ. Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальрыбвтуза. Область научного интереса — история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор десяти книг, более двухсот пятидесяти научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», «Вопросы истории Камчатки». Член Союза писателей России, лауреат премии имени С. П. Крашенинникова. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Гоков Андрей Владимирович, веб-администратор ОАО «Камчатскэнерго», в 1985—1991 гг. научный сотрудник, главный хранитель Камчатского областного краеведческого музея, работал в музее Войск и Сил на Северо-Востоке России, Камчатском областном художественном музее. На Камчатке с 1969 г. Окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. Основная научная тема — «Археология русских поселений Камчатки» утверждена в Северо-Восточном комплексном НИИ ДВНЦ АН СССР. Автор ряда научных статей, публиковался в «Краеведческих записках». Статья «Кража без взлома» написана в 1997 г. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Графская Светлана Владимировна, главный хранитель фондов КГУ ККОМ. На Камчатке с 1986 г. окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета. Автор публикаций по истории мемориальных коллекций, находящихся на хранении в КГУ ККОМ. Участник Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Ефимова Ольга Владиславовна, директор КГУ ККОМ с 2004 г. Родилась на Камчатке. Окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического института по специальности «Английский и немецкий языки», Дальневосточный институт управления, бизнеса и права. В 1985—1996 гг. научный сотрудник Камчатского областного краеведческого музея. Области научных интересов — этнография, история российско-американских отношений, история Русско-Американской компании. Автор ряда публикаций краеведческой направленности, в том числе переведённых с английского языка. Публиковалась в журнале «Неизвестная Камчатка», сборниках Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Коллегов Вадим Георгиевич, ветеран труда, пенсионер, коренной житель Камчатки. Окончил Дальрыбвтуз, инженер-механик промышленного рыболовства. Работал в Камчатском отделении ТИНРО, Камчатрыбпроме, директором Октябрьского рыбокомбината. С 1974 г. инспектор и заместитель председателя областного комитета народного контроля, с 1990 по 2004 г. трудился

в управлении делами администрации Камчатской области. Награждён медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», знаком «Отличник рыбной промышленности СССР». Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Орехов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и истории России Северо-Восточного государственного университета. Область научных интересов — археология Северо-Востока Азии, проблемы приморской адаптации, генезиса и развития приморских культур. Автор ста десяти научных публикаций. Живёт в г. Магадане.

Пасечник Александр Фёдорович, преподаватель Камчатского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса. Родился на Камчатке, окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. Подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Завершает диссертационное исследование по теме «Становление и развитие Камчатской милиции в 1917—1930 гг.». Автор пятнадцати научных публикаций, печатался в журналах «Власть и управление на Дальнем Востоке», «Вестник ДВЮИ» (г. Хабаровск), «Силовые структуры» (г. Иркутск). Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Петров Александр Викторович, документальный фотограф, журналист. Родился в 1966 г. в г. Гомель, Беларусь. На Камчатке с 1981 г. В 1988—1991 гг. жил и работал на Северном Кавказе, в 1996—2002 гг. — на Ближнем Востоке. Автор фотоальбомов «Забятая Камчатка» (2007), «Природный парк Налычево» (2008, в соавторстве с В. Зыковым), «Петропавловск-Камчатский. Двенадцать месяцев» (2010, в соавторстве с И. Вайнштейном). Призёр конкурса «Пресс-фото России-2007». Член Союза журналистов России. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пиразис Александр Петрович, краевед, писатель. На Камчатке с 1954 г. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт, полковник милиции в отставке. Области научного интереса — история камчатской милиции, история г. Петропавловска-Камчатского. Автор трёх книг, свыше ста пятидесяти статей. Публиковался в газетах «Камчатский комсомолец», «Вести», «Комсомольская правда», «Камчатская правда», «Рыбак Камчатки», «Аргументы и факты. Камчатка», ежегоднике «Камчатка», журнале «Неизвестная Камчатка», сборниках материалов Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пташинский Андрей Валентинович, историк, археолог, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, кандидат исторических наук. Родился в Севастополе. На Камчатке с 1958 г. Окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. Области научного интереса — археология, этнография, краеведение. В 1985—1992 гг. научный сотрудник, заместитель директора Камчатского областного краеведческого музея. Автор более шестидесяти научных и учебно-методических работ. Публиковался в «Краеведческих записках», сборниках археологического съезда, материалах Крашенинниковских и Диковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пустовит Валентин Петрович, историк, писатель, на Камчатку приехал в 1953 г. Окончил филологический факультет Камчатского государственного педагогического института. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор пяти книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки», сборниках материалов краевых Крашенинниковских чтений. Член Союза писателей России. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пыжьянова Ольга Алексеевна, старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела КГУ ККОМ. Родилась в г. Улан-Удэ. На Камчатке с 1986 г. Окончила биолого-почвенный факультет Иркутского государственного университета. Общий стаж музейной работы — двадцать лет. Участник создания музея природы Бурятии (г. Улан-Удэ), автор более тридцати выставок, прошедших в КГУ ККОМ. Публиковалась в сборниках трудов ежегодных краеведческих Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Селиванов Борис Иннокентьевич (1936—1994), коренной житель Камчатки. Окончил Дальрыбвтуз, инженер-механик промышленного рыболовства. Работал научным сотрудником Камчатского отделения ТИНРО, старшим инженером и заместителем начальника Управления тралового и рефрижераторного флота. В 1969—1975 гг. — инструктор Камчатского обкома КПСС, в 1975—1986 гг. — секретарь Олюторского райкома КПСС, второй секретарь Корякского окружного комитета КПСС. С 1986 по 1993 г., до ухода на пенсию, трудился начальником Камчатрыбвода. Награждён орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд».

Устинова Татьяна Ивановна (1913—2009), гидрогеолог, первооткрывательница Долины гейзеров на Камчатке. В 1937 г. окончила геологический факультет Харьковского университета. С 1940 г. начала работать в Кроноцком заповеднике. В апреле 1941 г. вместе с проводником А. Крупениным обнаружила Долину гейзеров — первые на территории СССР гейзеры. Автор книги «Камчатские гейзеры» (1955). В 1988 г. переехала в Канаду. Согласно последней воле

исследовательницы, её прах захоронен в Кроноцком заповеднике на склоне долины реки Гейзерной 5 августа 2010 г.

Федорченко Александр Юрьевич, младший научный сотрудник, аспирант лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Многократный участник археологических экспедиций на Камчатке (Ушковские стоянки, 2005—2009), Чукотке (поселение Кивак, 2008) и Магаданской области (ручей Гипотетический, 2010). Председатель Магаданского областного отделения Русского Географического общества. Живёт в г. Магадане.

Филь Владимир Иосифович, старший научный сотрудник лаборатории высших позвоночных Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН, кандидат биологических наук. Родился в Ленинграде. Выпускник факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Работал в Тофаларии (Нижнеудинском районе Иркутской области), Главохоте Казахской ССР, Казахстанском отделении ВНИИОЗа. На Камчатке трудится с 1969 г. Более тридцати лет занимается изучением копытных. Автор более двухсот научных и научно-популярных работ. Соавтор монографий «Снежный баран», «Лось Камчатки» и «Дикий северный олень Камчатки». Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Щукин Аркадий Геннадьевич, журналист. Окончил среднюю школу в г. Армавире Краснодарского края, учился в военном училище, служил в Амурской области. После демобилизации вернулся в Армавир, работал столяром, затем в редакции газеты «Советский Армавир» корреспондентом и заведующим отделом. Окончил юридический факультет Кубанского государственного университета. Двадцать лет проработал на севере Камчатки, двенадцать из них был главным редактором районной газеты. Победитель региональных творческих конкурсов. Член Союза журналистов России с 1979 г. Живёт в г. Армавире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АКО	— Акционерное Камчатское общество
АН	— Академия наук
ВКП(б)	— Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАКАО	— Государственный архив Корякского автономного округа
ГАКК	— Государственный архив Камчатского края
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края
ГАМО	— Государственный архив Магаданской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГПУ	— Государственное политическое управление
ГУМ	— городской универсальный магазин
ДВК	— Дальневосточный край
ДВНЦ	— Дальневосточный научный центр
ДВО	— Дальневосточная область
ДВР	— Дальневосточная республика
ДРК	— Дальневосточный революционный комитет, Дальревком
ЗАГС	— запись актов гражданского состояния
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИТД	— исправительно-трудовой дом
КАО	— Корякский автономный округ
КГОМ	— Камчатский государственный объединённый музей
КГУ	— краевое государственное учреждение
ККОМ	— Камчатский краевой объединённый музей
КОР	— Камчатский оборонительный район
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
КЧГМП	— Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство
КЭЧ	— квартирно-эксплуатационная часть
МВД	— Министерство внутренних дел
МИС	— морская инженерная служба
ММФ	— Министерство морского флота
МОПР	— Международная организация помощи рабочим
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОАО	— окружной административный отдел
ОГПУ	— Объединённое государственное политическое управление
РАО	— районное административное отделение
РГИА ДВ	— Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГО	— Русское Географическое общество
РККА	— Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКМ	— Рабоче-Крестьянская Милиция
РКП(б)	— Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РМО	— районное муниципальное образование
РСФСР	— Российская Советская Социалистическая Федеративная Республика
СВАКАЭ	— Северо-Восточно-Азиатская комплексная археологическая экспедиция
СВГУ	— Северо-Восточный государственный университет
СНК	— Совет Народных Комиссаров, Совнарком
ССПТУ	— сельское среднее профессионально-техническое училище
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
ТОФ	— Тихоокеанский флот
УК	— Уголовный кодекс
ЦК	— Центральный Комитет

Герб Камчатской области,
утвержденный в 1851 г.

Высочайше утверждено:
26-го Апреля 1913 года.

Къ № 39264.

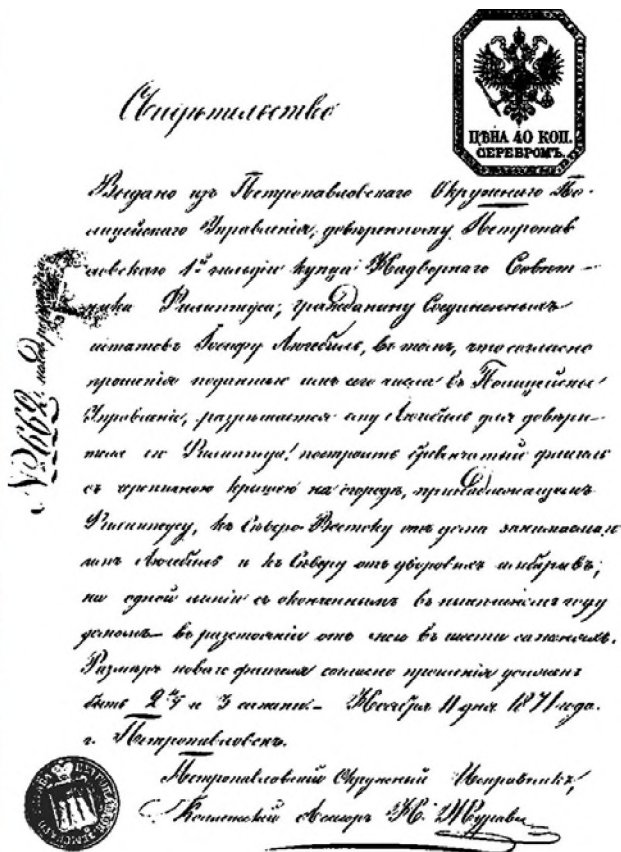
Рисунокъ

герба областного города Петропавловска,
Камчатской области.

Въ серебряномъ щитѣ, три горные сопки, съ исходящими пламенемъ. Щитъ украшенъ золотой багшепной короной и тремя орудіями звѣзды золотыми звѣздами, соединенными Александровскою лентою.

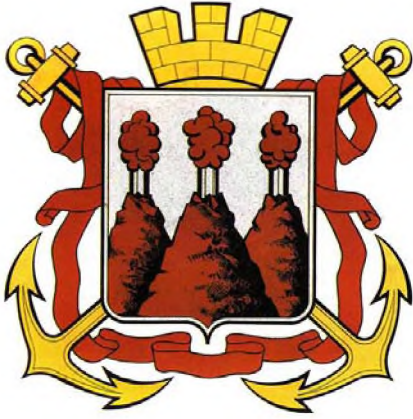
Герб Петропавловска, утверждённый
в 1913 г.

И.д. Помощникъ Управленія Н.К. Копытовскій
Печать Петропавловскаго окружного
полицейскаго управленія, 1871 г.

Камчатские денежные знаки, 1920 г.
(из фондов КГУ ККОМ)

Герб Петропавловска-Камчатского, восстановленный в 1993 г.

Герб Петропавловск-Камчатского городского округа, утверждённый в 2007 г.

Герб города Нижнекамчатска, утверждённый в 1790 г.

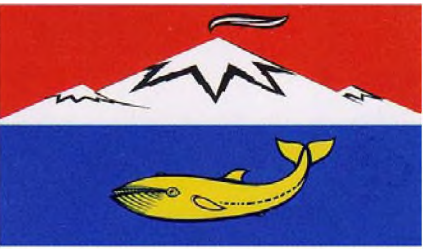
Герб и флаг Камчатской области, утверждённые в 2004 г.

Герб и флаг Корякского автономного округа, утверждённые в 1998 г.

Герб и флаг Камчатского края, утверждённые в 2010 г.

Герб и флаг Усть-Камчатского муниципального района, утверждённые в 2003 г.

Герб и флаг Ключевского сельского поселения, утверждённые в 2007 г.

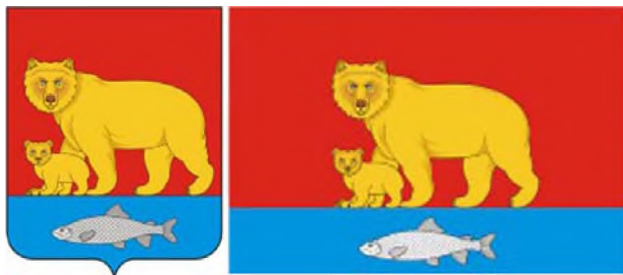
Герб и флаг Усть-Большерецкого муниципального района, утверждённые в 2005 г.

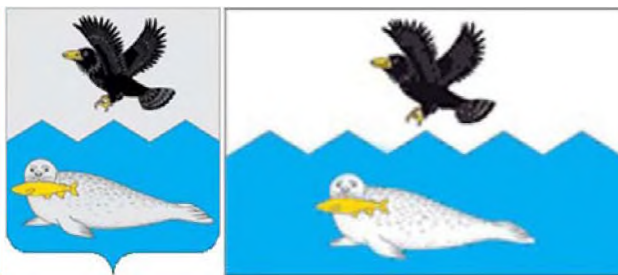
Герб и флаг Соболевского муниципального района, утверждённые в 2006 г.

Герб и флаг Алеутского муниципального района, утверждённые в 2008 г.

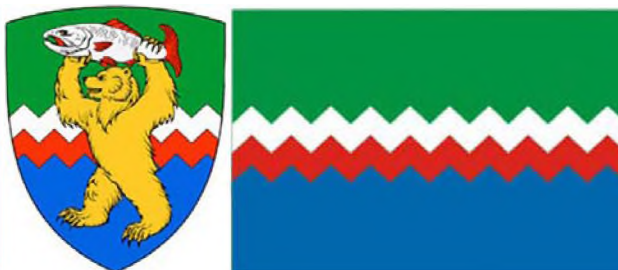
Герб и флаг Карагинского муниципального района, утверждённые в 2008 г.

Герб и флаг Олюторского муниципального района, утверждённые в 2009 г.

Герб и флаг Тигильского муниципального района, утверждённые в 2008 г.

Герб и флаг Елизовского муниципального района, утверждённый в 2010 г.

Здание головного музея краевого государственного учреждения «Камчатский краевой объединённый музей» (КГУ ККОМ), г. Петропавловск-Камчатский, 2009 г.

Отдел КГУ ККОМ в селе Мильково, 2008 г.

В отделе природы постоянной экспозиции головного музея КГУ ККОМ,
г. Петропавловск-Камчатский

Временная выставка головного музея КГУ ККОМ «В одном далёком детстве»,
г. Петропавловск-Камчатский, 2006 г.

Временная выставка головного музея КГУ ККОМ «О праздниках и церемониях
притом совершаемых», г. Петропавловск-Камчатский, 2007 г.

В. В. Санакоев. Рябиновый бисер. Холст, масло, 1986 г. (из фондов КГУ ККОМ)

З. А. Машихина. Декоративная экспозиция «Хололо». Шамот, соли, глазурь, 1978 г. (из фондов КГУ ККОМ)

З. А. Машихина. Чуманы. Керамика, 1970-е гг. (из фондов КГУ ККОМ)

А. И. Попова. Сумка «Ласты нерпы», 1970-е гг. (из фондов КГУ ККОМ)

М. Н. Чечулина. Ковёр меховой «Камчатка», 1990 г. (из фондов КГУ ККОМ)

Экспозиционный зал краевого государственного учреждения «Корякский окружной краеведческий музей» (КГУ КОКМ), посёлок Палана

КГУ КОКМ. Диорама «Лесновский берег»

